

А. А. ШЕВЯКОВ

СОВЕТСКО-
РУМЫНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И ПРОБЛЕМА
ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ
1932-1939

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ СССР

А. А. ШЕВЯКОВ

СОВЕТСКО-
РУМЫНСКИЕ
ОТНОШЕНИЯ
И ПРОБЛЕМА
ЕВРОПЕЙСКОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ

1932—1939

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» МОСКВА 1977

В монографии анализируется состояние советско-румынских отношений в предвоенный период. Показан характер политики правящих кругов королевской Румынии в отношении СССР. Тема раскрывается в тесной связи с мировыми событиями того периода, с борьбой Советского Союза за мир и европейскую безопасность. Раскрывается значение усилий Советского правительства для нормализации советско-румынских отношений, его стремления привлечь Румынию к защите мира в Европе и организации фронта борьбы против агрессии. Особое внимание уделяется освещению двойственной политики руководителей буржуазной Румынии.

Ответственный редактор
академик АН МССР
А. М. ЛАЗАРЕВ

ВВЕДЕНИЕ

Сохранение мира является важнейшим условием строительства коммунизма в нашей стране. Со дня своего рождения Советское государство стремилось к мирному сосуществованию со всеми странами капиталистической системы. Однако империалистов Запада и Японии такое состояние взаимоотношений со страной социализма не устраивало. Они не только организовали экономическую блокаду Советской России, но и двинули свои вооруженные силы против молодой Советской республики. Народы Советской России при активной помощи и поддержке международного пролетариата нанесли интервентам военное и политическое поражение. Но это не означало, что империализм отказался от попыток уничтожить страну социализма.

В начале 30-х годов в условиях крайнего обострения всех противоречий империализма постепенно начал создаваться союз агрессивных государств — Германии, Италии и Японии, которые поставили в порядок дня вопрос о переделе мира и установлении мирового господства. Они бросили вызов Англии, Франции и США, занимавшим после первой мировой войны доминирующее положение среди капиталистических государств. В. И. Ленин отмечал, что «мировое господство» есть, говоря кратко, содержание империалистской политики, продолжением которой является империалистская война¹.

В условиях угрозы новой мировой войны СССР начал упорную борьбу за предотвращение войны, за обуздание агрессоров коллективными усилиями стран, заинтересованных в сохранении мира. Советский Союз стремился установить сотрудничество с Англией, Францией и США. Однако реакционные круги этих государств руководствовались прежде всего не необходимостью обеспечения безопасности, а соображениями классового порядка — ненавистью к социалистическому государству, ко всем прогрессивным силам земли. Они делали все, чтобы направить фашистскую агрессию на восток, против СССР. Своей политикой «невмешательства», «умиротворения» агрессоров правящие круги Англии, Франции и США создали Германии, Италии и Японии условия для подготовки и развязывания второй мировой войны. С той же политикой реакционных кругов Запада

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 30, с. 85.

связано и последующее событие — вероломное нападение стран «оси» в союзе с румынскими, венгерскими и финскими фашистами на Советский Союз.

В распоряжении исторической науки ныне имеется бесчисленное множество доказательств вероломной политики тех, кто вел закулисную игру с гитлеровской Германией. Ведущую роль в этом играли реакционные правящие круги Англии.

Коммунистической партии и Советскому правительству становилось ясно, что Советскому Союзу не избежать вооруженного столкновения с фашистскими агрессорами. Видя эту приближавшуюся опасность, партия и правительство, весь советский народ развернули гигантскую работу по наращиванию военно-экономической мощи Страны Советов. По дипломатической линии Советское правительство делало все возможное, чтобы отдалить время надвигающейся военной бури. Оно обращалось с призывом об организации фронта коллективной защиты от фашистской агрессии к Франции, Англии, странам Центральной и Восточной Европы. Но по вине английских, французских и иных мюнхенцев фронт коллективной защиты мира не был создан.

В глобальной политике антисоветизма существенную роль играли также правящие круги королевской Румынии. Еще при рождении Советского государства империалистические круги Запада отводили королевской Румынии, находившейся в непосредственном соседстве со страной социализма, одну из первых ролей в борьбе против него. Руководители Румынии это понимали. Активно эксплуатируя щедрое финансовое и политическое покровительство Запада, в том числе кайзеровской Германии и Австро-Венгрии, они свою внешнеполитическую деятельность подчинили осуществлению как антисоветских планов всего лагеря капитализма, так и захватнических целей собственной буржуазии.

Королевская Румыния при поддержке империалистических держав в начале 1918 г. захватила Бессарабию. В связи с вторжением румынских войск на территорию Советской Бессарабии основатель Советского государства В. И. Ленин 13(26) января 1918 г. подписал декрет о разрыве дипломатических отношений Советской России с буржуазно-помещичьей Румынией². Одновременно с этим Советским правительством были приняты и другие меры как политического, так и военного характера.

В феврале 1918 г. итальянский посланник при правительстве Румынии граф Фашиотти в качестве старшины дипкорпуса от имени всех союзных посланников в Румынии сделал властям Советской России в Одессе заявление о том, что вступление румынских войск на территорию Бессарабии совершено с целью организации продовольственного снабжения русской и румынской

² Документы внешней политики СССР (далее — ДВП СССР), т. VII. М., 1963, док. 90.

армий и не носит политического характера³, т. е. не направлено на ее захват. Подобное заявление было сделано и в прокламациях, с которыми обратились к бессарабскому населению командующие оккупационной румынской армией в Бессарабии генералы Презан и И. Скина⁴.

Результатом посредничества представителей союзных держав в Одессе было заключение советско-румынского соглашения от 5—9 марта 1918 г., подписанного от имени Румынии премьер-министром А. Авереску, по которому Румыния обязалась в течение 2 месяцев вывести из Бессарабского края свои войска⁵. Однако это соглашение Румынией не было выполнено. Более того, она предприняла новые военно-политические действия, направленные на то, чтобы удержать Бессарабию под своим господством.

Захват Советской Бессарабии, а также присоединение Северной Буковины, где большинство населения составляли украинцы и русские, стали факторами, во многом определявшими внешнюю политику румынских правящих кругов в течение всего межвоенного периода.

В своем протесте против захвата Советской Бессарабии, направленном 18 апреля 1918 г. совету министров Румынии, Советское правительство подчеркивало, что попытки румынских правящих кругов оправдать захват Советской Бессарабии являются открытым нарушением международного права. Присоединение бессарабского края к Румынии, говорится в ноте, «является... насилием над бессарабским населением, единогласно и открыто выразившим свой протест против румынской оккупации»⁶.

Румынские руководящие круги, понимая всю несостоятельность своих утверждений о «добровольном присоединении» Бессарабии к Румынии, решили в целях удержания захваченной советской территории прибегнуть к помощи империалистических стран. Захватнические в отношении Советской России притязания Бухареста премьер-министр И. Братиану изложил в меморандуме от 2 июля 1919 г., адресованном Парижской конференции⁷.

Обращение румынского правительства к лидерам Антанты было рассчитано на то, чтобы они «юридически» закрепили за Румынией Советскую Бессарабию. Но страны Антанты, при всем их благоволении к правящим кругам Румынии, проявили «осторожность», поскольку положение в России, с их точки зрения, было неясным. Специальный протокол, с помощью которого пы-

³ Там же, док. 114.

⁴ Там же.

⁵ ДВП СССР, т. I. М., 1957, док. 90.

⁶ Там же, док. 136.

⁷ Лазарев А. М. Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974, с. 51.

тались «узаконить» аннексию Бессарабии, был подписан в Париже представителями Англии, Франции, Италии, Японии и королевской Румынии лишь 28 октября 1920 г.

Парижский протокол был ничем не прикрытым империалистическим актом стран Антанты. «Акт главных союзных держав,— подчеркивается в ноте Советского правительства правительству Великобритании от 30 апреля 1924 г.,— был вопиющим нарушением не только норм международного права, но и тех обязательств, которые были взяты на себя союзными правительствами и румынским правительством не только по отношению к бывшему российскому правительству, но также и по отношению к Советскому правительству... Бессарабия являлась составной частью Российской империи. Одним из основных принципов международного права... является то, что отчуждение территории не может считаться законным без согласия того государства, которому эта территория принадлежала. Это положение распространяется и на государства, которые находились в состоянии войны друг с другом... Российская империя, однако, не только не находилась в состоянии войны с союзниками, но, наоборот, принимала участие совместно с ними в войне против Центральных держав и принесла в жертву жизни 2,5 млн. русских рабочих и крестьян»⁸.

Антантовские «оракулы справедливости», как они себя рекламировали мировой общественности после первой мировой войны, не хотели считаться и с тем, что для защиты Румынии, потерпевшей жестокое поражение при наступлении против нее германо-австро-венгерских войск, Россия послала на румынскую территорию 15 своих пехотных и 2 кавалерийских корпуса, 7 отдельных кавалерийских дивизий⁹, что составляло четверть действующей русской армии на германском фронте. «Жертвы,— указывалось в декларации Советского правительства, направленной правительству Англии 12 августа 1924 г.,— принесенные Россией для защиты Румынии в течение мировой войны, исчисляются... в 100 тыс. убитых и раненых»¹⁰.

Вопреки надеждам правящих кругов королевской Румынии Парижский протокол от 28 октября 1920 г. не был ратифицирован Японией, т. е. в силу не вступил, а поэтому захват Румынией Бессарабии не получил юридического закрепления даже со стороны империалистических держав.

Отражением враждебной к СССР политики румынских правителей было их отрицательное отношение к возможности участия Советского Союза в работе Дунайской комиссии¹¹, членом которой Россия была с момента ее создания. Советский Союз, являясь придунайской и черноморской державой, был глубоко заинте-

⁸ ДВП СССР, т. VII, док. 114.

⁹ Там же, док. 201.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же, т. VII, док. 87.

ресован в участии в деятельности этой комиссии, поскольку Дунай для СССР являлся одним из наиболее важных путей развития экономических и торговых связей со странами Юго-Восточной и Центральной Европы, в значительной степени влиявших и на политические отношения СССР с этими странами.

Однако румынское правительство при явной поддержке империалистических держав Запада в течение всего межвоенного периода стремилось не допустить положительного решения вопроса о восстановлении права СССР быть членом Дунайской комиссии.

Определяющими факторами глобальной политики победителей в первой мировой войне были территориальные вопросы, рассматривавшиеся на Парижской мирной конференции. К их решению Румыния питала особый интерес¹².

Версальская система договоров (Сен-Жерменский, Трианонский и Нейский), а также военная акция румынского правительства по захвату советской территории породили острейшие политические противоречия и территориальные споры Румынии с Советским Союзом, Венгрией, Болгарией. В таких условиях Румыния принимала все возможные меры, чтобы упрочить свои военно-политические позиции по отношению к соседним странам, с которыми Румыния находилась в острой политической конфронтации в силу территориальных споров. Особую роль Бухарест отводил румыно-польскому военно-политическому союзу, оформленному договором 3 марта 1921 г., инициаторами заключения которого были в равной степени обе стороны. Это соглашение было прямо направлено против СССР, поскольку оно было рассчитано на закрепление за ними территорий, захваченных у Советской России.

Не менее важное значение в укреплении позиций Румынии румынские правители придавали румыно-французскому соглашению о дружбе, подписанному 10 июня 1926 г. Стороны обязались: «Немедленно консультироваться о необходимых действиях, если возникнет угроза их законным национальным интересам и порядку, установленному договорами, которые подписали обе стороны»¹³. Это соглашение было направлено и против СССР¹⁴.

Румынское правительство в межвоенный период не предпринимало шаги, которые говорили бы о стремлении Бухареста разрешить мирным путем территориальные споры с тем или

¹² До 1916 г. Румыния находилась в тайных союзнических отношениях с Центральными державами, а в августе 1916 г.— после длительного торга с боровшимися между собой империалистическими группировками— выступила на стороне Антанты. 9 декабря 1917 г., т. е. за год до окончания первой мировой войны, она капитулировала перед Германией и Австро-Венгрией.

¹³ Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях, вып. II, ч. III. М., 1929, с. 313.

¹⁴ ДВП СССР, т. IX. М., 1964, док. 278.

иным соседним государством. Более того, ответственные политические деятели, журналисты и «ученые» буржуазно-националистического толка permanently выступали в Румынии с новыми территориальными притязаниями к ряду соседних государств, и в первую очередь к Советскому Союзу.

Антанта, удовлетворив основные территориальные притязания румынской правящей элиты, планировала использовать Румынию в качестве орудия любой международной акции на востоке Европы или на Балканах в целях обеспечения империалистических интересов Парижа и Лондона. Об этом говорят такие факты. В 1922 г. королевская Румыния отказалась участвовать в Московской конференции по разоружению¹⁵, сорвала Варшавскую и Венскую советско-румынские конференции (в 1921 и 1924 гг.) по урегулированию политических и территориальных споров между СССР и Румынией, отказалась в 1932 г. подписать советско-румынский пакт о ненападении, отрицательно отнеслась к возможности заключения пакта взаимопомощи с СССР в 1936 г., одобрила аншлюс Австрии и мюнхенский сговор, помогла правителям Англии и Франции завести в тупик советско-англо-французские переговоры 1939 г. об организации коллективного фронта против гитлеровской агрессии.

Стремясь обеспечить сохранение в составе Румынии захваченных ею территорий, руководители буржуазной Румынии постоянно вели политику лавирования. Они искали поддержку у той из империалистических группировок, которая занимала в тот или иной период в Европе доминирующее положение. До середины 30-х годов такое положение занимала Франция с ее союзниками. Среди правящей верхушки королевской Румынии проводником политического курса с ориентацией на Францию был в первую очередь Н. Титулеску. Конкретным выражением этого курса были румыно-польский союз 1921 г., Малая и Балканская Антанты, ориентировавшиеся на Францию. Однако во второй половине 30-х годов положение в Центральной и Западной Европе стало коренным образом меняться. Доминирующее положение в капиталистической Европе стало переходить к гитлеровской Германии и фашистской Италии. Лидеры Румынии решили, что наступил момент, когда они должны переориентироваться на Берлин и Рим.

* * *

Борьбе СССР за сохранение мира, против фашистской агрессии в предвоенные годы посвящено немало коллективных и индивидуальных работ¹⁶. Однако еще не все аспекты этой боль-

¹⁵ ДВП СССР, т. V. М., 1961. док. 265, 293.

¹⁶ История внешней политики СССР, т. I. М., 1976; История Великой Отечественной войны Советского Союза, т. I. М., 1960; История международных отношений и внешней политики СССР, т. I. М., 1961; История дип-

шой и сложной проблемы получили детальную разработку. Одним из них являются советско-румынские отношения за указанный период. Между тем в предпринимаемых усилиях против распространения фашистской агрессии на Восток, к границам нашей страны Советское правительство придавало важное значение этим отношениям и позиции Румынии в складывавшейся международной обстановке в Центральной и Восточной Европе. Но выбор темы вызван не только этими соображениями. Решение автора предпринять попытку разработать и осветить советско-румынские отношения в свете проблем европейской безопасности определялось и такими обстоятельствами, как интенсивно продолжающаяся западной буржуазной историографией фальсификация миролюбивой внешней политики СССР, советско-румынских отношений, преднамеренная клевета на Страну Советов, замалчивание ее роли в борьбе за сохранение мира, против нараставшей опасности фашистской агрессии и намерений гитлеровской Германии установить мировое господство. Западные историки, и в том числе буржуазные румынские политики, бежавшие из своей страны и осевшие в странах Запада, старались и стараются опорочить усилия СССР добиться дружественных отношений со всеми западными соседями и другими государствами Европы. Начало грубого извращения сути внешней политики СССР и советско-румынских отношений было положено румынскими буржуазными политиками и историками международных отношений королевской Румынии. Ими идеализируется внешняя политика буржуазной Румынии¹⁷, совершенно замалчивается при этом ее агрессивный характер. А если речь заходит об открытой борьбе Румынии против Страны Советов, то это выдается за

ломатии, т. III. М., 1965; История СССР, т. IX. М., 1971; История второй мировой войны. 1939—1945, т. I. Зарождение войны М., 1973; т. 2. Накануне войны. М., 1974; Индивидуальные монографические исследования: Поляков В. Г. Англия и мюнхенский сговор. М., 1960; Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии на первом этапе общего кризиса капитализма. 1918—1939. М., 1962; Фомин В. Т. Агрессия фашистской Германии в Европе. М., 1963; Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964; Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964; Волков Ф. Д. СССР — Англия. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны. М., 1964; Фураев В. К. Советско-американские отношения. 1917—1939. М., 1964; Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.). М., 1965; Антюхина-Московченко В. И. СССР и Франция. Советско-французские отношения в 1917—1967 гг. М., 1976; Сиполс В. Я. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг., Рига, 1968; он же. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939 гг. М., 1974; Жилин П. А. Подготовка фашистской Германией войны против СССР. М., 1970; Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. М., 1971; Овсянный И. Д. Тайна, в которой война рождалась. М., 1975 и др.

¹⁷ Gafenco Gr. Prelude to the Russian Campaign. London, 1945; он же. Le dernier jours de l'Europe. Paris, 1946; Connene N. P. Anarchie, dictature on organisation internationale? Geneve, 1946; Sturdza M. Suiside of Europe.

«особую миссию», как бы возложенную на нее западной «цивилизацией».

Внешнеполитические «концепции» довоенной румынской историографии и историографии, созданной румынской белой эмиграцией в послевоенное время, с большим усердием перепеваются на страницах работ ряда историков ФРГ, Англии, Франции, США и других стран¹⁸. Выступая в роли активных проповедников империалистической политики реакционных сил Запада, они оправдывают захватнический в отношении Страны Советов курс румынского королевства, враждебные делу мира дипломатические акции Румынии в межвоенный период и вступление последней в военно-агрессивный союз стран «оси», направленный против СССР.

* * *

Внешняя политика Румынии предвоенного периода освещена в ряде работ советских историков¹⁹. Однако советско-румынские отношения 1932—1939 гг. не получили достаточно полной разработки в этих трудах. Да авторы и не ставили перед собой такой задачи. До выхода в свет тт. XIV—XX «Документов внешней политики СССР» (1969—1976) и сборника документов и материалов «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.)» (1971) при-

Delmont, 1968; *Cretzianu A.* The Soviet Ultimatum to Rumania.—*Journal of Central European Affairs*, vol. 9. January, 1950; *он же.* The Lost Opportunity. London, 1957; *он же.* La politique de paix de la Roumanie à l'égard de l'Union Soviétique. Paris, 1959; *Cioranescu G., Filiti G., Floresco R., Ghermani D., Gorgiu A., Corne N., Neculce N.* Aspects des relations russo-roumaines. Retrospectives et orientations. Paris, 1967 и др.

¹⁸ *Becker I.* Bassarabien und sein Deutschtum. Württemberg, 1966; *Beloff M.* The Foreign Policy of Soviet Russia, vol. I. 1929—1939. London, 1947; *Carr E.* The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939. London, 1939; *Dallen D.* Russia and postwar Europe. New York, 1948; *Fabri Phillip W.* Der Hitlers — Stalin Pakt. 1939—1941. Darmstadt, 1962; *Fisher L.* Russian Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations. 1917—1941. New York, 1969; *Hillgruber A.* Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954; *Klees A.* Rümänisch und moldavisch.—*«Osteuropa»*, 1955, N 4; *Lee W. R.* The Balkans in our time. Cambridge, 1956; *Mazour H.* Russia: Tsarist and Communist. New York — London — Toronto, 1962; *Macshery G.* Stalin, Hitler and Europe, vol. I. The Origins of World War II. 1933—1939. Cleveland, 1968; *Namier L.* Diplomatic Prelude. 1938—1939. London, 1948; *Pauot R.* Le sort des Roumains de Bassarabie.—*«Journal de Genève»*, 7 mai 1965; *Pounds N. I. L.* Eastern Europe. London, 1969; *Seton-Watson H.* Eastern Europe between the Wars. 1918—1945. London, 1946 и др.

¹⁹ История Румынии. 1918—1970. М., 1971; *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1963; *Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963; *Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. М. 1963; *Лазарев А. М.* Молдавская советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974; *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной 1918—1940. Кишинев, 1975.

ступать к освещению советско-румынских отношений периода 1932—1939 гг. было трудно²⁰.

Основываясь на материалах съездов нашей партии, решениях ЦК ВКП(б) и Коммунистического Интернационала, на недавно опубликованных документах Советского правительства, представляющих исключительную ценность, а также на советских документах, помещенных в сборниках «Документы и материалы по истории советско-польских отношений»²¹, на официальных материалах Министерства внешней торговли СССР, ЦГАОРа, трудах виднейших деятелей международного коммунистического и рабочего движения, исследованиях советских историков, автор на общем фоне борьбы СССР за мир и европейскую безопасность дает освещение усилий Советского государства по нормализации отношений с королевской Румынией, показывает их важность для дела мира в Европе, выявляет классовую сущность продолжавшегося до 1934 г. нежелания правящих кругов этой страны установить дипломатические отношения с Советским Союзом, дает анализ позиций правительства и господствовавших классов Румынии в период итальянской агрессии в Эфиопии, испанских событий, аншлюса Австрии, чехословацкого кризиса и мюнхенского сговора, советско-англо-французских переговоров 1939 г. Особое внимание в книге уделяется попыткам Советского правительства привлечь Румынию к общему фронту борьбы против фашистской агрессии, оказать румынскому народу помощь в отстаивании своей независимости перед лицом гитлеровской угрозы. Исследование всех этих аспектов поставленной проблемы доводится до начала второй мировой войны.

Кроме советских документов в работе использованы документальные материалы Историко-дипломатического архива, Государственного архива СРР, Центрального архива Института исторических и социально-политических исследований при ЦК РКП, публикаций «Документы по истории Румынской коммунистической партии»²².

При написании монографии наряду с советскими и румынскими официальными документами широко использованы публикации дипломатических документов правительств Англии,

²⁰ Из взятого в монографии периода только первые два с половиной года (с 1932 г. по июнь 1934 г.) советско-румынских отношений получили определенное освещение в работе Я. М. Копанского и И. Э. Левита «Советско-румынские отношения. 1929—1934», выпущенной в свет в 1971 г. По периоду с 1932 г. по июнь 1934 г. авторы этой работы из серии «Документы внешней политики СССР» смогли использовать только XV том, содержащий документы за 1932 г., поскольку последующие тома вышли из печати после опубликования книги.

²¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. V, VI. VII. М., 1967, 1969, 1973.

²² *Documente din istoria Partidului Comunist din România*, vol. I—IV. Buc., 1953—1957.

Франции, Германии, Италии, США, Польши и Чехословакии²³.

Важнейшим источником для исследования темы явилась советская и зарубежная печать. Из научных материалов зарубежных обществоведов особое значение представляют опубликованные в 50-х годах статьи румынских историков В. Варги, Ж. Бендистер, М. Русенеску, Е. Кампус и других²⁴, которые с марксистско-ленинских позиций дали оценку политики королевской Румынии в отношении СССР.

При освещении темы автором привлечены также работы других зарубежных историков²⁵.

Автор считает своим долгом выразить сердечную признательность ряду сотрудников Института истории СССР АН СССР за ценные советы и дружеские пожелания, за помощь в подготовке данной работы. Автор искренне благодарен ответственному редактору академику АН МССР А. М. Лазареву, рецензентам монографии профессорам Л. Н. Кутакову, И. Д. Остоя-Овсяному, кандидатам наук С. В. Покровскому и А. В. Антосяку за ценные замечания, позволившие улучшить работу.

²³ Documents on British Foreign Policy. 1929—1939; Documents Diplomatiques français. 1932—1939; Documents on German Foreign Policy. 1933—1941; Documenti diplomatici italiani. 1935—1940; Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1933—1939; Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.

²⁴ Varga V. A. Atitudinea guvernului român burghezo-moşieresc faţă de tratativele anglo-franco-sovietice din anul 1939.— «Studii», 1960, N 4; Benditer J. Atitudinea guvernului român faţă de Cehoslovacia în lunile premergătoare Munchenului.— «Studii», 1956, N 5; Rusenescu M. Stabilirea relaţiilor diplomatice între România şi URSS în anul 1934; Campus E. Aspecte ale politicii externe a României în etapa postmuncheneză — «Studii şi materiale de istorie contemporană», vol. I. Buc., 1956; Safta S. Aspecte din înarmarea României... împotriva URSS — «Studii», 1955, N 4 и др.

²⁵ Работы буржуазных авторов указаны ранее. Кроме них автором использованы монографические исследования историков из социалистических стран, а именно: Roller M. Istoria României. Buc., 1951; Niri A. Istoricul unui tratat înrobitor. Buc., 1965; Oprea I. M. Nicolae Titulescu. Buc., 1966; он же; O etapa rodnică din istoria relaţiilor diplomatice româno-sovietice. 1928—1936. Buc., 1967; Campus E. Mica Înţelegere. Buc., 1968; она же; Înţelegerea Balcanică. Buc., 1972; Popişteanu C. România şi Antanta Balcanică. Buc., 1968; Kral V. Spojenectví Československo-sovětské v evropské politice. 1935—1939. Praha, 1970; Matei Gh. Dezarmarea în contextul problemelor internaţionale şi atitudinea României. 1919—1934. Buc., 1971; Moisuc V. Diplomaţia României şi problema apărării suverunităţii şi independenţei naţionale în perioada marşie 1938—mai 1940. Buc., 1971; Împotriva fascismului. Buc., 1971; Tradiţii de solidaritate internaţionalistă româno-sovietice. Buc., 1972; Zaharia Gh., Cupsa I., Vianu Al. Al doilea război mondial. Buc., 1975 и др.

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПАКТОВ О НЕНАПАДЕНИИ И ЛОНДОНСКИХ КОНВЕНЦИЙ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССОРА (1932—1933 гг.)

В начале 30-х годов мир капитализма в целом еще не отказался от политики непризнания Советского государства. Достаточно сказать, что к этому времени многие страны капиталистического мира, среди которых находились и США, еще не имели дипломатических отношений с Советским Союзом. Это было одной из самых чувствительных форм антисоветской политики. Даже при подписании пакта Бриана-Келлога в 1928 г. целый ряд стран сделал оговорки. «Отказываясь» от войны как средства национальной политики, некоторые государства оставили за собой свободу действий — вопреки пакту — для определенных случаев или для некоторых районов земного шара. А каковы эти случаи или районы, эти государства предполагали определить по собственному разумению. Советское правительство, естественно, не могло не считаться с этим фактом при дальнейшем проведении своей внешней политики.

Буржуазный пацифизм, временно родившийся после кровопролитной войны империалистических хищников, приведшей к предельному истощению военных и экономических сил ряда воевавших стран, в рассматриваемые годы таял как весенний снег. Женевская международная конференция по разоружению, инициаторы которой надеялись продлить иллюзии буржуазного пацифизма, после своей годичной работы (открылась 2 февраля 1932 г.) зашла в тупик и по существу находилась в безжизненном состоянии. И это в силу того, что вызванные первой мировой войной и революционной бурей потрясения в политическом, экономическом и социальном строе капиталистического мира не прекратились, а продолжали расширяться и оказывать свое действие. Антагонизм между государствами возрастал как количественно, так и качественно. Внесенные на Женевской конференции советские предложения о полном разоружении, о полном уничтожении средств войны империалисты Запада и Востока полностью игнорировали.

Более того, готовясь к новой войне, они возобновили и усилили гонку вооружений. Особый размах она получила в реваншистских странах Европы, в Японии. Правители этих стран воспитывали все подрастающее поколение в милитаристском духе. Оживлялись средневековые лженаучные теории о превосходстве одних народов над другими и превозносилось право некоторых

народов господствовать над другими народами и даже истреблять их. Наука, литература, искусство — все подчинялось интересам милитаризации воспитания.

При реализации задач, поставленных западной дипломатией, велись поиски и соответствующих форм общения. Более или менее открытые и гласные международные конференции оказывались уже устаревшим методом международного общения, уступая место более ограниченным, негласным встречам буржуазных дипломатов, а от существовавших международных организаций начало отворачиваться одно государство за другим. О мире, о разоружении говорили публично, а о войне, о вооружениях старались чаще всего беседовать с глазу на глаз, в узком кругу.

Милитаризация, гонка вооружений подталкивались не только целями территориальных захватов или сохранения территориальных приобретений, но и экономическим состоянием тех или иных капиталистических стран. Зловещим эхом была развернувшаяся и принявшая острые формы торгово-экономическая война между ведущими империалистическими государствами. Экономическая война со стороны капиталистического мира еще более острую форму приняла против СССР. Хотя международная экономическая конференция (г. Женева) 1927 г. и признала принцип мирного сосуществования двух систем — капиталистической и социалистической, но этот принцип далеко не всеми странами проводился в жизнь. В экономической области в отношении СССР сохранялись специальные барьеры, препятствовавшие свободному развитию экономических отношений Советского государства со странами капитализма. Некоторые страны, устранившие было эти барьеры, время от времени воздвигали их вновь. Советский Союз же строго придерживался принципа мирного сосуществования и был противником враждебных акций во всех областях международной жизни. Если он и прибегал к экономическим репрессалиям, то лишь в качестве ответной меры.

Отказ от поисков путей мирного решения политических и экономических проблем должен был неизбежно привести к взрыву мирового конфликта. Тревожными сигналами этого служили, например, такие факты. В сентябре 1931 г. занялся заревом войны Дальний Восток. Непокойно становилось и в Европе. Шовинистические и реваншистские круги веймарской Германии во главе с фон Папеном и Гинденбургом, добившись в начале июля 1932 г. на Лозаннской конференции отмены репарационных платежей¹, развернули с новой силой борьбу за «равенство» Германии в вооружениях. И своей цели они легко добились. Под «угрозой» Берлина покинуть конференцию по разору-

жению пять ведущих держав Запада 12 декабря 1932 г. в Женеве приняли решение о признании за Германией права «равенства в вооружениях». Роковое для дела мира решение было достигнуто при участии Англии, США и Италии. Опасаясь оказаться изолированным, правительство Франции тоже согласилось с требованиями Германии².

Удовлетворение требований германских империалистов укрепляло их в решении пойти на обострение отношений с Советским Союзом. В плане межгосударственных политических отношений руководители Германии не только отказались продлить советско-германский пакт о ненападении, дружбе и нейтралитете от 1926 г., срок которого истек 30 июня 1931 г.³, но и вынашивали планы создания единого антисоветского фронта империалистических держав. «Не подлежит никакому сомнению,— указывалось в годовом отчете полпредства СССР в Германии за 1932 г.,— что им (Папеном) сделаны были, особенно в Лозанне и в связи с нею, прямые попытки... достигнуть соглашения с Францией ценой создания военного союза с включением в него Польши для «борьбы с большевизмом»... никогда раньше идея «крестового похода» против СССР не бралась с такой серьезностью, как в эпоху кабинета Папена»⁴.

При правительстве Папена и заменившего его Шлейхера усилились антисоветские выступления реакционных органов германской печати против полпредства и торгпредства СССР в Германии⁵, участились «полицейские акции», объектом которых явились как отдельные сотрудники советских учреждений в Германии, так и все генеральное консульство СССР в Кенигсберге и консульство в Штеттине⁶, систематическому преследованию подвергались корреспонденты газет «Правды» и «Известий». По вине германских властей в 1932 г. серьезно ухудшились советско-германские экономические отношения. Введением протекционизма и усилением антисоветской политики правительство Германии поставило под удар важнейшие статьи советского экспорта и вызвало дальнейший рост пассивного торгового баланса СССР в советско-германской торговле. На советско-германских финансовых переговорах, состоявшихся по инициативе советской стороны в связи с создавшимся положением, представители Германии оказывали жестокое сопротивление советским

² Там же, с. 812.

³ Московский протокол о бессрочном продлении этого договора, подписанный 24 июня 1931 г., Германией был ратифицирован лишь 13 апреля 1933 г. Основным политическим фактором, подтолкнувшим Берлин на ратификацию, была боязнь перспективы советско-французского сближения, открывавшейся после подписания пакта о ненападении между СССР и Францией, а также желание как-то временно закамуфлировать агрессивный курс в отношении Советского Союза.

⁴ ДВП СССР, т. XV, с. 780.

⁵ Там же, док. 325.

⁶ Там же, док. 317, 320, 325, 337.

предложениям⁷. Особенно ожесточенно велась кампания против торговли с Советским Союзом под флагом «неплатежеспособности СССР» с целью помешать развитию экономических отношений СССР с Германией и другими странами и затруднить получение Советским правительством кредитов для импорта⁸.

Для антисоветских выступлений германская печать широко использовала и такой повод, как покушение на советника германского посольства в СССР фон Твардовского⁹.

Проводя враждебный Советскому Союзу курс, правители Германии продолжали заверять советских дипломатов в своем желании «укрепить» советско-германские политические и экономические отношения. Эти «дружеские» чувства демонстрировались при беседах руководителей Германии и германской внешней политики Ф. Папена, Шлейхера и К. Нейрата с наркомом Литвиновым и советским полпредом в Берлине Л. М. Хинчуком, имевших место в сентябре и декабре 1932 г.¹⁰

С приходом к власти германских фашистов в январе 1933 г. и расширением японской агрессии в Китае опасные для мира тенденции приняли остро драматический характер. Реваншистские силы гитлеровской Германии и военные круги милитаристской Японии, поощряемые реакционными кругами Запада, усилили опасность военных столкновений и поставили на очередь дня войну как средство нового передела мира и сфер влияния. «Банкротство международной конференции по разоружению,— отмечал Н. М. Шверник на заседании Антивоенного комитета Советского Союза с участием членов Международного антифашистского комитета Вайяна Кутюрье и Марто,— означает открытую ставку на вооружение, открытую подготовку к насильственному пересмотру Версальского мира... Мы должны прямо сказать, что никогда еще опасность новой мировой войны не была столь близка и столь актуальна, как в данный момент»¹¹.

Взоры руководящей клики фашистской Германии были обращены в первую очередь на Восток, который должен был подвергнуться, по заявлению «фюрера» на секретном совещании с главнокомандующими армии и флота 3 февраля 1933 г., «бес-

⁷ ДВП СССР, т. XV, с. 780.

⁸ Там же.

⁹ Покушение было совершено 5 марта 1932 г. И. Штерном и С. Васильевым по заданию польской контрреволюции с целью спровоцировать разрыв дипломатических отношений между СССР и Германией и тем самым вызвать ухудшение международного положения Советского Союза. На следствии Штерн показал, что он хотел убить не Твардовского, а самого германского посла фон Дирксена, и он был уверен, что стреляет в Г. Дирксена. Военная коллегия Верховного суда СССР 6 апреля 1932 г. приговорила Штерна и Васильева к высшей мере наказания — расстрелу. — «Известия», 5, 6, 7. апреля 1932 г.

¹⁰ ДВП СССР, т. XV, док. 372, 487, 493

¹¹ ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13а, д. 504, л. 4—5.

пошадной германизации»¹². «Просторы России являются нашей Индией», — говорил «фюрер» в близком кругу своих единомышленников. Заранее было решено расчленить советскую территорию вплоть до Урала и Кавказа по западному побережью Каспийского моря на четыре «рейхскомиссариата». Захватнические замыслы гитлеровцев были прямым продолжением экспансионистских идей «пангерманистов». Но третий рейх сделал главной целью своей внешней политики поход против СССР. Кайзеровская Германия считала, что ее будущее в первую очередь «покоится на морях», Гитлер же в «Майн Кампф» начертал путь возвращения на кровавую тропу тевтонских рыцарей, получившую в истории название «Дранг нах Остен» («Натиск на восток»). Но курс «Дранг нах Остен» отнюдь не исключал направлений германской агрессии и в сторону Юго-Западной и Западной Европы¹³.

Развивая провокационный тезис о немецком народе «без жизненного пространства», канцлер утверждал, что политика мира «опасна», так как «ведет народ к слабости». Опираясь на эту псевдонаучную аргументацию, «фюрер» взял курс на подготовку и развязывание войны.

Внешнеполитическая программа Германии в отношении Востока, изложенная в книге «Майн Кампф», с приходом фашистов к власти не только не маскировалась, но, наоборот, стала подчеркнуто звучать в официальных речах и беседах германских политиков. Спустя месяц после установления фашистской диктатуры Гитлер на предвыборном митинге в берлинском Шпортпаласте (2 марта) выступил с неслыханно оскорбительными выпадами в адрес СССР, что никак не согласовывалось с отношениями между Советским Союзом и Германией, находившимися в дипломатических связях. Советское правительство было вынуждено выразить протест¹⁴. А в начале мая в интервью корреспонденту английской газеты «Дейли телеграф» рейхсканцлер пошел еще дальше, заявив, что Германия целиком занята поисками «жизненного пространства» на востоке Европы¹⁵. Таким образом, с установлением нацистского режима в Германии под угрозой военной опасности оказались в первую очередь СССР и другие страны Восточной Европы. При реализации этих планов Германия рассчитывала, что «Англия и Америка в борьбу вмешиваться не будут»¹⁶, в чем она почти полностью оказалась права.

¹² «Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion 1940/41». Bonn, 1970, S. 51 f.

¹³ *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась. М., 1975, с. 16.

¹⁴ ДВП СССР, т. XVI, М., 1970, док. 57, 59, 62, 65.

¹⁵ Там же, с. 817.

¹⁶ Там же, док. 329.

1. ПАКТЫ О НЕНАПАДЕНИИ И ИХ ЗНАЧЕНИЕ
ДЛЯ БЕЗОПАСНОСТИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ.
СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ
О ЗАКЛЮЧЕНИИ ДОГОВОРА О НЕНАПАДЕНИИ

Отдавая ясный отчет в надвигавшейся опасности, Советское правительство предпринимало энергичные меры, чтобы не дать возможности укрепиться антисоветскому фронту империалистических сил. В этих целях Советский Союз широко использовал свой политический авторитет среди демократических сил Запада, усилившиеся межимпериалистические противоречия, предпринимал целый ряд дипломатических акций. Важнейшим из них было предложение о полном разоружении, внесенное Советским правительством 11 февраля 1932 г. на Международной конференции по сокращению и ограничению вооружений¹⁷. Предложение о полном разоружении Советский Союз считал наилучшим средством против войны и максимальной гарантией всеобщего мира. К сожалению, оно было отклонено как «непрактичное».

Однако руководители Советского Союза не отрицали значения и других средств укрепления мира. Одной из радикальных мер борьбы СССР за мир, за мирное сосуществование социалистического государства со странами капитализма явилось возобновление Советским правительством предложений о заключении двусторонних пактов о ненападении, находившихся в прямой связи с пактом Бриана-Келлога, но носивших более конкретный и целеустремленный характер. Советское правительство предлагало пакты о ненападении всем государствам¹⁸. Но далеко не все из них принимали эти предложения. Заключить с СССР пакты о ненападении категорически отказалась Япония и ряд других государств.

Очень важным для улучшения внешнеполитических позиций Советского Союза являлась нормализация советско-французских отношений. Со времени установления дипломатических отношений с Францией (30 октября 1924 г.) Советское правительство в течение 1926—1928 гг. трижды предлагало ей заключить договор о ненападении, но всякий раз наталкивалось на препятствия. Французское правительство заключение советско-французского пакта стремилось обусловить согласием со стороны Советского Союза на уплату царских долгов и возврат французским промышленникам собственности, национализированной после Великой Октябрьской социалистической революции. С этими требованиями СССР не мог согласиться.

Изменение отношения Франции к заключению договора наступило лишь в 1931 г. С углублением мирового экономическо-

¹⁷ «Известия», 1932, 12 февраля.

¹⁸ Там же.

го кризиса все сильнее нарастали противоречия между капиталистическими странами, и в первую очередь противоречия между странами-победительницами и странами, побежденными в первой мировой войне. Особую остроту начало принимать германо-французское противоборство. В нарушение Версальского договора Германия скрытно восстанавливала свой военно-экономический потенциал. Германские реваншистские круги, поддержанные Италией, считавшей себя «обиженной» при дележе «наследства» побежденных стран, открыто требовали пересмотра мирных договоров. Все это не могло не вызвать серьезного беспокойства руководящих кругов Франции — ревностных защитников Версальской системы. Немалую озабоченность Парижа вызывала и английская традиционная политика «равновесия сил» в Европе, которая объективно усиливала позиции Германии. В резерве французской дипломатии оставались только союзы с Польшей и странами Малой Антанты. Но в военном отношении они были малоэффективны.

Чтобы укрепить свои политические позиции в Европе и не оказаться в дипломатической изоляции, 20 апреля 1931 г. французское правительство заявило советскому полпреду В. С. Довгалевскому, что оно готово вступить в переговоры с Советским Союзом о заключении пакта о ненападении и торгового соглашения¹⁹. Переговоры о пакте начались в начале мая, о торговом соглашении — в июне. По вине французской стороны переговоры проходили медленно. Наиболее реакционные круги, тесно связанные с военно-промышленными концернами и генеральным штабом французской армии, яро выступили против пакта. В советско-французском сближении они видели препятствие на пути реализации давно вынашивавшихся ими планов создания антисоветского блока во главе с Францией. Не желая отойти от своих империалистических целей в отношении СССР, они стремились сорвать переговоры с Советским правительством. Советско-французский пакт Францией был парафирован только 10 августа 1931 г.

Французское правительство заключение советско-французского договора рассчитывало обусловить и подписанием советско-польского и советско-румынского договоров²⁰. Однако Советское правительство не желало ставить судьбу советско-французского договора в зависимость от прихотей Варшавы и Бухареста²¹.

Переговоры о заключении советско-польского договора о ненападении в свое время (в 1926—1927 гг.) также велись. Но не вина советской стороны, что они оказались безрезультатными.

¹⁹ ДВП СССР, т. XIV. М., 1968, док. 118.

²⁰ Там же, док. 273; Documents diplomatiques français (1932—1939), serie I (1932—1935) (далее — DDF), t. I. Paris, 1964, doc. 134.

²¹ ДВП СССР, т. XIV, док. 273.

Не проявляя стремления к возобновлению переговоров, правящие круги Польши в середине 1930 г. и во второй половине 1931 г., т. е. спустя три года после прекращения переговоров, не раз пытались спекулировать идеей заключения польско-советского договора в целях укрепления своих позиций перед империалистической Германией. Советское правительство было вынуждено только в течение августа 1931 г. трижды выступить с опровержением этих спекуляций²². М. М. Литвинов при встрече с представителями иностранной печати в Берлине 28 августа заявил: «Слухи о том, что будто бы Советское правительство в августе 1930 г. возобновило свое предложение Польше, являются сплошным вымыслом»²³.

Перспективы возобновления советско-польских переговоров начали складываться только в октябре 1931 г. Начало этому было положено беседой Ф. Бертело — одного из руководителей Кэ де'Орсэ с министром иностранных дел Польши А. Залесским. Основываясь на заявлении Бертело, советский полпред в Париже 6 октября телеграфировал наркому, что Залесский, ознакомившись в Париже с текстом парафированного советско-французского пакта, заявил, что его редакция приемлема и для советско-польского договора²⁴. С получением этих известий Литвинов 14 октября пригласил к себе польского поверенного в делах и предложил ему запросить свое правительство, готово ли оно подписать с Советским правительством «такой же пакт о ненападении, какой парафирован советско-французскими уполномоченными?»²⁵

Поставленный Советским правительством вопрос повис в воздухе. Спустя некоторое время польское правительство фактически дезавуировало заявление Залесского, сделанное генеральному секретарю МИД Франции. Польский посланник С. Патек в беседе с Литвиновым прямо заявил, что польское правительство «не считает подходящим для Польши советско-французский пакт»²⁶. Однако под угрозой германских притязаний на польские земли, о чем Курциус — министр иностранных дел Германии — открыто заявил английскому послу в Берлине²⁷, польское правительство 21 ноября 1931 г. приняло предложение М. М. Литвинова возобновить переговоры о пакте²⁸. В результате обмена мнениями М. М. Литвинова с Патеком за основу был взят советский проект с дополнением польских поправок²⁹. Имея в

²² ДВП СССР, т. XIV, док. 253, 254, 255.

²³ Там же, док. 255.

²⁴ Там же, док. 290.

²⁵ Там же, док. 296.

²⁶ Там же, док. 338.

²⁷ Documents of British Foreign Policy (далее — DBFP), series II, vol., I, London, 1947, p. 490—491.

²⁸ ДВП СССР, т. XIV, док. 352.

²⁹ Там же, с. 768.

виду польские поправки, М. М. Литвинов заявил польскому дипломату, что Советское правительство не может согласиться со стремлениями Польши связывать судьбу советско-польского договора с заключением подобных пактов между СССР и остальными его западными соседями, включая Румынию³⁰. Независимо от пожелания Польши, продолжал глава советского дипломатического ведомства, СССР давно уже предлагал Прибалтийским странам заключить пакты о ненападении. Но не вина Советского Союза, что эти предложения не встретили положительной реакции. В случае же, если бы Польша подписала с СССР пакт, подчеркивал М. М. Литвинов, «на следующий день примеру Польши последовали бы все Прибалтийские страны. Несколько сложнее обстоит дело с Румынией, с которой у нас нет никаких отношений, а имеется территориальный спор. Как мы ни ценим пакт с Польшей, мы не можем, однако, из-за него отказаться от Бессарабии. А что мы не намерены разрешать этот спор силой оружия, мы доказали привлечением Румынии к подписанию Московского протокола... Если бы Румыния сделала нам предложение..., то мы благожелательно рассмотрели бы его, но опять-таки переговоры об этом должны вестись непосредственно между нами и Румынией»³¹.

Судя по последующим событиям, есть все основания полагать, что последняя часть ответа М. М. Литвинова поляками была доведена до сведения румынского правительства.

О целесообразности вступления в переговоры с СССР Румыния 25 ноября 1931 г. запросила мнение Франции. На второй день румынский посланник в Париже К. Чесяну сообщил своему правительству, что французское правительство одобряет прямые переговоры с СССР³².

Начать переговоры с Советским правительством правительство Румынии дало согласие 5 декабря 1931 г.³³ Местом переговоров была избрана Рига.

О намерении Румынии вступить в переговоры с СССР скоро стало известно органам румынской и зарубежной печати. «Готовность» короля и его правительства пойти на переговоры румынская буржуазная пресса преподносила как необходимую меру защиты (мыслилось, что спокойствие на востоке укрепит румынские позиции на западных границах) версальской системы, в сохранении которой они испытывали особую заинтересованность. В решении румынского королевства пойти на переговоры огромную роль играл факт начавшихся переговоров Советского

³⁰ Там же, док. 338, Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. V. М., 1967, док. 306.

³¹ ДВП СССР, т. XIV, док. 338.

³² *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Советско-румынские отношения (1929—1934). М., 1971, с. 79.

³³ ДВП СССР, т. XIV, с. 830.

Союза с Францией и Польшей. В складывавшейся ситуации выглядело бы слишком одиозным, если бы Румыния не проявила интереса к «нормализации» отношений с великим восточным соседом. Отрыв от единой политической линии Париж — Варшава — Бухарест был бы чреват невыгодными для Бухареста последствиями. К тому же правящие круги королевства были уверены, что при активном содействии Франции и Польши, вступивших уже в переговоры с Москвой, им удастся добиться от Советского Союза определенных уступок в территориальном вопросе. Только так ставилась эта острая для Румынии проблема на совещании у короля, посвященном обсуждению инструкции для румынской делегации на переговорах в Риге. Участники совещания — король, премьер-министр Н. Йорга, министр иностранных дел Д. Гика — выработали для включения в пакт такую формулу, которая давала бы возможность рассматривать Бессарабию румынской территорией³⁴.

Румынские руководители не хотели считаться с тем, что еще по советско-румынскому договору от 5—9 марта 1918 г. Румыния обязалась перед Советской Россией вернуть последней Бессарабию, незаконно оккупированную румынскими войсками в начале 1918 г. Неправомерность удержания Румынией советской территории и провал румынской колонизаторской политики признавала даже французская буржуазная пресса. В октябре 1932 г. орган французских радикалов «Республик» писал, что «молдавское население сохранило несомненные симпатии к России. Румыния после войны не сумела привлечь на свою сторону бессарабцев»³⁵. Антирумынское настроение трудящихся оккупированного края время от времени были вынуждены признавать представители правящих классов Румынии. Один из махровых румынизаторов профессор О. Гибу писал: «По духу своему Бессарабия теперь несравненно более русская, чем в 1918 г., там ... и сегодня русский язык остается языком первого ранга, а дух русский всюду господствует, и сейчас в городах почти все охотно говорят по-русски и читают чаще всего русскую прессу, всячески препятствующую утверждению румынизации»³⁶. Обвинительным актом в адрес румынских правителей было высказывание известного румынского юриста и прогрессивного деятеля Н. Д. Коча. На процессе над молдавскими революционерами он заявил: «Имеем ли мы право требовать от бессарабцев, русских, евреев и даже бессарабских молдаван, чтобы они любили румын и не предпочитали им русских? Что сделали мы... чтобы привлечь к себе симпатии бессарабцев?.. ... Русская революция дала им все права и все свободы. Что

³⁴ *Iorga N. Memorii*, vol. VI, Buc. 1939, p. 274.

³⁵ Цит. по: «Правда», 1932, 13 октября.

³⁶ «Universul», 3.IX 1936.

им дали взамен? Жандармов! Агентов сигуранцы! Грабителей — сборщиков налогов!»³⁷

Судя по записи беседы замнаркома Л. М. Карахана с турецким послом в Москве, из всех румынских друзей только Турция рекомендовала Бухаресту «отказаться от прежней непримиримой позиции в отношении Бессарабии»³⁸.

Касаясь ситуации, сложившейся к моменту советско-румынских переговоров, румынский историк М. Русенеску отмечает, что «румынская дипломатия, поддерживавшаяся империалистическим Западом, с нетерпением ожидала момента, когда Советское государство окажется в таком положении, что будет вынуждено признать Бессарабию румынской провинцией»³⁹.

В самой Румынии подготовка к переговорам с СССР шла в обстановке политического ажиотажа и открытых требований территориальных уступок со стороны Советского Союза. «С румынской точки зрения пакт о ненападении с Советским Союзом нельзя рассматривать и он не будет, конечно, рассматриваться в ином плане, как на основе территориального статус-кво», — писала 30 декабря 1931 г. газета «Вииторул» — орган национал-либеральной партии. Ту же самую мысль проводила и другая весьма влиятельная румынская газета — «беспартийная» «Универсул»⁴⁰.

Враждебную в отношении СССР позицию румынских правящих классов активно поддерживали реакционные круги Франции и Польши, стремившиеся не допустить смягчения напряженности между Советским государством и его западными соседями и рассчитывавшие трудности в советско-румынских переговорах использовать для срыва заключения советско-французского пакта.

Советско-румынские переговоры начались 6 января 1932 г. Полномочным представителем Советского правительства на них был член коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков. Румынию представлял поверенный в делах в Риге князь М. Стурдза. Каждая из сторон представила собственный проект договора⁴¹.

Ознакомившись с румынским проектом, советский делегат определенно мог констатировать, что румынские лидеры при его составлении руководствовались не стремлением упрочить мир и наладить добрососедские отношения с великим советским соседом, а тем, чтобы утвердить юридически свое господство над Бессарабией.

³⁷ Цит. по кн.: Лазарев А. М. Указ. соч., с. 257.

³⁸ ДВП СССР, т. XV, док. I.

³⁹ *Rusenescu M. Stabilirea relatiilor diplomatice între România și URSS în anul 1934.* — «Studii și materiale de istorie contemporană», vol. 1. Buc. 1956, p. 195.

⁴⁰ «Universul», 31.XII 1931.

⁴¹ ДВП СССР, т. XV, док. 3.

Обсуждение проектов пакта с самого начала выявило серьезные разногласия. Советскому правительству не требовалась особая проницательность, чтобы разгадать практические цели Бухареста. В телеграмме Стомонякову, направленной 7 января, нарком М. М. Литвинов указывал: «Мы не можем признавать в пакте с Румынией ссылок на ранее заключенные международные договоры, под которыми румыны подразумевают и... протокол о Бессарабии. Недопустимо также какое бы то ни было упоминание о целостности территории... Мы будем избегать формулировок, под которыми можно было бы понимать хотя бы отдаленнейшее признание аннексии Бессарабии»⁴². На заседании глав делегаций 7 января Б. С. Стомоняков заявил, что основные посылки румынского проекта для советской стороны совершенно неприемлемы. «Советское правительство,— подчеркивал полномочный Москвы,— давая согласие на переговоры, исходило лишь из интересов обеспечения мира и никаких других целей не преследовало, в то время как румынское правительство стремится параллельно заключению пакта о ненападении получить еще дополнительно большую выгоду в виде признания нами аннексии Бессарабии»⁴³. Правительство СССР, продолжал Б. С. Стомоняков, может дать Румынии обязательство не переходить вооруженной силой Днестр, но оно не может дать гарантии неприкосновенности территорий, находящихся под властью румынского королевства без ясной и четкой оговорки в пакте, что между договаривающимися сторонами существуют территориальные споры, но разрешение которых в настоящее время не ставится в порядок дня.

Уполномоченный Советского правительства предложил положить в основу советский проект пакта, который состоял из преамбулы и шести статей. В преамбуле, помимо общепринятых положений такого рода договоров, содержался абзац, указывающий, что «установление подобных отношений не наносит никакого ущерба территориальному спору, существующему между договаривающимися сторонами по поводу Бессарабии и не разрешенному настоящим договором»⁴⁴. Статьи советского проекта включали в своей основе те положения о ненападении и нейтралитете, которые содержались в договорах СССР с другими странами.

Казалось бы, это те положения, которые Бухарест должен был считать весьма выгодными и обеспечивающими Румынии спокойствие на востоке и укреплявшими ее позиции на западе перед лицом реваншистских сил. Однако Стурдза, выражавший интересы своего класса, рассуждал иначе. Он категорически выступил против фиксации в пакте существования территориальных споров.

⁴² ДВП СССР, т. XV, док. 5.

⁴³ Там же, с. 720—721.

⁴⁴ Там же, с. 720.

Советское правительство, заявил Б. С. Стомоняков, не может пойти на это; упоминание в тексте пакта о наличии территориальных споров означало бы молчаливое признание аннексии Бессарабии, а «беспристрастные» юристы могли бы даже вывести из фигуры умолчания юридическую формулу румынского суверенитета над Бессарабией.

Уполномоченный Бухареста упорствовал. Он угрожал срывом переговоров, указывая при этом на то, что «его инструкции исключают возможность для него дальнейших переговоров... на базе прямого или косвенного признания бессарабского вопроса открытым (т. е. неразрешенным — *А. Ш.*)»⁴⁵.

Румыния продолжала игнорировать конструктивные предложения советской стороны, которые были нацелены на достижение положительного исхода переговоров, и стоял на своем, давая понять, что без требуемых румынским правительством уступок продолжать переговоры нет смысла. В ответ на румынский шантаж нарком телеграфировал советскому представителю: «Мне поручено предложить Вам «держаться крепко и не пугаться румынских угроз срыва». При переходе к постатейному обсуждению Вы отнюдь не должны оставить у румын впечатления, будто мы отказываемся от упоминания территориального спора»⁴⁶.

Время шло, но переговоры затягивались и не давали каких-либо позитивных результатов.

Содержание предлагавшегося Советским правительством пакта с Румынией было несложно и заключалось в обязательствах ненападения и возможном устранении причин, которые могли бы нарушить мирные отношения между договаривающимися сторонами. Если бы Румыния при переговорах о пакте действительно стремилась к укреплению мирных отношений, не опасалась мирных обязательств и не преследовала бы побочных целей, тогда советско-румынские переговоры удалось бы завершить очень быстро.

Советская сторона делала все, чтобы достичь позитивных результатов в переговорах. Однако позиция румынского правительства и его делегата на переговорах была очень далека от задач установления стабильных мирных отношений с Советским Союзом. Это положение красноречиво подтверждается не только инструкциями, которыми был вооружен Стурдза, но и характером и содержанием переговоров румынского министра иностранных дел Д. Гики в Варшаве в первой половине января 1932 г., визит которого в польскую столицу был специально приурочен к началу рижских переговоров и планировался в качестве средства давления на Советский Союз. Это была своего рода демонстрация согласованных действий Румы-

⁴⁵ ДВП СССР, т. XV, с. 721.

⁴⁶ Там же, док. 10.

нии и Польши в переговорах, которые они почти одновременно вели со своим восточным соседом.

Стараясь склонить Советский Союз к удовлетворению требований Бухареста, ведущие польские органы печати в дни пребывания Гики в Варшаве подчеркивали с особым акцентом важность польско-румынского договора 1921 г.⁴⁷ Не составляло труда догадаться, куда целила польская дипломатия, когда подчеркивала «незыблемость провозглашенного принципа территориальной целостности»⁴⁸. В подобном духе было составлено и официальное коммюнике о румыно-польских переговорах в Варшаве, в котором отмечалось «полное единодушие сторон по всем стоящим на повестке дня проблемам»⁴⁹.

В канун переговоров в Риге, как пишет в мемуарах Н. Йорга, в то время премьер-министр, он заявил своему министру, что относится к этим переговорам «безразлично»⁵⁰. В направленных Стурдзе инструкциях, записал Йорга в дневнике, «переговоры рассматривались как нежелательные»⁵¹. Гика во время официального визита в Польшу, сообщал латвийский посланник своему правительству из Варшавы, откровенно заявлял, что «король, командование армией и известные политические круги Румынии настроены в отношении договора с Россией резко враждебно и считают, что этот договор вообще не очень желателен»⁵².

Заранее спланированная Бухарестом политика срыва переговоров в Риге не помешала румынскому министру обвинить СССР в «несговорчивости» и попытаться свалить на него ответственность за возможный безуспешный их конец. «Контакт в Риге,— заявил Гика,— будет иметь хотя бы ту хорошую сторону, в случае, если он приведет к отрицательным результатам, что внесет ясность в этот вопрос... Накануне конференции по разоружению такого рода документация явится весьма ценной и облегчит позицию Румынии, которую она займет (а она заняла негативную позицию.— А. Ш.) в связи с началом дискуссий по вопросу о разоружении»⁵³.

Линия, занятая румынским правительством в переговорах в Риге, проводилась с учетом позиций Польши и Франции. Отдельные влиятельные руководители последней стремились воспользоваться трудностями в советско-румынских переговорах для оттяжки заключения собственного пакта между Фран-

⁴⁷ «Gazeta Polska», 8.I 1932.

⁴⁸ «Universul», 11.I 1932.

⁴⁹ «Neamul Românesc», 13.I 1932.

⁵⁰ Iorga N. Op. cit., p. 273.

⁵¹ Ibidem, p. 274.

⁵² Цит. по кн.: Сиполс В. Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в анти-советских планах империалистических держав, 1919—1940 гг. Рига, 1968, с. 192.

⁵³ «Universul», 17.I 1932.

цией и СССР, поскольку реакционные политики типа П. Лаваля отрицательно относились «к любым соглашениям с Советами»⁵⁴. Твердость Бухареста усиливалась также заверениями Польши, что она не подпишет пакт с Советским Союзом без заключения подобного соглашения между СССР и Румынией. Более того, польский министр иностранных дел Залесский, как отмечает Йорга в мемуарах, убеждал своего румынского союзника в том, что Москва пойдет Румынии на уступки⁵⁵. Но польский министр не имел никакого основания делать такого рода заявление. Он, как вытекает из беседы М. М. Литвинова с польским посланником в Москве Патеком⁵⁶, нежеланием Румынии достичь положительных результатов переговоров с СССР хотел торпедировать и возможность заключения советско-польского договора. Собственных же доводов для осуществления такой политической диверсии Варшава не имела. Не переставая мечтать о походе на Советскую Украину и выступлении против Литвы, что планировалось сделать в тесном альянсе с империалистической Германией, польские правители, без сомнения, стремились оставить свои руки и руки румынского союзника свободными и не ограничивать наперед себя и Румынию международными соглашениями, препятствующими агрессивным целям.

Враждебные Советскому Союзу дипломатические акции Варшавы, лишенные реального учета быстро менявшейся международной ситуации и положения Советской страны, проявлялись и в районе Прибалтики. Начав переговоры с СССР, Польша для усиления своих позиций стремилась использовать Эстонию и Финляндию. Выполняя желание польского правительства, последние выступили перед Советским правительством с демаршами о поддержке польских условий договора⁵⁷. С подобным предложением польские руководители через Эстонию обратились и к правительству Латвии⁵⁸. Эстонское правительство, проводя пропольскую политику, активно поддерживало шаги Варшавы, что создавало значительные помехи в переговорах Прибалтийских государств с Советским Союзом, начатых в декабре 1931 г. Своими действиями пилсудчики преследовали далеко идущие цели — использовать переговоры с СССР для укрепления польского влияния в Прибалтийских странах и тем

⁵⁴ Iorga N. Op. cit., p. 290.

⁵⁵ Ibidem, p. 289.

⁵⁶ ДВП СССР, т. XV, док. 37.

⁵⁷ Сиполс В. Указ. соч., с. 188.

⁵⁸ Сама Польша непосредственно не могла в то время обратиться к Латвии. В конце 1931 г. латвийско-польские отношения были до крайности обострены. Латвийские власти 1 октября запретили деятельность двух польских обществ в Латвии, пытавшихся ополячить население прилегающих к польской границе районов Латвии и распространяли взгляды, что эти районы должны быть присоединены к Польше. Решение правительства Латвии вызвало резкое негодование реакционных кругов Польши.

самым добиться создания под руководством Польши антисоветского блока из всех западных соседей СССР. Патек, который представлял Польшу на переговорах с Советским правительством, в беседе с латвийским посланником в Москве заявил, что было бы целесообразным противопоставить Советскому Союзу все пограничные с ним государства⁵⁹.

Те же цели преследовались, когда Польша, поддержанная Эстонией и даже Францией, пыталась сорвать советско-латвийский договор, официальное подписание которого было намечено на 28 января 1932 г. Варшава, узнав о намерении Латвии поставить подпись, после длительного сопротивления в ходе переговоров, под пактом с СССР, дала своему посланнику в Риге Арцишевскому строгое указание принять все меры к тому, чтобы сорвать заключение договора⁶⁰. Только в результате решительного протеста советского полномочного представителя Б. С. Стомонякова, выраженного министру-президенту Латвии Скуениеку относительно явно недобросовестных методов, к которым решило прибегнуть латвийское правительство, 5 февраля советско-латвийский пакт о ненападении был подписан.

Под влиянием польской дипломатии еще большее сопротивление в переговорах с СССР о пакте оказывало эстонское правительство. Но в силу развивавшихся в то время событий и оно было вынуждено 4 мая подписать пакт с Советским Союзом. Между тем Польша в отношении Советской страны продолжала придерживаться своих прежних позиций. Такая политика привела польское правительство к тому, что оно при переговорах о пакте открыто отказалось включить в советско-польский договор статью о неучастии Польши во враждебных Советскому Союзу соглашениях или группировках государств⁶¹.

В свете изложенного становится еще более ясной и позиция румынских правящих кругов на переговорах в Риге. Продолжая настойчиво укреплять союзнические отношения с Польшей, Румыния не стремилась к нормализации советско-румынских отношений и позитивному решению вопроса о пакте. Она считала, что такой курс больше отвечает ее «национальным» интересам.

18—20 января, через две недели после начала переговоров, румынское правительство своей позицией в отношении советского соседа создало на них критическую ситуацию. После того, как были согласованы все статьи, кроме первой и преамбулы, где указывалось на существование спорного территориального вопроса, а текст согласованных статей запрототолирован и подписан обоими уполномоченными⁶², Стурдза заявил, что до

⁵⁹ Сиполс В. Указ. соч., с. 187.

⁶⁰ Там же, с. 190.

⁶¹ ДВН СССР, т. XV, докл. 33.

⁶² Там же, док. 30, 406.

принятия Советским правительством твердого обязательства не включать никоим образом вопрос о Бессарабии в пакт о ненападении он считает бесполезным продолжение начатых переговоров и готов их возобновить лишь после того, как упомянутое условие будет принято⁶³. Своим требованием Стурдза решил положить конец переговорам. Румынский князь, по информации посланника Финляндии в Риге, делал попытки помешать подписанию и советско-финского пакта⁶⁴.

Переговоры в Риге по вине Бухареста по существу были сорваны. Враждебное в отношении СССР поведение румынского представителя на рижских переговорах вынудило Советское правительство выступить в печати с разъяснением своей позиции. В интервью корреспонденту ТАСС по поводу состояния переговоров СССР с соседними западными странами о заключении пактов о ненападении, опубликованном 26 января, нарком иностранных дел М. М. Литвинов заявил, что при обоюдном стремлении к укреплению мирных отношений и отсутствии побочных целей переговоры по этим пактам удастся завершить весьма быстро. Пример этому — переговоры с Финляндией. Далее, особо остановившись на советско-румынских переговорах, М. М. Литвинов указал, что «проект пакта с Румынией также почти согласован». Однако «совершенно очевидно, — подчеркнул он, — что двусторонний пакт между государствами, между которыми не только не существует никаких официальных отношений, но и имеются серьезные территориальные и иные споры, не может быть заключен без упоминания о незадрагивании этих споров и об оставлении их в стороне. Мы вполне понимаем, что, поскольку Румыния фактически оккупирует Бессарабию, она хотела бы забыть о существующем споре и неупоминание о нем истолковать как наше молчаливое согласие на оккупацию. Мы на это согласиться не можем»⁶⁵.

Срыв рижских переговоров в среде международной реакции вызвал полное удовлетворение. Особенно торжествовали те круги, которые активно выступали против любых соглашений с Советами. «Они, — писала французская газета «Депеш де Тулуз», — радуются отказу Румынии подписать пакт о ненападении с СССР без признания за ней окончательного права на Бессарабию. Они призывают Румынию упорствовать в своем отказе в расчете, что неудача русско-румынских переговоров повлечет за собой крушение всей системы намеченных большевиками соглашений»⁶⁶.

Переговоры в Риге не только не привели к заключению пакта, но в определенной степени еще больше обострили отно-

⁶³ Там же, док. 31.

⁶⁴ Там же, док. 31.

⁶⁵ Там же, док. 41.

⁶⁶ Цит. по кн.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 90.

шения между СССР и Румынией. Этим воспользовались и реакционные круги Франции. Они с еще большей настойчивостью стали обуславливать подписание советско-французского пакта не только заключением советско-польского договора, но и достижением соглашения между СССР и Румынией⁶⁷. В ответ на это В. С. Довгалецкий 1 февраля заявил Бертело, что он не видит «оснований к дальнейшей оттяжке подписания пакта, и вновь высказал уверенность, что подписание советско-французского пакта повлекло бы за собой срочное подписание пактов с Польшей и Румынией»⁶⁸. Днем позже Советское правительство рекомендовало своему полпреду повторить свое заявление и подчеркнуть, что оттягиванием подписания пакта с СССР «французское правительство сейчас объективно тормозит оформление пакта с Польшей»⁶⁹. Это заключение Москвы В. С. Довгалецкий довел 18 февраля до сведения Бертело, а 4 марта — премьер-министра А. Тардые. При встрече с последним советский полпред настойчиво акцентировал: «Если французское правительство хочет добиться от Польши и Румынии подписания пактов с Советским Союзом, то единственно верным путем для этого является подписание франко-советского пакта»⁷⁰. При этом полпред заметил, что СССР не в большей степени заинтересован в пакте, чем Франция. Чтобы «искупить» свою неловкость, французские политики неоднократно делали советским дипломатам намек, что они заставят румын быть сговорчивыми⁷¹. Но их заявления не были состоятельными. Более того, они продолжали, не без определенной выгоды и для своих политических акций, питаться ложной информацией Гики⁷², который полностью извратил позицию СССР, а Румынию представил в благородном свете. Их не тревожила до предела грубая фальсификация рижских переговоров, допущенная румынским министром в интервью корреспонденту французской газеты «Эксельсиор». В своем заявлении Гика утверждал, что в Риге вообще не было никаких переговоров между Румынией и СССР, «а были лишь беседы и обмен мнениями»⁷³.

Вполне логичным в свете румыно-французского альянса выглядит заявление румынского премьер-министра Н. Йорги, сделанное в парламенте 1 февраля 1932 г. и затем опубликованное в румынской прессе. В этом заявлении он демонстративно выразил признательность правительствам Франции и Польши за поддержку позиции румынского правительства⁷⁴.

⁶⁷ ДВП СССР, т. XV, док. 52, 57.

⁶⁸ Там же, док. 57.

⁶⁹ Там же, док. 60.

⁷⁰ Там же, док. 83, 111.

⁷¹ Там же, док. 144.

⁷² Там же, док. 52, 57.

⁷³ ДВП СССР, т. XV, с. 732.

⁷⁴ «L'indépendance Roumaine», 3.II 1932; *Iorga N. Op. cit.*, p. 302.

В унисон с действиями Парижа и Бухареста открыто продолжала чинить препятствия и Польша. В беседе с М. М. Литвиновым, имевшей место 26 февраля в Женеве, Залесский подтвердил неизменность позиции польского правительства в том, что оно готово подписать советско-польский пакт, парафированный еще 25 января 1932 г., лишь при условии заключения аналогичного соглашения между Советским Союзом и всеми его западными соседями, не считаясь с тем, что «Румыния,— как он сам же утверждал,— не проявляет заинтересованности в пакте». Он намекал на «сопротивление румынского короля, который к тому же теперь может найти поддержку у Тардые»⁷⁵, ставшего премьер-министром Франции. «Рассчитывать на подписание пактов с Францией, Польшей и Румынией при правительстве Тардые... нам не следует»,— писал член Коллегии НКВД СССР Б. С. Стомоняков полпреду СССР в Варшаве В. А. Антонову-Овсенко⁷⁶. Основываясь на достигнутом между Москвой и Парижем соглашении от 1 мая 1931 г.⁷⁷, определившем процедуру советско-французских переговоров, в беседах с Лавалем и Бертело, а затем с Тардые советский полпред в Париже заявил, что французское правительство нарушило программу советско-французских переговоров, что у Франции нет никаких оснований не подписывать пакт с СССР⁷⁸. Что касается «взаимозависимости» советско-французского и советско-польского договоров, искусственно установленной французской стороной, то и она, подчеркнул полпред, не должна служить препятствием к подписанию пакта между СССР и Францией, поскольку «с поляками расхождения сведены до минимума, позволяющего надеяться на скорое достижение соглашения»⁷⁹. У французского правительства совершенно не было никаких причин связывать советско-французский пакт и с необходимостью заключения Советским Союзом соглашения с Румынией. Во-первых, «румынский фактор» Лавала и Тардые противоречил уже упомянутому советско-французскому соглашению от 1 мая 1931 г. Во-вторых, Бухарест в период рижских переговоров полностью показал свое лицо противника добрососедских отношений с Советским государством.

Изваливая всю ответственность за провал переговоров на СССР и приписывая последнему какие-то «агрессивные» намерения в отношении западных соседей, официальные круги Румынии этим самым пытались оправдать свою негативную позицию на Международной конференции по разоружению, открывшейся в Женеве 2 февраля 1932 г.

⁷⁵ Документы... советско-польских отношений, т. V, док. 318.

⁷⁶ Там же, док. 318.

⁷⁷ ДВП СССР, т. XIV, док. 144.

⁷⁸ ДВП СССР, т. XV, док. 40, 52, 111.

⁷⁹ Там же, док. 40.

Явно антисоветская позиция Бухареста как всегда активно поддерживалась Польшей. Ссылаясь на абсолютно достоверные местные и парижские источники, полпред в Латвии А. И. Сви-дерский 21 февраля доносил в Москву, что «личное сопротивление короля одобряется влиятельными руководителями польской политики. Польша ведет ту же игру в Эстонии. Она пока удерживает Эстонию (от заключения пакта с СССР — *А. Ш.*), чтобы предоставить Румынии возможность маневрировать»⁸⁰. Против заключения пакта с СССР румын настраивали и германские дипломаты⁸¹.

Однако международные события развивались не так, как хотели румынские руководители, и даже не так, как желали правые круги Франции и Польши. В конце января 1932 г. был подписан советско-финляндский договор и парафирован советско-польский, 5 февраля под договором о взаимном ненападении поставили подписи СССР и Латвия. Это не могло не привести Бухарест в уныние. Определенная часть румынской буржуазии, в частности национал-либеральная, тесно связанная с Францией, в связи с парафированием советско-французского пакта проявляла беспокойство, как бы Румыния не оказалась в изоляции. Тем не менее их орган «Энденданс румэн» твердил, что Румыния «не может ни прямо, ни косвенно признать наличие какого-либо спорного вопроса»⁸² между нею и Советским Союзом.

Совершенно по-иному рассуждали румынские коммунисты. В подпольном циркуляре, распространенном ЦК РКП в марте 1932 г., указывалось: «Срыв румынской делегацией переговоров в Риге относительно заключения пакта о ненападении с Советским Союзом со всей очевидностью раскрывает агрессивные замыслы румынской буржуазии»⁸³.

А как относились бессарабские трудящиеся к колониальной политике Бухареста в Бессарабии и срыву советско-румынских переговоров в Риге? В этом плане убедительнейшим документом может служить донесение областного инспектора полиции в Кишиневе, направленное в Бухарест 20 февраля 1932 г. В рапорте говорится: «Вследствие срыва переговоров в Риге среди рабочих Кишинева намечается явный подъем коммунистического движения. Отказ Советской России признать присоединение (читай захват.— *А. Ш.*) Бессарабии к Румынии не только был встречен с симпатией со стороны рабочих, но был воспринят ими как стимул к немедленной и более активной борьбе против буржуазии с надеждой, что присоеди-

⁸⁰ ДВП СССР, т. XV, с. 727.

⁸¹ Там же, док. 339.

⁸² «L'indépendance Roumaine», 2.III 1932.

⁸³ Documente din istoria Partitului Comunist din România (далее — DPCR), vol. III. Buc., 1955, p. 416.

нение Бессарабии к родине пролетариата произойдет в ближайшее время»⁸⁴.

Нараставшая международная напряженность в Европе, вызванная усилившимися требованиями реваншистских сил упразднения Версальской системы и пересмотра европейских границ, заставила руководящие круги Франции и Польши, жизненные и территориальные интересы которых находились уже под непосредственной угрозой, склониться к необходимости искать пути сближения с СССР. На путь налаживания нормальных отношений с Советским Союзом Францию и Польшу, как и ряд других европейских держав, принуждали встать и их огромные хозяйственные затруднения, вызванные экономическим кризисом. Однако их шаги по нормализации внешнеполитических связей со Страной Советов, как мы увидим ниже, носили далеко не последовательный характер и делались с большим резервом для возможного отступления. Подобную манеру поведения Парижа и Варшавы отчетливо можно заметить и при их «ухаживании» за румынскими политиками, когда речь шла о повелительной для Франции и Польши необходимости нормализации советско-румынских отношений.

После того как обострились германо-польские отношения на почве территориальных споров, а польская экономика испытывала все большие и большие трудности, пилсудчики постепенно стали склоняться к подписанию пакта с СССР, чтобы укрепить свое международное положение и усилить польско-советские экономические связи. Но искусственно связав решение проблемы подписания пакта с Советским Союзом с требованием заключения советско-румынского договора, им ничего не оставалось, как начать «нажим» на Бухарест, чтобы последний проявил благосклонность в переговорах с Москвой. В феврале 1932 г. такую акцию предпринял заместитель министра иностранных дел Польши Ю. Бек⁸⁵. Румыны выслушали польского «миротворца», но остались при своем мнении. Советско-румынский пакт был темой разговора и во время официального визита польского диктатора Ю. Пилсудского в Румынию в середине апреля 1932 г. При встрече с премьер-министром Н. Йоргой Пилсудский заявил, что «он будет вынужден, хотя и не в ближайшее время, подписать пакт» с СССР⁸⁶. Варшавский диктатор этой «угрозой» давал понять румынскому правительству, что оно тоже не должно упорствовать с заключением румыно-советского договора.

Однако истинная цель приезда Пилсудского в Румынию и длительное его пребывание в этой стране, писал член коллегии НКВД Б. С. Стомоняков полпреду В. А. Антонову-Овсеен-

⁸⁴ Цит. по кн.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 94.

⁸⁵ *Iorga N.* Op. cit., p. 328.

⁸⁶ *Ibidem*, p. 374.

ко 22 апреля 1932 г., заключалась не в том, чтобы оказать содействие в нормализации советско-румынских отношений, а в том, чтобы обсудить в рамках антисоветского польско-румынского военного союза с руководителями Румынии конкретные военные вопросы «на случай войны Польши и Румынии с СССР в связи с дальневосточными осложнениями»⁸⁷.

Как видно, польские политики перед Москвой разыгрывали роль благожелателей нормализации румыно-советских отношений, а на самом деле поощряли румын на сопротивление миролюбивым устремлениям Советского Союза. Негативную позицию Бухареста к нормализации отношений с СССР поддерживало и правительство Тардые, находившееся у власти до конца мая 1932 г. и отражавшее интересы правого крыла французской буржуазии. Французский премьер через своего посланника в Румынии дал понять румынским политикам, что Франция «не заинтересована в советско-румынском пакте»⁸⁸.

Факт польской «угрозы» в адрес румын до сведения М. М. Литвинова довел и польский министр Залесский во время состоявшейся между ними беседы в Женеве 24 мая. Отлично зная цену этому «нажиму», нарком недвусмысленно заявил польскому дипломату: «действительное подписание (советско-польского — А. Ш.) пакта было бы лучшим средством давления, чем угроза»⁸⁹. И Залесский не мог не согласиться с этим. Но вопрос о заключении советско-польского пакта оставался открытым.

Все же обстановка заставила руководящие круги Польши проявить инициативу и взять на себя роль посредника в организации новых попыток заключения советско-румынского пакта, поскольку им обуславливалось заключение советско-польского пакта. Однако их усилия были направлены больше всего не к тому, чтобы доказать абсурдность требований Бухареста, а к тому, чтобы не оставить своего партнера по антисоветскому блоку в «проигрыше» перед Советским Союзом. При встречах с советскими дипломатами польские дипломаты предлагали различные формулы по тем пунктам советско-румынского договора, которые вызвали острейшие споры при прямых переговорах представителей СССР и Румынии. Речь шла, как и раньше, о непризнании Советским правительством румынской аннексии Бессарабии. Польским дипломатам «казалось», что выдвинутые ими формулировки могут удовлетворить обе стороны. В действительности в них игнорировались принципиальные позиции Советского правительства и, наоборот, в завуалированной форме протаскивались румынские претензии на советские территории. Надеясь и дальше использовать старания Варшавы для

⁸⁷ ДВП СССР, т. XV, док. 183.

⁸⁸ Там же, док. 259.

⁸⁹ Там же, док. 227.

достижения своей цели, правительство А. Вайды-Воевода через посредство польского министра иностранных дел 23 июня 1932 г. предложило совершенно новый проект договора⁹⁰, перечеркнувший все то, что было уже согласовано в Риге. На этой стадии к румынской «игре в договор» присоединился известный уже в то время дипломат Н. Титулеску, сыгравший, как он сам потом признавался советскому полпреду в Румынии М. С. Островскому, роковую роль в срыве заключения советско-румынского пакта.

Вручением нового проекта пакта румынское правительство дало также знать, что оно готово этой акцией возобновить советско-румынские переговоры.

При внимательном чтении проекта оказалось, что он — почти точная копия польско-советского пакта, хотя состояние отношений между СССР и Румынией было иное, чем отношения СССР с Польшей. В нем отсутствовало всякое упоминание о спорных вопросах между сторонами. «Если Румыния будет настаивать на неупоминании спорных вопросов,— сказал М. М. Литвинов Залесскому,— то из переговоров ничего не выйдет»⁹¹.

Суть советско-польско-румынского диалога в Женеве нарком доложил ЦК ВКП(б). Через 5 дней (28 июня) М. М. Литвинов телеграфом получил указание Советского правительства заявить Залесскому, что его формулировка для советской стороны неприемлема, поскольку в ней отсутствует упоминание о наличии спорных вопросов между СССР и Румынией⁹². А далее в директиве выражалось согласие принять предложение Титулеску о возобновлении переговоров о пакте и давался наркому наказ добиваться, чтобы задержка заключения пакта с Румынией не имела своим последствием отсрочку подписания и ратификации пакта с Польшей⁹³.

Вскоре (30 июня) после получения правительственных директив М. М. Литвинов имел в Женеве новую встречу с Залесским. Он заявил министру, что врученный им вариант проекта все еще отражает непримиримость Румынии, несколько не изменившуюся после рижских переговоров. И если польское правительство, продолжал М. М. Литвинов, действительно хочет благополучного окончания переговоров, то единственным средством является скорейшее подписание советско-польского договора, после чего правительство Румынии станет более «разумным»⁹⁴. В случае подписания пакта с Польшей Литвинов выразил готовность вручить польскому министру контрпроект для Румынии.

⁹⁰ ДВП СССР, т. XV, док. 259.

⁹¹ Там же.

⁹² ДВП СССР, т. XV, док. 266.

⁹³ Там же, док. 266.

⁹⁴ Там же, док. 268.

Советскую постановку вопроса Залесский довел до сведения Пилсудского. 5 июля 1932 г. из Варшавы поступило принципиальное согласие на подписание пакта с СССР⁹⁵. Сообщая это решение Варшавы, польский министр заявил М. М. Литвинову, что советско-польский пакт все же не будет ратифицирован, пока СССР не заключит пакт с Румынией⁹⁶.

Решение вопроса о двусторонних пактах Советского Союза с Францией, Польшей и Румынией упиралось не только в конъюнктуру политических настроений Парижа, Варшавы и Бухареста. На исход этого политического предприятия влияли другие мировые события как в Европе, так и в других частях света, в частности осложнение положения на Дальнем Востоке, у границ Советского Союза.

Францию в это время тревожил исход дела на Лозаннской конференции, где Германия, поддержанная Римом, поставила вопрос о полном отказе выплачивать репарации. Еще в большей степени Париж тревожило настойчивое требование Германии права равенства в вооружениях.

Напряженность франко-германских отношений, ослабление франко-английского альянса не могли не подталкивать официальный Париж на решение вопроса о нормализации отношений с СССР. Однако трезвая оценка событий не мешала французским империалистам предпринимать враждебные акции против СССР на Дальнем Востоке, открыто поддерживать вместе с Англией и США агрессивные устремления Японии в Маньчжурии и Корее. Более того, Франция вкупе с Англией, Германией, Италией и Швецией примерно в это же время предприняла другие не менее враждебные для Страны Советов акции: она слезно молила президента США Гувера не устанавливать с Советским Союзом дипломатических отношений. Ради этого, как поведал сам президент, она даже была готова возобновить выплату военных и других долгов американцам⁹⁷.

Курс Германии на вооружение и пересмотр границ не в меньшей степени тревожил и Польшу. О намерении предъявить Польше территориальные требования статс-секретарь МИД Германии Бюлов открыто сказал даже советскому полпреду⁹⁸. Чтобы обеспечить спокойствие на своих восточных границах и одновременно с этим ослабить хозяйственные трудности, 25 июля 1932 г. Польша подписала пакт о ненападении с СССР. Народные массы Польши горячо и с симпатией восприняли данную акцию.

⁹⁵ ДВП СССР, т. XV, док. 273.

⁹⁶ Там же.

⁹⁷ Запись беседы полпреда СССР в Германии Л. Хинчука с председателем русско-американской торговой палаты Купером от 27.VII 1932 г.— ДВП СССР, т. XV, док. 303.

⁹⁸ Там же, док. 325.

Примечательно, что решение польского правительства подписать пакт с СССР было принято, несмотря на возражения румынского правительства⁹⁹. Польская акция ослабила антисоветские позиции Бухареста, она вызвала бурю возмущения в румынской прессе. С получением известия об этом событии отдельные румынские газеты выступили с серией антисоветских статей и резкими нападками на польское правительство¹⁰⁰.

Антипольская кампания в румынской прессе, однако, не внесла существенных изменений в польско-румынские отношения. Союзный договор 1921 г. между ними, направленный против СССР, оставался в силе и его основы не были поколеблены. Тревоги Бухареста были не напрасны, но лишь в том отношении, что реалистический подход Польши к подписанию соглашения с Москвой ослабил румынские позиции в переговорах с СССР и разрушил надежды утвердить зависимость всей советской системы пактов о ненападении от достижения соглашения между Румынией и Советским Союзом.

Самостоятельная внешнеполитическая акция Польши вызвала недовольство и у правящих кругов Парижа. В нарушение принятых в свое время сторонами условий об открытии франко-советских переговоров, как уже говорилось выше, Франция никак не хотела отказаться от своего намерения поставить заключение франко-советского пакта в зависимость от исхода переговоров СССР и с Польшей и с Румынией. Хотя французский премьер, по сообщению польского посла из Парижа А. Хлаповского, и сам уже был убежден, что Румыния не желает иметь договора с СССР. Несмотря на это, Эррио в беседе с польским дипломатом четко проводил мысль, что Румынию оставлять за пределами системы договоров о ненападении нельзя, но не с точки зрения необходимости нормализации румыно-советских отношений, а с точки зрения далеко идущих целей французских политиков. Для Франции, считал премьер, очень важно в вопросе взаимоотношений с СССР «сохранить единый фронт (с другими заинтересованными государствами), чтобы не давать Советам в дипломатической игре козырей в руки»¹⁰¹. Изложенное кредо французской политики Эррио просил своего собеседника довести до сведения польского правительства.

Это было явным давлением на Польшу, что неопровержимо доказывается содержанием телеграмм, направленных впоследствии французским премьером своему посланнику в Бухаресте. В одной из них указывалось: «Правительство Франции постоянно

⁹⁹ Documents diplomatiques français. 1932—1939 (далее — DDF), serie 1 (1932—1935), t. I, Paris, 1964, p. 81—82.

¹⁰⁰ «L'indépendance Roumaine», 28.VII 1932.

¹⁰¹ Документы... советско-польских отношений, т. V, док. 324.

оказывало давление дипломатическим путем на польское правительство, чтобы оно отсрочило подписание, а затем и ратификацию польско-советского пакта с тем, чтобы обеспечить Румынии, ведущей переговоры с СССР, необходимую маневренность»¹⁰². В нажиме на польское правительство «либеральный» премьер, и он же министр иностранных дел, Эррио не останавливался и перед прямыми угрозами. В его инструкции французскому послу в Польше указывается: «...если польское правительство решилось бы форсировать ратификацию пакта без того, чтобы оставить румынскому правительству требуемое время для выработки приемлемой для него (!) редакции договора, то Польша тем самым заставила бы французское правительство отложить подписание уже ранее парафированного проекта франко-советского соглашения, что в значительной степени изменило бы характер и значение всей намеченной системы пактов... Попросите министра иностранных дел использовать свой авторитет для той цели, чтобы у Москвы не оставалось никаких сомнений относительно намерения польского правительства отложить ратификацию до окончания румыно-советских переговоров»¹⁰³. По существу эти же мысли Эррио изложил в беседе с польским послом во Франции Хлаповским 13 августа 1932 г.¹⁰⁴. Параллельно с этим Париж снова заверил Бухарест в том, что пакт между Францией и СССР не будет подписан до завершения переговоров Румынии с СССР.

Подталкиваемое внешними и внутренними событиями правительство Пилсудского — Бека в ответ на нажим Парижа все же было вынуждено заявить французским дипломатам, что Польша «не считает возможным поставить ратификацию польского пакта в определенную зависимость от подписания румынского пакта, так как она не имеет уверенности в стремлении Румынии прийти к соглашению»¹⁰⁵.

Определенное недоверие к румынским политикам питал и сам Эррио. В беседе с Хлаповским французский премьер сказал, что политику Румынии он может охарактеризовать «как неуклюжую, двойственную и способную вызвать в польских руководящих кругах неудовольствие и горечь». «У Франции,— продолжал Эррио,— уже была возможность неоднократно убедиться в отсутствии постоянства в румынской политике»¹⁰⁶. «Плохо было бы, будь у Франции только такие друзья, как Румыния»¹⁰⁷,— закончил свою мысль французский премьер. Более выразительную оценку внешнеполитической деятельно-

¹⁰² DDF, serie I, t. I, p. 245.

¹⁰³ DDF, serie, I, t. I, p. 143.

¹⁰⁴ Документы... советско-польских отношений, т. V, док. 324.

¹⁰⁵ DDF, serie I, t. I, p. 159.

¹⁰⁶ Документы... советско-польских отношений. т. V, док. 324.

¹⁰⁷ Там же.

сти румынских правителей трудно дать. И к тому же ее давал не кто иной, как старший партнер франко-польско-румынского альянса.

Несговорчивость, нежелание румынского правительства достичь взаимно приемлемой основы советско-румынского пакта при оставлении территориальных споров открытыми убедительно было показано Эррио М. М. Литвиновым и В. С. Довгалевским во время женевских и парижских встреч в июле 1932 г.¹⁰⁸ Однако из-за побочных целей и французской стороны, которые легко улавливались Бухарестом, советско-французские встречи на данном этапе не принесли сдвига ни в части заключения франко-советского пакта, ни в части советско-румынских переговоров. На положении этих дел несомненно продолжало сказываться как сопротивление французской реакции, так и настойчивые мольбы Титулеску перед Эррио во время их женевских встреч не заключать советско-французского пакта¹⁰⁹. Следовательно, Эррио и его правительство, оставаясь под сильным воздействием внутренних и внешних сил, пытались лавировать и дальше.

Советский полпред в Париже 10 августа 1932 г. доносил: «Кабинет искренне хотел бы немедленно подписать пакт, но вынужден оттянуть его подписание до достижения соглашения между нами и Румынией»¹¹⁰. Однако румыны оставались непримиримыми. Хотя Париж и советовал Бухаресту «не настаивать на неразумных требованиях», но эта дипломатическая акция французов не облекалась в форму действенных средств воздействия на румынское правительство. Пожелания правительства Эррио Бухаресту носили формальный характер.

Убедившись, что Советское правительство твердо стоит на своих принципиальных позициях и не изменит своей точки зрения в спорных вопросах с Румынией, Эррио 20 августа заявил советскому полпреду, что «он не позволит румынам стать в позу арбитра франко-советских отношений»¹¹¹, а четырьмя днями позже заявил о решимости заключить советско-французский договор в самое ближайшее время, по крайней мере до 20 сентября, когда он должен встретиться в Женеве с М. М. Литвиновым. Как бы подтверждая недавние заверения, что он не устанавливает теперь юнкима между советско-французским и советско-румынскими пактами, Эррио подчеркнул, что он прекрасно усвоил, что для СССР в пакте с Румынией неприемлемо все то, что может навести на мысль о признании суверенитета Румынии над Бессарабией¹¹². Однако

¹⁰⁸ ДВП СССР, т. XV, док. 298, 302.

¹⁰⁹ Там же, док. 306.

¹¹⁰ Там же, док. 314.

¹¹¹ Там же, док. 330.

¹¹² Там же, док. 335.

премьер не упустил случая, чтобы снова не сказать, что он должен сделать попытку помочь заключению советско-румынского пакта¹¹³. Уточняя позицию Франции, при встрече с советским полпредом Леже заявил: «Хотя формального юнктима и нет, все же непременным фактическим условием подписания франко-советского пакта является подписание советско-румынского пакта»¹¹⁴.

Совсем другой была позиция СССР. В интересах достижения соглашения Советское правительство согласилось на перенесение упоминания о советско-румынских спорах из самого пакта в заключительный протокол. О стремлении советской стороны заключить советско-румынский договор лишней раз свидетельствовала договоренность советского полпреда с Леже при их встрече 30 августа и их выработанная общими усилиями формула о нерешенных между СССР и Румынией вопросах, которая была одобрена Эррио и направлена в порядке предложения румынскому правительству. Эррио писал своему посланнику: «С целью столкнуть бухарестское правительство с политического курса, вызывающего проволоочки, Вы должны дать ему понять, что при всей поддержке, которую правительство Франции будет всегда оказывать румынскому правительству, учитывая важность и обширность затрагиваемых интересов, французское правительство может оказаться вынужденным, так же как и польское правительство, ускорить подписание франко-советского договора, оставляя при этом за собой право отложить его ратификацию на возможно длительный срок, с тем чтобы покрыть период переговоров, проводимых румынским правительством»¹¹⁵.

Французская «угроза» последовать примеру Польши и подписать договор с СССР не могла восприниматься серьезно, поскольку она полностью аннулировалась обещаниями того же Эррио не ратифицировать советско-французский договор до окончания переговоров Бухареста с Москвой. В силу того, что румыны не хотели этого «конца», французская оговорка помогала не советским миролюбивым устремлениям, а румынскому саботажу, направленному на срыв усилий Советского Союза укрепить мир. Уступка румынам была данью правым силам и в самой Франции¹¹⁶.

То, что «угроза» Эррио для румын не имела никакого значения, снова доказывают приемы и методы, применявшиеся румынами на женевских переговорах, возобновленных 28 сентября по инициативе Франции и Польши. Для завершения переговоров Советское правительство уполномочило самого

¹¹³ ДВП СССР, т. XV, док. 335.

¹¹⁴ Там же, док. 330.

¹¹⁵ DDF, serie I, t. I, p. 247.

¹¹⁶ ДВП СССР, т. XV, док. 362.

наркома М. М. Литвинова, румынское правительство — своего посланника в Варшаве Кадере. Не успев сесть за круглый стол, облеченный высокими полномочиями румынский дипломат заявил М. М. Литвинову, что его правительство не считает себя связанным ни протоколами, подписанными в Риге его уполномоченным, ни предложениями, делавшимися представителями союзных с Румынией стран (имеются в виду Франция и Польша), ни формулой заключительного протокола, выработанной В. С. Довгалевским и Леже, в которой упоминались существующие споры между договаривающимися сторонами¹¹⁷.

В советско-румынских спорах по территориальным вопросам Советское правительство стояло на своих принципиально твердых позициях. В течение нескольких встреч с В. Кадере М. М. Литвинову удалось согласовать все статьи пакта. Осталась несогласованной одна формулировка заключительного протокола, касающаяся наличия спорных вопросов между сторонами. Советский представитель настаивал на принятии компромиссной формулировки польского посредника Патека с добавлением слова «существующие»¹¹⁸. Кадере категорически возражал и предлагал свои формулировки, но в каждой из них отсутствовало слово «существующие»¹¹⁹. Советская сторона не могла отнестись одобрительно к его предложениям. В силу этого румынский делегат был вынужден запросить согласие Бухареста на формулировку заключительного протокола со словом «существующие». Однако король и его правительство, разделяя резко враждебную к советско-румынскому договору позицию Титулеску, отвергли советское предложение, поставив тем самым женевские переговоры в тупик¹²⁰.

Систематическое дезавуирование Бухарестом собственных уполномоченных и представителей союзных с Румынией стран, аннулирование вносившихся ими предложений, направленных на поиски приемлемых формул по спорным вопросам, отражали борьбу различных политических течений в Румынии.

Проблема советско-румынского пакта широко и остро обсуждалась в стенах парламента¹²¹, в буржуазной прессе Румынии. Политики осуждали правительство за возобновление переговоров с Москвой. Против заключения пакта с СССР особенно резко выступал Н. Титулеску. Получив сведения, что женевские переговоры Литвинов — Кадере подходят к благоприятному концу, он, чтобы нажать на свое правительство, пошел на крайний в дипломатической практике шаг — заявил об отставке с поста посланника в Англии и постоянного пред-

¹¹⁷ ДВП СССР, т. XV, стр. 575, 797.

¹¹⁸ Там же, док. 381.

¹¹⁹ Там же, док. 386.

¹²⁰ Там же, док. 389, 406.

¹²¹ «Universul», 2.X 1932.

ставителя Румынии в Лиге наций. Впоследствии Шетцель — один из польских посредников — писал: «Провал переговоров вызван действиями г-на Титулеску»¹²².

Будучи в Париже проездом из Лондона после своей отставки, Титулеску 11 октября посетил генерального секретаря МИД Франции Ф. Бертело и других ответственных дипломатов. В беседе с ними он не скрывал своих намерений окончательно похоронить советско-румынский пакт¹²³. Между прочим, это не мешало ему в это же время публично заявлять, что лично он якобы стремится к сближению с Советским Союзом. Но это было явным лицемерием.

При выпадах против советско-румынского пакта Титулеску не стеснялся извращать советскую внешнюю политику и фальсифицировать исторические факты.

Усиленное обсуждение в румынской и зарубежной прессе вопроса о советско-румынском пакте и особенно негативная деятельность в этом направлении Титулеску вынудили наркома М. М. Литвинова выступить 16 октября с интервью для советской печати. Нарком подробно остановился на ходе советско-румынских переговоров, разоблачил истинные цели румынских правящих кругов, дал анализ причин, задерживавших подписание пакта.

Срыв прямых переговоров как в январе, так и в сентябре 1932 г. объясняется, указывалось в интервью, в первую очередь тем, что «руководители переговоров с румынской стороны интересовались меньше пактом о ненападении, чем получением от Советского правительства косвенного или молчаливого признания оккупации Бессарабии»¹²⁴.

В беседе с Эррио 17 октября советский поверенный в делах М. И. Розенберг спросил премьера, считает ли он, что румынские придворные круги по-прежнему должны влиять на франко-советские отношения. Глава французского правительства ответил, что Франция намерена подписать пакт с СССР¹²⁵.

Улавливая нюансы эрриевской внешней политики, Титулеску был вынужден в середине октября заявить французам, что Румыния не будет в обиде на Париж, если Франция подпишет пакт с СССР¹²⁶. Но это нисколько не означало, что румынский дипломат изменил или смягчил свои антисоветские настроения. Его позиция в «восточном вопросе» оставалась прежней, и по существу она находилась в полной гармонии с антисоветскими целями наиболее реакционных сил Европы. Поверенный в делах Франции в СССР Ж. Пайяр, давая оцен-

¹²² Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926—1939. Paris, 1951, p. 313

¹²³ DDF, serie I, t. 1, p. 429.

¹²⁴ «Известия», 1932, 16 октября.

¹²⁵ ДВП СССР, т. XV, док. 409.

¹²⁶ Там же, док. 410.

ку антипактовским демаршам Титулеску, 19 октября писал своему премьеру Эррио: «Занимая такую позицию, г-н Титулеску очевидно становится вольным или невольным орудием немецких интриг как в Бухаресте, так и в Варшаве, преследующих цель сорвать систему восточных пактов»¹²⁷. В справедливости характеристики политического поведения Титулеску французскому дипломату трудно отказать. Что касается советской позиции, то Пайяр в этом же письме подчеркивал, что М. М. Литвинов искренне стремится к успешному завершению переговоров.

Соображения Эррио, высказанные Розенбергу, и «нейтралитет» Титулеску, казалось бы, снимали преграды к заключению советско-французского пакта. Однако встреча В. С. Довгалецкого с Бертело 27 октября показала, что французское правительство, все еще находясь под сильным давлением внутренней реакции и влиянием бухарестских интриг, не спешило поставить подпись под пактом и продолжало подыгрывать румынскому правительству в саботировании заключения соглашения с СССР¹²⁸.

20 октября декретом короля было утверждено новое румынское правительство во главе с Ю. Маниу, пришедшее на смену правительству Вайды-Воевода. В правительстве Маниу пост министра иностранных дел занял Н. Титулеску, что окончательно предопределило срыв советско-румынских переговоров. 29 октября на своем заседании кабинет заслушал доклад нового министра иностранных дел о внешней политике Румынии. Судя по официальному коммюнике, линия Титулеску в вопросе советско-румынского пакта была полностью одобрена¹²⁹. Это подтверждается и интервью премьер-министра, помещенным днем раньше в правительственном офицозе¹³⁰.

На изменение негативного отношения Бухареста к пакту не могла оказать никакого влияния и позиция Польши как румынского союзника. Последняя в конце концов была вынуждена решительно заявить румынскому правительству, что если Румыния не внесет разумные предложения, направленные на достижение соглашения с СССР, «то Польша сочтет себя свободной в ратификации пакта»¹³¹. Польская миссия в Париже 3 ноября сообщала французскому правительству, что «Румыния не желает прийти к соглашению с Советским Союзом»¹³².

Картина, которая вырисовывалась из многих источников информации, говорила о том, что действия Титулеску и других

¹²⁷ DDF, serie 1, t. 1, p. 492.

¹²⁸ ДВП СССР, т. XV, док. 420.

¹²⁹ «Universul», 31.X 1932.

¹³⁰ «Dreptatea», 30.X 1932.

¹³¹ ДВП СССР, т. XV, док. 423.

¹³² DDF, serie I, t. I, doc. 291.

румынских политиков, разделявших его негативную точку зрения на пакт, не только не улучшили, но значительно осложнили положение¹³³.

Исходя из учета обострившегося международного положения и тех империалистических акций, которые были направлены непосредственно против Советского государства¹³⁴, румынские правящие круги полагали, что недалеко то время, когда ведущие державы Европы, а также Япония выступят единым фронтом против Страны Советов. А коль так, то определенную роль в этом должна будет играть и Румыния. При такой перспективе, рассуждали в Бухаресте, связывать себе руки пактом с Советами было бы нарушением обязательств Румынии «защитить западную цивилизацию». Смысл такой политики 23—24 ноября 1932 г. был отчетливо продемонстрирован с трибуны румынского парламента. В эти дни отдельно на заседаниях палаты депутатов и сената Титулеску, занявший 20 октября 1932 г. пост министра иностранных дел, выступил с пространым докладом о внешней политике. Ту часть доклада, которая касалась истории советско-румынских переговоров и тех условий, на которых Советское правительство было готово возобновить переговоры, он с пафосом искусного оратора закончил: «На такой пакт о ненападении Румыния не может согласиться ни сегодня, ни когда-либо в будущем»¹³⁵.

Оправдывая позицию своих правителей и их открытое нежелание нормализовать советско-румынские отношения, один из проповедников румынского национализма Н. Касиан высказывал и такое мнение, что заключение пакта с СССР приведет к «разрушению блока Малой Антанты — единственной силы, направленной против большевизма в Центральной Европе и на Балканском полуострове»¹³⁶.

Подчеркнуто отрицательное отношение румынского парламента к пакту с СССР освободило Францию и Польшу от морального и фактического «обязательства» поддерживать Румынию в ее восточной политике. 27 ноября Польша ратифицировала советско-польский договор. Отмечая это событие, М. М. Литвинов в интервью французской газете «Пти паризьен» заявил, что этот акт полон глубокого значения для СССР и Польши. «Но его значение, — продолжал нарком, — во много раз возрастет с точки зрения сохранения всеобщего мира, поскольку сторонники нарушения мира и антисоветской интервенции

¹³³ «Monitorul oficial», partea III. Desbateri parlamentare 28.XI 1932, № 6, p. 44; ДВП СССР, т. XV, док. 420, 427.

¹³⁴ Денонсация 7 октября советско-английского торгового договора, нежелание Франции форсировать франко-советские торговые переговоры, резкое ухудшение германо-советских торговых и экономических связей.

¹³⁵ «Monitorul oficial», partea III, 28.XI 1932, N 6, p. 48.

¹³⁶ *Coslan N. Alianța militară romano-polono-sovietică? Este oare posibil?* [Buc.], 1933, p. 3—4.

строили свои надежды и планы главным образом на обострении отношений между СССР и его сильнейшим западным соседом — Польшей и, в конечном счете, на вооруженном столкновении между ними. Этим надеждам и планам нанесен теперь большой удар...»¹³⁷

Двумя днями позже, 29 ноября, произошло еще более важное событие — в Париже премьер-министром Эррио и советским полпредом В. С. Довгалеvским был подписан советско-французский пакт. «Заключение пакта о ненападении с Францией после заключения аналогичных пактов с Польшей и другими нашими соседями,— подчеркивал М. М. Литвинов в том же интервью,— дает нам особенное удовлетворение... потому, что мы в этом видим осуществление идеи двусторонних пактов о ненападении, выдвинутой Советским правительством много лет тому назад, еще задолго до предложения Келлога»¹³⁸.

Окончательный отказ правительства Румынии от подписания договора с СССР, особенно в условиях важнейших событий, связанных с заключением советско-французского и ратификацией советско-польского пактов, вызвал бурю негодования среди румынской демократической общественности в адрес своих незадачливых правителей. Срыв советско-румынского пакта она рассматривала как удар по коренным интересам в первую очередь румынского народа. Печатный орган демократического союза «Антивоенный комитет», разоблачая стремление румынского правительства уйти от насущной необходимости нормализации отношений с СССР, писал: «Массы, т. е. подавляющее большинство населения Румынии, желают возобновления нормальных отношений с Советским Союзом, заключения русско-румынского пакта о ненападении»¹³⁹. Руководящие политики Румынии, однако, были глухи к требованиям народа обеспечить безопасность страны. «Вся деятельность румынской буржуазии и помещиков после первой мировой войны,— как правильно подчеркивают румынские исследователи Д. Туцу и В. Александреску,— была направлена по линии милитаризма и антисоветизма. Создание военных баз, развитие военной промышленности, интенсивное вооружение армии, проведение военных маневров, постоянные визиты в Румынию штабных офицеров империалистических держав, создание разного рода организаций фашистского и военного характера являлись конкретным доказательством того, что эксплуататорские классы Румынии интенсивно готовили войну против Советского государства»¹⁴⁰.

¹³⁷ «Известия», 1932, 30 ноября.

¹³⁸ Там же.

¹³⁹ «*Bulletinul Comitetului de acțiune împotriva războiului*», 2.XI 1932.

¹⁴⁰ *Tuțu D., Alexandrescu V. Din lupta PCR împotriva politicii guvernelor burghezo-moșierești de militarizare a țării (1921—1933).*— «*Studii*», 1962. N 3, p. 619.

Если нежелание румынских руководителей заключить пакт с СССР рассматривать не только с точки зрения румыно-советских отношений, но и с точки зрения общеевропейской политики, то напрашивается вывод, что объективно их действия служили политике наиболее реакционных правящих кругов держав капиталистической Европы, не перестававших мечтать об организации крестового похода на Страну Советов.

2. ЛОНДОНСКИЕ КОНВЕНЦИИ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССОРА И СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

С приходом нацистов к власти и образованием очага войны в центре Европы резко ухудшилось политическое положение на европейском континенте. Германские фашисты усилили пропаганду экспансионистских планов, направленных против Советского Союза, а также восточноевропейских стран.

План захвата советских территорий германскими империалистами был изложен официально и открыто перед всем миром в меморандуме министра экономики А. Гугенберга на международной экономической конференции в Лондоне в середине июня 1933 г. Все недуги капиталистического мира и в частности Германии, подчеркивалось в меморандуме, якобы проистекали не из-за пороков самой этой системы, а из-за «революции и внутренней разрухи» в России. Чтобы ликвидировать «недопотребление» германского народа из-за «отсутствия» «жизненного пространства» и обеспечить процветание фашистской Германии, внушалось в гитлеровском документе, западные страны совместными усилиями должны положить конец «революции и внутренней разрухе, которые нашли свою исходную точку в России»¹⁴¹. Иначе говоря, это был призыв ко всеобщей войне против Советского Союза и захвату его территории для германской колонизации.

По поручению Советского правительства полпред в Берлине Л. М. Хинчук 22 июня выразил резкий протест германскому правительству в связи с выступлением Гугенберга и его призывом к крестовому походу против СССР. Враждебные заявления германского министра, подчеркивалось в ноте, «стоят в резком противоречии с обязательствами, принятыми на себя германским правительством по договору о дружбе и нейтралитете, заключенному в Берлине 24 апреля 1926 г.», и свидетельствуют о нарушении этого договора со стороны Германии¹⁴². В ответ на это министр иностранных дел Германии К. Нейрат и статс-секретарь МИД Б. Бюлов, нисколько не смущаясь, стали уве-

¹⁴¹ ДВП СССР, т. XVI, док. 189.

¹⁴² Там же.

рять советского полпреда в том, что Советское правительство, видите ли, не поняло и исказило в своей ноте смысл германского меморандума на экономической конференции ¹⁴³, что Германия в отношении СССР «неизменно» стоит на точке зрения традиционной «дружбы» и заверяет, что она никогда не примет участия «ни в каких» интервенционистских планах против Советского Союза и «не имеет никаких» территориальных притязаний к нему ¹⁴⁴.

Советскому полпреду, однако, не стоило никакого труда показать Нейрату и Бюлову, что их клятвы в «дружбе» носят лицемерный характер. Л. М. Хинчук в беседе с германскими дипломатами подчеркнул, что их заверения полностью опровергаются широкой антисоветской кампанией в германской прессе, невыносимым положением, созданным вокруг советских учреждений в Германии, моральной и финансовой поддержкой белогвардейских военизированных организаций на германской территории ¹⁴⁵.

Протест Советского правительства, к сожалению, не возымел нужного действия на клику Гитлера. Явный, ничем не прикрытый, враждебный Советскому Союзу курс германских политиков развивался с прежней силой. Это вынуждало Советское правительство выступать с новыми протестами. В течение 1933 г. советское полпредство направило МИД Германии 217 нот, не считая бесчисленных устных представлений ¹⁴⁶. Все это делалось для того, чтобы сдержать волну антисоветизма и оградить советские учреждения и советских граждан в Германии от враждебных действий германских властей. Заместитель наркома Н. Н. Крестинский 3 апреля заявил представителю германского посольства в Москве, что для сохранения дружественных отношений между СССР и Германией необходимо, чтобы германское правительство немедленно положило конец всем этим эксцессам ¹⁴⁷.

Берлин, однако, практически продолжал прежнюю линию. Несколько позднее в беседе с германским поверенным в делах в СССР Твардовским нарком М. М. Литвинов констатировал: «Аусамт любезно принимает наши протесты, выражает сожаление, приносит извинения, обещает принять меры, но на следующий день антисоветские выходки повторяются. Мне кажется, что в Германии переоценивают наше терпение... Очевидно, нужны более сильные средства, чтобы заставить германское правительство почувствовать, что нашему терпению есть предел» ¹⁴⁸.

¹⁴³ Там же, док. 190, 209.

¹⁴⁴ Там же, док. 190.

¹⁴⁵ Там же, док. 209.

¹⁴⁶ Там же, с. 814.

¹⁴⁷ Там же, с. 824.

¹⁴⁸ Там же, док. 301.

Советские руководители с чрезвычайным недоверием и скепсисом отнеслись к «миролюбивым» заявлениям Гитлера 23 марта и 17 мая в рейхстаге, к ратификации, после почти двухлетних проволочек, Московского протокола к Берлинскому договору, считая эти выступления и акты маневром, имеющим лишь одну цель — выиграть время и камуфлировать действительное направление внешней политики, продолжавшей оставаться резко антисоветской¹⁴⁹. Германский посол в Москве фон Дирксен в своем политическом докладе правительству от 14 августа, давая оценку состоянию германо-советских отношений, предупреждал правительство, что углубление ухудшения германо-советских отношений будет вынуждать Советское правительство идти еще дальше на сближение с Францией, Польшей и странами Малой Антанты, что отнюдь не будет выгодно для Германии¹⁵⁰.

Осуждение Советским правительством антисоветского курса фашистской Германии наиболее полное отражение нашло в меморандуме полпреда СССР, врученном Нейрату 26 сентября 1933 г. В этом заявлении, в частности, указывается, что с января по сентябрь агентами германской полиции было произведено 39 незаконных арестов советских граждан, 69 обысков на их квартирах, не считая многочисленных задержаний и обысков на улице, что германские власти подорвали и дезорганизовали работу торгпредства СССР, хозяйственную и экономическую деятельность советско-германского общества по продаже советских нефтепродуктов «Дероп» (фашисты бесплатно выкачивали колонки с советским бензином, арестовывали и избивали его торговых агентов), советско-германского транспортного общества «Дерута», полностью отказались от закупок советских зернопродуктов, всячески тормозили советский экспорт масла, жмыха и других сельскохозяйственных продуктов. Беззаконие и нарушение германской стороной договорных отношений явились основной причиной того, что экспорт СССР в Германию в первой половине 1933 г. сократился на 44%, что создало огромные трудности с оплатой советских заказов в Германии¹⁵¹.

В заключительной части заявления советского полпреда констатировалось: «Истекшие 8 месяцев были устрашающим образом насыщены резкими политическими кампаниями, направленными против СССР, которые не имеют себе равных во всей истории советско-германских отношений»¹⁵². Это говорило не о чем другом, как только о переориентации внешней политики Германии в соответствии с требованиями, изложенными в меморандуме Гугенберга. Беззакония и бесчинства по отношению к

¹⁴⁹ ДВП СССР, т. XVI, с. 813.

¹⁵⁰ Documents on German Foreign Policy. 1919—1945 (далее — DGFP), Series C (1933—1937), vol. I. Washington, 1957, doc. 404.

¹⁵¹ ДВП СССР, т. XVI, с. 814.

¹⁵² Там же, с. 814.

советским учреждениям и организациям продолжались в том же размере вплоть до сентября, когда решительная позиция СССР в журналистском конфликте¹⁵³ заставило германское правительство всерьез задуматься над последствиями своего поведения и круто изменить свое отношение к советским учреждениям и гражданам в Германии¹⁵⁴.

Антисоветский курс германских правителей был разоблачен Литвиновым в беседе с Нейратом, имевшей место 28 октября, в момент пребывания наркома в Берлине проездом в Вашингтон для переговоров с президентом Рузвельтом по установлению советско-американских дипломатических отношений. Литвинов заявил германскому министру, что для внешнего мира германскими политиками «произносятся речи о миролюбии, и в то же время страна явно воспитывается в духе милитаризма и глаорифицируется война; германские официальные агитаторы при каждом удобном и неудобном случае говорят о прошлых и возможных будущих заслугах (Германии) по борьбе с большевизмом». Все это, подчеркнул нарком, за границей «принимается как предложение услуг по искоренению большевизма и вне границ Германии». Народный комиссар не прошел мимо попыток Берлина включить в антисоветский фронт Францию и Польшу. Он предупредил германского дипломата о возможных неприятных последствиях этих попыток для самой Германии. Полушутя, полусерьезно Литвинов заметил, что советское «расположение к Франции и Польше будет повышаться по мере роста любви Германии к ним»¹⁵⁵.

Сложность международной обстановки накладывала глубокий отпечаток и на советско-польские и советско-румынские отношения, а также на отношения между СССР и Прибалтийскими странами.

¹⁵³ Вскоре после прихода к власти фашистские правители создали для советских журналистов в Германии такие условия, в которых они были лишены возможности выполнять свои функции. Корреспонденты «Правды», «Известий» и ТАСС неоднократно подвергались обыску и арестам. В марте они были лишены допуска на открытие рейхстага, а в сентябре им не дали права присутствовать на лейпцигском процессе по делу о поджоге здания рейхстага, хотя на этих мероприятиях присутствовал весь корпус иностранных журналистов, аккредитованных при МИД Германии. Действия фашистских властей в отношении советских журналистов не могли не вызвать резких протестов и ответных мер со стороны СССР. Советское правительство вынесло решение отозвать советских журналистов из Германии и предложить представителям германской прессы в течение трех дней покинуть пределы СССР.— ДВП СССР, т. XVI, с. 536—540, 858—859. Получив резкий отпор, германское правительство было вынуждено просить Советское правительство отменить решение о высылке германских журналистов и обоюдно уладить этот вопрос. Только после этого германскими властями был снят особый режим для советских журналистов.— Там же, док. 301, 329.

¹⁵⁴ ДВП СССР, т. XVI, с. 815.

¹⁵⁵ Там же, док. 329.

Польша, находясь во власти наиболее воинственных кругов польской буржуазии, не была сторонницей добрососедских отношений со Страной Советов. Советско-польский пакт о ненападении, вошедший в силу 23 декабря 1932 г., улучшил отношения между СССР и Польшей, но не настолько, чтобы можно было считать их полностью нормальными. Значительная часть правящих кругов, особенно представители крупных аграриев из восточных областей страны, открыто выражала недовольство сдвигами в нормализации отношений с Советской страной и доходила до призыва в печати (и это при жестокой правительственной цензуре!) к подготовке нового вооруженного выступления против СССР¹⁵⁶. Да и само польское правительство, решающую роль в котором играли Пилсудский и Бек, вело двойственную политику в отношении СССР, оставляя запасные ходы для отступления и для поиска путей для сделок с реакционными, воинственными кругами Запада и в первую очередь с кругами фашистской Германии. При встрече с английским премьером Р. Макдональдом и министром иностранных дел Дж. Саймоном Бек, желая угодить Берлину, признался, что «он не хочет, чтобы создалось впечатление, что нельзя трогать договоры, но их нельзя трогать без согласия участников этих договоров», и что «договоры не являются неприкасаемыми»¹⁵⁷. Германским реваншистам для начала было достаточно и этого. Но на определенном отрезке времени (конец 1932 г. и первые месяцы 1933 г.) польские политики допускали возможность улучшения советско-польских отношений.

Свои показательные шаги по улучшению отношений с СССР внешне и перед всем миром они умышленно преподносили в преувеличенном плане. В этом направлении ими велась систематическая пропаганда, искажавшая истинное положение вещей. Польским правителям она была нужна в качестве ширмы, чтобы прикрыть уже намеченные поиски политических сделок с гитлеровской Германией.

На двуличие польской внешней политики в рассматриваемое время указывали даже отдельные депутаты в польском сейме. Об этом в прениях по вопросу внешней политики говорила Д. Клушинская¹⁵⁸. А сенатор С. Козицкий, чтобы предотвратить развитие опасного для страны курса, в своем заявлении 24 февраля подчеркнул: «Настоящей опасностью для польского государства являются реваншистские стремления Германии и... из этого следует делать выводы о дальнейшей политике Польши. Мы говорили, что нам надо стремиться к договоренности с на-

¹⁵⁶ Документы... советско-польских отношений, т. VI, М., 1969, док. 2.

¹⁵⁷ Documents on British Foreign Policy, 1919—1939. (далее — DBFP), series II, vol. V, London. 1956, doc. 42.

¹⁵⁸ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 13.

шим восточным соседом и не строить иллюзий относительно политики Германии»¹⁵⁹.

Советская дипломатия воздерживалась показывать истинный уровень советско-польских отношений и старалась хранить молчание в силу нараставшей напряженности в советско-германских взаимоотношениях¹⁶⁰.

Поведение Польши у Советского правительства вызывало настороженность. Сдержанность Варшавы в отношении дальнейшего сближения с СССР, несмотря на то, что международная обстановка и тогдашнее состояние советско-польских отношений как будто должны были толкать Польшу к углублению отношений с Советским Союзом, еще больше бросалась в глаза в рассматриваемое время в связи со смягчением польско-германских отношений и усилением в Польше тенденций договориться с Германией¹⁶¹. Польские правящие круги стремились использовать нараставшую угрозу вооруженного выступления Японии против СССР и, естественно, приветствовали усилившуюся поддержку гитлеровской Германией восточной колониальной политики Польши. С началом японо-советского конфликта польские правители связывали возможность оккупации Польшей Литвы, а затем вторжение польской армии и в пределы Советского Союза¹⁶². Хотя международная ситуация в Европе не благоприятствовала соглашению Польши с Германией, все же намечавшаяся тенденция польско-германского сближения тревожила Советское правительство и представляла серьезную опасность для Советской страны. Вовне, как указывалось выше, пилсудчики демонстрировали «улучшение» отношений с СССР, но на деле не допускали углубления этих отношений и никоим образом не желали связывать себе руки какими-либо важными двусторонними соглашениями с Советским Союзом.

Поведение Варшавы вызывало раздражение и у Франции¹⁶³. В период крушения Версальской системы она как никогда нуждалась в поддержке своих союзников. Но польское правительство, и особенно Бек, не хотело сохранять контакты с Францией на прежнем уровне.

Двусмысленно перед Советским Союзом вели себя страны Прибалтики — Финляндия, Латвия, Эстония, в определенной степени и Литва. Несмотря на наличие между СССР и этими странами пактов о ненападении, они оставались серьезными очагами опасности непосредственно для северо-западных границ Советской страны. Они были излюбленными местами пристанища и активной политической деятельности русской белой эмигра-

¹⁵⁹ Там же, док. 11.

¹⁶⁰ Там же, док. 15.

¹⁶¹ ДВП СССР, т. XVI, док. 186.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Там же.

ции, находившейся в тесном союзе с местными реакционными кругами. Более того, здесь действовали и филиалы ряда международных белогвардейских организаций. Все они вели систематическую антисоветскую деятельность. В этих странах на русском и местных языках издавались газеты, ведущие антисоветскую пропаганду, и велись враждебные СССР радиопередачи. Деятельность белогвардейских организаций в Прибалтике финансировалась и направлялась в основном английскими, французскими, американскими и японскими разведорганами. Большую поддержку русской эмиграции оказывала также Польша¹⁶⁴. Правительства Прибалтийских стран, к сожалению, мирились с подрывной в отношении Советской страны работой этих белогвардейских организаций, нарушая тем самым договорные отношения с Советским Союзом.

Советское правительство не могло закрывать глаза не только на деятельность этих реакционных сил, но и на «безразличное» отношение к их деятельности со стороны местных правительств. Советские полпреды в Латвии, Финляндии делали представления правительствам этих стран и требовали принятия мер к прекращению работы враждебных Советскому Союзу эмигрантских и иных организаций¹⁶⁵.

Но предпринимаемые Советским правительством шаги к дальнейшему укреплению отношений с Финляндией и другими Прибалтийскими странами наталкивались на негативные действия внутренней реакции и на антисоветские происки в этих странах гитлеровской Германии, а также Англии, Польши и даже Франции¹⁶⁶. Почва для действий европейского империализма в этом регионе становилась исключительно благоприятной, поскольку Прибалтийские страны, не теряя тесных связей с «западными демократиями», взяли определенный курс на укрепление политических и экономических отношений и с германским рейхом.

Большое беспокойство у Советского Союза вызывало поведение Румынии. Отношение Румынии к СССР было крайне враждебное. Она не только сорвала заключение с СССР пакта о ненападении, но и не желала устанавливать с ним и дипломатических отношений. Направление этого курса обуславливалось как стремлением во что бы то ни стало удержать оккупированные советские территории, так и страхом перед усилившимся в годы кризиса революционизирующим воздействием успехов социалистического строительства в СССР на румынских трудящихся. Для румынского рабочего класса и крестьянства СССР служил маяком в их революционной борьбе, на подавление которой правящие круги бросали все свои силы — армию, жандар-

¹⁶⁴ См. *Сиполс В.* Указ. соч., с. 195.

¹⁶⁵ ДВП СССР, т. XVI, док. 137. *Сиполс В.* Указ. соч.; с. 196.

¹⁶⁶ ДВП СССР, т. XVI, док. 137, 334, 414; *Сиполс В.* Указ. соч., с. 193—195.

мерию, полицию и фашистские организации («железную гвардию», кузистов, гогистов). С приходом нацистов к власти румынская реакция в борьбе с революционным движением широко использовала помощь нацистов, которые через внешнеполитический отдел нацистской партии — отдел А. Розенберга активно опекали и направляли румынских фашистов¹⁶⁷. Карательные меры румынской реакции против революционных сил страны, выступавших за дружбу с СССР, вызывали новую волну политических протестов.

Антисоветизм не только был содержанием восточной политики Румынии и румыно-польского военно-политического союза, но он использовался и в сложной дипломатической игре с ведущими странами Запада. В рассматриваемый период Румыния, не отказываясь от тесных отношений с Францией, предпринимала неоднократные попытки установить сотрудничество и с гитлеровской Германией. При этом речь шла не только об экономических связях. Но начать было решено с расширения торговых отношений¹⁶⁸. В силу этого король и Титулеску проблеме укрепления экономических связей с Германией поставили в плоскость высокой политики. По их указанию в мае 1933 г. румынский посланник в Берлине Петреску-Комнен добился встречи с Гитлером, которая, по расчетам Бухареста, должна была заложить основы для развития румыно-германских торговых отношений. Но она, вопреки ожиданиям румынской стороны, не увенчалась успехом. На жалобу румынского посланника относительно отсутствия активных румыно-германских экономических и торговых связей, «фюрер» заявил, что «Румыния, как член Малой Антанты, всегда противостояла Германии и ее требованиям», а поэтому она не заслуживает того, чтобы идти ей навстречу. Присутствовавший на беседе Нейрат записал: «Рейхсканцлер говорил очень резко и в ответ на заявление Комнена, что румынское правительство и министр иностранных дел Титулеску придают большое значение хорошим отношениям с Германией, ответил, что это только слова. Фактическая позиция румынского правительства и Титулеску не согласуются с делами»¹⁶⁹. Спустя три недели (14 июня) на обеде в румынской миссии, который Комненом давался в честь фашистского главы Розенберга, последний, развивая мысли «фюрера», заявил: «Для того чтобы нормализовать торговые отношения с Германией, Румыния должна в первую очередь оставить другие союзы и войти в орбиту политического влияния Германии»¹⁷⁰. Официа-

¹⁶⁷ «Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны». Перевод с венгерского. М., 1962, док. 5; DGFP, Series C, vol. I, doc. 415, 496.

¹⁶⁸ DGFP, Series C, vol. I, doc. 5.

¹⁶⁹ Ibidem, doc. 264.

¹⁷⁰ Raport 16 iunie 1933 din Berlin, semnat Comnen — Arh. MAE, fond 71 (Germania), vol. 74, n/p.

ально и открыто сделать такой шаг Румыния пока воздерживалась. О необходимости форсированного развития румыно-германских экономических связей говорил и Титулеску в беседе с Нейратом, имевшей место 21 июня в Лондоне ¹⁷¹.

Все же определяющими моментами двойственной политической игры Румынии были не переговоры о расширении румыно-германской торговли, а попытки румынских руководителей достичь политического взаимопонимания с гитлеровской Германией.

Не успели высохнуть чернила на румынской подписи под «Организационным пактом» Малой Антанты, утвержденным 16 февраля 1933 г. на женевской сессии министров иностранных дел стран Антанты и придававшим этому политическому организму форму единого политического союза, как румынский посланник в Берлине по поручению Бухареста поспешил заверить германское правительство в том, что «оборонительные» функции Малой Антанты не задевают интересов рейха и что «политическая и экономическая гармония Германии и Румынии... не может быть нарушена никакими соглашениями Малой Антанты». Более того, румынский посланник в своих дружеских чувствах к нацистам дошел до того, что заявил: «Румыния будет равнодушна к ревизионистским устремлениям Германии», если последняя не будет проявлять агрессивных акций на Юго-Востоке ¹⁷². Посланник явно дал понять своему собеседнику, статс-секретарю МИД Германии Бюлову, что Румынии нет дела до того, что Германия собирается сводить территориальные счета с Польшей и Чехословакией.

А когда речь зашла о том, каково же назначение организационного укрепления Малой Антанты, то полномочный представитель румынского королевства в «конфиденциальном порядке» разъяснил Бюлову, что укрепление Антанты обусловлено «негодованием Румынии в адрес Польши из-за ее решения заключить пакт о ненападении с СССР и опасениями (Бухареста), как бы другие страны Малой Антанты не последовали примеру Польши» ¹⁷³. «Вот почему,— подчеркнул Комнен,— в соглашение Малой Антанты были включены новые взаимные обязательства не заключать никаких политических договоров без согласия других членов» ¹⁷⁴.

Антисоветскую направленность Малой Антанты несколько лет спустя признал и ее страстный вдохновитель Н. Титулеску

¹⁷¹ DGFP, Series C, vol. I, doc. 328.

¹⁷² Ibidem.

¹⁷³ Ibidem.

¹⁷⁴ Ibidem. МИД Германии заявление Комнена посчитало настолько важным, что сочло необходимым его содержание довести до сведения своих посольств и миссий в Москве, Париже, Лондоне, Риме, Варшаве, Женеве и в столицах Балканских государств. Меморандум был разослан 28.II 1933.

в интервью корреспонденту французской газеты «Эпоха» Раймону Кардые¹⁷⁵.

«Конфиденциальная» политика румынского правительства, изложенная Комненом в беседе с Бюловым, была довольно близка к точке зрения лидеров румынских фашистов, требовавших от своего правительства выразить Польше и Франции резкое недовольство за их решение заключить пакты о ненападении с СССР, а к Германии проявить особое внимание с тем, чтобы достичь с ней установления тесных экономических и политических отношений. Эти задачи, поставленные перед руководителями страны, были четко определены в выступлениях в печати лидера «Лиги национал-христианской защиты» А. Кузы и его речах в румынском парламенте в конце 1932 и начале 1933 г.¹⁷⁶

Стремление Бухареста играть на двух козырных картах — французской и германской, с тем чтобы упрочить свои позиции на Востоке и на границах с Венгрией и Болгарией, толкало руководителей румынского королевства на исключительно рискованные в дипломатической практике шаги. В середине марта 1933 г., спустя три недели после беседы Комнена с Бюловым, король и Титулеску, стоявшие у штурвала румынской внешней политики, через сугубо доверенных у «фюрера» лиц начали проводить зондаж об организации личной интимной встречи румынского министра иностранных дел с рейхсканцлером.

От главаря румынских национал-социалистов полковника в отставке Штефана Татареску бухарестский корреспондент центрального органа германских фашистов «Фёлькишер беобахтер» капитан в «отставке» Фридрих Вебер 18 марта получил запись, продиктованную Титулеску. В ней указывалось: «1. Титулеску считает, что официальное сближение Румынии с Германией желательно и необходимо; 2. Польская проблема не представляет препятствий для осуществления упомянутого желания. Польша совершенно не волнует Титулеску; 3. Поскольку нет ясности в отношениях между Румынией и Германией, то Румыния не может порывать связей с Францией; 4. Независимо от официального дипломатического шага в этом направлении, который, возможно, сделает Титулеску, последний просит, чтобы его желание и вышеуказанные идеи были доложены рейхсканцлеру...; 5. Титулеску хотел бы знать позицию канцлера по этим вопросам и по возможности он должен указать, каким путем можно было бы осуществить [румыно-германское] сближение; 6. Титулеску хочет иметь дело только лично с рейхсканцлером — не через дипломатические каналы — и будет ждать ответа через личного эмиссара канцлера»¹⁷⁷.

¹⁷⁵ «L'Epoque», 6.VI 1939.

¹⁷⁶ Cuza A. C. Indrumări de politică externă. Discursuri parlamentare rostite în anii 1926—1936. Buc. [1941], p. 78—79, 105.

¹⁷⁷ DGFP, Series C, vol. I, doc. 118.

Вебер, представляя нацистскому руководству проекты Титулеску, отмечал, что они рождены не только усилиями последнего. Воззрения министра иностранных дел Титулеску, подчеркивал личный агент канцлера, полностью отражают настроение самого Кароля II. Это убеждение капитан в «отставке» вынес из беседы с королем, давшим ему днем раньше аудиенцию. «Темой разговора с королем,— зафиксировал Вебер,— было новое развитие в Германии. При этом разговоре вопрос о германской восточной границе дискутировался особенно подробно. Король тоже подчеркнул, что он придает большое значение укреплению отношений между Румынией и Германией. Польский вопрос не является в этом препятствием»¹⁷⁸.

Соображения Титулеску были представлены на рассмотрение руководства МИД и внешнеполитической службы рейхсканцлера¹⁷⁹. Гитлеровские дипломаты к задуманной румынским министром акции отнеслись с подозрением и осторожностью. Но стук Титулеску в дверь «фюрера» они, не зная мнения последнего, очевидно, не решились игнорировать. Было выработано следующее предложение: через Вебера направить Штефану Татареску для передачи Титулеску согласованный с Гитлером ответ такого содержания: «Мы (руководители Германии) не знаем никаких причин, которые могли бы вызвать политические трения между Румынией и рейхом. При проведении своего внешнеполитического курса у Румынии не должно быть препятствий для положительного отношения к проблемам, затрагивающим жизненные интересы Германии. Таким образом политические отношения между Германией и Румынией могли бы автоматически укрепиться в соответствии с желаниями обеих сторон»¹⁸⁰. Ответ, как видно из германских документов, в этой или близкой к этой редакции был отправлен, поскольку уже 26 апреля германский поверенный в делах в Бухаресте Кирххольтес доносил руководству МИД, что Титулеску получил «по частным каналам приглашение от рейхсканцлера Германии на личные переговоры в Мюнхен... румынский министр сказал, что он принимает это приглашение с великим удовольствием, но не может в настоящее время назначить какую-либо дату. О времени встречи он сообщит примерно за неделю»¹⁸¹. На документе Нейрат собственноручно сделал пометку: «Выполнено. Рейхсканцлер сказал, что Титулеску выразил желание встретиться с ним»¹⁸².

Встреча румынского политика с Гитлером не состоялась. И не состоялась она из-за нерешительности Титулеску. Румынский дипломат, очевидно, понял, что его встреча с «фюре-

¹⁷⁸ DGFP. Series C., vol. I. doc. 118.

¹⁷⁹ Ibidem.

¹⁸⁰ Ibidem.

¹⁸¹ Ibidem., doc. 189.

¹⁸² DGFP, Series C, vol. I, doc. 189, 395.

ром» выглядела бы, в случае просачивания сведений во внешний мир, слишком одиозно и могла бы повлечь за собой тяжелые последствия для румыно-французской и румыно-маломолантовской дружбы.

Однако намерения Титулеску проложить мостик дружбы с «фюрером» показывали истинное лицо официальной Румынии. Руководители фашистской Германии еще раз уверились в том, что союзные отношения Румынии с Францией и Малой Антантой не настолько «сердечные», как это стараются преподносить про-французские круги в Бухаресте, а в восточной политике Гитлера румынское королевство может стать надежным союзником, а в дальнейшем — составной частью антисоветского фронта. В противном случае трудно было бы понять смысл официальной беседы Титулеску с Нейратом, проходившей 21 июня во время международной экономической конференции в Лондоне. На этой встрече Титулеску заявил, что Румыния является противником воссоединения Австрии с Венгрией, но она «не имела бы возражений против аншлюса Австрии с Германией». Далее собеседник Нейрата ясно дал понять, что если Берлин откажется от активной поддержки венгерских ревизионистских требований, то у Румынии не будет «причин оказывать сопротивление германским ревизионистским устремлениям»¹⁸³. Считая, что обсуждение этих острых для сторон политических проблем не закончено, в заключение Титулеску сказал, что «он может приехать в Берлин с визитом через несколько месяцев»¹⁸⁴.

Перспектива политических «выгод» от наступившей, как казалось румынским политикам, поры установления тесных отношений с фашистской Германией не давала покоя и Ал. Вайде-Воеводе — колоритному, по румынским масштабам, политическому деятелю, находившемуся в то время во главе правительства Румынии. Получив через своих людей сведения о тайных намерениях Титулеску установить прямой контакт с Гитлером, он решил тоже действовать, чтобы не упустить пальму первенства в этом деле. К тому же у Вайды для установления интимных связей с верхушкой фашистской Германии имелись большие возможности, поскольку он был в тесном контакте с руководителями немецкой этнической группы в Румынии. Своим личным посланцем в Берлин Вайда избрал Брандша — депутата румынского парламента от германского меньшинства в Румынии, занимавшего в 1931—1932 гг. пост заместителя государственного секретаря по меньшинствам в румынском правительстве¹⁸⁵. Последний появился в столице рейха в первых числах августа. В беседе с министерским директором МИД Германии Риттером гонец Вайды открыто заявил, что премьер-министр

¹⁸³ Ibidem, doc. 328.

¹⁸⁴ DGFP, Series C, vol. I, doc. 328.

¹⁸⁵ Ibidem, doc. 395.

Румынии поручил ему в Берлине выяснить: «во-первых, желает ли германское правительство восстановить прежние дружественные отношения с Румынией в экономической и политической областях; во-вторых, если у Германии есть такое желание, то какими путями этого можно достичь»¹⁸⁶. Далее Брандш добавил, что «ориентация только на Францию не удовлетворяет румынское правительство. Ему лично это известно из беседы с королем», а его поездка в Берлин по поручению премьера принята с ведома Кароля II¹⁸⁷.

Выражения желаний румынских правителей установить тесное экономическое и политическое сотрудничество с гитлеровской Германией, которое обеспечивало бы захватнические цели и Румынии, пока что слабо действовали на Берлин. Клика Гитлера, зная непостоянство румынских политиков, не считала их намерения серьезными и рассматривала их как отражение двойственной политики. Риттер прямо заявил Брандшу, что прежде чем искать дружбы с Германией, Румыния должна сделать решительный шаг в изменении своего внешнеполитического курса¹⁸⁸, т. е. порвать союзные отношения с Францией и перестать идти в фарватере последней.

В условиях нарастания опасности вооруженного выступления Японии против СССР и создавшейся угрозы нарушения мира в Европе гитлеровской Германией, пользовавшейся определенной поддержкой реакционных сил и ряда других стран Европы, правительство Союза ССР должно было проявлять особую бдительность и предпринимать новые шаги по укреплению своих внешнеполитических позиций, по укреплению мира во всем мире. Борясь за сохранение мира в Европе и Азии, Советское правительство, естественно, уделяло особое внимание обеспечению мира на своих собственных границах и вблизи их.

В борьбе за мир особое значение советскими руководителями придавалось налаживанию тесных отношений с Францией, которая по целому ряду причин занимала более последовательную позицию в отношении принципа неделимости мира, чем другие европейские государства. Используя отсутствие каких-либо государственно-политических противоречий между странами и большое взаимное стремление советского и французского народов к сохранению всеобщего мира, Советский Союз после заключения пакта о ненападении добился значительного сдвига во взаимоотношениях с Францией. Председатель Совнаркома СССР В. М. Молотов во время приема французского посла Ш. Альфана подчеркивал: «Мы высоко ценим укрепление и улучшение франко-советских отношений. Я считаю, что в последний период времени на этом пути может быть отмечен существ-

¹⁸⁶ DGFP, Series C., vol. I, doc. 395.

¹⁸⁷ Ibidem.

¹⁸⁸ Ibidem.

венный прогресс. Советское правительство целиком и полностью разделяет мнение о том, что у Франции и СССР нет противоположных интересов. Я отмечаю, что урегулирование и улучшение отношений между нашими странами полезно как для наших стран, так и для дела укрепления всеобщего мира»¹⁸⁹. Он выразил также надежду, что с развитием политических взаимоотношений французское правительство будет стремиться и к широкому экономическому сотрудничеству с СССР¹⁹⁰.

Из стран «санитарного кордона», от поведения которых в значительной степени зависела безопасность советских западных границ, наибольшее внимание Советское правительство уделяло Польше. Советские руководители отдавали себе отчет в том, что классовая ненависть польских правящих кругов к СССР и их давние агрессивные замыслы в отношении Советской страны не дадут возможности достичь с Польшей полного взаимопонимания. В силу этого в рассматриваемый период Советским правительством ставились ограниченные задачи: достичь в области межгосударственных отношений относительной нормализации, а в крайнем случае — удержать Польшу от вступления в лагерь гитлеровской Германии. В этом направлении и протекала деятельность советской дипломатии. В беседе с польским посланником в СССР Лукасевичем 23 марта 1933 г. Литвинов заявил: «Мы теперь стараемся... удалить те мелкие занозы, которые оставались издавна в советско-польских отношениях, для того чтобы можно было беспрепятственно осуществлять намерения, лежащие в основе пакта о ненападении»¹⁹¹. При этом нарком обратил внимание польского правительства на то, что предпринимаемые Советским правительством шаги по сближению с Польшей имеют важное значение для укрепления и польских внешнеполитических позиций, поскольку Германия уже выдвинула конкретные претензии не только на Австрию, но и на Данциг. Но, к великому сожалению, уже в середине 1933 г. становилось ясным, что «польское правительство, — подчеркивалось в письме члена коллегии НКВД Б. С. Стомонякова полпреду в Варшаве, — отнюдь не имеет в виду активизировать отношения с нами»¹⁹².

Советские руководители немаловажное значение придавали укреплению межгосударственных отношений с Прибалтийскими странами. Несмотря на их негативное отношение к Советской стране, эти государства, за исключением Финляндии, во внешней политике нередко занимали иные позиции по сравнению с позицией Варшавы. Это различие определялось в значительной степени существовавшими в то время германо-польскими за-

¹⁸⁹ ДВП СССР, т. XVI, док. 24.

¹⁹⁰ Там же.

¹⁹¹ Там же, док. 90.

¹⁹² Там же, док. 186.

мыслями о разделе их территорий между Польшей и Германией¹⁹³. Постоянно находясь под угрозой германо-польской агрессии, они в какой-то мере с пониманием относились к советским мерам защиты мира в Восточной Европе. Советское правительство прямо заявляло, что оно с большим вниманием следит за развитием событий в Прибалтике и в деле поддержания мира всегда готово выступать совместно с нею¹⁹⁴. 10 апреля 1933 г. в беседе с французским послом М. Дежаном нарком подчеркнул, что к «перекройке Балтийских государств мы не можем относиться безучастно. В Прибалтике для нас так же нежелательна польская экспансия, как и германская. Мы заинтересованы в сохранении независимости всех Прибалтийских государств»¹⁹⁵.

Выражением советских стараний обеспечить мир и добрососедство в Прибалтике было предложение М. М. Литвинова Беку совместно подписать Декларацию о гарантии независимости Прибалтийских стран. В проекте Декларации, представленном наркомом, указывалось: «СССР и Польша делают общую декларацию об их твердой решимости охранять и защищать мир на Востоке Европы. Необходимым условием этого мира оба государства считают неприкосновенность и полную экономическую и политическую независимость стран новых политических образований, выделившихся из состава бывшей Российской империи, и что эта независимость является предметом забот обоих государств. В случае угрозы независимости Прибалтийских стран СССР и Польша обязуются вступить в немедленный контакт и обсудить создавшееся положение»¹⁹⁶. Опубликование данной декларации явилось бы сильнейшим предупреждением в адрес гитлеровцев, готовившихся к походу на Восток, и пресекло бы экспансионистские вождедения и самой Польши. К сожалению, польское правительство отказалось поставить свою подпись под этим документом.

Серьезные шаги предпринимались СССР по установлению добрососедских отношений и с Финляндией. Новый советский полпред в Финляндии Б. Е. Штейн, вручая 11 января 1933 г. верительные грамоты президенту страны, сказал: «Мое Правительство возложило на меня задачу способствовать укреплению существующих между народами наших стран политических, экономических и культурных связей, которые нашли уже свое выражение в целом ряде заключенных между Правительствами Союза Советских Социалистических Республик и Финляндии договоров и соглашений»¹⁹⁷.

¹⁹³ ДВП СССР, т. XVI, док. 114; *Сиполс. В. Указ. соч.*, с. 205.

¹⁹⁴ ДВП СССР, т. XVI, док. 418.

¹⁹⁵ Там же, док. 114.

¹⁹⁶ Там же, док. 426.

¹⁹⁷ Там же, док. 8.

Важным моментом в укреплении внешнеполитических позиций СССР, сохранении мира во всем мире были усилия Советского правительства по установлению дипломатических отношений с США, занимавших особое место в истории внешнеполитических связей СССР. Между Советским Союзом и США не было никаких территориальных споров и сколько-нибудь серьезных политических противоречий. Советский народ питал искренние дружеские чувства к американскому народу. Теми же чувствами отвечал и американский народ. Об этом свидетельствовали многочисленные посещения Советского Союза виднейшими представителями американской науки, техники и искусства и выпуск в США большого количества книг, посвященных Стране Советов. Все это доказывало наличие определенной базы для политического, экономического, научного и культурного сотрудничества в интересах обеих стран.

Но предпосылки для установления советско-американских отношений появились, как известно, лишь с приходом к власти Ф. Рузвельта. Практические действия Советского правительства, говорившие о желании Советской страны установить прямые официальные контакты с правительством США, дали возможность Рузвельту обратиться 10 октября 1933 г. с посланием к председателю ЦИК СССР М. И. Калинину. Президент писал: «С начала моей администрации я считал желательным сделать попытку покончить с теперешними ненормальными отношениями между 125-миллионным населением Соединенных Штатов и 160-миллионным населением России... Трудности, создавшие это ненормальное положение, серьезны, но, по моему мнению, не неразрешимы... Если Вы такого же мнения, я был бы рад принять любых представителей, указанных Вами, для обсуждения лично со мной всех вопросов, существующих между обеими странами»¹⁹⁸. В ответном послании Рузвельту М. И. Калинин подчеркивал, что «ненормальное положение, на которое Вы справедливо указываете в своем послании, неблагоприятно отражается не только на интересах заинтересованных двух государств [СССР и США], но и на общем международном положении, увеличивая элементы беспокойства, усложняя процесс упрочения всеобщего мира и поощряя силы, направленные к нарушению этого мира»¹⁹⁹. Далее в письме указывалось, что для переговоров с президентом Советское правительство уполномочивает народного комиссара иностранных дел М. М. Литвинова.

Между Рузвельтом и Литвиновым, прибывшим в Вашингтон 7 ноября, в течение недели состоялась серия встреч и бесед по целому комплексу политических и экономических проблем. Нарком приложил максимум усилий, чтобы найти взаимно приемлемые решения по всем обсуждавшимся вопросам²⁰⁰.

¹⁹⁸ ДВП СССР, т. XVI, док. 315.

¹⁹⁹ Там же.

²⁰⁰ ДВП СССР, т. XVI, док. 342, 349, 360, 361, 370.

Финалом Вашингтонских переговоров явился обмен нотами между наркомом Литвиновым и президентом Рузвельтом 16 ноября 1933 г. об установлении официальных дипломатических отношений Советского Союза с Соединенными Штатами Америки²⁰¹.

Плодотворным началом нормализации советско-американских отношений надо считать принятие 20 ноября правительством Вашингтона предложения Литвинова о заключении торгового договора и обмене военно-морскими атташе²⁰². Вашингтонская газета «Нью-рипаблик» писала, что «установление дипломатических отношений между Соединенными Штатами и Советским Союзом — одно из наиболее выдающихся событий за период окончания первой мировой войны. Значение этого акта многогранно, оно будет иметь далеко идущие последствия... Перевернута знаменательная страница истории»²⁰³.

Сотрудничеству с США Советское правительство придавало огромное значение и усматривало в нем большие положительные потенции для безопасности народов. «Я убежден,— говорил председатель Совнаркома В. М. Молотов в беседе с американским послом в СССР У. Буллитом,— что если бы нормализация советско-американских отношений произошла на пару лет раньше... то события развивались бы по-иному, и японцы не так бы обнаглели... Но и сейчас я убежден в том, что СССР и США вместе могут много сделать для сохранения мира»²⁰⁴.

Установление советско-американских отношений демонстрировало провал политики реакционных империалистических кругов США, собиравшихся, как утверждал государственный секретарь Г. Стимсон, «столетия... не признавать Советский Союз»²⁰⁵. Оно служило препятствием для развития тенденций, способствовавших возникновению мирового конфликта, заставило целый ряд стран Европы и Азии более реально оценить роль Советского государства в мировой политике. У агрессивных кругов Японии, так же как и Германии, перспектива нормализации отношений между СССР и США и ее воплощение в жизнь явно вызывали неприятные чувства. Это отчетливо было заметно в проходившей 27 февраля 1933 г. беседе японского посла в СССР Ота с заместителем наркома иностранных дел Л. М. Караханом²⁰⁶. Постепенно стали «осознавать» несостоятельность своей позиции в отношении СССР страны Малой Антанты.

Усилия Советского Союза по нормализации двусторонних отношений с рядом государств имели большое и важное зна-

²⁰¹ ДВП СССР, т. XVI, док. 362.

²⁰² Там же, док. 378.

²⁰³ «New Republic», 29.XI 1933.

²⁰⁴ ДВП СССР, т. XVI, док. 428.

²⁰⁵ История внешней политики СССР, ч. I. Издание первое. М., 1966, с. 277.

²⁰⁶ ДВП СССР, т. XVI, док. 52.

чение для укрепления его международных позиций, создавали определенную безопасность его положения.

Но наиболее прочной гарантией мирного развития Советского Союза могло служить сохранение мира во всем мире. Опасность мирового конфликта побуждала Советское правительство на поиски более универсальных форм гарантии мира. После того как империалистическими кругами Запада и Востока были отклонены советские предложения о полном разоружении или значительном сокращении вооружений, Советское правительство 6 февраля 1933 г. на очередном заседании Конференции по разоружению внесло новое предложение под названием «Проект декларации относительно определения агрессии». Глава советской делегации М. М. Литвинов в этой связи отмечал, что, «внося на международную арену свои новые предложения, Советское правительство воодушевлено исключительно тем же стремлением, которое побудило в свое время предложить полное и всеобщее разоружение... стремлением к максимальному обеспечению всеобщего мира»²⁰⁷.

Известно, что война как средство национальной политики была осуждена еще пактом Бриана — Келлога. Однако до рассматриваемого периода не существовало общепризнанного понятия агрессии, наоборот, на этот счет существовала разногласия, и не только в теории, но и на практике. Это доказывалось как различным отношением государств к японо-китайскому конфликту, так и теми оговорками, которые были сделаны рядом стран при подписании упомянутого пакта.

Без общепринятого определения агрессии в значительной степени обесценивались и обязательства по двусторонним договорам о ненападении, которые были заключены Советским Союзом с рядом европейских государств в 1932—1933 гг. Принципы Декларации состояли в провозглашении неприкосновенности установленных и признанных международными соглашениями границ любого государства, большого или малого, и отрицали за другими государствами право вмешательства в его дела, в его развитие, в его законодательство и администрирование. «Речь идет о том,— подчеркивал советский нарком,— чтобы провозгласить на международной конференции «Хартию прав народов». Только тогда приобретут особое значение международные акты об отказе от войны, о ненападении, и они действительно дадут всем государствам некоторое чувство безопасности. Я говорю «некоторое чувство» потому, что мы продолжаем утверждать, что полная безопасность для всех может быть обеспечена только полным или максимально возможным разоружением»²⁰⁸.

²⁰⁷ «Известия», 1933, 8 февраля.

²⁰⁸ Там же,

Проект Декларации состоял из преамбулы и двух частей. Первая часть давала определение основных агрессивных действий. Вторая часть содержала перечень обстоятельств, не могущих служить оправданием для государства, виновного в действиях, установленных в первой части²⁰⁹. Одним словом, в советском определении указывалось, что означает агрессия и кто должен считаться агрессором. Оно охватывало наиболее частые причины конфликтов и споров между государствами.

Развернувшаяся дискуссия показала, что советское предложение привлекло к себе значительное внимание в Женеве и было оценено во многих странах как одно из возможных серьезных средств обеспечения безопасности народов. Но с большим пониманием к советским идеям отнеслись только Франция, а также Турция, Афганистан, Персия, страны Малой Антанты, Норвегия, Швеция, Ирландия, Латвия, Эстония. Внешне положительно отнеслась и Польша²¹⁰. Сдержанную позицию заняли Германия, Италия, Япония и Англия, хотя никто из них не высказывался против²¹¹. Наиболее враждебную позицию занял представитель США²¹². Основной мотив их — определение агрессора слишком конкретно, оно, по их мнению, должно быть более общим и достаточно растяжимым. Под этим скрывалось намерение указанных великих держав оставить лазейки на случай реализации их империалистических целей. Германский делегат Р. Надольный в кулуарных беседах с членом советской делегации В. С. Довгалевским, не стесняясь, убеждал советского дипломата не настаивать на конкретном перечислении мотивов, не разрешающих нападения²¹³⁻²¹⁹.

Советский Союз твердо отстаивал все положения своего проекта, еще раз продемонстрировал свое истинное стремление к миру, к подлинному взаимопониманию со всеми странами, независимо от их силы или слабости в военно-экономическом отношении. Значимость нового миролюбивого шага СССР стали признавать и такие политические деятели, как Титулеску. В условиях, когда Германия, Италия, Англия и даже Франция приступили к поискам путей разрешения своих империалистических противоречий за счет интересов стран Центральной и Восточной Европы (имеется в виду курс на сколачивание «пакта четырех»), буржуазные политики этих стран начали все больше отдавать себе отчет в том, что осуществление идей, заложенных в советском проекте Декларации об определении агрессора, может стать важным фактором, парализующим планы великих держав Запада в отношении других европейских государств.

²⁰⁹ ДВП СССР, т. XVI, док. 32.

²¹⁰ Там же, док. 73.

²¹¹ Там же.

²¹² Там же.

²¹³⁻²¹⁹ Там же.

Заметный поворот в поддержку миролюбивого шага Советского Союза сделали страны Малой Антанты, в том числе Румыния. Особенно обращает на себя внимание позиция последней. При рассмотрении советского предложения в одной из комиссий Конференции по разоружению в середине марта ее представитель заявил: «Мы отмечаем симпатию, с которой наши государства высказываются по отношению к советскому предложению об определении агрессора, которое мы рассматриваем как значительный вклад в дело разработки системы реальной безопасности»²²⁰. Титулеску при выступлении 19 марта на заседании Комитета по безопасности, принявшего в этот день в своей основе советский проект определения нападающей стороны, позицию Малой Антанты определил еще более четко: «Советское предложение является единственной ценной работой Конференции»²²¹.

На метаморфозу румынской внешней политики не могла не обратить внимания буржуазная пресса Запада. «Даже Румыния,— писала парижская «Журналь»,— приближается к Москве»²²². При этом та же газета не прошла мимо того, чтобы не подметить смену политического настроения и самого Титулеску. Она указывала, что несколько месяцев назад он яро выступал против советско-румынского пакта о ненападении. «И вот тот же Титулеску,— продолжала газета,— вдруг пожелал в Женеве засвидетельствовать свои симпатии представителю Советов Довгалевскому. Ясно, что между этими двумя эпизодами международная ситуация сильно изменилась»²²³. Правда, эту симпатию румынского министра французская пресса прозрачно связывала с фактом крепнущих советско-французских отношений, поскольку заявление Титулеску было сделано в тот день, когда французский парламент единогласно проголосовал за ратификацию советско-французского пакта о ненападении, явившегося определенным фактором укрепления мира в Европе.

Положительное отношение Малой Антанты к определению агрессии Титулеску продемонстрировал и на заседании Генеральной комиссии Конференции, состоявшемся 24 мая. При этом он, обращаясь к представителю Англии Идену, сказал: «Вы, отказавшиеся от ясного определения агрессии, в котором речь идет о защите национальной территории, не имеете права лишить государства, твердо решившие не прибегать к оружию при территориальных спорах, ценного элемента безопасности, который представляет для нас советское предложение»²²⁴. Ру-

²²⁰ «Известия», 1933, 12 марта.

²²¹ «Известия», 1933, 20 мая.

²²² Там же.

²²³ Там же.

²²⁴ «Dimineața», 27.V 1933.

ководители советской внешней политики, естественно, приветствовали реалистический шаг Малой Антанты. После беседы с М. М. Литвиновым французский посол Дежан доносил в Париж о том, что отношение Москвы к Малой Антанте изменилось к лучшему²²⁵.

Под активным воздействием СССР и при поддержке ряда стран (в том числе Турции, Румынии и др.) сначала Комитет по безопасности, как указывалось выше, а затем и Генеральная комиссия Конференции согласились с советской точкой зрения и на деле приняли «все идеи, которые лежали в основе советских предложений»²²⁶. Правда, подробное перечисление недопустимых поводов для агрессии, которому советская сторона придавала важное значение, было отклонено. При голосовании этого пункта воздержалась и Польша²²⁷. Председатель Комитета по безопасности известный греческий юрист Политис вслед за М. М. Литвиновым в докладе на Генеральной комиссии указывал, что акт об определении агрессора должен быть составной частью всеобщей Конвенции о сокращении и ограничении вооружений и руководящим правовым началом для международных органов при определении нападающей стороны²²⁸.

Принятие всеобщей Конвенции о сокращении вооружений, где содержался бы и универсальный акт об определении нападающей стороны, оставалось, однако, как показывало поведение делегаций империалистических держав, маловероятным. Одновременно с этим проблематичным оставалось достижение решения о принятии Декларации по определению нападающей стороны, поскольку ведущие империалистические державы, в том числе даже Франция, находили для себя неудобным и стеснительным советское определение агрессии. Опасность же фашистской агрессии с каждым днем становилась все более явной. Советское правительство понимало, что время не ждет и определение агрессии должно принять международноправовую силу хотя бы в региональном плане. «Обстоятельства,— подчеркивал Литвинов в своем заявлении представителям печати в Лондоне 3 июля,— навели нас на мысль о целесообразности проведения определения агрессии в Конвенции сперва между ограниченным числом государств, с тем чтобы другие государства могли к ней присоединиться либо же последовать этому примеру»²²⁹. Советский Союз был готов подписать Акт об определении агрессии с любыми государствами независимо от их географического положения и существовавших в то время с ними отношений²³⁰.

²²⁵ DDF serie I, t. III. Paris, 1967, doc. 115.

²²⁶ «Известия», 1933, 27 мая.; ДВП СССР, т. XVI, док. 162, 221.

²²⁷ ДВП СССР, т. XVI, док. 146.

²²⁸ Там же, док. 162.

²²⁹ ДВП СССР, т. XVI, док. 214.

²³⁰ Там же.

Раньше всего правительство СССР обратилось к непосредственным соседям — Польше, Латвии, Литве, Эстонии, Румынии, Турции, Персии, Афганистану. Особенно горячо к предложению Москвы отнеслась Турция, министр иностранных дел которой оказывал Советскому правительству активное содействие в осуществлении намеченной цели.

В целях реализации поставленной задачи требовалась какая-то организационная форма международного совещания. 19 апреля 1933 г. Советский Союз предложил созвать конференцию соседних с СССР государств Восточной Европы, заключивших с ним договоры о ненападении, и подписать общий Протокол о принятии определения агрессора. «Такая акция,— заявил М. М. Литвинов в беседе с Лукасевичем,— была бы новой демонстрацией миролюбия СССР и его соседей и укрепила бы между ними взаимное доверие. Она являлась бы успокаивающим фактором в нынешней взбаламученной международной ситуации»²³¹. Ровно через 10 дней польский посланник заявил Литвинову, что, по мнению его правительства, осуществление советского предложения от 19 апреля должно быть тесно увязано с урегулированием существующих споров между СССР и Румынией. Правда, Лукасевич подчеркнул, что «Польша выступила с предложением об урегулировании бессарабского вопроса без предварительного согласования этого шага с румынским правительством»²³². Наркому не потребовалось больших усилий, чтобы показать несостоятельность и абсурдность выдвинутых польской стороной условий. «В Женеве,— заявил он,— Польша не только не возражала против нашего предложения, но приветствовала его и настаивала на скорейшем обсуждении его, не поднимая, однако, вопроса о Румынии. Если неурегулирование бессарабского вопроса не является препятствием к принятию нашего предложения в Женеве (имеется в виду Комитет по безопасности и Генеральная комиссия.— А. Ш.), то оно не должно мешать принятию его в Москве или в другом месте»²³³.

Польская постановка вопроса заставила наркома в беседе с Лукасевичем 9 мая констатировать, что вопрос о созыве конференции надо считать отпавшим. Собеседник согласился с этим²³⁴. «Я,— продолжал Литвинов,— однако, полагаю, что, независимо от участия Румынии, совместное принятие определения агрессии нами и нашими соседями сослужило бы большую пользу делу мира вообще и на Востоке в частности»²³⁵.

Последовательность советской политики в вопросе международной безопасности заставила Польшу и ее союзницу — Румы-

²³¹ Там же, с. 832.

²³² Там же, с. 833.

²³³ Там же.

²³⁴ ДВП СССР, т. XVI, док. 146.

²³⁵ Там же.

нию занять более реалистическую позицию в отношении советского предложения об определении агрессора и прекратить связывать это дело с нерешенностью советско-румынских споров.

При состоявшейся 24 июня встрече с М. М. Литвиновым, находившимся в то время в Лондоне на Международной экономической конференции, румынский министр иностранных дел Титулеску выразил готовность подписать совместно с другими странами Малой Антанты открытый для всех государств Протокол об определении агрессии, но в изложении Политиса — председателя Комитета по безопасности Женевской конференции, который слегка модифицировал его без изменения существа. В этот день нарком телеграфировал в Москву, что Протокол об определении агрессора в редакции Политиса «Малая Антанта согласна подписать немедленно в Лондоне, хотя она отдает себе отчет в том, что это очень не понравится Англии. Этот протокол был бы символом нашего сближения с Малой Антантой, и это будет только первым шагом, за которым может затем последовать другой, в том числе восстановление отношений [с СССР]»²³⁶. Румынскому министру М. М. Литвинов высказал соображения, что Советское правительство указанный Протокол могло бы подписать только вместе с остальными соседями Советского Союза, как уже ранее было предложено и Польше. Титулеску заявил, что он согласен и с этим вариантом²³⁷. Польша, однако, как бы поменявшись ролью с Румынией, начала чинить препятствия. Постоянный представитель Варшавы в Лиге наций Рачинский, присутствовавший при беседе Титулеску с М. М. Литвиновым 24 июня и демонстративно выражавший свою солидарность с намерениями румынского министра, четыре дня спустя в присутствии турецкого министра иностранных дел Рюшту-бея и того же Титулеску заявил советскому наркому, что Польша согласна подписать только региональный протокол с СССР и его западными соседями «с тем чтобы никакое другое государство к протоколу не могло присоединиться»²³⁸. Занятой позицией Польша открыто демонстрировала свое стремление лишить Литву, Чехословакию, Югославию и даже Францию возможности стать участниками соглашения. Польский недружественный акт в отношении союзников Румынии за живое задел Титулеску, и он резко выступил против позиции Польши, «доходя,— по свидетельству наркома,— чуть ли не до ругани». «В деле присоединения Румынии к пакту,— свидетельствует академик И. М. Майский,— он (Титулеску) проделал большую работу и энергично проводил этот курс. В своих действиях он был более искренен, чем, на-

²³⁶ ДВП СССР, т. XVI, с. 844.

²³⁷ Там же, стр. 844—845.

²³⁸ ДВП СССР, т. XVI, док. 199.

пример, польские дипломаты. С последними было трудно иметь дело»²³⁹.

Стремясь помешать Советскому Союзу достичь разрядки отношений с ведущими странами мира капитализма, польское правительство 30 июня, за три дня до подписания документа, выступило и против «оставления конвенции открытой для присоединения Китая и Японии», хотя они, как и Польша, являлись соседями СССР²⁴⁰. Возражения Варшавы делались под «благовидным» предлогом — не допустить нарушения регионального характера Конвенции. Но он был уже «нарушен» тем, что с одобрения той же Польши участниками соглашения становились Турция, Персия и Афганистан, которые не входили в указанный регион.

«Стремление Польши,— писал Б. С. Стомоняков в Варшаву В. А. Антонову-Овсеевскому,— всяческими путями ограничить значение Конвенции об агрессоре и не допустить к участию в Конвенции не только не граничащие с нами страны, но даже наших дальневосточных соседей объясняется прежде всего упорным нежеланием Польши допустить усиление международного влияния и авторитета СССР и укрепление его международного положения»²⁴¹.

Чтобы не дать Польше сорвать достигнутую договоренность, советский нарком и румынский министр были готовы подписать протокол и на польских условиях. Но при этом Титулеску и Рюштю-бей изъявили готовность подписать идентичный по существу второй протокол с участием Чехословакии и Югославии²⁴².

30 июня народный комиссар иностранных дел получил разрешение правительства подписать соглашения. В телеграмме особо подчеркивалось, что Советское правительство «больше всего интересуется пакт с пограничными странами, включая Польшу и Финляндию»²⁴³.

Несмотря на открыто чинимые препятствия ведущих империалистических держав Запада и Востока и солидарность с этой политикой наиболее реакционных кругов и стран — соседей и несоседей Советского Союза, советская дипломатия одержала новую крупную победу: 3 июля 1933 г. в Лондоне, в здании советского полпредства, была подписана Конвенция об определении агрессии между СССР, Польшей, Румынией, Латвией, Эстонией, Турцией, Персией и Афганистаном; 4 июля идентичная по своему существу Конвенция, дававшая, однако,

²³⁹ Архив АН СССР, ф. Р—У, оп. 1м, д. 20. Воспоминания бывшего полпреда СССР в Англии академика И. М. Майского, л. 2; см. также: *Oprea J. M. Nicolae Titulescu. Buc., 1966, p. 206—213.*

²⁴⁰ ДВП СССР, т. XVI, док. 207.

²⁴¹ Документы... советско-польских отношений. т. VI. док. 40.

²⁴² ДВП СССР, т. XVI, док. 199.

²⁴³ Там же, с. 845.

право любому государству присоединиться к ней, была подписана между СССР, Чехословакией, Румынией, Югославией и Турцией; 5 июля в том же Лондоне была заключена двусторонняя советско-литовская Конвенция об определении агрессии²⁴⁴. Многостороннюю Конвенцию Литва не сочла нужным подписывать не только из-за ультимативного возражения Польши, но и по своим собственным соображениям²⁴⁵.

Из западных соседей Советского Союза наряду с Польшей наиболее подозрительную позицию к предложению о «досрочном» придании советскому определению агрессии международной юридической силы занимала Финляндия.

Вскоре после состоявшейся беседы М. М. Литвинова с Титулеску подписать Протокол об определении агрессии было предложено также и министру иностранных дел Финляндии Хакселю, как раз находившемуся в тот момент в Лондоне. Однако финское правительство затягивало ответ на приглашение. 29 июня полпред СССР Б. Е. Штейн посетил МИД Финляндии и сделал рекомендацию финскому правительству не задерживать с выражением своего отношения к предложению²⁴⁶. Только 10 июля Финляндия изъявила готовность присоединиться к Первой Конвенции, но с оговорками²⁴⁷. Последние наводили на мысль, что Финляндия не свободна от каких-то военных обязательств, направленных против СССР, или имеет агрессивные планы по захвату советских территорий²⁴⁸. В связи с этим 13 июля советский полпред, отвергая финскую политику перестраховки, категорически заявил Хакселю, что Советское правительство решило отклонить предложение Финляндии о подписании ею Конвенции с оговорками²⁴⁹.

Твердость позиции советской дипломатии дала свои плоды. Несмотря на свои агрессивные в отношении СССР замыслы и давление Берлина и Лондона на Хельсинки²⁵⁰, финские политики были вынуждены согласиться на присоединение к Первой Конвенции без всяких оговорок и резервов. Декларацию об этом финское правительство сделало 22 июля, которая через финского посланника была вручена заместителю народного комиссара иностранных дел Н. Н. Крестинскому²⁵¹.

Неохотно, как известно, Конвенция была подписана и Польшей. Она поставила свою подпись лишь в результате настойчивости СССР и желания Малой Антанты, в первую очередь Титулеску. Польша вела весьма сложную дипломатическую игру, которая учитывала не только возможность дальнейшего

²⁴⁴ ДВП СССР, т. XVI, док. 213, 218, 220.

²⁴⁵ Там же, с. 412, 845.

²⁴⁶ Там же, док. 205.

²⁴⁷ ДВП СССР, т. XVI, док. 232.

²⁴⁸ Там же, с. 847.

²⁴⁹ Там же, док. 238, 239.

²⁵⁰ Там же, док. 221.

²⁵¹ «Известия», 1933, 23 июля.

улучшения советско-польских отношений, но и возможность их ухудшения. Именно в это время начались польско-германские политические переговоры, предметом которых была и Советская Украина. О наличии таких переговоров наркому сообщали даже французы — премьер-министр Э. Даладье, министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур²⁵², встреча с которыми состоялась в Париже при возвращении советского дипломата с Международной экономической конференции. На «странное» поведение Польши указывал и французский посол в Москве Ш. Альфан в разговорах с советскими представителями²⁵³.

Следовательно, Польша явно ориентировалась на две эвентуальности — войну с Германией в союзе с Францией при сохранении мира с СССР и соглашение с Германией и Японией против Советского Союза. Советские руководители в политике по отношению к Польше учитывали эти возможности.

Не без политической корысти две Лондонские конвенции (от 3 и 4 июля) были подписаны Румынией и одна — Чехословакией и Югославией. Они так же, как и Польша, не были заинтересованы в укреплении авторитета и престижа СССР на международной арене. Подписывая Конвенции, они руководствовались в первую очередь стремлением укрепить свои позиции по отношению к великим державам Запада, парафировавшим 7 июня «пакт четырех», а равно и перед ревизионистскими странами²⁵⁴. Что касается Румынии, то она преследовала еще и такую цель в этой акции: наличие Конвенции об определении агрессора освобождало ее от необходимости заключения советско-румынского пакта о ненападении, что полностью соответствовало прежней линии поведения Титулеску²⁵⁵. Спекулируя на заложенных в Конвенции идеях, Бухарест надеялся отсрочить решение спорных между СССР и Румынией вопросов.

На страницах мировой прогрессивной и либеральной печати подписание Лондонских конвенций получило высокую оценку. Оно рассматривалось как успех мирной политики Советского Союза, как новое звено в системе мер, принятых Советским правительством для консолидации мира и безопасности во всем мире²⁵⁶.

Этот успех особое значение имел для отношений между Советским Союзом и Румынией, поскольку последняя, как известно, в отличие от других европейских соседей СССР, не имела с ним нормальных дипломатических отношений. Подписание Лондонской конвенции 1933 года, подчеркивается в документах МИД СССР того времени, не меняет, однако, позиции СССР

²⁵² ДВП СССР, т. XVI, с. 846; там же, док. 222.

²⁵³ Там же, док. 221.

²⁵⁴ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 40.

²⁵⁵ Там же.

²⁵⁶ «Daily Worker», 5.VII 1933, «Rude Právo», 7.VII 1933. «Dimineața», 12.XII 1933.

о незаконном характере захвата Бессарабии Румынией²⁵⁷. Участие Румынии в Лондонских конвенциях явилось первым важным шагом к налаживанию советско-румынских отношений. После подписания Конвенции 3 июля Титулеску, обращаясь к М. М. Литвинову, сказал: «Соглашение, которое я сегодня подписал, имеет особое значение для моей страны. Оно означает первый и важный этап пути, который ведет к нормализации наших отношений»²⁵⁸.

Подписание двух Лондонских конвенций имело и то значение, что тем самым Румыния выводилась в какой-то степени из положения, в которое ее поставили сами румынские руководители отказом в 1932 г. последовать примеру своих союзников — Франции и Польши и подписать пакт о ненападении с СССР. Эту черту отмстил и Бек в своих мемуарах, увидевших свет после второй мировой войны. Он пишет, что участие Румынии в Лондонских конвенциях в какой-то мере компенсировало ее запаздывание в согласовании своей позиции с позициями Варшавы и Парижа²⁵⁹.

Органы румынской печати, за редким исключением, также положительно оценили участие Румынии в Конвенциях. Эту внешнеполитическую акцию они приветствовали в первую очередь как акт, укрепляющий международную ситуацию в Европе. «Румыния и другие соседние страны, — подчеркивала национал-царанистская «Диминяца» — орган правящей в то время партии, — имеют сегодня с Советским Союзом подлинную систему пактов. Конвенцией об определении агрессора укреплен существующий мир»²⁶⁰. «Сообщение о подписании пакта, — констатировала клужская газета, — было приятным сюрпризом для всех... Заключение этого пакта о ненападении»²⁶¹ считается первым шагом на пути улучшения наших отношений с Москвой»²⁶². Против Конвенции внутри Румынии выступали только лидеры фашистского движения²⁶³.

Наряду с правильной оценкой Конвенций для дела мира правящие круги Румынии стремились извратить их существо с точки зрения советско-румынских отношений. Лондонский диалог Литвинов — Титулеску и само заключение пактов они пытались интерпретировать как «ликвидацию бессарабского вопроса», что совершенно противоречило истинному положению вещей. Так выглядело, по крайней мере, интервью румынского

²⁵⁷ ДВП СССР, т. XVI, с. 790; см. также. Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 36.

²⁵⁸ *Nicolae Titulescu. Documente diplomatice* (далее — *Documente diplomatice*). Buc.. 1967, doc. 292.

²⁵⁹ *Beck J. Dernier rapport. Politique polonaise. 1926—1939. Paris, 1951, p. 39.*

²⁶⁰ «*Dimineața*», 13.XI 1933.

²⁶¹ Румынские и чехословацкие газеты Лондонские конвенции часто называли «пактом о ненападении».

²⁶² «*Chemarea Românilor*», 24.VII 1933.

²⁶³ *Cuza A. Op. cit., p. 134—135.*

премьер-министра Вайды-Воевода, данное корреспонденту венской газеты «Нойе фрайе прессе» по случаю заключения Лондонских конвенций²⁶⁴. В последующем произвольное, ни на чем не основанное толкование Вайды-Воевода было подхвачено румынскими публицистами А. Голимасом, Г. Ташка²⁶⁵. Румынские политики явно хотели желаемое выдать за действительное.

Извращения румынской и западной печатью сути Конвенций вызвали глубокое возмущение среди бессарабских трудящихся. Бессарабцы в них видели новую попытку закрепить навечно оккупационный режим. Разъясняя суть Лондонских конвенций, в статье «Очередная провокация румынской буржуазии» подпольный орган Бессарабского обкома Румынской компартии писал, что «подписанная Конвенция отнюдь не является признанием Бессарабии за Румынией» и что трудящиеся края должны неослабно вести борьбу за освобождение Бессарабии и ее воссоединение с Советской Родиной. «В этой борьбе,— продолжала газета,— рабочие и крестьяне Бессарабии всегда будут иметь на своей стороне всех трудящихся СССР, которые не признавали и не признают оккупации Бессарабии румынской буржуазией»²⁶⁶. Не менее энергично через газету «Юманите» выразил протест против фальсифицированного толкования Лондонских конвенций Союз бессарабских эмигрантов во Франции. Указывая, что оккупационный режим румынской буржуазии в Бессарабии держится только при помощи осадного положения и террора, Союз заявил: «Режим, установленный оккупантами в Бессарабии, доказывает, что сами руководители румынской политики не верят в продолжительность оккупации. При этих обстоятельствах утверждения, будто бессарабский вопрос ликвидирован,— сплошная ложь... Население Бессарабии требует организации свободного плебисцита при условии вывода румынских войск и полиции. Оно не остановится ни перед какими способами в борьбе за право на самоопределение»²⁶⁷.

Против враждебных Советскому Союзу инсинуаций румынских политиков и румынской буржуазной пропаганды о так называемом «косвенном признании Бессарабии за Румынией» вы-

²⁶⁴ См. «Бессарабскую почту» — орган бессарабских буржуазных националистов, 6.VII 1933 г. В следующих главах будет показано, что в официальных беседах с советским полпредом в Бухаресте Островским Титулеску и премьер Г. Татареску придерживались другого мнения. Они выражали полное понимание того, что бессарабский вопрос остается нерешенным. В 1940 г., в связи с освобождением Бессарабии, Татареску изменил свое прежнее мнение и выступил с теми же абсурдными утверждениями, с которыми безответственно выступали румынские буржуазные публицисты.— *Tătărescu Ch. Evacuarea Basarabiei și a Bucovinei de Nord. Craiova, 1940, p. 22.*

²⁶⁵ *Golimas A. H. Tratatul dela Atena. Iași, 1934, p. 9; Tașca G. Directivele politice externe ale României. Buc., 1938, p. 8.*

²⁶⁶ «Красное знамя», июль 1933 г., № 1.

²⁶⁷ «L'Humanité», 7.VII 1933. Цит. по кн.: *Копанский Я. М., Левит Н. Э. Указ. соч., с. 139.*

ступили и выдающиеся представители прогрессивной общест-
венности мира. «Грабительский захват Бессарабии Румынией
при помощи союзников,— подчеркивал Анри Барбюс в своем
обращении к бессарабцам в августе 1933 г.,— выдвигает вопрос
о праве на самоопределение всего населения Бессарабии...
С вами в этом отношении заодно не только все сторонники
права народов самостоятельно решать свои судьбы, но и все
истинные друзья социального прогресса и освобождения чело-
вечества. Да здравствует будущая Советская Бессарабия!»²⁶⁸.

После подписания Конвенций на наличие существующих
споров между СССР и Румынией, по сообщению румынской
дипломатической миссии в Праге, указывалось в чехословацкой
прессе. Газета «Богемия» (на немецком языке) в статье «Титу-
леску — лидер Малой Антанты» писала: «Между Москвой и Бу-
харестом еще существует нерешенный и возможно на многие
годы останется нерешенным бессарабский вопрос... В силу этого
возникала необходимость, чтобы в пакте Литвинова (1929 г.)
и в договорах об определении агрессора оставить этот вопрос
открытым»²⁶⁹. Разобравшись в беспочвенности попыток от-
дельных румынских политиков представить Конвенции как
фактор разрешения советско-румынских споров, часть румын-
ской прессы, даже реакционной, вынуждена была признать, что
«установленные» Конвенциями румыно-советские отношения
не привели к желаемым для Румынии результатам: Советский
Союз отказался признать Бессарабию за Румынией²⁷⁰, писал
махровый проповедник антисоветизма Н. Касиан в своей рабо-
те «Румыно-польско-советский военный союз? Возможен ли?»,
вышедшей в сентябре 1933 г. Подписание Лондонских конвен-
ций вместе с СССР он рассматривал и как удар по Малой Ан-
танте²⁷¹.

Как бы ни старалась румынская националистическая про-
паганда извратить смысл Лондонских конвенций и извлечь из
этого политические выгоды для руководителей страны, запу-
тавшихся в своей противоречивой политике, оставалось неоспо-
римым фактом, что Советское правительство с самого начала
постановки вопроса об определении агрессора ясно заявило
Варшаве, а через последнюю — и Бухаресту, что не может быть
и речи о том, чтобы участие Румынии в Конвенции обуслови-
валось уступкой ей Бессарабии. Торг вокруг Бессарабии пытал-
ся организовать и министр иностранных дел Чехословакии
Э. Бенеш. В беседе с М. М. Литвиновым, состоявшейся в анг-

²⁶⁸ «Красная Бессарабия» (орган Центрального Совета Общества бессараб-
цев в СССР), 1933, № 8—9, с. 4.

²⁶⁹ România, Arhivele statului, fond Ministerului propagandei naționale.— In-
formația de la legația din Praga, 15 mai 1934, N 92.

²⁷⁰ Casian N. Alianță militară romano-polono-sovietică? Este oare posibil?
[Buc.]. 1933, p. 4.

²⁷¹ Ibidem, p. 3—4.

лийской столице 16 июня, он предложил, как бы в качестве шага к Лондонским конвенциям, заключить единый пакт нападения между малоантантовскими государствами и СССР при условии одновременного разрешения «всех спорных вопросов со странами Малой Антанты, в том числе и вопроса о Бессарабии»²⁷². Нарком, само собой разумеется, «отверг это предложение, указав на то, что этот пакт нужен больше Малой Антанте..., чем для СССР»²⁷³. «Наш отказ от Бессарабии,— указывал М. М. Литвинов Бенешу,— был бы только подарком Румынии»²⁷⁴. Советский историк А. М. Лазарев с полным основанием констатирует, что антисоветские империалистические круги превратили бессарабский вопрос в «сложный узел международных противоречий»²⁷⁵. Нелепая позиция в бессарабском вопросе руководителей малоантантовского союза, равно как и политических деятелей Польши, показывала, что они не полностью еще осознали огромную возросшую роль Советского Союза в мировой политике и по инерции прежних лет продолжали преувеличивать значение для СССР нормализации отношений со странами Малой Антанты. Советский Союз, однако, знал цену своему военно-экономическому могуществу и политическому авторитету на международной арене и непоколебимо отстаивал свои позиции, в том числе и право на Бессарабию. С учетом этого положения проходил и лондонский диалог М. М. Литвинова с Титулеску.

Неосновательность утверждений в румынской и зарубежной прессе о том, что Бессарабия Лондонскими конвенциями была закреплена за Румынией, ярко показана и выступлениями румынских политиков в румынском парламенте. Придравшись к тому, что Титулеску при заключении Конвенций не добился признания Бессарабии в качестве румынской территории, против Лондонских соглашений в парламенте выступили 20 марта 1934 г. лидер царанистско-радикальной партии Г. Юниан, а 14 октября — сенатор М. Орляну²⁷⁶.

Никаких сомнений относительно того, как надо понимать Лондонские соглашения, не оставляло выступление наркома иностранных дел М. М. Литвинова на четвертой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г.: «Мы,— заявил он,— подписали в Лондоне Конвенцию об определении агрессии также со всеми странами Малой Антанты, с которыми у нас нет нормальных отношений. *То обстоятельство, что этот акт был совершен, несмотря на то, что с одной из этих стран — с Румынией — не разрешены еще старые споры, только увеличивает значение его*»²⁷⁷.

²⁷² ДВП СССР, т. XVI, с. 842.

²⁷³ Там же, док. 186.

²⁷⁴ Там же, с. 842.

²⁷⁵ Лазарев А. М. Указ. соч., с. 243.

²⁷⁶ Studii și materiale de istorie contemporană. Vol. I. Buc., 1956, p. 195—196.

²⁷⁷ Литвинов М. Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 86. Курсив наш.— А. Ш.

Подчеркивая важность этого акта, парком отметил, что в основе его лежит общность интересов всех его участников в их стремлении к умиротворению Европы. «Такая общность интересов,— указал советский дипломат,— является достаточной базой и открывает возможности для дальнейшего сближения»²⁷⁸.

Несмотря на все негативные для СССР нюансы в политике отдельных стран, подписавших Конвенции, все же последние имели огромный международный резонанс и служили определенным фактором, вносившим некоторую разрядку международной напряженности, особенно в регионах Восточной и Центральной Европы и Ближнего Востока.

Достигнутые результаты, однако, отнюдь не снимали с очереди советского предложения на Конференции по разоружению, имевшего целью принятие универсальной хартии определения агрессии²⁷⁹.

* * *

Углубление всеобщего кризиса капиталистической системы, проходившее в условиях резкого спада промышленного и сельскохозяйственного производства в странах капитала, обострение межимпериалистических противоречий вызвали новый приступ ненависти к Советскому Союзу со стороны правящих кругов великих и невеликих государств капиталистического мира. При всеобщей враждебности мировой реакции к Стране Советов, провале Международной конференции по разоружению и наличии реальных планов организации военного «крестового похода» против СССР заключение двусторонних пактов о ненападении и Конвенций об определении агрессора имело огромное значение для дальнейшего развития и укрепления единственного в мире социалистического государства, для укрепления всеобщего мира.

В течение 1932 г. Советский Союз заключил пакты о ненападении с Францией, Польшей, Финляндией, Латвией и Эстонией, в 1933 г.— с Италией. Это было крупной победой миролюбивой советской внешней политики, способствовавшей укреплению и расширению экономических и политических отношений с этими государствами, оказавшей в последующие годы значительное влияние на нормализацию отношений с целым рядом других стран.

Переговоры о заключении договора о ненападении велись и с соседней Румынией. Из-за враждебной в отношении СССР политики ее руководители сорвали заключение советско-румынского пакта и этим поставили свою страну в невыгодное положение. Румыния не только не добилась осуществления своих захватнических целей — признания за ней Бессарабии, но и ослабила свои позиции во взаимоотношениях со своими основ-

²⁷⁸ Литвинов М. Указ. соч., с. 86.

²⁷⁹ «Известия», 1933, 5 июля.

ными союзниками — Францией и Польшей, поскольку заключение советско-французского и советско-польского пактов в значительной мере обесценило силу франко-румынского (1926 г.) и румыно-польского (1921 г.) договоров, направленных против Советского Союза. Советско-румынские же отношения по вине румынского правительства не только не разрядились, а, наоборот, еще больше осложнились. Отрицательные результаты советско-румынских переговоров дали мировому общественному мнению, молдавскому народу и трудящимся Румынии ключ для понимания сути антисоветской политики правящих кругов румынского королевства.

Отказ Румынии от подписания договора предопределялся как беспредельно глубоким антисоветизмом, так и определенной уверенностью румынского правительства в том, что в силу своей миролюбивой политики Советский Союз, несмотря на свои неотъемлемые права на Бессарабию, не будет решать бессарабский вопрос военным путем. Однако последний фактор не мешал правящим кругам королевства вести враждебную СССР пропаганду и распространять с трибуны парламента, по линии дипломатических связей с Западом, а также в румынской и зарубежной печати сочиненную ими же ложь об «агрессивных» намерениях Советского Союза в отношении Румынии и сопредельных с ней стран. Этот «аргумент» румынские правители старались активно использовать для упрочения своих позиций внутри страны, разжигания румынского буржуазного национализма и шовинизма, укрепления политических связей с европейской реакцией.

При возросшей опасности мирового вооруженного конфликта Советское правительство в деле защиты мира считало недостаточными проведенные дипломатические акции по заключению двусторонних договоров о ненападении с Францией, Италией, западными и юго-западными соседями.

Коммунистическая партия и Советское правительство делали все, чтобы добиться превращения Восточной Европы и всего европейского континента в район прочного мира, плодотворного сотрудничества между государствами на основе принципа мирного сосуществования двух социально противоположных систем, в фактор стабильности и взаимопонимания между европейскими и неевропейскими народами.

Непременным условием обеспечения восточноевропейской и общеевропейской безопасности являлось в первую очередь сохранение неприкосновенности границ, установленных международными соглашениями, и территориальной целостности государств. Эти основные принципы, обеспечивающие мирное сожительство стран, в определенной степени могли быть обеспечены универсально согласованным запрещением применения силы или угрозы силой. Исходя из этого, Правительство Союза ССР предложило всем странам заключить Конвенцию об определе-

нии агрессора, исчерпывающего понятия «нападение». Конвенция, к сожалению, не получила всеобщего одобрения. Она была подписана только западными и юго-западными соседями СССР: Литвой, членами Малой Антанты — Чехословакией и Югославией, а также юго-восточными соседями — Турцией, Персией и Афганистаном. Несмотря на то, что Конвенция была подписана ограниченным числом государств, она все же оказала большое влияние на международную обстановку. Советское определение агрессии явилось, по всеобщему признанию, ценным вкладом в науку о международном праве, а также в международную практику²⁸⁰. «В течение многих лет в Женеве, — констатировал Н. Титулеску, — мы стремились найти нужное определение агрессии и должны признаться, что наши старания не ... приносили желаемые результаты. Советской делегации принадлежит заслуга — впервые в международной жизни дать четкое определение агрессии»²⁸¹. Более того, советское определение агрессии, как заявлял нарком Литвинов на четвертой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г., представляло верный способ проверки отсутствия или наличия у государств агрессивных, завоевательных стремлений²⁸². Далеко идущие цели ведущих империалистических государств мира, однако, мешали полному осуществлению поставленной задачи.

Широкий подход к проблемам международной безопасности, конкретные целеустремленные дипломатические шаги Советского Союза по смягчению отношений между европейскими и неевропейскими государствами, выразившиеся в определении агрессора, принятом большим количеством государств, в предложении заключить международное соглашение об экономическом ненападении между всеми государствами, создали объективные предпосылки для срыва «пакта четырех»²⁸³, направленного против СССР и стран Восточной Европы.

Успех Советского правительства на дипломатической арене существенным образом содействовал укреплению безопасности СССР, равно как и безопасности его партнеров по пактам — Франции, Польши и Прибалтийских стран, которые уже начали испытывать реальную угрозу со стороны германского империализма, сделавшего заявку на перекройку европейских границ. Поэтому партнеры СССР по пактам испытывали в них такую же, если не большую, необходимость, как и Советский Союз, хотя правящие круги указанных стран, из-за своих классовых позиций в отношении социалистического государства, оказывали огромное сопротивление в ходе переговоров о заключении соглашений.

²⁸⁰ Литвинов М. Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 81.

²⁸¹ «Scinteia», 16.III 1972.

²⁸² Литвинов М. Внешняя политика СССР, с. 81.

²⁸³ Выступление Советского Союза и ряда стран Восточной Европы против «пакта четырех» принудили Францию отказаться от его ратификации.

НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СССР С РУМЫНИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1934 г.)

1. СССР НА СТРАЖЕ МИРА И ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ. РОСТ МЕЖДУНАРОДНОГО АВТОРИТЕТА СТРАНЫ СОВЕТОВ

Ведущие капиталистические государства Европы Англия, Франция и Италия, под влиянием которых находилась большая часть стран Центральной и Юго-Восточной Европы, юридически признали Страну Советов, как известно, еще в 1924 г. Тогда же с СССР установили дипломатические отношения Австрия, Греция, Швеция, Норвегия и Дания. В январе 1925 г. были нормализованы советско-японские отношения. Эти дипломатические акции явились новым и важнейшим после установления советско-германских отношений поворотным моментом в отношениях капиталистического мира с Советским государством.

В 1924 г. сделали попытки нормализовать свои отношения с СССР также Албания и Венгрия. Между правительствами СССР и Албании состоялся обмен нотами по этому вопросу. Но из-за внутренних событий (государственный переворот) в Албании и давления на нее внешних сил правящие круги этой страны отказались от решения нормализовать отношения с Советским государством. 5 сентября 1924 г. было подписано соглашение об установлении дипломатических и консульских отношений между СССР и Венгрией, однако и оно не вошло в силу. Венгерское правительство под давлением наиболее реакционных кругов во главе с регентом Хорти, а также Англии и США отказалось от ратификации соглашения. Хотя советско-венгерские и советско-албанские дипломатические отношения тогда не были установлены, уже сама постановка этого вопроса со стороны правительств Венгрии и Албании говорила о том, что в их правящих кругах шла острая борьба вокруг проблемы отношений к Советскому Союзу.

На откровенно враждебных позициях по отношению к Советскому Союзу из стран Центральной и Юго-Восточной Европы в рассматриваемый период продолжали оставаться Румыния, Чехословакия, Югославия и Болгария. Однако Советское правительство в целях расширения фронта мира делало все необходимое, чтобы нормализовать государственно-политические

отношения с этими странами. В достижении этой задачи оно не видело непреодолимых препятствий, особенно если иметь в виду такие государства, как Чехословакия, Болгария и Югославия, не имевшие с СССР спорных территориальных вопросов и других острых нерешенных проблем. О желании установить дипломатические отношения с Чехословакией и Болгарией Советское правительство заявляло неоднократно. В целях нормализации отношений с Румынией устанавливались контакты и организовывались официальные встречи советских дипломатических представителей с румынскими. В этом плане особое значение имеют советско-румынская конференция в Вене в 1924 г. по урегулированию бессарабского вопроса (по вине румынской стороны конференция окончилась безрезультатно), переговоры о заключении советско-румынского договора о ненападении, а также приглашение в 1929 г. королевской Румынии подписать Московский протокол о досрочном введении в действие пакта Бриана — Келлога. По инициативе Советского Союза, как уже известно, Румыния, Чехословакия и Югославия в 1933 г. подписали Лондонскую конвенцию об определении агрессии. Нельзя отрицать того, что два последних фактора сыграли положительную роль в смягчении отношений между Советским Союзом, с одной стороны, и отдельными странами Центральной и Юго-Восточной Европы — с другой. Но этого было далеко не достаточно для установления истинного взаимопонимания между этими странами и СССР.

Насущная для дела мира проблема нормализации отношений Советского Союза с Румынией и другими странами Центральной и Юго-Восточной Европы оставалась нерешенной из-за выжидательной политики правящей верхушки этих стран. Империалистические круги ведущих держав Западной Европы, несмотря на нормализацию их отношений с СССР, в большинстве своем считали выгодной консервацию враждебности к СССР со стороны государств, расположенных вблизи его западных границ. Однако международная обстановка в начале 30-х годов существенно изменилась, особенно после официально выдвинутой правителями фашистской Германии программы завоевания «жизненного пространства», что непосредственно задевало национальные интересы указанных стран.

Капиталистический мир находился в то время в состоянии глубокого экономического кризиса, который остро ощущался и в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Успехи же первого в мире социалистического государства, экономика которого не была подвержена кризисам и успешно развивалась, привели к росту его экономического и оборонного могущества, высоко подняли его международный авторитет.

В то время, когда фашистская Германия начала лихорадочную подготовку к новой войне в целях передела мира, Советский Союз продолжал упорную борьбу за предотвращение вой-

ны. В новой международной ситуации, сложившейся на европейском континенте, последовательная миролюбивая политика Советского государства привлекала внимание всех стран, которые не были заинтересованы в развязывании войны в Европе. Наличие таких государств Советское правительство рассматривало как один из факторов, благоприятных для дела мира, и стремилось использовать малейшие их устремления, направленные к поддержанию европейской стабильности. «Обеспечение мира,— подчеркивал нарком М. М. Литвинов на четвертой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г.,— не может зависеть только от одних наших усилий и требует сотрудничества и содействия других государств. Стремясь поэтому к установлению и к поддержанию дружественных отношений со всеми государствами, мы уделяем особое внимание укреплению отношений и максимальному сближению с теми из них, которые, как и мы, дают доказательства своего... стремления к сохранению мира и готовы оказывать противодействие нарушителям мира»¹. Под воздействием роста военно-экономического могущества и внешнеполитического престижа Советской державы, укрепления ее связей с рядом капиталистических государств (например, с США, Францией, Италией, странами Прибалтики)², активизации реваншистских сил, угрожавших независимости стран Центральной и Восточной Европы, заметно изменяется отношение к Советскому Союзу правительств двух членов Малой Антанты — Румынии и Чехословакии, а также Венгрии и Болгарии, долгое время преданно служивших целям и задачам европейской реакции.

В связи с неоднократными предложениями Советского правительства нормализовать отношения первой начала переговоров с СССР Чехословакия. В беседе с советским представителем в Праге А. Я. Аросевым министр иностранных дел Э. Бенеш 7 марта 1933 г. выразил желание чехословацкого правительства установить с Советским Союзом нормальные отношения и подписать пакт о ненападении³. «Малая Антанта,— заявил Бенеш,— намерена установить с СССР нормальные отношения и в первую очередь подписать пакт о ненападении. Если СССР по формальным соображениям трудно подписать пакт с Малой Антантой как таковой, то можно подписать в отдельности с каждым ее членом». Далее чехословацкий министр заверял, что, если Советский Союз «предложил бы сейчас пакт Чехословакии, а она своим союзникам, то пакт в течение короткого времени был бы подписан»⁴. На следующий день совет-

¹ «Известия», 1933, 30 декабря.

² «XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б), 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет». М., 1934, ст. 11—12.

³ ДВП СССР, т. XVI, М., 1970, док. 66.

⁴ Там же.

ский дипломат, излагая мысли руководителя чехословацкого внешнеполитического ведомства, писал в НКВД СССР: «Сейчас, по мнению Бенеша, в Чехословакии наиболее благоприятное настроение для того, чтобы Бенеш смог провести установление с нами дипломатических отношений. Поэтому Бенеш без всяких обиняков несколько раз повторил мне, что вслед за заключением пакта, а может быть и одновременно с ним, должно последовать установление дипломатических отношений между Чехословакией и СССР и остальными членами Малой Антанты»⁵.

10 марта Советское правительство через полпреда во Франции В. С. Довгалецкого, находившегося в то время в Женеве, неофициально дало понять Бенешу, что Советский Союз в целях нормализации отношений готов начать переговоры о заключении пакта о ненападении со всеми тремя членами Малой Антанты, если Румыния согласна принять текст договора и текст заключительного протокола с формулировками Кадере, согласованные во время женевских переговоров 1932 г., или только с Чехословакией и Югославией, если последние готовы заключить соглашения и без Румынии⁶. Но в беседе с В. С. Довгалецким Бенеш 13 марта подчеркнул, что он не склонен заключать какое-либо соглашение без Румынии. «По мнению Бенеша,— доносил В. С. Довгалецкий в Москву,— нам следовало бы приступить к переговорам о едином пакте с тройственным образованием»⁷. Заключением единого пакта чехословацкое правительство преследовало далеко идущие цели: укрепить позиции Малой Антанты перед Германией, Италией и Венгрией и «смягчить» антисоветский привкус малоантантовского альянса; протащить контрабандой румынскую идею «фигуры умолчания» бессарабского вопроса. Правда, Бенеш и на этот раз допускал возможность «принять к обсуждению и предложение о трех пактах и о трех отдельных нотах о восстановлении отношений». Но и в этом случае чехословацкий министр не преминул подчеркнуть, что «снисходительность» малоантантовских стран перед Советским Союзом должна быть компенсирована ценой бессарабского подарка Румынии⁸. Бенеш наивно полагал, что перспективой «введения СССР в Центральную и Южную Европу», как он выражался, можно сбить Советское правительство с позиций, которые оно занимало на рижских и женевских переговорах с Румынией в 1932 г.

При бенешевской постановке вопроса откладывалась в долгий ящик не только нормализация отношений с Румынией и Югославией, занимавшими наиболее жесткую позицию в отношении СССР, но и с самой Чехословакией. Все, что было из-

⁵ ДВП СССР, т. XVI, с. 817.

⁶ Там же, док. 71, 84.

⁷ Там же, док. 77.

⁸ Там же.

ложено Бенешем, заключал В. С. Довгалецкий в телеграмме, «вообще не похоже на реальную программу, рассчитанную на скорое исполнение»⁹. Прогноз советского дипломата оправдался. При очередной встрече (18 марта), когда советская сторона заявила о готовности подписать пакт со всеми тремя странами, но с оговоркой о наличии советско-румынских территориальных споров¹⁰, Бенеш заявил В. С. Довгалецкому: «Ввиду невозможности для Румынии принять формулу Кадере, он [Бенеш] просит ...считать его предложение и весь вопрос не существующими»¹¹. Имеются все основания считать, что ответ Бенеша был сделан не без согласования с румынским правительством. Следовательно, с решением вопроса о нормализации отношений с СССР не спешили ни Румыния, ни Чехословакия, ни Югославия. Преднамеренный саботаж нормализации советско-румынских отношений не мешал Титулеску продолжать пропагандировать свои «намерения» сблизиться с СССР. В середине марта в сенатской комиссии по иностранным делам парламента он выступил с заявлением о том, что Румыния считает необходимым продолжать мирную политику в отношении Советской России, ожидая момента, когда с ней можно будет установить нормальные дипломатические отношения¹². Но с выбором «момента» румынские политики не спешили. Заявление Титулеску было неискренним, рассчитанным на то, чтобы нейтрализовать недовольство румынской общественности перманентно негативным отношением Румынии к Советской стране, а также умерить венгерский ревизионизм. На вопрос польского посланника в Москве Лукасевича, верны ли слухи о том, что Советское правительство предложило Румынии возобновить с ней переговоры о пакте, нарком М. М. Литвинов 23 марта заявил, «что слухи абсолютно неверны, что не только мы подобных заявлений не делали, но, наоборот, когда нас зондировали, мы указывали на согласованный с Кадере проект как на единственно возможный текст пакта. Мы отнюдь не рассчитываем, чтобы можно было бы с Титулеску договориться, и считаем поэтому переговоры с ним бесполезными»¹³.

Существенное влияние на позицию Румынии, как и других членов Малой Антанты, а также Польши оказали политические события, связанные с переговорами о заключении пакта четырех держав — Англии, Франции, Германии и Италии.

Проектом пакта предусматривалась ревизия версальской системы договоров по усмотрению участников пакта и их все-стороннее сотрудничество в решении всех европейских проб-

⁹ Там же.

¹⁰ Там же, док. 84.

¹¹ Там же, с. 821.

¹² «Gazeta Polska», 18.III 1933.

¹³ ДВП СССР, т. XVI, док. 90.

лем¹⁴ за счет национальных интересов других стран. Это глубоко взволновало страны Восточной и Юго-Восточной Европы. Отрицательную позицию к пакту занял и Советский Союз. При встречах с представителями стран — будущих участников пакта советские дипломаты неизменно подчеркивали, что Советское правительство в пакте видит орудие, могущее быть использовано в антисоветских целях, и во всяком случае инструмент, не служащий делу мира. «Все, что делается без нас, — заявил М. М. Литвинов французскому послу в Москве Дежану, — делается не иначе как против нас»¹⁵. Вскоре после начала переговоров о заключении пакта «Известия» поместили передовую под заголовком «Ревизия договоров или подготовка новой войны». В ней указывалось: «СССР представляет собой такую мировую силу, которая со своей стороны не может оставаться безразличной к борющимся на мировой арене тенденциям и к попыткам создания так называемого концерта четырех держав, присваивающего себе право решать судьбы народов»¹⁶. Эти же мысли повторил 26 апреля советский полпред в Париже в официальной беседе с французским премьер-министром Э. Даладье. Он указал, что Советский Союз «по-прежнему относится отрицательно к «пакту четырех» в любом варианте», в том числе и к французскому контрпроекту¹⁷. Даладье, как бы оправдываясь, сказал, что «французское правительство не могло начисто отклонить пакт и что в своем контрпроекте французское правительство предлагает собственный, но не законченный пакт, а лишь декларацию»¹⁸.

К переговорам о пакте Франция предлагала привлечь страны Малой Антанты и Польшу, но другие его участники отвергли эту идею¹⁹. Высказывалось мнение, в частности турецким правительством итальянскому послу в Анкаре, о привлечении к переговорам и Советского Союза²⁰. Однако это предложение для западных стран тем более было неприемлемо.

На опасные последствия создаваемой директории указывалось в печати и в выступлениях официальных и неофициальных представителей Румынии, Чехословакии, Польши и других стран. Антисоветским сговором и новым стремлением к переделу мира назвал «пакт четырех» орган румынских коммунистов «Скынтейя»²¹. Империалистическую суть сговора четырех держав отмечал руководитель чехословацких коммунистов К. Готвальд: «Несмотря на то, что «пакт четырех» направлен преж-

¹⁴ История внешней политики СССР, т. I. М., 1976, с. 293.

¹⁵ DDF, ser. I, t. III, Paris, 1967, doc. 115.

¹⁶ «Известия», 1933, 30 марта.

¹⁷ ДВП СССР, т. XVI, док. 136; см. также с. 830.

¹⁸ Там же, док. 136.

¹⁹ Там же, с. 823.

²⁰ Там же.

²¹ «Scinteia», 1—15.VI 1933.

де всего против Советского Союза, он все же означает ослабление позиций Чехословакии и ее ближайших союзников — Румынии, Югославии... так как платой за участие Германии в антисоветском фронте является уступка германскому ревизионизму и империализму за счет этих государств»²².

Тревогой за последствия империалистической сделки четырех держав было вызвано решение Постоянного совета Малой Антанты, принятое 25 марта в Женеве во время пребывания министров этих стран на Конференции по разоружению. В коммюнике Совета подчеркивалось: «Государства Малой Антанты не могут признать, что соглашение, преследующее цель распоряжаться правами третьих держав, служит делу дружественных отношений между государствами. Малая Антанта уже сейчас высказывает свое возражение относительно предстоящего заключения соглашения в той части, которая касается их прав и их политики»²³. Свою позицию Н. Титулеску, Э. Бенеш и Б. Ефтич (министр иностранных дел Югославии) изложили министру иностранных дел Англии Дж. Саймону, находившемуся в то время в Женеве²⁴. С той же целью по поручению Постоянного совета Малой Антанты в начале апреля 1933 г. Титулеску направился в Париж и Лондон. Во французской столице румынский министр имел встречи с премьер-министром Э. Даладье, ответственными работниками МИД Франции, с ведущими политическими деятелями страны Э. Эррио, А. Тардые, Л. Блюмом и др.²⁵ В беседах с французскими политиками Титулеску резко высказывался против «пакта четырех» и грозился переориентацией Малой Антанты, что неизбежно привело бы к ослаблению французских позиций. Для того чтобы заставить Францию отказаться от намерений стать участницей «пакта четырех», румынский дипломат пустил в ход наиболее весомый в глазах буржуазных политиков аргумент — «угрозу большевизма». «Если Франция, — говорил он на Кэ д'Орсэ, — отказывается от своей священной миссии защитницы малых держав, мы обойдемся без нее... что касается меня, то моей миссией является откровенно предупредить вас, что пересмотр договоров будет означать войну, за которой последует большевизация Европы»²⁶.

Посланец Малой Антанты не менее резко ставил вопрос и в Лондоне. Здесь он встречался с премьер-министром Р. Макдональдом, членами кабинета Дж. Саймоном и Н. Чемберле-

²² *Gottwald K. Spicy. IV. Praha, 1951, str. 260.*

²³ «*Dimineața*», 28.III 1933.

²⁴ *Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. (далее — DBFP). Series II, vol. V. London, 1956, p. 106—108, 110—113.*

²⁵ «*Universul*», 3, 5, 6.IV 1933.

²⁶ *Табуи Ж. 20 лет дипломатической борьбы. Перев. с франц. М., 1960, с. 189.*

ном²⁷. В беседах с английскими политиками он заявил, что страны Малой Антанты не намерены признавать за участниками будущего пакта право решать вопрос о ревизии мирных договоров и настаивают на исключении из пакта всякого упоминания о возможности такой ревизии, что они откажутся предстать перед трибуналом четырех великих держав и протестуют против намерений, согласно проекту пакта, предоставить Венгрии, Болгарии и Австрии равное право в вооружении²⁸. Но английские лидеры, хорошо понимая политическую игру Румынии, посоветовали гостю «умерить свой пыл и не лезть в некло», а также не преминули напомнить ему, что он и сам ищет похожие пути «умиротворения» Европы (это попало не в бровь, а в глаз! — А. Ш.), и упоминание в «пакте четырех» «назревшей» проблемы ревизии ничуть не устраняет ее²⁹. Титулеску ничего «не оставалось», как только «пожелать Великобритании, — отмечается в документе, — успешного сотрудничества с другими великими державами» Западной Европы³⁰.

С большей настойчивостью и последовательностью против пакта выступило польское правительство³¹, поскольку уже в это время гитлеровцы открыто рекламировали свои захватнические планы в отношении Польши. Более того, о претензиях на польские земли, как мы знаем, речь шла не только в фашистской прессе, но и в официальных беседах германских дипломатов с представителями западных стран.

Демарши Малой Антанты и Польши в Париже и Лондоне поставили Францию и Англию, особенно первую, в затруднительное положение. «Давление на французов со стороны Польши и Малой Антанты, — писал В. С. Довгалецкий в НКИД СССР 9 апреля, — было произведено большое. Титулеску перевидал в Париже всех более или менее выдающихся политических деятелей. Сторонники «пакта четырех» во французском кабинете, как, например, де Монзи и Пьер Кот, рвут и мечут против Малой Антанты и Польши, которые-де тяжелым грузом висят на Франции»³².

Многие буржуазные деятели, в том числе премьер-министр Э. Даладье, министр иностранных дел Ж. Поль-Бонкур, проявляли большие колебания в деле присоединения Франции к «пакту четырех»³³. Следовательно, среди правящих кругов Франции также не было единства. Все же верх взяли сторонники английской политики сговора с фашистской Германией, и «пакт

²⁷ Oprea I. M. Nicolae Titulescu. Buc., 1966, p. 283—284.

²⁸ DBFP, Series II, vol. V, doc. 84.

²⁹ Ibidem.

³⁰ Ibidem.

³¹ ДВП СССР, т. XVI, док. 99, 113.

³² Там же, док. 113.

³³ ДВП СССР, т. XVI, док. 113.

четырёх» 15 июля 1933 г. был подписан³⁴. Правда, французское правительство под нажимом Малой Антанты и Польши сделало ряд существенных поправок к итальянскому проекту, которые были с огромным нежеланием приняты другими участниками при оформлении договора. Однако по своей сущности этот пакт оставался империалистическим и представлял реальную угрозу для европейского мира. Успешному завершению этой империалистической сделки потом в какой-то степени содействовали те же страны Малой Антанты. Продолжая оставаться под сильным влиянием Парижа и Лондона, правительства стран Малой Антанты в конце концов сняли свои возражения против заключения пакта.

Нежелательное для Малой Антанты развитие мировых событий, а также определенный прогресс в деле улучшения советско-французских и советско-польских отношений заставили тогдашних руководителей Румынии и Чехословакии делать новые попытки нормализации отношений с СССР. Оставаясь на позициях антикоммунизма, они все же видели в СССР, последовательно проводившем миролюбивую политику и негативно относившемся к «пакту четырех», серьезную опору в борьбе против перекраивания карты Европы и, в частности, против пересмотра установленных мирными договорами границ. В этом вопросе Советское правительство исходило из того, что даже «мирная» ревизия послевоенных границ неизбежно приведет к новой войне.

Очередной раунд поисков путей сближения с СССР со стороны Бенеша и Титулеску наступил в середине июня 1933 г. во время работы Лондонской международной экономической конференции. «Учитывая общее положение,— телеграфировал М. М. Литвинов из Лондона 16 июня,— Бенеш желал бы сблизить Малую Антанту с нами, принимая во внимание также наше сближение с Францией и Польшей»³⁵. Но свое желание найти взаимопонимание с СССР чехословацкий министр в полном согласии с Титулеску снова обставил частоколом оговорок о необходимости «одновременного разрешения всех спорных вопросов с странами Малой Антанты (само собой разумеется, в пользу последних.— А. Ш.) в том числе и вопроса о Бессарабии»³⁶. Однако днем раньше Бенеш давал понять М. М. Литвинову, что если СССР пойдет на заключение единого пакта с тремя странами Малой Антанты (что было не совсем желательно для Советского правительства.— *авт.*), то «Румыния не будет иметь возражений против оговорок о неразрешенных спорных вопросах, поскольку оговорки не будут относиться к

³⁴ Пакт не вошел в силу ввиду того, что он не был ратифицирован Францией.

³⁵ ДВП СССР, т. XVI, с. 842.

³⁶ Там же.

одной Румынии»³⁷. Это предложение нарком считал приемлемым «при условии одновременного восстановления нормальных отношений со всеми тремя странами»³⁸. Но в тот же день чехословацкий и румынский министры отказались от своей точки зрения о заключении единого пакта. Советский дипломат, выражая искреннее желание Советского правительства установить наилучшие отношения со странами Малой Антанты, подчеркнул, что «восстановление отношений с Малой Антантой выгодно не только нам, но и другой стороне». Если Румыния, Чехословакия и Югославия, продолжал Литвинов, хотят заключить с СССР пакт и нормализовать отношения, то Советское правительство, как и прежде, готово дать «гарантию ненападения на Румынию с оставлением бессарабского вопроса открытым»³⁹.

В новых международных условиях заинтересованность в установлении дипломатических отношений между СССР и малоантантовскими союзниками проявляла и Франция. В июле и августе 1933 г. французский посол в СССР Альфан при встречах с представителем Чехословакии в Москве настойчиво призывал страны Малой Антанты установить дипломатические отношения с СССР без дальнейшей оттяжки⁴⁰. В этом же направлении работали некоторые круги в самой Чехословакии. В конце октября сенатская комиссия по иностранным делам чехословацкого парламента единодушно одобрила резолюцию о необходимости урегулирования отношений с СССР. Вскоре фракция социал-демократов в парламенте тоже внесла проект решения, предлагавший правительству начать переговоры об установлении официальных отношений с СССР⁴¹. Однако в прессе и с парламентской трибуны раздавались голоса и против урегулирования отношений с Советским Союзом⁴².

Из-за нежелания Бухареста и Праги сойти со старых позиций дело нормализации советско-румынских и советско-чехословацких отношений и на сей раз не продвинулось дальше постановки вопроса. Румынию не смущало положение, при котором она после 1925 г. осталась единственным соседом СССР, не имевшим с ним дипломатических отношений. Руководящие круги Румынии и Чехословакии, продолжая стоять на антисоветских позициях, и дальше вели выжидательную политику. Вспоминая о внешнеполитических целях правительства Румынии того периода, Титулеску, будучи уже изгнанным из своей страны, в начале июня 1939 г. в интервью французскому журналисту Р. Кардье признавался: «Посмотрев на карту Европы,

³⁷ ДВП СССР, т. XVI, с. 841—842.

³⁸ Там же, с. 842.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Петерс Н. А. Чехословацко-советские отношения (1918—1934). Киев, 1965, с. 325.

⁴¹ «Известия», 1933, 28 октября.

⁴² «České slovo», 18.XI 1933.

я увидел, что все страны установили или намеревались в ближайшее время установить официальные отношения с СССР. Только на два государства я имел шансы оказать воздействие — на Чехословакию и Югославию. Нужно было любой ценой добиться того, чтобы эти две страны воздержались устанавливать официальные отношения с СССР до тех пор, пока условия, удовлетворяющие интересы Румынии, не будут обеспечены»⁴³. Здесь Титулеску нельзя отказать в откровенном признании того, что он был движущей силой румынской экспансионистской политики в отношении СССР, обеспечившей ему политическую и дипломатическую карьеру. Не считаясь с фактом образования очага войны в центре Европы и реально нависшей фашистской угрозой и над Румынией, он продолжал еще мыслить категориями захватнической политики 20-х — начала 30-х годов. Его еще не покидала мысль добиться от СССР признания захвата Бессарабии. Но усилия Титулеску — выразителя правящих кругов своей страны — были напрасны. События и дальше развивались совсем не так, как предполагали руководители Румынии и Чехословакии. На заявление в конце 1933 г. чехословацких дипломатов о том, что установление дипломатических отношений с СССР возможно только одновременно трем членами Малой Антанты, представитель Советского правительства в Праге С. С. Александровский ответил: «Было время, когда СССР был крайне заинтересован в нормализации взаимоотношений [со странами Антанты]. Но это время прошло. Советское правительство может спокойно ждать, как ждало 15 лет. Но будет ли это выгодным для Чехословакии и ее внешнеполитического положения в период, когда на всех ее рубежах нависла угроза пересмотра границ, установленных мирными договорами,— это весьма существенный вопрос»⁴⁴.

Стремясь развязать себе руки для подготовки войны, 14 октября 1933 г. гитлеровская Германия покинула Международную конференцию по разоружению, а через пять дней вышла из Лиги наций⁴⁵. 6 декабря выходом из Лиги наций угрожала «притеснявшаяся» империалистическими соперниками Италия⁴⁶. Проклятия в адрес женевской «покровительницы» мира, посыпавшиеся из уст правителей двух фашистских держав, и усилившаяся пропаганда политики экспансии, начали серьезно беспокоить народы Европы. Создавшаяся ситуация вызвала определенную тревогу как у руководителей Франции и Польши, так и Малой Антанты.

⁴³ «L'Epoque», 6.VI 1939.

⁴⁴ Kral V. Spojenectví Československo-sovětské v evropské politice. 1935—1939. Praha, 1970, str. 23.

⁴⁵ ДВП СССР, т. XVI, с. 840.

⁴⁶ Там же, с. 721, 874; «Известия», 1933, 8 декабря. Из Лиги наций Италия вышла 11.XII 1937 г.

Обострение обстановки в центре Европы беспокоило и Советский Союз. Но его международные позиции с каждым годом крепили. Залогом этому были: успешное выполнение хозяйственной программы первой пятилетки, стремительный рост экономического и военного могущества СССР. Эти успехи создали надежные основы для защиты рожденного Октябрьской революцией Советского государства и его суверенитета. Международный авторитет и престиж Советского Союза стал настолько велик, что он вызвал новую волну признаний. 14 июля 1933 г. установить дипломатические отношения с СССР выразила желание Испания. Официальный обмен нотами между Москвой и Мадридом по этому вопросу состоялся 27—28 июля⁴⁷.

Но важнейшим международным событием, как уже отмечалось раньше, было установление Советским государством официальных отношений с Соединенными Штатами Америки, что особенно подчеркивало значение его силы и международного авторитета. Закономерным развитием истории, неустанными усилиями Советского правительства были рассеяны все предвзятые, ложные представления о положении в СССР, распространявшиеся длительное время среди правительственных кругов и широкой общественности США. Президент США Ф. Рузвельт, учитывая возросшую опасность японской агрессии, понял, что не в интересах Соединенных Штатов откладывать нормализацию отношений с Советским Союзом. Это явилось основной причиной «сговорчивости» американского правительства при установлении дипломатических отношений с СССР, которое было зафиксировано обменом нот между М. М. Литвиновым и Ф. Рузвельтом 16 ноября 1933 г.⁴⁸

XVII съезд ВКП(б) дал высокую оценку этому событию. В отчетном докладе И. В. Сталин отметил, что «восстановление нормальных отношений между СССР и Соединенными Штатами Северной Америки... имеет серьезное значение во всей системе международных отношений»⁴⁹.

Растущая роль СССР в общеевропейской политике, решительный шаг США — ведущей державы капиталистического мира — в сторону нормализации отношений с Советским государством помогли наконец буржуазным политикам стран Центральной и Юго-Восточной Европы осознать всю нелепость своей позиции в отношении Советского Союза. О крупном значении факта установления советско-американских дипломатических отношений довольно убедительно говорила и реакция румынской буржуазной прессы. Последняя была вынуждена отметить, что за событиями, связанными с заключением соглашения между СССР и США, с огромным интересом следят в

⁴⁷ ДВП СССР, т. XVI, док. 240, 258.

⁴⁸ Там же, док. 361.

⁴⁹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 13.

политических и дипломатических кругах. «Нельзя сомневаться в громадном значении акта признания Советского Союза Соединенными Штатами»⁵⁰, — писала представительная румынская «беспартийная» газета «Универсул». Советско-американское соглашение, писала «Дрептатя», ведущий национал-царанистский орган, является одним из самых важных дипломатических актов после мировой войны⁵¹. Значение нормализации советско-американских отношений особенно подчеркивала чехословацкая пресса. В пражских газетах началась настоящая кампания за нормализацию отношений с СССР (в румынской буржуазной прессе этого не замечалось). «Признание СССР Америкой, — писала «Народни освобозени», — означает новое серьезное напоминание, что вопрос о признании СССР Чехословакией уже невозможно оттягивать»⁵².

При решении вопроса о нормализации отношений с Советской страной правительства Румынии и Чехословакии не могли не считаться и с усилившимся движением трудящихся масс в защиту Советского Союза, против угрозы фашистской агрессии и войны. В Румынии активную роль в этом играли революционное подполье, а также легальные демократические организации — антивоенные и антифашистские комитеты с их печатными органами. Учитывая продолжавшиеся, несмотря на подписание Румынией Лондонских конвенций, антисоветские выступления в румынской буржуазной прессе, ЦК Компартии Румынии в одном из своих решений (июль 1933 г.) призвал трудящуюся молодежь и другие слои населения к бдительности, к усилению требований установления дружественных отношений с Советской страной⁵³. С неменьшей интенсивностью вели наступление на позиции противников сотрудничества с СССР демократические силы Чехословакии во главе с коммунистами. Они требовали незамедлительно решить вопрос о нормализации чехословацко-советских отношений⁵⁴. Давление на правительство осуществлялось и со стороны промышленных кругов, заинтересованных в советских заказах или сырье. Именно этим была вызвана 7 февраля 1934 г. постановка Бенешем вопроса о заключении советско-чехословацкого торгового договора еще до установления дипломатических отношений⁵⁵.

О необходимости нормализации отношений с Советской Россией Бенешу говорили также руководители Франции во время посещения им Парижа 14—19 декабря 1933 г. Этот факт чехословацкий министр отразил в своем циркуляре для миссий за

⁵⁰ «Universul», 23.XI 1933.

⁵¹ «Dreptatea», 23.XI 1933.

⁵² «Narodni osvobozeni», 20.XI 1933.

⁵³ Documente din istoria Uniunii Tineretului Comunist din România (далее — DUTCR). 1917—1944. Buc., 1958, doc. 56.

⁵⁴ «Известия», 1933, 30 ноября.

⁵⁵ ДВП СССР, т. XVII, М., 1971, док. 48.

рубежом от 25 декабря: «В ходе переговоров [в Париже] была подчеркнута необходимость продолжать политику сближения на Балканах и с Россией»⁵⁶. Перед поездкой во Францию и в связи с намечавшейся в это время встречей Бенеша с Титулеску «Известия» также давали понять, что лидерам Малой Антанты пора кончать с проволочкой вопроса о нормализации отношений с СССР. «Нужно думать, однако,— писала газета,— что беседа обоих министров не ограничится обменом информацией. В настоящее время ряд проблем представляет буквально жгучий интерес. Среди этих вопросов на первом плане вопрос об отношении к СССР»⁵⁷.

Фактором укрепления мира были усилия Советского правительства в деле достижения соглашений о продлении пактов о ненападении с западными соседями — Латвией, Литвой, Эстонией, Финляндией и Польшей. Официальное подписание протоколов о продлении сроков действия договоров о ненападении, заключенных Советским Союзом с Латвией, Литвой и Эстонией, состоялось в Москве 4 апреля. «ЦИК СССР и Президент (такой-то республики.— *А. Ш.*),... руководимые стремлением обеспечить возможно более прочную базу для развития отношений между их странами, желая дать друг другу новое доказательство неизменности и прочности счастливо установившихся между ними мирных и дружественных отношений и воодушевленные желанием содействовать укреплению всеобщего мира, а также стабильности и мирному развитию международных отношений в Восточной Европе ... согласились во изменение срока действия Договора», установленного (такой-то) статьей данного Договора, оставить этот Договор в силе до 31 декабря 1945 г.⁵⁸ — так примерно было зафиксировано в каждом из трех подписанных протоколов. Через три дня, т. е. 7 апреля, подобный протокол подписала и Финляндия⁵⁹.

На церемонии подписания протоколов с Латвией, Литвой и Эстонией нарком М. М. Литвинов в своем выступлении подчеркнул: «Преждевременная забота наших правительств о сроках, имеющих еще продолжительное существование, пактов свидетельствует об их доброй воле... Это обстоятельство указывает также на крупнейший рост доверия и взаимопонимания между нашими государствами... Ответы на предложения, служащие укреплению мира, имеют свою полную ценность и демонстративную силу в том лишь случае, когда они даются быстро, без долгих размышлений, без задних мыслей, без вся-

⁵⁶ Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939. М., 1959, с. 319.

⁵⁷ «Известия», 1933, 11 декабря.

⁵⁸ ДВП СССР, т. XVII, док. 105, 106, 107.

⁵⁹ Там же, док. 114.

ких условий»⁶⁰. Предложения Советского правительства западным соседям не носили временного характера и не были вызваны случайными конъюнктурными обстоятельствами, а являлись выражением постоянной, бессрочной политики мира СССР, существенным элементом которой являлась забота о сохранении независимости Прибалтийских государств.

«Вне подписанного сегодня протокола,— продолжал нарком,— остаются еще государства (имелись ввиду Польша и Финляндия.— *А. Ш.*), политика которых также может влиять на сохранение мира на данном участке. Политика Советского государства будет и впредь направлена к тому, чтобы и эти государства приобщить к делу сохранения мира»⁶¹.

Продление соглашений с Латвией, Литвой и Эстонией произвело на общественность в этих странах большое, весьма благоприятное впечатление, говорившее об искреннем стремлении народных масс к миру.

Варшава же с пролонгацией советско-польского договора о ненападении пока продолжала упорствовать. Польские дипломаты снова выдвигали разного рода условия, среди которых и требование об урегулировании советско-румынских отношений и споров⁶². В неблагоприятном поведении польских правителей решающую роль начал играть, конечно, польско-германский пакт от 26 января 1934 г., определивший Польше роль тарана фронта мира на востоке Европы. Но подписание соглашений с Прибалтийскими странами поставило польское правительство в крайне затруднительное положение. Польша «явно была загнана в угол»⁶³,— отмечал М. М. Литвинов в письме поверенному в делах во Франции М. И. Розенбергу.

Очередной вариант бековской диверсии провалился, и Варшава была вынуждена согласиться на «безусловное» продление пакта. Акт о продлении на 10 лет советско-польского договора о ненападении был заключен 5 мая 1934 г. «Риск» с продлением юридической силы советско-польского договора правящая верхушка Польши совершила не без воздействия Луи Барту, который о польском саботаже был поставлен в известность Советским правительством⁶⁴ незадолго до его официальной поездки в Варшаву, имевшей место 22—24 апреля 1934 г.

Пролонгация договоров о ненападении с Польшей и Прибалтийскими странами существенно усиливала политические и военно-стратегические позиции Советского государства в обширном районе, считавшемся до этого одним из наиболее

⁶⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 108.

⁶¹ Там же.

⁶² Там же, док. 89; Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI, док. 116, 120.

⁶³ ДВП СССР, т. XVII, док. 109.

⁶⁴ Там же, док. 109, 138.

удобных регионов для антисоветских выступлений империализма. Успех советской внешней политики острее обнажил проблему нормализации отношений с СССР перед правящими кругами стран Малой Антанты и других государств Центральной и Юго-Восточной Европы.

2. УСТАНОВЛЕНИЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ СССР С РУМЫНИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Под воздействием новой политической обстановки в Европе Венгрия стояла перед необходимостью в начале января 1934 г. снова начать переговоры с СССР. Внимательное изучение советской действительности, как признавал венгерский посланник в Анкаре М. Юнгерт-Арноти в беседе с советским полпредом, привело его и венгерские правящие круги к убеждению в необходимости нормализации отношений с Советским Союзом⁶⁵. Советско-венгерские переговоры в силу заинтересованности в них итальянского правительства проходили в Риме. От имени Советского правительства их вел полпред СССР в Италии В. П. Потемкин, от имени Венгрии — Юнгерт-Арноти, выступивший в качестве специального уполномоченного своего правительства. Переговоры заняли всего 7 дней (с 27 января по 3 февраля), хотя со стороны Будапешта имели место попытки осложнить их разного рода оговорками. Но с помощью итальянского правительства эти помехи удалось быстро нейтрализовать⁶⁶. «Правительство Союза Советских Социалистических Республик,— говорилось в советской ноте от 4 февраля 1934 г.,— решило установить с момента настоящего обмена нотами нормальные дипломатические и консульские отношения с королевством Венгрии и учредить в нем дипломатическое представительство. Правительство СССР питает твердую надежду, что такое установление отношений между нашими народами будет способствовать поддержанию дружественных связей между ними и делу всеобщего мира»⁶⁷. Идентичной по содержанию была нота венгерского правительства. Обмен нотами был произведен 6 февраля в полпредстве СССР в Италии.

Менее чем через два с половиной месяца (в начале апреля) посланники обеих стран уже вручили свои верительные грамоты. Полпредом СССР в Венгрии временно стал А. М. Петровский — советский полпред в Австрии, венгерским посланником в Москве — Юнгерт-Арноти. Приезд советской дипломатической

⁶⁵ ДВП СССР, т. XVII, док. 12. Первый зондаж относительно установления дипломатических отношений с СССР венгерское правительство сделало 27 декабря 1933 г.— Там же, с. 763.

⁶⁶ ДВП СССР, т. XVII, док. 27.

⁶⁷ Там же, док. 41.

миссии в Будапешт явился подлинной сенсацией. Все газеты посвящали ему много места, причем такие наиболее солидные органы, как «Пестер Лойд», «Пошти Нопло», «Модёршаг» и др., выступали вполне корректно. Явно враждебно вела себя только клерикальная пресса, выдумывая всякие небылицы и предупреждая советских дипломатов о недопустимости ведения коммунистической пропаганды и т. д. Все свидетельствовало о большом интересе и симпатиях к СССР широких кругов населения⁶⁸. Оформив свой юридический статут при венгерском правительстве, советский полпред имел несколько деловых встреч с премьер-министром Д. Гембешем, министром иностранных дел К. Канья и другими официальными лицами. Правительство Венгрии особенно интересовала перспектива торговых связей⁶⁹. Необходимость налаживания торговых отношений с СССР была темой бесед советского представителя со многими другими ответственными деятелями Венгрии. Интерес венгерских руководителей к этой теме объяснялся тем, что экономика венгерского королевства в условиях острого аграрного и промышленного кризиса оказалась в смертельных объятиях ведущих империалистических держав Запада.

Венгерских политиков не в меньшей степени волновала такая, сущая проблема, как отношение Советского правительства к Германии и Малой Антанте, к ревизии мирных договоров Версальской системы. Она явилась предметом беседы венгерского посланника в СССР Юнгерта-Арноти с наркомом М. М. Литвиновым 17 июня 1934 г. На поставленный венгерским дипломатом вопрос нарком ответил: «Нас интересует только вопрос сохранения мира в Европе и... мы не намерены вмешиваться во взаимоотношения между Малой Антантой и Венгрией или другими странами. Мы сами всегда выступали против послевоенных мирных договоров как несправедливых, но когда Германия стала сама на путь империализма и агрессии, мы, естественно, должны были занять определенную позицию как по отношению Германии вообще, так и ревизии договоров в нынешнем германском понимании»⁷⁰. Исходя из заявления наркома, венгерский посланник констатировал, что причин для конфликта между СССР и Венгрией нет. Наоборот, ответил М. М. Литвинов, «скорее можно найти точки контакта между нашими обоими государствами».

Установление советско-венгерских отношений вносило новый нюанс в международные отношения в Центральной Европе.

Большой интерес к организации советского полпредства в Будапеште проявляли иностранные дипломатические миссии, особенно тех стран, у которых с Советским Союзом были нала-

⁶⁸ Там же, док. 131.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 205.

жены межгосударственные отношения⁷¹. В Европе, разумеется, имелись и такие страны, правительства которых были серьезно обеспокоены нормализацией советско-венгерских отношений. В первую очередь это относится к Румынии. Ее правительство понимало, что Венгрия, опередив Румынию в установлении отношений с Советским государством, усилила свои международные позиции, а это шло вразрез с планами Бухареста. Таким образом, нормализация отношений между СССР и Венгрией оказала соответствующее влияние на позицию правящих кругов Румынии, а также Чехословакии.

Румынские политики демонстрировали свое желание нормализовать отношения с СССР еще в 1933 г. Находясь в октябре 1933 г. с официальным визитом в Польше, Титулеску посетил советского полпреда, чтобы вручить ему грамоту о ратификации Румынией Лондонских конвенций об определении агрессора для передачи этого документа Советскому правительству⁷². Румынский министр заявил польским и иностранным журналистам, что «Румыния стремится сделать все возможное, чтобы ее отношения с СССР приобрели подлинно сердечный характер. Беседы, которые я имел (с Антоновым-Овсеенко.— *А. Ш.*), убедили меня, что это желание является взаимным»⁷³. «Дружелюбие» ответственных румынских кругов по отношению к СССР Титулеску широко демонстрировал во время своего официального визита в середине октября в Анкару⁷⁴. Но это было всего лишь отвлекающим маневром, рассчитанным на то, чтобы успокоить румынскую общественность и сдерживать реваншистские силы за рубежом. Подобные приемы практиковал и партнер Титулеску — Бенеш.

Внешнеполитический курс Германии предвещал усиление германской агрессии. Германо-венгерские реваншисты официально собирались предъявить территориальные претензии к Чехословакии и Румынии. Это вело к отрезвлению руководителей государств Малой Антанты. «Бенеш,— по словам известного чехословацкого историка В. Краля,— несмотря на свои антисоветские настроения, хорошо понимал, что если СССР не встанет на пути сил, стремящихся к насильственному изменению границ в Европе, то ее ожидают крупные политические потрясения»⁷⁵. Однако и в этой обстановке в решении проблемы нормализации своих отношений с СССР правительства Румынии и Чехословакии проявили невероятную медлительность. И это делалось опять же не без надежды на то, что США, Англия и даже Франция изменят свое отношение к Советской стране,

⁷¹ ДВП СССР, т. XVII, док. 131.

⁷² *Nicolae Titulescu. Documente diplomatice* (далее — *Documente diplomatice*). București, 1967, doc. 290.

⁷³ «Известия», 1933, 12 октября.

⁷⁴ *Documente diplomatice*, doc. 298.

⁷⁵ *Kral V. Op. cit.*, str. 17.

и она окажется в международной изоляции, о чем мечтали деятели Малой Антанты. «В случае советско-румынского вооруженного конфликта,— заверял Бенеш румынское правительство в декабре 1933 г.,— Чехословакия и ее армия выступят на стороне Румынии, против СССР»⁷⁶. Но нарастающая опасность гитлеровской агрессии вносила заметные коррективы во внешнеполитические позиции правящих кругов Чехословакии. «Не Россия,— писала чехословацкая буржуазно-либеральная газета «Бразда»,— должна определить свое отношение к нам, а мы к ней. Государство с 160 миллионами населения не нуждается в нас. Но оно, без сомнения, будет нужно нам, если снова наступят времена, когда под нажимом обстановки в Центральной Европе мы вынуждены будем искать поддержку на Востоке»⁷⁷.

Итак, международная обстановка подводила страны Малой Антанты к необходимости серьезного, неформального поиска путей и средств нормализации отношений с Советским Союзом. Этому в значительной степени содействовала также позиция Франции, стремившейся наладить союзнические отношения с СССР и сохранить существовавшую в Восточной и Юго-Восточной Европе систему союзов. В силу этого Париж проявлял большую заинтересованность в том, чтобы и страны Малой Антанты во взаимоотношениях с СССР шли по тому же пути. Поль-Бонкур дал это понять при встрече с чехословацким министром, имевшей место в Женеве во второй половине ноября 1933 г. 22 ноября у Бенеша состоялась встреча с В. С. Довгалевским. В разговоре чехословацкий министр подчеркнул, что все заинтересованные в сохранении мира страны, в том числе СССР, должны установить друг с другом такие отношения, которые позволили бы дать отпор натиску фашистских диктатур, в частности гитлеровской Германии. В этом плане, по его мнению, Малая Антанта должна установить дружественные отношения с СССР⁷⁸. Продолжая свою мысль, Бенеш далее сказал: «В Чехословакии, которая не имеет спорных вопросов с СССР, вопрос назрел настолько, что возобновление отношений не представляет серьезных трудностей. Почти то же самое можно сказать и о Югославии, где враждебность... короля [к СССР] за последнее время ослаблена. Остается Румыния». Стараясь выглядеть «страстным» проводником положительного решения вопроса, Бенеш заявил, что он «внесет на ближайшем заседании Совета Малой Антанты вопрос о нормализации

⁷⁶ Ibidem, str. 24.

⁷⁷ Ibidem, str. 23.

⁷⁸ ДВП СССР, т. XVI, док. 390. Однако одновременно с этим, как вытекает из заявления французского посла Ш. Альфана М. М. Литвинову 22 сентября 1933 г., страны Малой Антанты, так же как Германия и Польша, не прекращали вести антисоветскую пропаганду в Париже и тормозить дело советско-французского сближения.— Там же, док. 297.

отношений с СССР. Если Румыния будет настаивать на одновременном восстановлении отношений между СССР и всеми участниками Малой Антанты, то он постарается на Совете найти формулу, которая способна удовлетворить Румынию и будет приемлема для нас. Если же такая формула не будет найдена, то, возможно, встанет вопрос о том, чтобы состоялось восстановление нормальных отношений между СССР, с одной стороны, Чехословакией и Югославией, с другой»⁷⁹. Именно в силу сложившейся международной ситуации вопрос о нормализации отношений с СССР был предметом специального рассмотрения на январской (1934 г.) сессии Постоянного совета Малой Антанты в Загребе (Югославия). В решении Совета указывалось, что «три государства Малой Антанты восстановят нормальные дипломатические отношения с СССР, как только будут налицо политические и дипломатические условия, отвечающие интересам каждой из трех стран»⁸⁰. Данное решение было, несомненно, сдвигом во внешнеполитическом курсе этих стран. Однако выработанная ими формула постановления была полна неопределенности, что свидетельствовало о серьезных разногласиях между ними.

Разногласия эти определялись существенными различиями во внешнеполитических целях участников Малой Антанты. Румынские политики, например, полагая, что СССР больше заинтересован в нормализации отношений, чем Румыния, надеялись использовать этот дипломатический шаг в целях вымогательства у советской стороны территориальных и других уступок. Только этим можно объяснить особую позицию Титулеску на январской сессии Постоянного совета Малой Антанты при обсуждении вопроса об установлении дипломатических отношений с СССР⁸¹. Титулеску с присущей ему настойчивостью потребовал от своих коллег предоставить ему возможность встретиться с М. М. Литвиновым до того, как будет окончательно решен этот вопрос⁸².

13 февраля 1934 г., воспользовавшись пребыванием Бека в Москве, Титулеску направил польскому министру телеграмму с просьбой выяснить у М. М. Литвинова, когда последний будет за границей, чтобы он мог с ним встретиться⁸³. Бек выполнил просьбу Титулеску и выразил надежду на скорое урегулирование советско-румынских отношений⁸⁴. В тот же день нарком направил Я. Х. Давтяну, полпреду в Греции, (где в это время находился румынский министр, сколачивая Балканский

⁷⁹ ДВП СССР, т. XVI, док. 390.

⁸⁰ *Documente diplomatice*, doc. 303.

⁸¹ *Ibidem*.

⁸² *Ibidem*.

⁸³ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 107.

⁸⁴ Там же.

союз) телеграмму с указанием передать Титулеску, что он, Литвинов, будет «рад с ним встретиться, как только окажется возможным»⁸⁵. Встречу предполагалось организовать в Женеве, где должно было состояться ожидавшееся заседание бюро Конференции по разоружению.

При сообщении Я. Х. Давтяна о согласии М. М. Литвинова на встречу Титулеску, как записал в дневнике советский полпред, «несколько раз подчеркивал свое желание поскорее урегулировать... и установить с нами самые близкие отношения»⁸⁶. Румынский дипломат «клялся», что он хочет быть с Советским Союзом, поскольку советские идеи мира отвечают «целостности и нераздельности Румынии», тогда как «все эти феодалы (имеются в виду германские и венгерские реваншисты.— А. Ш.) стремятся разделить ее»⁸⁷. Выставляя себя «горячим» сторонником советской внешней политики, Титулеску много говорил о роли Советского Союза в мировой политике, о том, что он не «даст этим господам делить» Румынию⁸⁸. Учитывая то, что Титулеску постоянно ратовал за расширение границ Румынии за счет СССР, Советское правительство не принимало всерьез его выражение «просоветских» чувств. Титулеску, как и его партнеры по правительству и двору, ни на один день не оставлял мысли добиться в ходе предстоящих переговоров с М. М. Литвиновым согласия СССР на признание Бессарабии за Румынией. Вскоре после свидания с полпредом СССР в Греции и совсем незадолго до обусловленной уже встречи с советским наркомом Титулеску 11 апреля в беседе с советским дипломатом Б. Е. Штейном (в Женеве) заявил, что он хочет знать, может ли СССР стать другом Румынии, если да, то «для этого нужно заранее устранить спорные вопросы»⁸⁹, что в понимании румынского политика означало согласиться с осуществленными в 1918 г. Румынией захватами. Свои требования Титулеску аргументировал тем, что «за восстановление отношений (с Москвой) его будут ругать правые» — профашистские круги двора и армии, а поэтому «он должен иметь возможность сказать, что он пошел на большой и стоящий акт, а не просто подписал... формальную бумажку»⁹⁰.

Чтобы убедить Я. Х. Давтяна в происшедшей метаморфозе его отношений к восточному соседу, румынский министр откровенно заявил о своей недружественной в прошлом позиции к СССР. Он уверял полпреда в том, что из-за враждебного отношения к Советскому Союзу он был инициатором Организационного пакта Малой Антанты. По той же причине, продолжал Титулеску, он провалил женевское соглашение Литви-

⁸⁵ ДВП СССР, т. XVII, стр. 779.

⁸⁶ Там же, док. 57.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ ДВП СССР, т. XVII, с. 792; см. также с. 795.

⁹⁰ Там же.

нов — Кадере, толкал Чехословакию и Югославию на соглашение с Италией, да и сам искал дружбы с Муссолини⁹¹. Спустя некоторое время не менее примечательные признания, в смысле антисоветизма, были сделаны Титулеску в беседе с поверенным в делах СССР во Франции М. И. Розенбергом, состоявшейся 18 апреля. «После того, как его (Титулеску.— А. Ш.) попытка помешать подписанию франко-советского пакта (о не-нападении.— А. Ш.) сорвалась,—передавал советский дипломат слова румынского министра,—Румыния оказалась в состоянии большой изоляции»⁹². Как следовало из дальнейшего разговора Титулеску, он поставил перед собой задачу еще крепче сцементировать малоантантовский союз путем координации внешнеполитических акций стран этого блока. Априорно это было направлено, по признанию румынского дипломата, в первую очередь против Советского Союза, против попыток Чехословакии установить дипломатические отношения с СССР без согласования с Румынией⁹³. Однако чехословацкое правительство, учитывая развитие внутренних и внешних событий, уже не могло дать румынам абсолютной гарантии, что оно обязуется никогда не устанавливать официальных отношений с Советской Россией сепаратно, без Румынии⁹⁴.

После своего «исповедания» в грехах перед Я. Х. Давтяном (повторенного затем перед М. И. Розенбергом) Титулеску перешел к вопросу организации встречи с советским наркомом. Уточняя время встречи с М. М. Литвиновым, он просил дать ему знать об отъезде наркома за границу «не через румынских представителей, ибо не хочет, чтобы в Бухаресте до окончания переговоров все пронюхали об этом»⁹⁵.

Нарком М. М. Литвинов выразил надежду, что встреча с Титулеску в недалеком будущем состоится, а результатом ее должна быть нормализация отношений между Румынией и СССР⁹⁶.

Правда, на пути нормализации советско-румынских отношений стояло немало препятствий, связанных и с внутренним положением Румынии. После убийства национал-либерального премьер-министра И. Дуки, совершенного legionерами в ночь с 30 на 31 декабря 1933 г. в Синае, заметно активизировали свою деятельность фашистские и крайне националистические организации, открыто выступавшие за сближение с фашистской Германией, против союзнических отношений с Францией и Чехословакией. За внешнеполитическую переориентацию Румынии

⁹¹ ДВП СССР, т. XVII, док. 57.

⁹² Там же, док. 132.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, док. 57.

⁹⁶ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 109.

выступали не только известный уже в то время румынский политик правого толка Г. Братиану, лидер фашистской организации «Лига национал-христианской защиты» А. Куза, но и дворцовые круги, стремившиеся заключить политический договор не с СССР, а с Германией. Эту цель вынашивала и часть румынского офицерства, ее разделяли и активно поддерживали также крупные землевладельцы, считавшие третий рейх надежным рынком сбыта своей сельскохозяйственной продукции.

Фашистское движение в своей пропагандистской деятельности ловко спекулировало на тяжелом состоянии экономики страны, а также на территориальных спорах между Венгрией и Болгарией — с одной стороны, и Румынией — с другой. На страницах газет фашистских и полуфашистских организаций постоянно проводилась мысль, что только Германия в состоянии поглотить румынский экспорт сельскохозяйственной продукции и «гарантировать целостность границ Румынии»⁹⁷. Это же пропагандировалось и с парламентской трибуны. «Политика Парижа,— заявил А. Куза 2 марта 1934 г.,— уже является препятствием для нас... Мы должны вести позитивную политику, в соответствии с нашими практическими интересами. Кто в состоянии удовлетворить наши экономические интересы и интересы обороны страны, тот, и никто другой, должен быть нашим союзником. С этой точки зрения, как я убежден, существует единственная страна, которая удовлетворит наши экономические интересы и защитит Румынию во время конфликта... Такой единственной страной является Германия»⁹⁸.

Фашиствующие представители двора и румынской военщины искали контактов и с японскими милитаристскими кругами, объединяясь с ними на антисоветской основе. Доказательством наличия румыно-японской дружбы являлось хотя бы предложение Токио Бухаресту о поставках японского оружия для румынской армии⁹⁹.

Лидеры румынского фашизма, вдохновляемые Берлином, нападали на правительство либералов, возглавлявшееся И. Дуккой, а после его смерти Г. Татареску, за их послушное поведение перед Парижем, искавшим сближения с СССР. Своими выпадами фашистские и полуфашистские круги стремились, как отмечалось в «Правде» в статье «Румынская буржуазия на перепутье», «затруднить предстоящие переговоры Малой Антанты, включая Румынию, с Советским Союзом об установлении нормальных взаимоотношений»¹⁰⁰. Следовательно, усилия гитлеровской агентуры были направлены на срыв наметившегося

⁹⁷ «АХА», I.X 1933.

⁹⁸ *Cuza A. Op. cit.*, p. 111.

⁹⁹ ДВП СССР, т. XVII, док. 135.

¹⁰⁰ «Правда», 1934, 10 апреля.

изменения восточной политики Бухареста и его попыток укрепить свои позиции перед лицом германо-венгерских ревизионистов. Румынский посланник в Берлине Н. Петреску-Комнен 7 февраля доносил правительству, что усилившаяся за последнее время деятельность пронацистских элементов в Румынии создавала у клики Гитлера «уверенность в том, что Румыния станет первой страной, которая в своей внутренней политике пойдет за Германией и сблизится с ней в области внешней политики»¹⁰¹. И действительно, тот же Комнен 18 марта телеграфировал, что Берлин не исключает возможности заключения пакта о ненападении между Малой Антантой и Германией¹⁰².

Убийство премьер-министра И. Дуки — противника гитлеризма и «железной гвардии», резкая активизация фашистских сил в Румынии вызвали сильное беспокойство во Франции. Влиятельная газета «Републик» прямо ставила вопрос: «Потеряна ли для Франции румынская дружба?». Указывая на численный рост «железной гвардии» и ее марши по улицам Бухареста с лозунгами «Да здравствует Гитлер! Долой Францию!», газета делала справедливое заключение, что железногвардейцы и далее будут продолжать свои выступления, «ибо большинство руководителей придворных клик и сам король заигрывают с ними»¹⁰³. Опасного для безопасности Румынии внутреннего процесса не мог не отметить также Титулеску. В уже упоминавшейся беседе с советским дипломатом М. И. Розенбергом, состоявшейся в апреле 1934 г. в Париже, он нашел необходимым отметить личные симпатии короля к фашистской Германии. Румынский министр подчеркнул, что Кароль II «является как-никак Гогенцоллерном, что от этого факта никуда не уйдешь и что поэтому от него ждать особого сопротивления германскому влиянию нельзя»¹⁰⁴.

Не без удовольствия усиление антисоветских тенденций в Румынии отмечали и польские дипломаты. Примечательными в этом плане являлись высказывания Лукаевича в беседе с М. М. Литвиновым 11 января 1934 г., вскоре после трагических событий в Синае. На вопрос наркома, что делается сейчас в Румынии, польский посланник ответил, что виделся в Варшаве с только что приехавшим из Румынии польским посланником Арцишевским, который сказал, что силы «железной гвардии» растут и что «эта организация находится в тесной связи с гитлеровцами». Польский дипломат не мог не отметить и того, что развитие фашистского движения идет не без прямого покровительства со стороны правящих кругов страны. «Король,— продолжал Лукаевич,— окружен весьма сомнительными элемен-

¹⁰¹ *Chiper I. Relațiile româno-germane în 1933.*— «Studii», 1968, N 4, p. 733.

¹⁰² Архив МАЕ, фонд 71/Германия, vol. 74, n/p.

¹⁰³ «Известия», 1934, 9 января.

¹⁰⁴ ДВП СССР, т. XVII, док. 132.

тами, сочувствующими «железной гвардии». В румынской армии молодые офицеры симпатизируют legionерам. «Есть опасение переориентации Румынии на Германию»¹⁰⁵.

То, что руководящие круги Румынии поощряли фашистское движение, доказывает такой факт, как оправдание по суду главварей «железной гвардии» — организаторов и вдохновителей убийства главы правительства страны. Более того, в их защиту на судебном процессе выступили А. Вайда-Воевод, предшественник Дуки на посту премьер-министра, и другие лидеры ведущих буржуазных партий. Убедившись в неспособности псевдопарламентской системы обеспечить незыблемость капиталистического строя и сдержать рост революционного движения, значительная часть румынских правящих кругов искала спасения в фашизации страны. Между прочим, росту германского влияния в Румынии способствовала и грабительская политика французского империализма в отношении румынской экономики. Именно в это время, когда Румыния переживала огромные экономические трудности, Франция настойчиво требовала от Бухареста расчета по кредитам и увеличения ежегодных взносов по займам, предоставленным в свое время Парижем¹⁰⁶. Противники профранцузского курса Румынии умело использовали эти факты для утверждения в стране гитлеровского влияния и показа «выгодности» экономической и политической ориентации на Германию.

Италия тоже играла немалую роль в том, чтобы оторвать Бухарест от французской системы союзов. Муссолини не переставал соблазнять Румынию урегулированием ее споров с Венгрией в обмен за выход ее из Малой Антанты¹⁰⁷. На корректировку своей внешней политики Румынию вдохновлял и пример Польши, взявшей курс на сближение с фашистской Германией. Прогитлеровские элементы из правящих кругов, опираясь на «опыт» Варшавы, настойчиво требовали искать пути и возможности для взаимопонимания с Берлином. «Румыния, — заявляли они, — не только член Малой Антанты, но и наиболее близкий союзник Польши» и лишь «подражание польскому примеру» может предохранить Румынию от опасности возможной итало-французской сделки за счет Малой Антанты, значительно нейтрализовать территориальные требования Венгрии¹⁰⁸.

Советское правительство в противоположность Бухаресту было заинтересовано в скорейшем решении проблемы нормализации отношений с Румынией, равно как и с другими членами Малой Антанты, поскольку этого требовала международная обстановка. При желании румынское правительство могло

¹⁰⁵ ДВП СССР, т. XVII, док. 11.

¹⁰⁶ Там же.

¹⁰⁷ Там же.

¹⁰⁸ «Правда», 1934, 9 апреля.

бы найти более короткий путь решения этого вопроса, не ожидая встречи на уровне Литвинов — Титулеску. Но король, дворцовые круги не желали пересматривать догмы антисоветизма, свою восточную политику и продолжали лавировать. Да и сам Титулеску, добиваясь уступок советской стороны, ссылаясь на позицию этих сил при выдвижении своих оговорок или оттяжке установления нормальных отношений с Советским государством.

Об отсутствии близкой перспективы нормализации советско-румынских отношений свидетельствовали и дебаты по внешнеполитическим проблемам, развернувшиеся в румынском парламенте в начале апреля 1934 г. Один из лидеров национал-царанистской буржуазной партии Ю. Маниу, ранее неоднократно занимавший пост премьер-министра, внес правительству запрос, какие внешнеполитические меры оно намерено предпринять в связи с требованиями Венгрии о пересмотре Трианонского договора, а также, что намечается сделать для сохранения статуса в Европе, установленного мирными договорами, и для экономического процветания стран Дунайского бассейна и Юго-Восточной Европы. Запрос лег в основу широкой дискуссии, развернувшейся 4 апреля. Первым на заседании парламента выступил с большой речью Маниу. «Парижская мирная конференция,— заявил он,— навязала нам не те границы, о которых мы мечтали и которые... нужны для обеспечения безопасности нашего государства»¹⁰⁹. Этим наглым высказыванием оратор стремился не только отбить ревизионистские атаки хортистов, но и напомнить в очередной раз о существовании у правящих кругов Румынии захватнических целей. Подобные мысли с трибуны парламента высказывались и некоторыми другими политиками. Далее Маниу перешел к изложению общей программы румынской внешней политики. Он одобрил усилия правительства по укреплению Малой Антанты, созданию нового альянса — Балканского пакта, что заметно, по его мысли, укрепляло международные позиции Румынии. Однако наиболее верным путем нейтрализации действий венгеро-германских реваншистов, укрепления румынских позиций и «решения» социально-экономических проблем Южной и Центральной Европы лидер царанизма считал создание Федерации придунайских государств при соблюдении их суверенитета и сохранении территориального статус-кво. Создание Федерации, заявил он, должно проходить при «самом тесном сотрудничестве Франции, Германии и Италии»¹¹⁰.

Вслед за Маниу выступил председатель правящей партии (национал-либералов) Дину Братиану. Он присоединился к

¹⁰⁹ «Romania în revizuirea tratatelor. Discursurile d-lor Iuliu Maniu și C. I. C. Brătianu în ședința Adunării deputaților din 4 aprilie 1934. Răspunsul d-lui N. Titulescu». Buc., 1934, p. 6.

¹¹⁰ «România și revizuirea tratatelor...», p. 23. Курсив наш.

мнению первого оратора. Но в отличие от царанистского деятеля Братиану сделал большой акцент на том, чтобы призвать правительство к укреплению дружбы с Францией ¹¹¹. Не обошли вниманием проблемы внешней политики и другие масти-тые политики страны. Однако ораторы полностью умолчали о необходимости нормализации румыно-советских отношений.

С ответом на интерпелляцию Маниу и на выступления других членов парламента от имени правительства выступил министр иностранных дел Титулеску. Он резко осудил требование Венгрии пересмотра Трианонского договора, сделал критические замечания и в адрес Италии за ее провенгерскую позицию в румыно-венгерском конфликте. Однако критика итальянского правительства велась в извиняющемся и мягком тоне ¹¹², на что не могла не обратить внимание зарубежная печать. Залогом «неприкосновенности» румынских границ, декларировал министр иностранных дел, являются, в первую очередь, союзные отношения с Францией и странами Малой Антанты. Западные и южные границы Румынии гарантируются также, подчеркивал Титулеску, недавно созданным Балканским пактом ¹¹³. Об отношении Балканского альянса к положению на востоке страны он умолчал.

Для баланса традиционно двойственной политики Румынии Титулеску выдвинул задачу равного соблюдения в Дунайском бассейне экономических интересов Франции, Германии и Италии ¹¹⁴. В этом же плане он предлагал твердо заверить Германию в том, что «Австрия не будет включена в какую-либо политическую или экономическую систему, направленную против рейха» ¹¹⁵.

Румынский министр не мог обойти в своей речи и советско-румынских отношений. Титулеску отметил важность для Румынии иметь добрососедские отношения с СССР, указал на успех переговоров и заключение Лондонских конвенций об определении агрессора. О необходимости же полной нормализации отношений между Румынией и СССР министр не обмолвился ни одним словом.

Из стран Малой Антанты более или менее явное стремление установить нормальные дипломатические отношения с СССР проявляла лишь Чехословакия в силу резко ухудшившегося ее международного положения. Германо-польская декларация от 26 января 1934 г., фактически явившаяся пактом о ненападении между Германией и Польшей, создала Германии благоприятные условия для открытого выступления против Чехословакии.

¹¹¹ «România și revizuirea tratatelor...», p. 33.

¹¹² Ibidem, p. 70—71.

¹¹³ Ibidem, p. 72—73.

¹¹⁴ Ibidem.

¹¹⁵ Ibidem, p. 73.

Серьезным ударом по внешнеполитическим позициям последней была и безрезультатная ее попытка сблизиться с Варшавой. Более того, после германо-польской сделки в польской прессе развернулась сильная античехословацкая кампания¹¹⁶. Националистические органы печати обвиняли правительство Чехословакии в «притеснении» польского меньшинства. Под влиянием создававшейся вокруг Чехословакии ситуации в стране нарастало общественное движение за ускорение установления официальных отношений с СССР. «Внешнеполитически,— доносил С. С. Александровский в Москву 27 января,— безусловно, произошел радикальный перелом по отношению к нам. Наше полпредство не только не находится больше в изоляции, но, наоборот, стало предметом прямых вожделений со стороны таких лиц и кругов, которые еще недавно далеко обходили наше полпредство и какую бы то ни было связь с ним»¹¹⁷. Однако в политических кругах Чехословакии параллельно с курсом на нормализацию советско-чехословацких отношений существовала и сильная тенденция обеспечить «безопасность» страны путем примирения с реваншистскими государствами. Отчетливой демонстрацией в этом направлении было заявление Бенеша корреспонденту французской газеты «Paris Soir» в связи с подписанием в середине марта 1934 г. «римских протоколов» — политических и экономических соглашений между Италией, Австрией и Венгрией. «Для нас самое основное,— декларировал чехословацкий министр,— достигнуть взаимопонимания с Австрией и Венгрией. Очень важно добиться соглашения между дунайскими странами, притом такого соглашения, в котором вместе с Римом и Парижем также хорошо могли бы участвовать и Берлин и Малая Антанта»¹¹⁸. Месяцем позже аналогичное мнение Бенеш высказал в конфиденциальной беседе с президентом Франции А. Лебреном, заявив, что он «предпочитает Германию Италии»¹¹⁹. Чехословакия, говорил чехословацкий посланник в Лондоне Я. Масарик И. М. Майскому 6 февраля, была «принципиально согласна заключить с Германией пакт о ненападении»¹²⁰. Однако от решительного шага в этом направлении Прагу удержало нежелание Франции сдавать без компенсации свои позиции в Центральной Европе.

Если вопрос рассматривать с точки зрения только межгосударственных отношений, Чехословакия не имела никаких оснований для того, чтобы медлить с установлением официальных советско-чехословацких отношений. Эти мысли высказывались

¹¹⁶ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 101; Внешняя политика Чехословакии, с. 320.

¹¹⁷ ДВП СССР, т. XVII, док. 33.

¹¹⁸ «Universul», 6.IV 1934.

¹¹⁹ ДВП СССР, т. XVII, док. 132.

¹²⁰ Там же, док. 45.

даже такими близкими к правительству Чехословакии политиками, как Й. Бенеш (племянник Э. Бенеша) ¹²¹.

Двойственность внешнеполитического курса привела чехословацких буржуазных политиков к ошибочному мнению: они считали, что установлением отношений де-юре «они сделают СССР громадное одолжение, за которое можно потребовать прилично заплатить» ¹²². Исходя из этих посылок, правители Чехословакии явно рассчитывали на то, что СССР за чехословацкое «благородство» должен внести компенсацию, в первую очередь, конечно, в экономической области. Господствовало даже убеждение, что после установления с Советским государством отношений де-юре с его стороны тут же посыплются заказы чехословацкой промышленности ¹²³. Но Советское правительство заявило Бенешу, что Москва за установление Чехословакией отношений с СССР ничем платить не хочет и не станет ¹²⁴. Все расчеты на такую «плату» провалились, когда Советское правительство заявило о своем отказе заключить торговый договор с Чехословакией до нормализации в полном объеме дипломатических отношений ¹²⁵.

Проявлявшаяся со стороны лидеров Малой Антанты медлительность и «осторожность» в деле нормализации дипломатических отношений с Советским Союзом определялась и целями их балканской политики. Румыния и Югославия в период практической постановки вопроса о нормализации отношений с Советским Союзом вели активную деятельность по сколачиванию Балканского альянса, официальное оформление которого состоялось в Афинах 9 февраля 1934 г. Этот союз, в котором объединились Румыния, Югославия, Турция и Греция, был направлен не только против намерений определенных сил нарушить версальскую систему, но и против Советского государства ¹²⁶, поскольку он укреплял румынские позиции на Днестре. Чтобы в какой-то мере нейтрализовать этот антисоветский нюанс афинского пакта, Советское правительство советовало Турции — будущему его участнику, находившемуся в дружественных отношениях с СССР, «присоединить к пакту письменное заявление, что ни в каком случае Турция не будет считать себя обязанной принимать участие в каких-либо действиях, направленных против СССР» ¹²⁷. Турецкое правительство, понимая значимость советской дружбы для укрепления международных позиций своей страны, вняло этому совету и при под-

¹²¹ «Česke slovo», 25.IV 1934.

¹²² ДВП СССР, т. XVII, док. 33.

¹²³ Там же.

¹²⁴ Там же, док. 83.

¹²⁵ Там же, док. 78.

¹²⁶ Там же, с. 767.

¹²⁷ Там же.

писании Балканского пакта сделало письменную оговорку в духе советских пожеланий ¹²⁸.

Однако турецкая оговорка не могла изменить отрицательного отношения советских руководителей к пакту в целом. 14 февраля в беседе с греческим министром иностранных дел Максимосом полпред СССР в Афинах Я. Х. Давтян заявил: «Отношение Советского правительства к пакту продолжает оставаться весьма скептическим. Если мы не возражали против подписания пакта, это не означает, что мы его одобряем. Участие Турции в ее декларациях ограждает наши интересы, но мы продолжаем расценивать пакт отрицательно с точки зрения интересов общего мира и умиротворения Балкан» ¹²⁹.

Попытки оживить систему послеверсальских союзов, на что были направлены и Организационный пакт Малой Антанты и соглашение об организации Балканского союза, не могли обеспечить подлинной защиты мира в Центральной и Юго-Восточной Европе. Силы империализма и реваншизма можно было сдерживать только организацией широкого фронта мира с участием Советского Союза, военно-экономическая мощь которого была главным препятствием для германских и иных агрессоров.

Чехословацкие и румынские политики, однако, продолжали питать надежды на то, что непоколебимость существующего европейского статус-кво зависит от твердости политики Франции ¹³⁰. Но дальнейшее развитие международных событий явно опровергало эти иллюзии. Титулеску и Бенешу приходилось снова обращать свои взоры в сторону Москвы. О необходимости этого свидетельствовал, в частности, визит румынского министра иностранных дел в Париж, где он имел встречи со всеми ведущими лидерами Франции — президентом А. Лебреном, премьер-министром Г. Думергом, министром иностранных дел Л. Барту, военным министром Ф. Петэном, такими политическими деятелями, как Э. Эррио, А. Тардые и П. Лаваль ¹³¹. К своему удивлению, Титулеску нашел, что все они, даже Петэн и японофил Тардые, выступают за сближение с СССР ¹³². Настроения руководителей Франции возымели, наконец, воздействие на румынского политика. При встрече с поверенным в делах СССР в Париже М. И. Розенбергом (18, 19 и 21 апреля) он выразил заметное желание к соглашению с Советским Союзом. Но чтобы не выглядеть в вопросах восточной политики белой вороной в глазах своих бухарестских коллег, он упросил французов заявить ему, что он должен идти на сближение с Москвой. В тайну этого дипломати-

¹²⁸ Documente diplomatice, doc. 305.

¹²⁹ ДВП СССР, т. XVII, док. 56.

¹³⁰ Там же, док. 132.

¹³¹ «Universul», 20.IV 1934.

¹³² ДВП СССР, т. XVII, док. 132, с. 792.

ческого хода Титулеску посвятил Розенберга, и генеральный секретарь МИД Франции А. Леже подтвердил это ¹³³.

Но позиция румынского правительства в деле нормализации отношений с СССР окончательно определилась только в конце мая — начале июня 1934 г., когда в Женеве состоялась встреча между наркомом иностранных дел Литвиновым и Титулеску. Переговоры носили напряженный характер, поскольку румынский министр фактически добивался территориальных уступок со стороны Советского Союза. «Титулеску,— отмечал М. М. Литвинов,— требовал обещания, что бессарабский вопрос никогда не будет нами поднят дипломатическим путем». В ответ на это нарком «предлагал сделать оговорку относительно спорных вопросов, остающихся открытыми». Но румынский дипломат упорствовал. В конце концов обе стороны сошлись на том, чтобы «не делать никаких оговорок и не давать никаких обещаний друг другу» по спорным вопросам ¹³⁴. Следовательно, Титулеску был готов нормализовать отношения с СССР ¹³⁵ не столько ради укрепления фронта мира в Европе, сколько в целях осуществления не дававшей ему покоя мечты — добиться согласия СССР на отказ от Бессарабии. Литвинов решительно отверг эти домогательства.

В те же дни переговоры с Литвиновым вел Бенеш. Последний уже более конструктивно подходил к решению вопроса об установлении дипломатических отношений и не выдвигал осложняющих переговоры требований. И действительно, семичасовая беседа Литвинова с тремя министрами стран Малой Антанты, имевшая место 7 июня, воочию показала, что Чехословакия в отличие от Румынии шла теперь на установление дипломатических отношений с СССР без всяких оговорок и условий. А румынский министр и здесь, в Женеве, делал попытки оттянуть нормализацию советско-румынских отношений до очередной сессии совета Малой Антанты, которая должна была состояться в Бухаресте 18—20 июня. «Титулеску,— фиксировал Литвинов,— хотел отложить обмен писем о восстановлении отношений до Бухарестской конференции Малой Антанты в ожидании присоединения Югославии. Я настоял, однако, на обмене в Женеве же без Югославии» ¹³⁶.

Несмотря на такую румынскую позицию и негативное отношение Югославии, чехословацкий министр не без воздействия Барту, находившегося в то время в Женеве, решился на независимые от своих партнеров действия, запросив Прагу о согласии на официальное установление отношений с СССР независимо от позиций других членов Малой Антанты. «Стремлюсь,— инфор-

¹³³ Там же, док. 132.

¹³⁴ Там же, док. 218.

¹³⁵ Там же, док. 181.

¹³⁶ Там же, док. 218.

мировал чехословацкий министр свое правительство, — к единству действий с Румынией и Югославией, но нет еще ясности, договорится ли Титулеску с Литвиновым. В этом случае мы должны были бы выступить самостоятельно»¹³⁷. Здесь же было сказано, что решение вопроса об установлении отношений с СССР необходимо и для успешного хода переговоров о Восточном пакте. Президент и премьер-министр Чехословакии положительно отнеслись к предложению своего министра. После получения разрешения из Праги Бенеш 8 июня обратился к Титулеску с письмом, в котором указывалось: «Чехословацкое правительство больше не может откладывать нормализацию отношений с Россией»¹³⁸. В этом обращении чехословацкий министр подчеркивал, что хотя его акция и нарушает единство действий стран Малой Антанты, однако он «вынужден, учитывая совершенно новые обстоятельства в международной жизни, а также то, что на карту поставлены жизненные интересы его страны, при любых условиях урегулировать этот вопрос еще во время пребывания в Женеве»¹³⁹.

Полномочия на заключение соглашения об установлении советско-румынских отношений запросил у своего правительства и Титулеску. Не будучи уверенным в их получении, он, как всегда в острых ситуациях, пустил в ход испытанный метод — угрозу об отставке. Из Бухареста поступил положительный ответ, который Титулеску рассматривал как большую личную победу. Б. Ефтич же — югославский министр иностранных дел — на запрос об установлении советско-югославских дипломатических отношений получил от короля Александра I отрицательный ответ¹⁴⁰. Это вносило явную дисгармонию в малоантантовский курс на нормализацию отношений с Советским государством. При невозможности сохранить единую линию Малой Антанты и в силу настоятельных, учитывающих сложившуюся международную обстановку требований Литвинова не откладывать решение вопроса о нормализации двусторонних с СССР отношений Постоянный совет Малой Антанты, создавая иллюзию сохранения внутрисоюзнической солидарности, был вынужден 8 июня тут же в Женеве вынести постановление о том, что «политические и дипломатические условия позволяют ныне каждому из государств — членов Малой Антанты поступить в подходящий момент в согласии с резолюцией, принятой в Загребе»¹⁴¹, т. е. самому решить вопрос о необходимости установления дипломатических отношений с Советским Союзом.

¹³⁷ «Slovenský přehled», 1964, N 3, str. 192.

¹³⁸ Внешняя политика Чехословакии 1918—1939. М., 1959, с. 328—329.

¹³⁹ Там же, с. 329.

¹⁴⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 190.

¹⁴¹ Там же, с. 775.

После этого постановления Титулеску настойчиво добивался у Литвинова согласия послать ему уведомление о загребском и женевском решениях совета Малой Антанты только за своей подписью, как председателя совета. Нарком, не желая иметь дело с Малой Антантой как политическим союзом и давать румынскому дипломату лишнюю возможность подчинять наступившие события только политическим выгодам королевской Румынии, отвел это предложение. Указанные решения Малой Антанты были сообщены Литвинову румынским и чехословацким министрами в индивидуальных письмах. Об отсутствии у румынских правителей искреннего желания установить нормальные отношения с СССР говорило также их предложение обменяться полномочными представителями без организации в столицах дипломатических миссий. В таком случае, по мнению Титулеску, Советское государство в Бухаресте по совместительству представлял бы полпред СССР в одной из соседних с Румынией стран. Титулеску, королевский дом, вся румынская реакция не желали присутствия советского полпредства в румынской столице. Этим самым они хотели предотвратить общение демократической общественности страны с советским представительством. По той же причине Титулеску возражал и против организации советского консульства в Бессарабии¹⁴². Идею румынского министра о полпреде-совместителе нарком категорически отверг (в свое время с такого рода предложением выступал и Будапешт).

Усилия Советского правительства добиться одновременного установления дипломатических отношений со всеми тремя странами Малой Антанты не увенчались полным успехом. Договоренность о нормализации отношений с Чехословакией и Румынией была достигнута. Советско-югославские межгосударственные отношения были установлены лишь через несколько лет, в 1940 г., уже в период второй мировой войны. И в этом были повинны югославские правители.

Окончательное согласование текстов и форм документов, которыми М. М. Литвинову предстояло обменяться с Н. Титулеску и Э. Бенешем, было сделано 9 июня на их утренней встрече в Женеве. Вечером того же дня в присутствии югославского министра иностранных дел, дипломатических представителей Советского Союза, Румынии, Чехословакии и Югославии состоялся обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией, между СССР и Чехословакией. Румынский министр иностранных дел, ссылаясь на решение загребской и женевской сессий Малой Антанты, а также на состоявшиеся между ним и Литвиновым переговоры, в своей ноте официально уведомлял наркома, что «Коро-

¹⁴² Там же, док. 132.

левское Румынское Правительство решило установить нормальные дипломатические отношения с Правительством СССР и приступить к назначению Чрезвычайного Посланника и Полномочного Министра»¹⁴³. В ответ на румынскую ноту М. Литвинов сообщил Н. Титулеску о решении Советского правительства установить дипломатические отношения с Румынией и назначить полномочного представителя. Ноты заканчивались идентичной фразой: «Я питаю твердое убеждение, что установленные таким образом отношения останутся навсегда нормальными и дружественными и что наши народы будут продолжать сотрудничать, к своему величайшему взаимному благу, в деле поддержания всеобщего мира»¹⁴⁴. Нотами подобного содержания обменялись также Э. Бенеш с М. М. Литвиновым¹⁴⁵.

Дополнительно к нотам Литвинов и Титулеску, а также Бенеш и Литвинов в тот же день обменялись текстуально идентичными письмами, в которых указывалось: «Правительства наших стран взаимно гарантируют полное уважение государственного суверенитета каждой из них и воздержание от всякого прямого или косвенного вмешательства во внутренние дела и в развитие другой стороны, и в частности от всякой агитации, пропаганды и всякого рода интервенций либо их поддержки.

Они обязуются, кроме того, не создавать, не поддерживать и не разрешать пребывание на своей территории организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой страной, либо покушающихся силой на ее политический или общественный строй, либо проповедующих или подготавливающих террористические акты против ее официальных представителей, равно как и организаций, приписывающих себе роль правительства другой стороны или части ее территории.

Они также обязуются воспретить вербовку, равно как ввоз на свою территорию и провоз через свою территорию вооруженных сил, оружия... предназначенных для этих организаций»¹⁴⁶. Эти взаимные обязательства для советской стороны имели важное значение, поскольку Румыния, например, продолжала оставаться очагом формирования белогвардейских военных организаций, готовившихся к вооруженным вылазкам в районы Советской Украины и Молдавской АССР. На территории Румынии находилось тогда немалое количество врангелевских солдат и офицеров. Материальное обеспечение они получали от румынской и международной буржуазии. Румынию продолжали навещать и отпрыски царской фамилии. Немало военных и невоенных белогвардейских формирований и орга-

¹⁴³ «Documente diplomatice», doc. 315.

¹⁴⁴ ДВП СССР, т. XVII, док. 193.

¹⁴⁵ Там же, док. 194.

¹⁴⁶ Внешняя политика СССР (сборник документов). т. III. М., 1946, с. 720—721.

низаций, готовившихся к антисоветским диверсиям и террористическим актам, действовало на территории Чехословакии¹⁴⁷.

Правительства СССР и Чехословакии в ходе женевских встреч договорились также отказаться от взаимных финансовых претензий, проистекавших из русско-чехословацких отношений времени кануна и периода Великой Октябрьской социалистической революции и гражданской войны¹⁴⁸.

Ноты и письма, которыми обменялся советский нарком с министрами иностранных дел Румынии и Чехословакии, были опубликованы на страницах центральных и местных органов советской печати. В комментариях газет установлению дипломатических отношений между Советским Союзом и двумя странами Малой Антанты давалась высокая оценка, и оно рассматривалось как «значительный вклад в арсенал средств, которыми будут располагать государства, борющиеся за всемерную отсрочку военной развязки»¹⁴⁹. Следовательно, определяющим во взаимоотношениях Советского государства с Румынией и Чехословакией, как и с другими странами этого региона, оставалась проблема поддержания мира в Европе.

Нормализацию отношений Чехословакии с СССР с особым одобрением встретил чехословацкий народ. Об этом свидетельствовали многочисленные собрания трудящихся, превратившиеся в манифестацию чехословацко-советской дружбы¹⁵⁰. Широкое и положительное освещение это событие получило на страницах подавляющей части газет, представлявших основные политические группировки Чехословакии. Установление дипломатических отношений с СССР благоприятно было воспринято и в Румынии. В официальном коммюнике, выпущенном в связи с этим важным для страны международным событием и опубликованием текстов нот и писем Литвинова и Титулеску особо подчеркивалась значимость предпринятого правительством шага. В день установления советско-румынских отношений румынское правительство направило в Женеву на имя Титулеску поздравительную телеграмму¹⁵¹. При возвращении на родину на вокзале он был демонстративно встречен всеми членами правительства во главе с премьер-министром Г. Татареску. Все это должно было подчеркнуть единодушие королевского двора и правительства в вопросе нормализации советско-румынских отношений, хотя это не соответствовало действительности¹⁵².

¹⁴⁷ История Чехословакии, т. III. М., 1960, с. 245.

¹⁴⁸ Внешняя политика Чехословакии 1918—1939, с. 329—330.

¹⁴⁹ «Известия», 1934, 10 июня.

¹⁵⁰ «Pravo lidu», 12.VI 1934.

¹⁵¹ «Universul», 12.VI 1934.

¹⁵² В кругу ближайших людей премьер заявлял, что если бы ему, а не Титулеску пришлось решать вопрос об установлении дипломатических отношений с СССР, то он к этому отнесся бы отрицательно. Об этом же говорила и попытка короля спустя три недели после установления со-

Внешне благоприятной демонстрацией Татареску намеревался поднять среди народа престиж короны и правящей в то время национал-либеральной партии, генеральным секретарем которой он являлся (пост председателя партии занимал крупный финансист-промышленник Дину Братиану, тесно связанный с французским капиталом).

Румынские руководящие круги, равно как и чехословацкие, при всей их ненависти к Советскому государству не в силах уже были не считаться с фактом неуклонно возрастающей его роли в решении европейских проблем. миролюбивая политика Советского Союза и активная борьба Советского правительства за сохранение мира отвечали интересам и Румынии, и Чехословакии, стремившихся отстоять целостность своих границ, установленных мирными договорами Версальской системы, перед лицом агрессивных устремлений реваншистских сил. Отражая это положение, близкая к правительству чехословацкая газета «Лидови новини» писала: «Сейчас, благодаря поддержке Франции на западе и дружбе с СССР на востоке, создается возможность полной международной гарантии независимости нашей республики»¹⁵³. Реакционная румынская газета «Универсул», отмечая одобрение румынской общественностью совершившегося события, писала в те дни, что установление дипломатических отношений между Румынией и СССР надо считать «самым примечательным международным событием для нашей страны»¹⁵⁴.

В реалистическом подходе к делу установления советско-румынских отношений большую роль сыграло движение народных масс Румынии за дружбу и сотрудничество с СССР. Отражая эту сторону проблемы, демократическая газета «Экоул» указывала: «...тот факт, что даже «Универсул» должна была сделать уступку общественному мнению, восхваляя успех Титулеску, свидетельствует о том, что роль масс в достижении этого дипломатического соглашения была весьма значительной»¹⁵⁵.

Важность установления отношений с СССР заставила выступить с одобрительными заявлениями об акции румынского и чехословацкого правительств и тех политических деятелей, которые далеко не были ее сторонниками. Правда, при этих заявлениях они делали целый ряд оговорок, оставляя за собой возможность для отступления. Стремясь бросить тень на Советское государство, румынская пресса высказывала сомнения в искренности Советского Союза. Такого рода заявление сделал,

ветско-румынских отношений отстранить Титулеску с поста министра иностранных дел.— ДВП СССР, т. XVII, док. 239.

¹⁵³ «Lidove noviny», 10.VI 1934.

¹⁵⁴ «Universul», 12.VI 1934.

¹⁵⁵ «Ecoul», 1.VII 1934.

например, известный историк Н. Йорга — близкий к королю человек¹⁵⁶.

В первое время, когда народные массы выражали глубокое удовлетворение нормализацией советско-румынских отношений, в какой-то мере ее одобряли даже отдельные крайне правые реакционные деятели Румынии. Лидер национал-аграрной партии О. Гога в интервью для газеты «Универсул», высказав ненависть к коммунизму, одновременно был вынужден признать, что в то время, когда подавляющая часть государств восстановила связи с республикой Советов, Румынии не пристало брать на себя неблагородную роль ментора всей Европы¹⁵⁷.

Особый интерес представляют выступления прогрессивных сил Румынии, и в первую очередь Румынской Коммунистической партии. В ее подпольных изданиях, в ряде легальных демократических газет, издававшихся при активном руководстве коммунистов, акт 9 июня определялся как знаменательная веха в истории международных отношений Румынии, как победа румынского прогрессивного начала над реакцией, длительное время тормозившей нормализацию отношений с СССР. В «Заявлении ЦК РКП по поводу признания Советского Союза», сделанном в июле 1934 г., при анализе наступивших событий подчеркивалось: «Империалистическая Румыния была вынуждена признать СССР как державу, представляющую колоссальную силу на международной арене, как решительного стража мира и противника любой империалистической войны за передел мира»¹⁵⁸.

В том же заявлении ЦК партии убедительно разоблачал попытки реакции исказить советскую внешнюю политику и представить в глазах широких народных масс новую дипломатическую победу СССР в ложном свете, чтобы помешать росту симпатий к Стране Советов. Одним из таких примеров было утверждение, что «СССР якобы только теперь перешел на рельсы мирной политики»¹⁵⁹. В ответ на высказывания отдельных представителей реакционных кругов о том, что 9 июня Советский Союз будто бы примирился с существующим положением Бессарабии, руководство Румынской компартии в порядке разъяснения румынскому и молдавскому народам указывало: «Ясные обязательства рабоче-крестьянского правительства не прибегать к вооруженной силе в разрешении споров с соседними капиталистическими странами... не означают признания захвата Бессарабии»¹⁶⁰. Руководствуясь принципами

¹⁵⁶ «Neamul Românesc», 11. VI 1934.

¹⁵⁷ «Universul», 13.VI 1934.

¹⁵⁸ Documente din istoria partidului comunist din România (далее — DPCR). Vol. IV (1934—1937). Buc., 1957, doc. 14.

¹⁵⁹ Ibidem.

¹⁶⁰ DPCR, vol. IV, doc. 14.

пролетарского интернационализма, ЦК РКП далее подчеркивал: «Проблема освобождения Бессарабии, как и Буковины..., из-под ига румынского империализма была и остается насущной задачей революционной борьбы румынских трудящихся» ¹⁶¹.

Партия пролетариата обращала внимание своего народа и народных масс угнетенных национальностей и на то, что присоединение правителей Румынии к идеям мира нисколько не означает их отказа от захватнической политики, что «румынский империализм не оставил своих целей захвата украинских территорий с г. Одесса». Ради этого, как подчеркивалось в документе, «румынский империализм будет продолжать предпринимать усилия к тому, чтобы найти взаимопонимание со своими нынешними империалистическими соперниками для выступления против пролетарского государства». На это нацелены, указывалось компартией, и лозунги премьер-министра Татареску «Все для вооружения страны, ничего того, что служило бы иным целям!» ¹⁶².

Учитывая эти тенденции румынской буржуазии, компартия, легальные и полулегальные ее общества и организации призывали трудящихся к бдительности. Они указывали на то, что подписи правительства Румынии под документами 9 июня еще не являются свидетельством миролюбия румынской буржуазии ¹⁶³. Румыния неоднократно нарушала свои обязательства, как, например, советско-румынское соглашение 5—9 марта 1918 г. Согласно этому договору румынское королевство обязалось вывести свои оккупационные войска из Бессарабии. Однако этого не было сделано. ЦК РКП предлагал коммунистам настойчиво вести разъяснительную работу среди трудящихся о том, что акт 9 июня может стать фактором мира, а не камуфляжем подготовки новой войны против СССР только в том случае, если прогрессивные силы и весь румынский народ вместе с угнетенными национальными меньшинствами окажут эффективную поддержку Советскому государству в проведении его миролюбивой политики.

Деятельность компартии, многочисленных демократических организаций Румынии, негласно руководившихся коммунистами, выступления их органов печати с горячей поддержкой и одобрениями акта 9 июня сыграли огромную роль в сближении народов СССР и Румынии, в укреплении их политических и культурных связей.

Но в Румынии не было недостатка и в выступлениях, направленных против установления отношений с СССР. Газета «Апэраря националэ» — орган одного из направлений румынского фашистского движения, руководимого А. Кузой, — выска-

¹⁶¹ DPCR, vol. IV, doc. 14.

¹⁶² Ibidem.

¹⁶³ «Ecoule», I.VII 1934.

звала яростное недовольство тем, что в документах об установлении советско-румынских дипломатических отношений не была уточнена территория, на которую распространяется суверенитет Румынии. «Мы,— писала газета,— будем придерживаться своего прежнего мнения... Для нас они [Советы] остаются той же вечной угрозой внутреннего беспокойства»¹⁶⁴. От фашиста Кузы не отставало буржуазно-националистическое духовенство. Его печатный орган в Бессарабии «Раза» выступил с нападками даже на румынские буржуазные газеты, которые в положительном духе писали о результатах женевских встреч Литвинов — Титулеску. В одном из своих номеров, касаясь нормализации советско-румынских отношений, она, обращаясь к духовенству, писала: «Руководители церкви должны быть начеку»¹⁶⁵.

Акт 9 июня не избежал яростных атак и с трибуны румынского парламента. Крайне правые депутаты А. Куза и Г. Братиану в своих выступлениях осудили шаги Титулеску в Женеве, сделанные без консультации с законодательным органом, объявили их противоречащими национальным интересам, поскольку соглашением с Литвиновым не были решены в пользу Румынии территориальные и другие спорные вопросы¹⁶⁶. На той же позиции стояли и другие ведущие правые деятели — К. Арджетоану, А. Вайда-Воевод, Ю. Маниу и др. Отвечая им, Титулеску заявил, что он удовлетворен достигнутым соглашением, подтверждающим, что Советская Россия не собирается решать силой бессарабский вопрос¹⁶⁷.

Не испытывали удовлетворения от установления Румынией, равно как и Чехословакией, отношений с СССР ведущие империалистические государства в Европе — Англия и Германия. «По моим наблюдениям,— утверждает академик И. М. Майский — известный советский дипломат, живой свидетель тех событий,— ответственные политические деятели Англии... к нормализации отношений между Румынией и СССР внешне проявляли корректное равнодушие, но по существу этому не сочувствовали. Гитлеровские дипломаты нормализацию советско-румынских отношений встретили враждебно»¹⁶⁸.

С другой стороны, в отдельных органах реакционной прессы, как и во время подписания Лондонских конвенций, нарочито, без малейших на то оснований, утверждалось, что 9 июня Бессарабия признана румынской территорией. Но официально Бухаресту было точно известно, что Советский Союз не собирался признавать захват Бессарабии. Об этом убедительно

¹⁶⁴ «Apărarea națională», 17.VI 1934.

¹⁶⁵ «Raza», 14.VI 1934.

¹⁶⁶ «Monitorul oficial», partea III, 1934, N 6, p. 119—120.

¹⁶⁷ *Rusenescu M.* Op. cit., p. 204—205.

¹⁶⁸ Архив АН СССР, ф. Р.—У, оп. I м, д. 20. Воспоминания бывшего полпреда СССР в Англии академика И. М. Майского, л. 3.

свидетельствовал ход советско-румынских переговоров, связанных с пактом о ненападении и заключением Лондонских конвенций. Об этом же свидетельствует запись М. М. Литвинова о переговорах с Титулеску на заключительном этапе женевских переговоров по поводу установления дипломатических отношений. «Со свойственной ему напористостью,— констатировал нарком,— Титулеску вновь пытался вынудить у меня обещания, что мы не будем поднимать никогда бессарабского вопроса, и мне пришлось дать ему отпор в присутствии Бенеша»¹⁶⁹.

Точку зрения Советского правительства по бессарабскому вопросу хорошо знала румынская общественность и бессарабские трудящиеся. Разоблачая ложь румынских реакционных газет, журнал «Красная Бессарабия» — орган Общества бессарабцев — в редакционной статье писал: «Явные выдумки ... «юридические» толкования пишем, которыми обменялись в Женеве представители СССР и Румынии, фабрикуются главным образом «для внутреннего потребления», для того, чтобы воздействовать на настроение широких масс трудящихся Бессарабии и Румынии, внести в их ряды разочарование, ослабить их энергию в революционной борьбе... Что касается Бессарабии, то политика СССР в бессарабском вопросе остается неизменной и бессарабский вопрос остается открытым»¹⁷⁰. Несколько позднее (сентябрь 1935 г.) в таком же духе писала газета «Мишкаря мунчиторяскэ» — орган румынской коммунистической группы французской компартии¹⁷¹. Примечательно в этом отношении высказывание французского историка Г. Проста, который констатировал: «Присоединение Бессарабии к Румынии не было признано Кремлем»¹⁷².

Советское правительство во взаимоотношениях с буржуазной Румынией всегда стояло на принципиальных позициях и не давало Бухаресту повода думать, что оно примирилось с оккупацией советской территории. Именно с учетом этого Титулеску и Татареску, знавшие истинное положение дела, при выступлениях перед румынскими и зарубежными корреспондентами по вопросу установления советско-румынских отношений избегали какого-либо упоминания о Бессарабии¹⁷³.

О непризнании Советским Союзом права Румынии на Бессарабию свидетельствовали и соглашения, заключенные после установления дипломатических отношений. В конвенциях о восстановлении прямого советско-румынского железнодорожного сообщения и телеграфно-телефонной связи, транзитных перевозках были использованы такие формулировки, которые исклю-

¹⁶⁹ Цит. по кн.: *Копанский Я. М.* Молдавия вчера и сегодня. Кишинев, 1973, с. 40.

¹⁷⁰ «Красная Бессарабия», 1934, № 6, с. 8.

¹⁷¹ *Копанский Я. М.* Интернациональная солидарность..., с. 274.

¹⁷² *Prost H.* Destin de la Roumanie (1918—1934). Paris, 1954, p. 92.

¹⁷³ См. соответственно: «Universul», 14.VI 1934; «Lidové Noviny», 25.VI 1934.

чали возможность рассматривать Днестр как границу между СССР и Румынией.

Установление дипломатических отношений открывало определенные возможности в налаживании советско-румынских экономических связей. За необходимость развития торговли с СССР выступали многие румынские газеты, в том числе и газеты правого толка, как, например, «Универсул»¹⁷⁴. «Наши связи с Советским Союзом,— писала демократическая газета «Кувьнтул либер»,— имеют не только огромное политическое, но и экономическое значение»¹⁷⁵. Экономические связи между Румынией и СССР, продолжала газета, важны не только сами по себе, они в не меньшей степени нужны и для укрепления политических отношений¹⁷⁶. О пользе торговых и экономических отношений с Советской Россией раздавались голоса и с трибуны румынского парламента¹⁷⁷. К сожалению, в налаживании этих отношений между СССР и Румынией существовало, как будет видно дальше, немало препятствий.

Установление дипломатических отношений Советского Союза с Румынией и Чехословакией получило положительное освещение на страницах печати и других стран мира. Французская газета «Эвр», например, писала: «Если бросить взгляд на истекшие 11 месяцев со дня подписания Лондонского пакта об агрессоре, то мы увидим, что СССР все это время одерживал победы»¹⁷⁸. Как предпосылку укрепления мира в Европе и уменьшение опасности войны рассматривала женевские соглашения официальная «Газета польска». Она писала, что здание европейского мира получило в результате нормализации советско-румынских и советско-чехословацких отношений новое подкрепление¹⁷⁹. «Нью-Йорк таймс», касаясь этих же соглашений, подчеркивала, что они могут стать прологом к заключению системы пактов о взаимопомощи в Европе¹⁸⁰.

Процесс нормализации отношений Советского государства с Венгрией, Румынией и Чехословакией, рост авторитета СССР в Европе и во всем мире не могли не повлиять на изменение внешнеполитической позиции стран Балканского полуострова — Болгарии и Албании.

Советское правительство, стремясь восстановить давнюю и традиционную дружбу русского и болгарского народов, в послеоктябрьский период неоднократно обращалось к правительству Болгарии с предложением нормализовать отношения. В 1932 г. Болгарии, с которой у Советского Союза практически не было

¹⁷⁴ «Universul», 18.VI 1934.

¹⁷⁵ «Cuvântul liber», 29.IX 1934.

¹⁷⁶ «Cuvântul liber», 29.IX 1934.

¹⁷⁷ «Monitorul oficial», partea III, 1934, N 12.

¹⁷⁸ «Правда», 1934, 12 июня.

¹⁷⁹ «Правда», 1934, 11 июня.

¹⁸⁰ «The New York Times», 10.VI 1934.

никаких спорных вопросов по государственной линии, было предложено обменяться дипломатическими представителями, заключить торговое соглашение, в 1933 г. она приглашалась подписать Лондонскую конвенцию об определении агрессора¹⁸¹. К нормализации советско-болгарских отношений искренне стремились и широкие круги болгарских трудящихся. Об этом свидетельствовали созданное в 1932 г. общество «Союз друзей СССР», массовые митинги и собрания трудящихся с требованием установить болгаро-советские дипломатические отношения, всенародное избрание 2000 делегатов для поездки в СССР с целью ознакомления с жизнью и успехами советских народов¹⁸². Но растущий подъем рабочего движения и выступления прогрессивной интеллигенции в защиту СССР и его миролюбивой политики приводили в трепет профашистское правительство Болгарии. Они вызывали страх и тревогу в руководящих кругах Болгарии, продолжавших поддерживать тесные отношения с империалистической Германией.

К нормализации, к налаживанию торговых отношений с Советским Союзом стремилась и часть болгарской буржуазии. Делегация промышленников и коммерсантов, посетившая в 1932 г. СССР и имевшая немало встреч с советскими руководителями, по возвращении на родину внесла в правительство конкретные предложения о налаживании отношений, заключении выгодных для Болгарии торговых сделок с СССР. Но и эти предложения были отвергнуты правительством и реакционным большинством буржуазных политиков в парламенте¹⁸³. Давая оценку действиям болгарской реакции, направленным на срыв миролюбивых усилий Советского государства, «Земледельско знаме» — орган Болгарского земледельческого народного союза — в феврале 1934 г. писала: «Преступно своевременно не оценить большого значения и пользы торговых и дипломатических связей с соседом, который занимает одну шестую всего земного шара, с которым мы имеем столько общего в прошлом, с народом, которому мы так обязаны»¹⁸⁴. Полезность и выгодность быстрой нормализации отношений с СССР понимали и отдельные дипломатические представители Болгарии. Болгарский посланник в Бухаресте в донесении своему правительству писал, например, что в отношениях с Румынией было бы, несомненно, меньше трудностей, «если бы мы не держались так далеко от Советов»¹⁸⁵. Однако и эти соображения, как и выступления трудящихся и отдельных буржуазных политиков

¹⁸¹ История Болгарии, т. II, с. 203.

¹⁸² «Ново време», 1955, № 4, с. 89.

¹⁸³ Хаджиниколов В. Отношенията между България и Съветския Съюз след Октомврийската революция до нормализирането им през 1934 «Исторически преглед», 1954, кн. 4, с. 41.

¹⁸⁴ Там же, с. 47.

¹⁸⁵ Там же.

в Народном собрании с требованием установления дипломатических отношений с СССР, не поколебали в то время антисоветскую позицию правительства, запугивавшего народ «коммунистической опасностью».

Обстановка изменилась только к лету 1934 г. Женевские соглашения СССР с Румынией и Чехословакией от 9 июня и продолжающееся нарастание недовольства прогрессивной болгарской общественности антисоветской позицией правителей страны принудили последних внести коррективы в свое отношение к Советской стране. 19 июня 1934 г. Болгария выдвинула предложение начать болгаро-советские переговоры¹⁸⁶. В отличие от румынских и чехословацких правителей, болгарское правительство не выдвигало каких-либо предварительных условий и оговорок. Оно не стремилось также подчеркивать, что, устанавливая дипломатические отношения с СССР, оно делает ему какую-то уступку. Переговоры с Болгарией заняли немногим больше месяца. Советско-болгарские дипломатические отношения были установлены 23 июля 1934 г. путем обмена телеграммами между министром иностранных дел Болгарии Батоловым и наркомом иностранных дел СССР М. М. Литвиновым¹⁸⁷. Советский и болгарский народы выразили искреннее удовлетворение восстановлением отношений, прерванных в свое время по вине болгарских правителей, перешедших на службу империалистической политике кайзеровской Германии. Установление дипломатических отношений между СССР и Болгарией нашло широкий отклик в советской и болгарской печати. Оно помогло Болгарии укрепить ее международные позиции и смягчить сильно обострившиеся отношения с Турцией¹⁸⁸.

Менее чем через два месяца (17 сентября) были установлены советско-албанские дипломатические отношения, которые тоже явились элементом усиления фронта мира и свидетельством роста международного авторитета СССР на Балканах.

Чтобы закамуфлировать провал своей восточной политики, буржуазные деятели стран Центральной и Юго-Восточной Европы, и особенно Румынии и Чехословакии, усиленно распространяли в собственных странах и за рубежом, в официальных и неофициальных беседах с иностранными дипломатами версию о том, будто Советский Союз раньше не стремился к сотрудничеству со странами этого региона¹⁸⁹. Однако факты, свидетельствующие о последовательной миролюбивой политике Советского государства с момента его рождения, начисто опровергают эти фальсификации. В действительности сотрудниче-

¹⁸⁶ ДВП СССР, т. XVII, док. 207, 213.

¹⁸⁷ «Известия», 1934, 24 июля.

¹⁸⁸ ДВП СССР, т. XVII, док. 207.

¹⁸⁹ Kral V. Op. cit., str. 33; Петерс И. А. Указ. соч., с. 338.

ства со Страной Советов не хотели правящие круги Румынии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Албании. Идя на урегулирование отношений с СССР, они тем самым признавали крах своей антисоветской политики в послеоктябрьский период.

Сдвиги во внешнеполитическом курсе Румынии и Чехословакии, равно как и во внешней политике других стран, произошли под воздействием хода мировых событий и давления народных масс. Это весьма убедительно подчеркивалось в призывах коммунистических партий Румынии¹⁹⁰ и Чехословакии¹⁹¹, посвященных акту 9 июня 1934 г., а также в прогрессивных органах печати этих стран. Лидеры коммунистического движения, прогрессивные политические деятели в своих выступлениях разоблачали антисоветские вылазки румынской и чехословацкой реакции и вскрывали вред для дела мира любых фальсификаций относительно советской внешней политики и ее миролюбивых целей. Нормализации советско-румынских отношений, говорилось, например, в обращении ЦК РКП, избегало не Советское правительство, «а господствующие классы Румынии... именно они были вынуждены изменить свою позицию»¹⁹². Такую же оценку дал К. Готвальд политике чехословацкой буржуазии¹⁹³.

Учитывая сложность международной обстановки, Чехословакия, Болгария, Албания после установления с СССР официальных отношений проявили явное стремление ускорить дело с оформлением назначения посланников и организацией своих миссий в Москве. Румынское правительство, однако, и на этот раз заняло особую позицию. Оно не спешило с назначением в Москву посланника, хотя уже на последнем этапе женевских переговоров Титулеску называл конкретную кандидатуру. Официальный Бухарест не особенно стремился к тому, чтобы скорее увидеть в Румынии полномочного представителя СССР и приступить к практическим делам нормализации советско-румынских отношений. Обмен посланниками затянулся до начала декабря. Потребовалось пять месяцев, чтобы аккредитовать дипломатических представителей в столицах двух стран. Первый советский полпред в Румынии М. С. Островский прибыл в румынскую столицу 2 декабря 1934 г. Для присутствия при вручении полпредом верительных грамот днем раньше в Бухарест приехал из Женевы Н. Титулеску. Цель — подчеркнуть перед румынской и мировой общественностью значимость установления отношений с СССР. При необходимости румынский министр умел это делать с блеском. Чтобы показать свое стремление к сотрудничеству с СССР, Титулеску еще 31 августа в беседе с М. С. Островским в Париже заявил, что хотя Румы-

¹⁹⁰ DPCR, vol. IV, doc. 14.

¹⁹¹ История Чехословакии, т. III, с. 246.

¹⁹² DPCR, vol. IV, doc. 14.

¹⁹³ Gottwald K. Spisy, sv. V. Praha, 1953, str. 215.

ния является союзницей Франции, все-таки, по его мнению, первостепенную роль для безопасности Румынии играют хорошие отношения с Россией¹⁹⁴.

На железнодорожном вокзале в Бухаресте главу и членов советской миссии встречал заместитель директора протокола Чиунту и другие сотрудники МИД. На привокзальной площади посланцев Советского Союза встречала огромная, стихийно собравшаяся толпа горожан. Тут же на вокзале Чиунту передал М. С. Островскому приглашение Титулеску прибыть в его загородную виллу в 9.30 вечера на неофициальную беседу.

Хозяин дома встретил советского полпреда у парадного подъезда. Затем провел в свой рабочий кабинет, где уже находились его заместитель — статс-секретарь Савел Радулеску и секретарь министра в ранге полковника генштаба. Министр сказал, что он приехал за тысячи километров, чтобы присутствовать на церемонии акта, который увенчает «новую» ориентацию румынской внешней политики — «его политику», и что ему пришлось два часа уламывать короля, чтобы позволить полпреду СССР вручить свои верительные грамоты через 18 часов после прибытия в страну. В румынской истории, подчеркнул Титулеску, такого факта никогда не было.

После протокольных разговоров румынский дипломат перешел к мировым проблемам.

По окончании беседы, продолжавшейся около полутора часов, Титулеску пригласил М. С. Островского в столовую, где советского и румынского дипломатов ожидало около 20 гостей — наиболее близких друзей и знакомых хозяина. Среди них был директор железных дорог Румынии, офицеры из генерального штаба румынской армии. Встреча и обед закончились во втором часу ночи. В заключение Титулеску произнес протокольный тост «За Советскую Россию, за председателя ЦИК СССР Михаила Калинина, за советского полпреда!».

К моменту установления официальных советско-румынских отношений и в последующий период Титулеску был одним из тех, кто хотел нормальных отношений с СССР. «Он, — констатирует академик И. М. Майский, — являлся сторонником установления хороших румыно-советских отношений. Правда, здесь надо подчеркнуть, что Титулеску вел такую политику, конечно, не из-за любви к СССР. Как представитель своего класса, по существу он был враждебен Советскому Союзу. Но Титулеску был реалистом. Он понимал, что в условиях нарастания опасности фашистской агрессии в Европе нельзя оставлять Румынию и дальше во враждебных отношениях с ее великим соседом. Это было определяющим в его отношениях к СССР»¹⁹⁵.

¹⁹⁴ ДВП СССР, т. XVII, док. 323.

¹⁹⁵ Архив АН СССР, ф. Р—У, оп. 1 м, д. 20. Воспоминания бывшего полпреда СССР в Англии акад. И. М. Майского, л. 3.

3 декабря в 12 час. 05 мин. в присутствии Титулеску состоялось вручение М. С. Островским своих верительных грамот королю Румынии. Кароль II принимал полпреда в гала — униформе адмирала.

Полномочный представитель Союза ССР произнес речь и вручил свои верительные грамоты. Затем зачитал свою речь и король. После протокольно-официальной части у короля с советским дипломатом состоялась 25-минутная беседа. Покончив с обычными в таких случаях вопросами, король с страстием поинтересовался биографией полпреда. Он «обнаружил», что полномочный представитель Страны Советов провел все свои юношеские годы в Бельцах (Бессарабия), в тех Бельцах, на которые румынский монарх не имел юридического права и которые по советско-румынскому соглашению 5—9 марта 1918 г. должен был вернуть Советскому государству. Это заметно покорило румынского короля. Но положение обязывало последнего сохранять спокойствие. При всей неприязни к восточному соседу Кароль II не мог не отметить, что Советский Союз играет огромную роль в международных делах, что он своим политическим влиянием стабилизирует мир и спокойствие в Европе.

Итак, 3 декабря 1934 г. полпред М. С. Островский вступил в официальное положение чрезвычайного полномочного представителя Советского Союза при короле и правительстве Румынии, придерживавшейся враждебного отношения к великой Стране Советов с момента ее рождения. Обмен дипломатическими представителями официально положил конец этому состоянию, что было, без сомнения, на пользу обоим государствам.

Прогрессивные силы Румынии тепло приветствовали предстоящее прибытие в Румынию первого советского полпреда. «Приезд посла Советского Союза в Бухарест,— писала «Скынтея»,— явится, с точки зрения Румынии, и в особенности румынского пролетариата, событием исторического значения, которое откроет новые возможности для лучшего взаимопонимания и дружбы между трудящимися СССР и Румынии, которое поможет разрушить стену лжи и клеветы, искусственно возведенную румынской буржуазией между народами Румынии и родиной пролетариата»¹⁹⁶. По случаю прибытия советского полпреда в Бухарест на страницах газеты «Пролетарул» выступил М. Бужор — один из руководителей румынских интернационалистов в годы гражданской войны, большой друг Советского Союза. В статье «Прибытие советского посла» он писал: «Посланник мира, посланник братства между народами, посланник раскрепощенного труда, посланник гигантских творческих усилий новой цивилизации, посланник победоносного

¹⁹⁶ «Scinteia», 12.XI 1934.

социализма, посланник пролетарского государства, тебе я сегодня говорю — и через меня говорят тебе десятки тысяч, миллионы румын: «Добро пожаловать, товарищ Островский!», «Да здравствует советско-румынская дружба!», «Да здравствует социализм!»¹⁹⁷ Нормализация советско-румынских отношений придавала новую энергию румынским революционным силам.

Узаконив свой официальный статус в стране пребывания, советский полпред теперь имел право начать в необходимом объеме свою дипломатическую деятельность, устанавливать официальные отношения, контакты с государственными ведомствами, руководителями и политическими деятелями Румынии, с иностранными дипломатическими миссиями, аккредитованными при румынском правительстве.

Важное политическое значение имел визит М. С. Островского председателю совета министров Г. Татареску. Глава румынского правительства встретил полпреда с подчеркнутой любезностью. Первым его словом было поздравление М. С. Островского с блестящим, как он выразился, дебютом перед румынской прессой. Румынский народ приветствует советского полпреда в Бухаресте, продолжал Татареску, как представителя доброго русского народа. Румынский народ, подчеркнуто заявил глава правительства, привык всегда видеть в России свою покровительницу и союзницу. Однако тут же выясняется, что этот румынский политик сию истину осознал лишь год назад, когда случайно набрел на статью в газете «Известия», в которой не впервые подчеркивалось, что Советский Союз выступает против нарушения территориального статус-кво в Европе, против войны и насильственного передела мира.

Касаясь перспектив советско-румынских отношений в области торговли, Татареску сказал, что финансовые и торгово-промышленные круги питают большие надежды на установление экономических связей с Россией, они этим самым рассчитывают облегчить кризисное состояние румынской экономики. Для нас Россия, со вздохом произнес эти слова премьер, всегда была огромным рынком сбыта вина и фруктов, в свое время наши фирмы имели своих представителей в Одессе, Москве и других российских промышленных центрах. Румынские правители считали, что Советский Союз за «любезный» шаг Румынии пойти на нормализацию отношений с СССР как бы обязан предоставить ей солидные экономические выгоды.

Примерно в это же время другие румынские дипломаты в беседах с советскими представителями выражали надежды и на то, что СССР пойдет на квотовую координацию с румынскими фирмами экспорта на европейский рынок пшеницы, леса и другого сырья, на установление согласованных мировых цен на указанные товары.

¹⁹⁷ «Proletarul», 25.XII 1934.

В последующие дни по рекомендации Н. Титулеску полпред нанес визиты также отдельным политическим деятелям страны. При встрече с министром народного просвещения доктором Лапедату и известным историком Н. Йоргой шел разговор о советско-румынских научных связях, обмене студентами и научными работниками. Позитивный характер носила беседа М. С. Островского с председателем крупнейшей оппозиционной к правительству Татареску партии национал-царанистов И. Михалаке. Крестьянский лидер, чтобы подчеркнуть «крестьянскую душу», нарочито встретил полпреда в крестьянском платье: в белой рубаше и куртке, в белых штанах из самотканного сукна. Он проявил большой интерес к состоянию в СССР сельского хозяйства и условиям жизни колхозного крестьянства. Относительно внешнеполитических проблем он сказал: единственный акт нынешнего правительства, который его партия одобряет, — это восстановление отношений с Союзом.

Совершенно в другой атмосфере проходила беседа с лидером молодых либералов Георге Братиану (недавно отколовшихся от правящей партии), открытым противником нормализации отношений Румынии с СССР, который заявил, что принятые румынским правительством шаги по установлению дипломатических отношений с Советской страной принесут Румынии только вред. Восстановление отношений не решило бессарабского вопроса; правительство Татареску, по его мнению, не «предпринимает» никаких решительных мер внутри страны, чтобы пресечь возможное усиление коммунистической пропаганды в связи с пребыванием советской миссии в Бухаресте ^{197а}.

В соответствии с протоколом полпред М. С. Островский нанес визиты главам дипломатических миссий в Бухаресте тех стран, с которыми у Советского Союза имелись официальные отношения. Одним из первых визитов М. С. Островского был визит 7 декабря чехословацкому посланнику в Бухаресте Яну Шебе. В отличие от своих правителей Шеба питал теплые чувства к Советскому Союзу и старался во всем помочь советской миссии, чтобы ее пребывание в Бухаресте давало эффективные результаты в борьбе за упрочение добрососедских отношений между СССР и Румынией. Шеба был хорошо информированным дипломатом и определенно знал, что в румынском правительстве нет единства в проведении курса, касающегося Советского Союза. Касаясь деятельности польской миссии в Бухаресте, он в своих донесениях в Прагу указывал на то, что посланник М. Арцишевский и советник Т. Кобылянский ведут в румынских кругах активную подрывную работу против СССР и его миссии; тем же они занимаются и в отношении Чехословакии; поляки в этих делах находятся в союзе с германской миссией.

^{197а} Rusnescu M. Op. cit., p. 209—210.

Польский посланник Арцишевский¹⁹⁸ выражал недовольство тем, что румынская пресса оказала слишком восторженный прием советскому полпреду. Он говорил также о том, что дружественная политика Бухареста в отношении Союза вредна Румынии.

Полезными были встречи между членами советской и французской миссий.

Всю работу М. С. Островский направил на достижение истинно добрососедских отношений с Румынией.

Однако в достижении поставленной цели продолжали оставаться огромные препятствия. Острая классовая неприязнь румынских правящих кругов к Советскому государству давала себя знать повсюду и в самых различных формах.

После установления отношений с Венгрией, Румынией, Чехословакией и Болгарией Советское правительство, например, считало необходимым стать членом Европейской дунайской комиссии (комиссия по Морскому Дунаю). Это обуславливалось тем, что в связи с предстоящим расширением товарооборота и усилением экономических связей дунайский речной путь для той и другой стороны приобретал особое значение. Но стать членом указанной Комиссии СССР мог только с единодушного согласия ее членов — Англии, Франции, Италии и Румынии. В связи с этим Советское правительство официально обратилось к правительствам этих стран с просьбой принять СССР в состав Европейской дунайской комиссии как государство, непосредственно примыкающее к Морскому Дунаю (с учетом юридического права СССР на Бессарабию) и имеющее большую экономическую заинтересованность в использовании дунайского речного пути. В своем директивном письме полпредам в Англии, Франции и Италии М. М. Литвинов 17 июля 1934 г. писал: «В учете изменившихся отношений с Францией и Румынией мы считаем своевременным поставить вопрос о включении СССР в Европейскую дунайскую комиссию. Включение в Европейскую комиссию, в силу постановления Версальского договора, автоматически предопределяет включение и в Международную Дунайскую Комиссию»¹⁹⁹.

На обращение Советского правительства положительно реагировала Франция. Италия через своего посланника в Румынии тоже заявила, что не видит препятствий к вступлению СССР

¹⁹⁸ М. Арцишевский имеет воинское звание полковника, представлял наиболее реакционное крыло польского офицерства. Находясь в штатной должности генерального штаба польской армии, он по инициативе Бека был выдвинут на дипломатическую работу. Сначала возглавлял польскую дипломатическую миссию в Риге, а затем стал посланником в Бухаресте. В свое время он сыграл немалую роль в срыве рижских переговоров 1932 г. между СССР и Румынией о заключении пакта о ненападении.

¹⁹⁹ ДВП СССР, т. XVII, с. 811.

в Дунайскую комиссию. Немного раньше такое заявление было сделано итальянцами полпреду СССР в Риме. Не возражал против вступления СССР в Комиссию министр Титулеску²⁰⁰. Последующий ход переговоров, однако, показал, что румынские правящие круги отрицательно отнеслись к поставленному СССР вопросу. Они не хотели, чтобы СССР являлся членом международного органа, регулирующего режим судоходства на Дунае — важнейшей водной артерии Центральной и Юго-Восточной Европы. Сопротивление Бухареста оказывалось, очевидно, не без влияния Лондона, Берлина и Варшавы. Таким образом, участие СССР в регулировании международного режима судоходства по Морскому и Речному Дунаю было сорвано в первую очередь по вине Румынии. Это нанесло Советскому государству определенный политический и материальный ущерб.

Румынские реакционные силы предпринимали немалые усилия и к тому, чтобы нарушить уже существующие отношения между румынским правительством и советским полпредством. Яркой иллюстрацией может служить такой факт. На 28 декабря 1934 г. двор назначил новогодний прием дипломатического корпуса для преподношения поздравлений королю. Приглашение, естественно, было получено и М. С. Островским. В приглашении указывалось, что новогодний прием состоится в 15.00. А на самом деле праздничный прием состоялся на два часа раньше.

Поскольку рассылкой приглашений на прием занимался департамент протокола МИД, то становилось вполне очевидным, что провокация в отношении советского полпреда была совершена руками ответственных лиц румынского внешнеполитического ведомства, лицами, которые продолжали прежний курс враждебного отношения к Стране Советов.

Чтобы как-то выйти из неловкого для румынских властей положения, вице-министр Савел Радулеску (Н. Титулеску в это время отсутствовал в стране) обзвонил всех влиятельных членов кабинета Г. Татареску и просил их разъяснить общественным и политическим деятелям суть недоразумения, происшедшего якобы «по техническим причинам». Одновременно с этим С. Радулеску уговорил короля Кароля II дать М. С. Островскому аудиенцию и тем самым как бы извиниться перед советским полпредом и проявить знак уважения к советской дипломатической миссии.

Представителями правительства Г. Татареску соответствующим образом была подготовлена ведущая румынская столичная пресса, настойчиво домогавшаяся получения от ответственных лиц МИД Румынии информации о причинах отсутствия советского полпреда на королевском приеме.

²⁰⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 340.

Аудиенцию советскому полпреду М. С. Островскому король назначил на 6 января 1935 г.

Аудиенция состоялась в назначенное время. Прибывшего во дворец полпреда Кароль II встретил с подчеркнутым вниманием. Открывая беседу, румынский суверен декларировал, что он и его правительство рады были принять советского представителя как посла мира. Далее он сказал, что его правительство сделает все возможное, чтобы развить отношения между Румынией и СССР. Король уделил особое внимание проблеме торговых отношений между двумя странами. Говоря о политических отношениях, Кароль II не один раз подчеркнул, что они должны быть подкреплены восстановлением экономических связей.

Кароль II с одобрением отозвался о выступлении М. М. Литвинова перед чехословацкими корреспондентами^{200а}. Его высказывание, что «мир неделим», имеет большое международное значение, сказал король. Слова представителя 170-миллионного народа звучат весьма внушительным предупреждением тем, кто думает, что требованием передела мира и перекройкой границ можно шутить. Однако тут же заявил, что в целях «умиротворения» Европы было бы оправданным пойти навстречу фашистской Германии и удовлетворить ее требование о предоставлении «равных прав» в деле вооружения.

Советский полпред, в свою очередь, отметил важность нормализации советско-румынских отношений, их значение для стабилизации международных отношений в Восточной Европе. При этом было указано на то, что Советский Союз придает большое значение не только политическим взаимоотношениям. Он всегда выступает за широкое экономическое сотрудничество на взаимно выгодных условиях. Но перед тем как приступить к решению этих вопросов, каждая из сторон должна глубоко изучить структуру экономики своего партнера.

Аудиенция продолжалась более часа. В конце встречи Кароль II выразил «удовлетворение» обменом мнениями и принес извинения за «неполадки» в работе протокольной части МИД.

На следующий день королевский двор поместил в румынской прессе официальное сообщение об аудиенции, данной королем советскому полпреду. Известие произвело на румынскую общественность благоприятное впечатление.

Но реакция не успокаивалась. Месяц спустя после прибытия в страну румынские власти официально предупредили полпреда о том, что на него готовится покушение. Позднее стало известно, что одним из организаторов вынашивавшегося преступления был Козелл-Поклевский — бывший царский посланник в Бухаресте.

Многочисленные встречи советского полпреда, членов совет-

^{200а} «Lumea noua», 22.XII. 1935; 13.I. 1936.

ской миссии с ответственными руководителями и политическими деятелями показывали, что с установлением официальных отношений между Румынией и СССР возможности у румынской реакции продолжать свой традиционный антисоветизм значительно сузились. Огромным препятствием для негативных действий реакционных сил явился возrastавший с каждым днем интерес к стране Советов, к развитию его культуры и техническому прогрессу со стороны ученых и студентов, со стороны широких народных масс. Прогрессивно настроенные представители всех слоев населения с жадностью читали и изучали советскую научно-техническую литературу, произведения русских и советских классиков, советскую периодику.

Министр внутренних дел Инкулец и его заместитель Титяну всячески стремились воспрепятствовать широкому общению румынского народа с богатствами советской и русской культуры, лишить общественные круги Румынии советских книг, газет и журналов. Министерство внутренних дел оказывало огромное сопротивление делу организации подписки на советскую периодику. Оно не хотело пропускать в Румынию ни «Правды», ни «Известий», ни «Журналь де Моску». И только в результате протеста полпредства перед МИД Румынии власти в начале 1935 г. разрешили провести среди румынских граждан и иностранных миссий подписку на «Журналь де Моску», газету «Известия» в количестве не более 200 экземпляров и то по утвержденному сигуранцей списку. Что касается «Правды», то она получила «навечно» полный запрет в Румынии.

Не без поощрения со стороны крайне реакционных членов правительства не умолкала на страницах ряда румынских газет антисоветская пропаганда. Финансируемая министерством внутренних дел белогвардейская газета «Наша речь», например, совершенно не знала меры в нападках на советских руководителей, на внутреннюю политику Советского государства. И все это делалось при существовавшей в стране жесточайшей правительственной цензуре над прессой.

Нападки на СССР отдельных румынских газет и журналов вынуждали советское полпредство выступать с официальными протестами перед МИД Румынии.

Действия реакции, инспирируемые некоторыми правительственными деятелями, сводили на нет то положительное, что было достигнуто в советско-румынских отношениях. Реалистически мыслящие (в рассматриваемое время) политики Румынии — Н. Титулеску, С. Радулеску и другие — внесли немалую лепту в дело смягчения напряженных отношений между СССР и Румынией. Правда, установление Советским Союзом дипломатических отношений с Румынией, как и с рядом других стран, в определенной степени нейтрализовало напряженность в советско-румынских отношениях и в международном положении в этом европейском регионе. Но, «несмотря на это, — констати-

руют выдающийся ученый социалистической Румынии П. Константинеску-Яшь и И. Опря,— поведение правящих кругов Румынии в отношении Советского Союза в последующий за актом 9 июня период заметного изменения не претерпело. Наоборот... румынская реакция продолжала раздувать пропаганду против советского режима с прежней силой»²⁰¹. Служа, в первую очередь, силам внутренней реакции, правительство либералов было не в состоянии последовательно проводить взятый Титулеску курс внешней политики. Несмотря на недавно приобретенную решительность и активную деятельность Титулеску, направленную на то, чтобы направить Румынию на путь взаимопонимания с Советским Союзом, его внешнеполитический курс встречал упорное сопротивление внутренней и внешней реакции.

Однако нормализация отношений с СССР стала играть существенную роль в сдерживании антисоветизма, упорно насаждавшегося правителями страны с момента рождения Советского государства. Компартия выступила инициатором создания всерумынского общества «Друзья СССР»²⁰². Основателями общества явились профессора П. Константинеску-Яшь, Раду Чернэтеску, публицист А. Сахия, писатель З. Станку, рабочий-железнодорожник Г. Давид и другие выдающиеся представители революционного и демократического движения²⁰³. Инициативные комитеты и группы общества были созданы в крупнейших городах страны — Яссах, Клуже, Галаце, Браиле, Констанце, а также во многих центрах оккупированной Бессарабии. В первом воззвании общества, опубликованном на страницах демократической прессы, подчеркивалась исключительная важность установления официальных отношений между СССР и Румынией для дела мира и безопасности в Европе²⁰⁴. Общество внесло серьезный вклад в дело налаживания дружественных связей румынских трудящихся с народами Советского Союза, в дело интернациональной защиты и пропаганды миролюбивой политики Страны Советов. Неизменной темой многочисленных выступлений членов общества на митингах, собраниях, лекциях, в нелегальной или полуполюгальной печати, а иногда даже на страницах органов либерально-буржуазных партий было: дружба с Советским Союзом является залогом, определяющим фактором сохранения независимости румынского национального государства²⁰⁵. Относительно деятельности общества «Друзья

²⁰¹ *Constantinescu-Iași P. și Oprea I. M.* O importanță figură a diplomației europene — Nicolae Titulescu — «Studii», 1961, № 6, p. 1421.

²⁰² *Contribuții la studiul influenței Marii revoluții socialiste din Octobrie în România (Culegerea articolelor)*. Buc., 1957, p. 253.

²⁰³ *Lecții în ajutorul celor care studiază istoria PMR*. Buc., 1960, p. 355.

²⁰⁴ «Cuvântul liber», 28.VII 1934.

²⁰⁵ *Calimachi S.* Amicii URSS — amintiri — «Scinteia», 15.X 1957.

СССР» в досье сигуранцы записано: «Цель его — борьба против фашизма и войны». «При таком положении дел считаем, что признание организации в качестве юридического лица нежелательно со всех точек зрения»²⁰⁶. 25 ноября 1934 г. общество было закрыто. В правительственном декрете о закрытии общества указывалось, что оно «является угрозой спокойствию граждан и подрывает государственные устои»²⁰⁷. Правящие круги Румынии охватывал страх перед революционизирующим воздействием правды о Советском Союзе. В одном из документов политбюро ЦК РКП того времени говорилось: «Оба эти государства (Польша и Румыния.— А. Ш.) расположены на границе с СССР. Оба они захватили территории, стремящиеся к СССР. Оба они чувствуют над собой огромное дыхание растущего социалистического колосса. Оба они неслыханно истощены экономическим кризисом и разрушены растущей волной революционного движения. В этих условиях ненависть к СССР проявляется у них еще резче и сильнее»²⁰⁸.

Запрещение общества «Друзья СССР» не означало прекращения выступлений демократических сил за мир и установление дружественных связей между румынским и советским народами. Несколько месяцев спустя, в 1935 г., оно было восстановлено под названием «Общество культурных связей между Румынией и Советским Союзом» и просуществовало под разными названиями примерно два года. В руководящий Комитет общества кроме упомянутых нами деятелей культуры вошли также крупный ученый-медик К. Пархон, выдающийся композитор и дирижер Д. Энеску, известный писатель Т. Савулеску и др. Общество, работая в условиях постоянных преследований и ограничений со стороны властей, все же развернуло относительно широкую пропаганду знаний о Советской стране, советской действительности. В книге писателя-публициста, члена Общества А. Сахия «СССР сегодня»²⁰⁹, вышедшей в свет в 1935 г. и написанной на основании личных впечатлений, полученных во время его двухмесячного пребывания в Советском Союзе в конце 1934 г., раскрыта правда о стране социализма, показано бурное развитие советской промышленности, сельского хозяйства (при кризисном состоянии румынской экономики и большой безработице это звучало особенно ярко), расцвет советской культуры и науки, духовный рост советского человека²¹⁰.

Учитывая растущий огромный спрос на советскую книгу, «Друзья СССР», а затем «Общество культурных связей между

²⁰⁶ Archiva CIIP, doc. 3299/2088, f. 90.

²⁰⁷ Decretul guvernamental. N. 5969 din 25 noiembrie 1934.— Archiva CIIP, des. 3299/2088, f. 231.

²⁰⁸ Цит. по кн.: *Копанский Я. М., Левит И. Э.* Указ. соч., с. 179.

²⁰⁹ *Sahia Al. URSS azi.* Buc., 1935.

²¹⁰ Поездка Сахия в СССР была совершена нелегально, вопреки запрету румынских властей.

Румынией и Советским Союзом», их ведущие члены — представители румынской культуры большое внимание уделяли организации переводов на румынский язык сочинений В. И. Ленина, художественных произведений классиков советской и русской литературы²¹¹.

Начавшийся процесс политического, научного и культурного общения с Советским Союзом уже не в состоянии была приостановить внутренняя реакция. Он охватил широкие слои передовых людей Румынии. «Никто уже не оспаривает,— писала демократическая газета «Кувынтул либер» 23 апреля 1935 г., культурного развития в Социалистической Республике за Днестром... Театр, кинематография, литература, архитектура, наука, философия, охватившие все области жизнедеятельности, получили колоссальный прогресс. Долг каждой цивилизованной страны иметь культурные отношения с СССР».

* * *

Решения правительств Румынии и Чехословакии, Венгрии, Болгарии и Албании об установлении с СССР дипломатических отношений были вызваны в первую очередь утвердившимся высоким международным авторитетом Советского государства и ростом его экономического могущества. Оно вызывалось также и международной обстановкой, сложившейся в Европе. Но подход упомянутых государств к нормализации отношений со Страной Советов, причины, заставившие их урегулировать отношения, для каждой из них были в какой-то степени различны. Румынию и Чехословакию на сближение с СССР толкала возросшая опасность прямой военной агрессии со стороны фашистской Германии и других реваншистских государств, а также определившийся курс Франции на укрепление советско-французских отношений. Венгрия, Болгария и Албания, идя на нормализацию отношений с СССР, преследовали цели укрепить свой международный авторитет и нейтрализовать, в той или иной мере, нарастающее экономическое и политическое «мирное» наступление гитлеровской Германии и фашистской Италии на эти страны. Своими акциями они как бы демонстрировали стремление удержаться на позициях «независимых» государств.

На поиски путей установления межгосударственных отношений с СССР страны Центральной и Юго-Восточной Европы толкали и экономические факторы. Задыхаясь в тисках экономического кризиса и в «дружеских» объятиях ведущих империалистических держав Европы, эти страны смотрели на СССР как на страну, могущую предоставить им огромные возможности по увеличению объема их внешней торговли и получить нужное сырье для промышленности.

²¹¹ «Tradiții de solidaritate internațională româno-sovietice». Buc., 1972, p. 154.

В наступившей разрядке отношений государств Центральной и Юго-Восточной Европы с СССР важную роль сыграло народно-демократическое и революционное движение в этих странах. Обеспокоенные усилившейся активностью германо-итальянского фашизма и его требованиями передела мира, надвигавшейся опасностью мирового конфликта, народы этих стран заметно усилили свои требования об установлении дружественных отношений с СССР — государством, могущим стать серьезной преградой на пути агрессивных устремлений реваншистских сил в Европе.

В ходе переговоров об установлении дипломатических отношений Советское правительство встречало немало препятствий из-за враждебной политики правящих кругов стран указанного региона Европы, не желавших сойти со своих старых позиций антисоветизма. Особенно в этом отличились правители буржуазно-помещичьей Румынии, пытавшиеся установлением дипломатических отношений с СССР оттянуть решение бессарабского вопроса.

Нормализация отношений со странами Центральной и Юго-Восточной Европы была большой победой миролюбивой политики Советского Союза и поражением реакционных сил не только в этих странах, но и в ведущих державах Запада, определявших политику капиталистического мира в отношении Советского государства.

Последовательная борьба СССР против фашистской агрессии находила горячий отклик среди широких народных масс за рубежом, поднимала международный престиж Страны Советов. Этому же способствовали замечательные успехи социалистического строительства в СССР.

Увеличение действенной силы советской миролюбивой политики в Центральной и Юго-Восточной Европе играло существенную роль в деле защиты национальных интересов всех стран этого региона, а особенно Румынии и Чехословакии, находившихся под прямой угрозой экспансии гитлеровской Германии. Улучшение политических взаимоотношений открывало благоприятные перспективы также для установления и развития экономических и торговых связей Советского Союза с указанными странами.

БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПАКТЕ ВЗАИМОПОМОЩИ (1934—1936 гг.)

1. ПЕРЕГОВОРЫ О ВОСТОЧНОМ ПАКТЕ И ПОЗИЦИЯ РУМЫНСКИХ ПРАВЯЩИХ КРУГОВ

Очаги войны, возникшие в Европе и на Дальнем Востоке, создали реальную угрозу миру. Об угрозе войны Коммунистическая партия предупредила народы всего мира с трибуны XVII съезда, который отмечал, что межгосударственные империалистические противоречия достигли такой степени, что «создали почву для военных столкновений и поставили на очередь войну как средство передела мира и сфер влияния в пользу более сильных государств». «Буржуазный пацифизм,— указывалось в Отчетном докладе ЦК ВКП(б) съезду,— влачит теперь жалкое существование, а болтовня о разоружении сменяется «деловыми» разговорами о вооружении и довооружении. Опять, как и в 1914 г., на первый план выдвигаются партии воинствующего империализма, партии войны и реванша. Дело явным образом идет к новой войне»¹. О надвигавшейся опасности мировой войны говорил нарком М. М. Литвинов 18 сентября 1934 г. на XV ассамблее Лиги наций. 12—15 лет назад многим членам Лиги, подчеркивал он, война «казалась весьма отдаленной теоретической возможностью, с предупреждением которой можно не спешить. Ныне война должна всем представляться грозной опасностью завтрашнего дня»².

В этих условиях для СССР и всех миролюбивых сил мира становилась все более неотложной задача борьбы против угрозы новой мировой войны, которую готовили фашистские агрессивные державы. Этот вопрос был главным и в работе VII конгресса Коммунистического Интернационала, проходившего летом 1935 г.

Зачинщиком нового передела мира выступила Япония. Захватив Маньчжурию, она готовилась начать большую войну против СССР. Об опасности развязывания Японией военного конфликта на Дальнем Востоке было заявлено на XVII съезде ВКП(б)³. Япония отказалась принять советское предложе-

¹ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б.) 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934, с. 10.

² «Известия», 1934, 20 сентября.

³ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б.), с. 10.

ние о заключении пакта о ненападении, поскольку не хотела таким пактом связывать себе руки «на случай... военного нападения на СССР»⁴.

Быстрыми темпами набирали силы и агрессоры в Европе. Хотя японский империализм и выступил в качестве зачинщика нового передела мира, однако более опасным хищником являлся немецко-фашистский империализм. «Германский фашизм,— отмечал в своем решении VII конгресс Коминтерна,— является главным поджигателем новой империалистической войны и выступает как ударный кулак международной контрреволюции»⁵. Примеру японских милитаристов и Германии последовала «обиженная» при дележе версальской добычи Италия. Три наиболее агрессивных государства капиталистической системы начали борьбу за мировое господство. В этой борьбе они столкнулись с интересами могущественных империалистических государств мира — Англии, Франции и США, имевших огромные колониальные владения. Однако в ходе своего противоборства обе империалистические группировки неизменно обращали свои агрессивные взоры в сторону Советского Союза, за счет которого хотели бы разрешить собственные глубокие противоречия. Но прежде чем достигнуть его границ, агрессивные силы должны были снести с лица земли ряд других национальных образований капиталистического мира.

Следовательно, агрессивная политика Германии, Японии и Италии представляла реальную опасность не только для Советского государства, но и для ряда других стран. Основной задачей советской внешней политики стала борьба за то, чтобы коллективными усилиями стран, заинтересованных в сохранении мира, преградить путь агрессорам. Одновременно это давало возможность отстоять и завоевания Великого Октября. «Мы целый ряд могучих держав отучили от войны с нами,— говорил В. И. Ленин в конце 1920 г.,— но надолго ли, мы ругаться не можем. Надо быть готовыми к тому, что при малейшем изменении положения империалистические хищники снова направятся на нас»⁶. После 1920 г. реакционные силы Европы и Дальнего Востока не раз пытались организовать «крестовый поход» на Страну Советов. В середине 30-х годов антисоветские замыслы империалистических сил для Советского Союза, как единственной социалистической страны, носили чрезвычайно опасный характер.

В материалах VII конгресса Коминтерна, а также в его резолюции особо говорилось о роли английского империализма в разжигании агрессивных антисоветских устремлений фашистских держав. «Англия,— подчеркивалось в резолюции,— стре-

⁴ Цит. по кн.: История СССР, т. IX. М., 1971, с. 21.

⁵ Резолюции VII Всемирного конгресса Коминтерна. М., 1935, с. 15.

⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 136.

мится усилить антисоветские тенденции не только Германии, но и Японии и Польши»⁷.

Вскрывая подоплеку этой антисоветской политики Англии, на VII конгрессе Коминтерна П. Тольятти указывал, что борьба «за сохранение своей колониальной гегемонии, против революции, против национально-освободительных движений остается и сегодня основной пружиной английской политики»⁸.

Эта антисоветская тенденция, которая была тесно связана с линией на сговор с фашистской Германией, имела своей конечной целью удовлетворить территориальные притязания последней за счет Советской страны, а также стран Центральной и Восточной Европы.

Империалисты Англии и США, щедро финансируя Германию, создали все возможности для роста ее военно-экономического потенциала, а затем и перевооружения, что неизбежно вело к усилению угрозы войны. Такая политика реакционных кругов Англии и других государств Запада заставила СССР искать новые пути и средства по сохранению мира и обеспечению безопасности.

Советское государство всегда считало, что лучшим средством укрепления мира является разоружение. Но предложение по этому вопросу, внесенное Советским правительством на Женевской конференции по разоружению, было, как уже известно, отвергнуто ведущими капиталистическими державами. После этого ВКП(б), Советское правительство начали искать иные пути предотвращения войны и фашистской агрессии.

В связи с открытым заявлением гитлеровского правительства о территориальных претензиях, 20 и 31 октября 1933 г. министр иностранных дел Франции Ж. Поль-Бонкур сделал Советскому правительству предложение о совместных поисках мер по укреплению безопасности СССР и Франции перед лицом германской агрессии. Учитывая это предложение, 12 декабря 1933 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о развертывании борьбы за создание эффективной системы коллективной безопасности в Европе в целях сохранения мира и предотвращения агрессии⁹. Ставя эту задачу, Советское государство исходило из принципа неделимости мира и необходимости его коллективной защиты. Советский Союз считал, что принцип коллективной безопасности «является отнюдь не продуктом идеализма», а практическим мероприятием по обеспечению безопасности всех народов. Поэтому он был приемлем как для Советской

⁷ Резолюция VII Всемирного конгресса Коминтерна. М., 1935, с. 36.

⁸ VII Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад П. Тольятти. О задачах Коммунистического интернационала в связи с подготовкой империалистами новой мировой войны. М., 1935, с. 35.

⁹ История второй мировой войны. 1939—1945 (в двенадцати томах), т. I. М., 1973, с. 283.

страны, так и для тех капиталистических стран, которые были заинтересованы в сохранении мира.

В соответствии с решением ЦК ВКП(б) от 12 декабря 1933 г. Наркоминдел разработал развернутый план создания системы коллективной безопасности в Европе. 19 декабря этот план был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б). В нем предлагалось, в частности, осуществление следующих мероприятий:

«1) СССР согласен на известных условиях вступить в Лигу наций.

2) СССР не возражает против того, чтобы в рамках Лиги наций заключить региональное соглашение о взаимной защите от агрессии со стороны Германии.

3) СССР согласен на участие в этом соглашении Бельгии, Франции, Чехословакии, Польши, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии или некоторых из этих стран, но с обязательным участием Франции и Польши.

4) Переговоры об уточнении обязательств будущей конвенции о взаимной защите могут начаться по представлении Францией, являющейся инициатором всего дела, проекта соглашения.

5) Независимо от обязательств по соглашению о взаимной защите участники соглашения должны обязаться оказывать друг другу дипломатическую, моральную и, по возможности, материальную помощь также в случае военного нападения, не предусмотренного самим соглашением, а также воздействовать соответствующим образом на свою прессу»¹⁰.

Советское правительство в своем решении пошло значительно дальше плана Поль-Бонкура, выдвинув идею создания системы коллективной безопасности, которая охватила бы значительную часть Европы. Эти советские предложения вместе с предложением, сделанным правительству США в ноябре 1933 г., о заключении регионального тихоокеанского пакта с участием Японии, США, СССР, Китая и других государств¹¹, представляют собой целую программу мира, основанную на концепции неделимости мира, его сохранения и упрочения, воплощения в жизнь принципов мирного сосуществования и сотрудничества СССР с капиталистическими странами в защите мира и организации коллективной безопасности, которая обеспечила бы для всех равные права и безопасность и сняла бы угрозу нападения со стороны агрессивных держав.

Свои предложения Советское правительство передало Франции 28 декабря 1933 г. Вскоре после этого между СССР и Францией начались переговоры о заключении многостороннего регионального договора о взаимопомощи, который впоследствии получил название Восточного пакта. В интересах большего ус-

¹⁰ ДВП СССР, т. XVI, с. 876—877.

¹¹ ДВП СССР, т. XVI, док. 370.

пеха дела СССР считал целесообразным предоставить Франции инициативу составления проекта Восточного пакта и его представления на рассмотрение возможных участников этого регионального соглашения — Польши, Бельгии, Чехословакии, Литвы, Латвии, Эстонии и Финляндии.

При встрече с советским полпредом В. С. Довгалеvским Поль-Бонкур заявил, что данные предложения он рассматривает как выражение серьезности намерения Советского правительства и приветствует их как большой шаг навстречу желаниям французского правительства. «Мы с вами,— резюмировал министр,— приступаем к великой важности делу, мы с вами начали сегодня делать историю»¹².

Вскоре, однако, обнаружилось, что антисоветские и прогерманские группировки во Франции, возглавлявшиеся влиятельными политическими деятелями и поддерживавшиеся крупнейшими промышленно-финансовыми монополиями страны, резко выступили против тесного политического сотрудничества с СССР. Особенно это стало ясным при февральских (1934 г.) дополнительных выборах в парламент и предстоявшей в этой связи смене правительства. По вопросу о пакте резкая конфронтация двух течений — сторонников сотрудничества с СССР и германофилов — имела место даже в самом французском правительстве¹³. Огромную негативную роль в задержке советско-французских переговоров о пакте взаимопомощи сыграла подрывная деятельность фашистской Германии и Польши, а также оппозиция Лондона. После получения сведений о намерениях французского правительства взять курс на политическое сближение с Советским Союзом и принятия им выдвинутой Советским правительством идеи создания системы коллективной безопасности гитлеровцы и пилсудчики предприняли невероятные усилия к тому, чтобы предотвратить организацию фронта коллективной защиты от фашистской агрессии. Первую вылазку против пакта гитлеровское правительство сделало 3 января 1934 г. В беседе с наркомом М. М. Литвиновым германский посол Р. Надольный заявил, что проектируемый СССР и Францией пакт «несовместим» с Рапалльским и Берлинским договорами. Отвечая германскому дипломату, М. М. Литвинов, в свою очередь, поставил вопрос: были ли совместимы с Берлинским договором предложения фон Папена в Лозанне (в 1932 г.) о союзе с Францией, который мог бы быть направлен только против Советского Союза¹⁴.

Не менее энергичную работу против пакта взаимопомощи вело польское правительство. Германский посланник в Польше Г. Мольтке, фиксируя политические настроения польских пра-

¹² ДВП СССР, т. XVI, док. 444.

¹³ Там же, т. XVII, док. 26.

¹⁴ Там же, док. 2.

вителей, сообщал в Берлин о том, что Пилсудский «прямо предостерег... Барту во время его пребывания в Варшаве против каких бы то ни было более тесных связей с Россией»¹⁵.

Из-за глубоких противоречий во французских политических кругах переговоры были приостановлены¹⁶.

Они возобновились лишь 28 апреля 1934 г., хотя такие политические деятели, как Э. Эррио, министр иностранных дел Поль-Бонкур и сменивший его в феврале 1934 г. на этом посту Луи Барту, обладавшие широким политическим кругозором, уже задолго до этого ясно понимали опасность германского фашизма для Франции и решительно выступали за создание совместно с Советским Союзом барьера против германской агрессии. Заметный в это время поворот Франции к сближению с СССР явился результатом действия многих факторов. Огромную роль играло дальнейшее упрочение международных позиций Страны Советов, активная деятельность советской дипломатии в защиту мира, массовые выступления под руководством компартии французских трудящихся с настоятельным требованием к своему правительству укрепить отношения с СССР и объединить усилия для борьбы с угрозой фашистской агрессии.

Приступая к возобновлению переговоров, французы решили внести серьезные изменения в советскую схему коллективной безопасности. Во избежание упреков со стороны Германии в том, что планируемый пакт якобы имеет целью «окружение Германии», французское правительство предложило включить последнюю в число участников данного пакта. Проект этого пакта получил название «Восточное Локарно», или Восточный пакт.

Параллельно Восточному пакту французское правительство внесло предложение заключить двусторонний франко-советский пакт взаимопомощи, связанный как с Восточным пактом, так и с Локарнским соглашением 1925 г. Таким образом, Франция становилась гарантом Восточного пакта, СССР — гарантом Локарнского. В этих условиях Локарнское соглашение утратило бы антисоветское острие¹⁷. Самоисключение Франции из Восточного регионального пакта, по мнению советского поверенного в делах в Париже М. И. Розенберга, объяснялось нежеланием Франции лишать Польшу, по известным причинам, своих союзнических обязательств против СССР, а также оказывать помощь Литве в случае польской агрессии против нее¹⁸.

Несмотря на отдельные недостатки французского варианта системы коллективной безопасности, в основе которого лежали советские предложения от 28 декабря 1933 г., Советское пра-

¹⁵ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 128.

¹⁶ ДВП СССР, т. XVII, док. 146.

¹⁷ История внешней политики СССР, ч. I, с. 283.

¹⁸ ДВП СССР, т. XVII, док. 154, 186.

вительство дало согласие вести переговоры, но одновременно с этим считало желательным «добиваться восстановления первоначальной (советской) схемы или, по крайней мере, сделать оказание помощи обязательным для всех участников пакта без деления их на соседей и несоседей». (Французская схема предусматривала оказание помощи только по принципу соседства и не устанавливала никаких взаимных обязательств между СССР и Чехословакией, Чехословакией и Прибалтийскими странами. Исключение делалось только для СССР и Германии, которые взаимопомощь должны были оказывать на правах соседей)¹⁹. 18 мая 1934 г. Советское правительство дало согласие включить в число участников Восточного пакта и Германию, указав одновременно на необходимость распространить гарантии советско-французского пакта и на Прибалтику²⁰.

Барту при встрече с М. М. Литвиновым, имевшей место 4 июня в Женеве во время международной конференции по разоружению, нашел советские доводы относительно оказания помощи Прибалтийским странам справедливыми, однако французское правительство к этому вопросу отнеслось отрицательно. Л. Барту, вызванный наркомом на откровенный разговор, с огромной неохотой признал, что Франция не хочет связывать себя обещаниями эвентуальной помощи Литве против Польши²¹.

Результаты женевских переговоров Литвинов — Барту французское правительство одобрило 5 июня. В середине июня 1934 г. французский проект-набросок Восточного пакта Барту вручил М. М. Литвинову. Деление участников пакта на соседей и несоседей в соответствии с настояниями Советского правительства было устранено²².

Из предполагавшихся участников наиболее определенное и благоприятное отношение к Восточному пакту заняла Чехословакия²³. Не выступали против участия в нем Латвия, Литва и Эстония. Германия и Польша сразу заняли враждебную позицию.

При передаче М. М. Литвиновым германскому правительству советско-французского предложения о заключении Восточного пакта, имевшей место 13 июня в Берлине (несколько раньше то же самое сделало французское правительство), министр иностранных дел К. Нейрат заявил, что «схема пакта для Германии неприемлема» и она на заключение такого пакта не пойдет ввиду недостаточности имеющихся у Германии вооружений, лишаящей ее возможности выполнить свои обязательства

¹⁹ Документальный обзор «Переговоры о Восточном пакте» — «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 145—155.

²⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 168.

²¹ Там же, док. 186.

²² Документальный обзор — «Международная жизнь», 1963, № 6, с. 156.

²³ ДВП СССР, т. XVII, док. 199, 218.

по пакту²⁴. Если Германия считает себя в военном отношении «слабой», сказал Литвинов, то тем более она должна быть заинтересована в пакте, от которого она «получила бы больше остальных, которые должны были бы прийти ей на помощь всей своей неограниченной мощью». Нарком не упустил случая также заметить, что, несмотря на «слабость» Германии, ее политические деятели не перестают мечтать об экспансии на Восток. И об этом писали, продолжал советский дипломат, не только «несколько глупцов», как выразился собеседник, «но и сам нынешний «вождь» страны. Он никогда от этой программы не отрекался, а, наоборот, разрешает распространение в Германии до сих пор книги, в которой эта программа изложена»²⁵.

27 июня 1934 г. проект Восточного пакта французское правительство передало англичанам. Правящие круги Англии не рискнули открыто выступить против этого пакта, но исподволь делали все, чтобы не допустить его заключения.

Правительство Англии не хотело не только укрепления безопасности СССР, но и усиления позиций своего французского союзника. Оно предпочитало, чтобы Франция находилась в зависимости от Англии. Эта зависимость давала бы Лондону надежный рычаг воздействовать на французскую политику и тем самым определять степень участия Франции в решении главных европейских проблем. «Правящие круги и пресса нашей страны, — признался заместитель министра иностранных дел Англии Р. Ванситтарт в беседе с советским полпредом, — в течение ряда последних лет были настроены гораздо больше в пользу Германии, чем в пользу Франции»²⁶. Такую позицию занимало и само английское правительство, свидетельством чему является беседа министра иностранных дел Дж. Саймона с германским послом Л. Хешем²⁷.

Перспектива создания в Европе системы коллективной безопасности, предложенной Советским Союзом и поддержанной прогрессивными деятелями Франции, Чехословакии и всей демократической общественностью Запада, всполошила международную реакцию. В одном строю с гитлеровцами, пилсудчиками, румынскими, венгерскими и болгарскими монархистами, итальянскими фашистами, встретившими в штыки советско-французские предложения, оказались британские консерваторы — так называемая «Клайвденская клика» и воротилы Уолл-стрита, пестрая кампания будущих французских коллаборационистов. Но особенно неблагоприятную роль играла Варшава. Вместе с Германией она вела активную работу по срыву Восточного пакта. «Основную роль в провале пакта, — подчеркивал в сво-

²⁴ ДВП СССР, т. XVII, док. 197.

²⁵ Там же, док. 197.

²⁶ Там же, док. 301.

²⁷ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась, с. 62—63.

ем инструктивным письме замнаркома Б. С. Стомоняков полпреду в Варшаве Я. Х. Давтяну 4 июня, — играет, конечно, Польша, позиция которой вследствие занимаемого Польшей географического положения, несомненно, является главным препятствием к осуществлению этой акции»²⁸. Варшава и Берлин делали усилия, чтобы добиться негативного отношения к пакту и со стороны Латвии и Эстонии. Что касается Финляндии, то она занимала такую же позицию, как Польша и Германия.

Отрицательную позицию относительно заключения Восточного пакта занял и Вашингтон. В Соединенных Штатах Америки, отмечал в этой связи американский историк Ф. Даллес, «надеялись, что если начнется война в Европе, то ее, возможно, удастся как-нибудь превратить в крестовый поход против коммунизма и осуществить цели, которые не удалось достигнуть путем союзнической интервенции в 1918 г.»²⁹

Негативная позиция в отношении пакта Англии и Польши требовала от Москвы и Парижа новых усилий.

Чтобы добиться положительного отношения Англии к созданию системы коллективной безопасности, 9 июля Барту направился в Лондон. В результате острой дискуссии и угрозы Барту заключить двусторонний военный союз с СССР Англия «согласилась» поддержать проекты Восточного пакта и дополнительного франко-советского гарантийного соглашения и оказать соответствующее воздействие на Германию, Польшу и Италию. Но она поставила два условия. Во-первых, чтобы гарантии, которые Франция и СССР давали друг другу, распространялись и на Германию. Иначе говоря, министр иностранных дел Саймон добивался участия Германии в советско-французском гарантийном пакте о взаимопомощи³⁰. Это означало, по мысли англичан, что «СССР гарантировал бы Францию от эвентуального нападения Германии и Германию от эвентуального нападения Франции»³¹. Франция, в свою очередь, гарантировала бы СССР от возможного нападения Германии, но и Германию от возможного нападения третьей державы. Во-вторых, Англия фактически потребовала согласия Франции (это, собственно говоря, было одной из главных причин английского «благородства» в деле «поддержки» Восточного пакта) на перевооружение Германии³². (Сама Англия участвовать в Восточном пакте не собиралась). Вторым условием Лондон готовил себе основу для двустороннего сговора с нацистами.

Но коварство Форин оффиса было намного сложнее, чем это казалось в то время. Идея создания системы коллективной безопасности и сотрудничества с участием Советского Союза в

²⁸ ДВП СССР, т. XVII, док. 236.

²⁹ Цит. по кн.: Сиполс В. Я. Указ. соч., с. 71.

³⁰ DBFP, Series II, vol. VI, p. 810.

³¹ ДВП СССР, т. XVII, док. 245.

³² DBFP, Series II, vol. VI, p. 811.

середине 30-х годов завоевала широкую поддержку демократических сил и трудовых масс во всей Европе, в том числе и в Англии. Вот почему, несмотря на резко отрицательное отношение английских правящих кругов к Восточному пакту, правительство Англии не рискнуло открыто заявить об этом, а, наоборот, публично одобрило его. В действительности же оговорками при «одобрении» Восточного пакта английские правители преследовали старые цели: за принятие Францией английских условий позволить Германии вооружиться, а Францию принудить дать фашистскому рейху гарантии на случай его осложнений с СССР. Следовательно, менялась лишь тактика английской дипломатии, но не ее политика. В акции «поддержки» Саймоном Восточного пакта нарком М. М. Литвинов допускал и возможность спекуляции (втайне) английского правительства на отказе Германии и Польши присоединиться к пакту³³. При очередной встрече с Хешем английский министр старался внушить германскому дипломату, что Восточный пакт, создающийся по английскому рецепту, остается прежним только по названию, а суть становится иной. Развивая свою мысль, Саймон заявил, что для Англии франко-русский союз нежелателен не в меньшей степени, чем для Германии³⁴.

В свою очередь и французское правительство отступило от своих прежних позиций, согласившись с требованием Англии о распространении на Германию франко-советских гарантий. Однако второе требование Саймона (согласие на перевооружение Германии) оно воздержалось принять, заявив, что «вооружение Германии нельзя делать условием предложенного Восточного Локарно», но не возражало рассмотреть этот вопрос после заключения Восточного пакта.

В ходе лондонских переговоров 9—10 июля Барту добился от Саймона заверения в благоприятном отношении Англии к приглашению и вступлению СССР в Лигу наций³⁵.

Выгодные для рейха английские условия и согласие Англии «поддержать» Восточный пакт не оказали влияния на позицию Германии. Восточным пактом и на английских условиях Германия не хотела связывать себе руки на случай агрессии и в западном направлении. Готовясь к большой войне за мировое господство, гитлеровцы до похода на Советский Союз имели в виду укрепить свои позиции за счет соседей. «Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться, — рассуждал Гитлер, — не с нее я буду начинать»³⁶.

В создавшихся условиях коллективного саботажа европейской реакцией организации системы коллективной безопасно-

³³ ДВП СССР, т. XVII, док. 258.

³⁴ Овсянный И. Д. Указ соч., с. 77—78.

³⁵ ДВП СССР, т. XVII, док. 247.

³⁶ Цит. по кн.: Овсянный И. Д. Указ. соч., с. 76.

сти в Европе и возникшей на Дальнем Востоке ситуации 16 июля Советское правительство решило поставить Париж, Лондон и Берлин в известность, что оно не возражает против включения в советско-французский гарантийный пакт и Германии, на чем настаивает Англия. Одновременно правительство СССР еще раз напомнило французскому правительству, что действие указанного пакта оно желало бы распространить и на Прибалтику³⁷.

Казалось бы, были созданы все предпосылки для организации системы коллективной безопасности. Однако при обращении к Германии с предложением принять участие в пакте правительства СССР и Франции встретили, как известно, резко враждебное отношение. Сначала (13 июня) это было сделано в устной форме при встрече Нейрата с М. М. Литвиновым. Но та же позиция была изложена и в официальном меморандуме германского правительства от 8 сентября, направленном СССР, Франции, Англии³⁸. Так же продолжала вести себя Польша. Хотя Бек и заверил Барту, что он не будет мешать проведению в жизнь идеи организации Восточного пакта³⁹, в действительности он делал все, чтобы сорвать работу Литвинова и Барту по организации коллективной безопасности. В беседе с французским послом Бек не постеснялся сказать, что «Польша, собственно говоря, не нуждается в таком (Восточном) пакте»⁴⁰. На приглашение принять участие в Восточном пакте польское правительство 27 сентября дало по существу отрицательный ответ. В ноте указывалось, что Польша могла бы стать участником пакта при условии, если в нем будет участвовать Германия и не будут привлечены Чехословакия и Литва, а также если пактом не будут затронуты цели польско-германского договора 26 января 1934 г.⁴¹ А последний как раз и был заключен с целью недопущения создания фронта мира⁴².

Чтобы предупредить Польшу от опрометчивого шага, М. М. Литвинов в беседе с Бекком 22 сентября советовал польскому министру не брать на себя бремя ответственности за провал пакта. «Сейчас,— подчеркнул нарком,— речь идет о пакте с участием Германии и Польша должна выявить свое отношение именно к такому пакту независимо от ответа Германии. Пусть Германия отвергает пакт и принимает на себя целиком ответственность, но зачем Польше делить с ней эту ответственность. Новый пакт... укрепит дружбу Польши с Францией и с нами, улучшив отношения с Чехословакией и не ухудшив от-

³⁷ ДВП СССР, т. XVII, док. 250, 252.

³⁸ Документальный обзор — «Международная жизнь», 1963, № 7, стр. 154.

³⁹ Beck J. Dernier rapport. Politique polonoise 1926—1939. Geneve, 1951, р. 281—285.

⁴⁰ ДВП СССР, т. XVII, док. 255.

⁴¹ Документы... советско-польских отношений, т. VI, М., 1969, док. 154.

⁴² Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948, с. 14.

ношений ни с кем, даже с Германией»⁴³. Советские предостережения не оказали влияния на позицию клики Пилсудского—Бека, выпавивавшей агрессивные планы против СССР, Литвы и Чехословакии.

Французское правительство сочло аргументы польского отказа необоснованными и заявило, что рассчитывает на пересмотр Варшавой своей позиции.

Ответ правительства Польши был составлен в духе полной договоренности польских лидеров с правительством Гитлера. Роли были распределены заранее. 27 августа Гитлер и Нейрат пригласили к себе польского посланника Ю. Липского и предложили установить польско-германское сотрудничество в срыве переговоров о Восточном пакте, но это сотрудничество, доносил посланник своему министру, должно проводиться в глубокой тайне. Польша, разглагольствовал «фюрер», является для Европы, а особенно для Германии, «защитой» от Востока и перед этой проблемой бледнеют все вытекающие из Версальского трактата польско-германские споры, которые отступают-де теперь на «второй» план. Липский заверил «фюрера», что польская точка зрения на Восточный пакт идентична точке зрения германского правительства. Польский дипломат от имени своего правительства давал согласие совместными усилиями Германии и Польши сорвать Восточный пакт⁴⁴. Этим самым правители Польши совершили самоубийственный шаг.

Отказ Польши участвовать в региональном соглашении вызвал серьезное недовольство и со стороны некоторых буржуазных политиков в самой Польше. Касаясь внешнеполитического курса Польши в рассматриваемый период, депутат сейма К. Чапинский при обсуждении доклада Бека на комиссии по иностранным делам отметил, что зарубежные страны, отдающие себе отчет в наличии германских агрессивных планов, удивлены отрицательным отношением Польши к Восточному пакту. «Франция и Россия,— подчеркивал депутат,— придают пакту огромное значение. Но почему Польша относится отрицательно? Естественно, что возникает подозрительность и рождается неприязнь (к Польше)». В результате политики Бека, продолжал оратор, Франция, Россия, Чехословакия, Прибалтийские страны — все испытывают сильное подозрение в отношении Польши. Заклячая речь, Чапинский отметил: «Итак, с кем остается Польша? Исключительно только с Гитлером. Нахождение с ним один на один может дорого стоить Польше»⁴⁵.

Стремясь создать более благоприятные условия для решения поставленных задач, связанных с организацией Восточного пакта и заключением советско-французского договора, Совет-

⁴³ ДВП СССР, т. XVII, док. 338.

⁴⁴ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 143.

⁴⁵ «Robotnik», 2. II 1935.

ский Союз, учитывая пожелания Франции, решил вступить в Лигу наций до заключения указанных пактов, а не после, как это предусматривалось в начале переговоров с Парижем.

15 сентября 1934 г. СССР получил от имени 30 государств приглашение вступить в Лигу наций. Советское правительство, ставящее организацию и укрепление мира основной задачей своей внешней политики и никогда не остававшееся глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира, говорилось в советском ответе, готово вступить в Лигу наций, заняв в ней подобающее ему место, и принять на себя соблюдение всех международных обязательств, отклоняя при этом какую-либо ответственность за решения Лиги наций, принятые до вхождения СССР в эту организацию. Ассамблея Лиги наций 18 сентября вынесла решение: принять СССР в Лигу наций и одобрить предложение Совета Лиги от 15 сентября о предоставлении Советскому Союзу постоянного места в Совете⁴⁶.

В опубликованной в «Известиях» статье «СССР в борьбе за мир» отмечалось, что Советское правительство и народы СССР «прекрасно отдают себе отчет в том, что одновременно не все государства, входящие в Лигу наций, будут действительно бороться за сохранение мира. Советский Союз вступает в Лигу наций именно для того, чтобы поддержать те державы, которые будут бороться за сохранение и укрепление мира»⁴⁷.

Вступление СССР в Лигу наций значительно усилило ее авторитет: народы мира стали больше верить, что Лига в состоянии внести важный вклад в дело укрепления мира путем создания системы коллективной безопасности.

Но гитлеровцы резко усилили свою подрывную деятельность. В своем стремлении не допустить создания системы коллективной безопасности с помощью объединения усилий ряда государств для отпора агрессии они не останавливались и перед убийством наиболее видных политических деятелей. Первой их жертвой был Л. Барту. Он был убит в октябре 1934 г. Устранение Барту привело к серьезному ослаблению во французском правительстве сторонников заключения Восточного пакта и сотрудничества с СССР.

Приход к власти во Франции правительства П. Фландена и передача портфеля министра иностранных дел П. Лавалю означали усиление в правительстве сторонников сговора с Германией и ослабление позиции сторонников франко-советского сближения. Лаваль не скрывал, что является убежденным сторонником сговора с фашистской Германией. Он считал, что Франция должна использовать переговоры о Восточном пакте

⁴⁶ ДВП СССР, т. XVII, док. 331.

⁴⁷ «Известия», 1934, 20 сентября.

для оказания давления на Гитлера, чтобы таким образом вынудить его пойти на соглашение с Францией. Лаваль называл это поисками сближения с Германией через Москву. Таким образом, это был весьма ненадежный партнер в борьбе Советского Союза за коллективную безопасность в Европе.

Чтобы пресечь прогитлеровские настроения Лавалья, Литвинов с одобрения своего правительства предложил французскому министру подписать Протокол, по которому стороны взяли бы на себя обязательства не вести с Германией переговоров, которые могли бы нанести ущерб подготовке и заключению Восточного пакта. Такой протокол был заключен 5 декабря в Женеве⁴⁸. 7 декабря к этому соглашению присоединилась Чехословакия. Протокол был воспринят гитлеровцами исключительно враждебно.

В последующем Лаваль стал маневрировать и затягивать переговоры о Восточном пакте. Его отношение к пакту в значительной мере определяло позицию французского правительства в этом вопросе. Форин оффис воспользовался назначением Лавалья, чтобы поскорее похоронить Восточный пакт, а также наладить двусторонние переговоры с гитлеровской Германией. Во время англо-французских переговоров, проходивших в начале февраля в Лондоне, а в конце февраля 1935 г. в Париже, министр иностранных дел Саймон настойчиво убеждал Лавалья отказаться от идеи Восточного пакта или вытравить из него атрибуты взаимной помощи, но последний ответил, что он и сам не очень хотел бы этого пакта, однако связан обязательством перед СССР и не знает, как выйти из положения. Вместо пакта взаимопомощи англичане предлагали заключить договор, который не содержал бы никаких обязательств, кроме обязательства консультаций. Таким путем в Лондоне надеялись покончить с проектом договора, который создавал надежную основу для организации коллективной защиты мира.

В коммюнике об итогах лондонских переговоров заключение Восточного пакта Лондон и Париж поставили в зависимость от достижения «общего урегулирования» с Германией, которое включало и такой «деликатный вопрос», как довооружение Германии⁴⁹. Практически это означало отказ от заключения Восточного пакта.

Обеспокоенное таким оборотом дел, Советское правительство 17 февраля дало указание своему полпреду в Лондоне заявить английскому правительству, что «советская общественность склонна считать Англию ответственной за упорное сопротивление Германии установлению системы безопасности на востоке Европы»⁵⁰.

⁴⁸ Документальный обзор — «Международная жизнь», 1963, № 8, с. 159.

⁴⁹ Там же, с. 181, 186.

⁵⁰ Там же, с. 182.

Разоблачая маневры противников коллективной безопасности, правительство Советской страны предпринимало усилия к тому, чтобы поскорее завершить переговоры о заключении Восточного пакта, рассматривая его заключение как создание прочной основы для объединения сил миролюбивых государств для отражения агрессии. Именно поэтому оно решило напомнить А. Идену в марте 1935 г., когда он прибыл с визитом в Москву, что СССР не собирается отказываться от пакта о взаимопомощи и не согласен с тем, чтобы подменять его договором о ненападении, который предлагает Германия.

«Но какая гарантия,— говорилось в этом заявлении,— что германское правительство, которое так легко рвет свои международные обязательства, станет соблюдать пакт о ненападении? Никакой гарантии нет. Поэтому мы не можем удовлетвориться лишь пактом о ненападении с Германией. Нам для обеспечения мира нужна более реальная гарантия, и такой реальной гарантией является лишь Восточный пакт взаимной помощи»⁵¹. Советское правительство повторило еще раз, что СССР хотел бы, чтобы Германия тоже участвовала в Восточном пакте, поскольку Советский Союз желает также иметь с ней дружественные отношения. Что же касается выдвинутого нацистами и поддержанного Англией требования вооружения Германии под прикрытием предоставления ей «равноправия» в этой области, то Идену было тогда заявлено, что Советское правительство считает, что «в настоящий момент нам нужно принять меры к тому, чтобы помешать Германии вооружаться», потому что у СССР «нет ни малейших сомнений в германской агрессивности...»

СССР неустанно предупреждал западные державы, что их политика попустительства вооружениям Германии может обернуться против них же. Эта мысль особенно ясно была выражена наркомом М. М. Литвиновым в беседе с Иденом 28 марта 1935 г. «Выдвигая в настоящее время на первый план восточную экспансию,— подчеркивал он,— Гитлер хочет поймать на удочку западные государства и добиться от них санкции его вооружений. Когда эти вооружения достигнут желательного для Гитлера уровня, пушки смогут начать стрелять совсем в другом направлении»⁵².

Однако английское правительство, ослепленное враждой к Советскому социалистическому государству, не вняло этим серьезным предупреждениям, хотя в ходе бесед Иден вынужден был признать важность советских предложений о создании системы коллективной безопасности в Европе и в частности необходимость заключения Восточного пакта. Советские руководители обратили внимание Идена на агрессивный харак-

⁵¹ ДВП СССР, т. XVIII. М., 1973, док. 148.

⁵² ДВП СССР, т. XVIII, док. 146.

тер внешней политики фашистской Германии и ее огромные вооружения. С советской стороны неоднократно отмечалась важная роль Англии в сохранении мира в Европе и во всем мире. Отметим только одно высказывание И. В. Сталина, сделанное им в ответ на реплику Идена об огромных размерах Советского Союза и о маленьком острове, который называется Великобританией. «Да, маленький остров,— сказал И. В. Сталин,— но от него много зависит. Вот, если бы этот маленький остров сказал Германии: не дам тебе ни денег, ни сырья, ни металла,— мир в Европе был бы обеспечен»⁵³.

Подписанное в Москве англо-советское коммюнике об итогах этого визита, содержащее обязательства двух стран проводить политику мира и коллективной безопасности, явилось определенным успехом активной и миролюбивой советской внешней политики. Правда, дальнейшие события показали, что со стороны Англии это был лишь тактический ход. Она не пересмотрела свое отрицательное отношение к созданию системы коллективной безопасности на европейском континенте. Более того, английское правительство продолжало свою прежнюю линию, оказывая помощь Германии в ее стремлении не допустить заключения Восточного пакта, чтобы такой ценой склонить фашистского диктатора к соглашению с Англией. Таким образом, на Англии лежит значительная доля ответственности за провал Восточного пакта. Следует сказать, что уроки второй мировой войны не прошли даром для Идена. Об этом свидетельствуют его мемуары, где он задним числом вынужден признать, что «заключение Восточного пакта могло бы предотвратить гитлеровскую агрессию в отношении Чехословакии и избежать Мюнхена»⁵⁴.

Вопреки национальным интересам страны лондонский кабинет сделал все, чтобы провалить проект Восточного пакта. Более того, английское правительство вступило на путь достижения широкого англо-германского соглашения, начало которому было положено заключением англо-германского морского соглашения 1935 г.

Итак, отказ Германии и Польши от участия в Восточном пакте, а также интриги Англии, направленные на срыв заключения этого пакта, сделали фактически невозможным его заключение. Советское правительство оказалось перед необходимостью предпринять новые шаги в деле организации коллективной защиты мира. С этой целью оно согласилось с предложением Парижа вернуться к первоначальному проекту 1933 г., согласно которому предполагалось начать создание коллективной безопасности в Европе с заключения советско-французско-

⁵³ ДВП СССР, т. XVIII, док. 148.

⁵⁴ *Eden A. Memories*. London, 1961, p. 171.

го договора о взаимной помощи. СССР был тогда твердо убежден в том, что такие пакты о взаимопомощи служат делу сохранения мира, поскольку в них могут участвовать все государства, заинтересованные в поддержании мира. При наличии таких пактов никто не может считаться окруженным или подвергающимся какой-либо опасности, если только он разделяет стремление к миру остальных соучастников⁵⁵.

Оказавшись перед фактом все усиливавшейся угрозы агрессии со стороны фашистской Германии, которая в это время уже ввела всеобщую воинскую повинность и приступила к созданию военной авиации, французское правительство было вынуждено после некоторых колебаний подписать с СССР 2 мая 1935 г. договор о взаимной помощи⁵⁶.

Подписание советско-французского пакта о взаимной помощи явилось крупнейшим событием в международной жизни середины 30-х годов. В результате его заключения выиграло дело мира в Европе, а также укрепилось военно-стратегическое положение Франции в отношении гитлеровского рейха, который оказался бы перед фактом вести войну на два фронта в случае, если бы Германия напала на Францию или СССР.

Лаваль, однако, стремился значение советско-французского пакта свести к минимуму, поскольку его не покидала мысль достигнуть соглашения с Германией. В беседе с советским полпредом, состоявшейся уже после заключения пакта, Лаваль, ставший в конце мая 1935 г. премьер-министром, не скрывал своего отрицательного отношения к пакту и рассматривал его как помеху на пути установления дружбы между Францией и Германией. «Без улучшения отношений Франции с Германией мир неосуществим»⁵⁷, — с особым акцентом заявил глава французского правительства своему собеседнику. Стремясь удержать Лавала от сделки с Берлином, В. П. Потемкин заявил: «Не существует (у французского правительства. — А. Ш.) возможности договориться с Германией и удовлетворить стремление Гитлера к экспансии, ревизии территориальных границ, воссоединения «дейчтума» ... без риска вызвать войну и без изменения обязательств Франции в отношении ее союзников и друзей»⁵⁸. Негативное отношение к созданию советско-французского фронта борьбы против германской агрессии проявилось и в попытках Лавала отложить на неопределенное время ратификацию пакта. В этой связи нарком телеграфировал Потемкину: «Можете сказать Лавалю, что откладыванием ратификации он играет на руку Гитлеру»⁵⁹. Из-за сопротивления Лавала и его

⁵⁵ VII Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад Эрколи, с. 34.
⁵⁶ ДВП СССР, т. XVIII, док. 205.

⁵⁷ Там же, док. 414.

⁵⁸ Там же.

⁵⁹ Там же, док. 312.

единомышленников во французском правительстве ратификация договора парламентом состоялась только 12 марта 1936 г., т. е. через 10 месяцев после подписания.

Советско-французский договор о взаимопомощи мог сыграть большую роль в деле организации системы коллективной безопасности в Европе при условии, что Франция, как и СССР, положила бы его в основу своей политики в вопросе о европейской безопасности.

Состоявшееся вскоре (16 мая) подписание советско-чехословацкого договора о взаимной помощи, казалось, подтверждало, что франко-советский договор заложил прочную основу в дело организации европейской безопасности⁶⁰.

Несмотря на свои недостатки (выражавшиеся в первую очередь в том, что действие договоров распространялось только на случай агрессии против собственных территорий СССР, Франции и Чехословакии, а также в отсутствии положения об автоматическом приведении их в действие), советско-французский и советско-чехословацкий пакты, объединившие три государства обязательствами взаимной помощи, при наличии их воли могли стать эффективным препятствием на пути германской агрессии и развязывания войны в Европе. Положительное значение пактов умалялось также тем, что между участниками соглашений параллельно не были заключены военные конвенции, в которых определялись бы размеры, сроки и формы военной помощи. Еще до ратификации пактов и обмена грамотами Советское правительство неоднократно предлагало партнерам начать переговоры между генеральными штабами для выработки и заключения военных конвенций. Однако правители Франции отрицательно отнеслись к необходимости заключения военной конвенции. Правительство Чехословакии, во всем оглядывавшееся на Францию, также саботировало военные переговоры. Все это не могло не сказаться на судьбе самой Франции, на судьбе Чехословакии и ряда стран Восточной Европы.

Европейский континент был важнейшим районом внешнеполитической активности СССР в 30-е годы, поскольку именно Европа являлась тем местом, где находился неврологический центр мира и главный очаг военной опасности. В силу этого вопрос о Восточном пакте подписанием советско-французского и советско-чехословацкого договоров не снимался. Вот почему в протоколе к договору от 2 мая 1935 г. указывалось, что переговоры, в результате которых был подписан советско-французский пакт о взаимной помощи, начались как переговоры о заключении Восточного пакта, а также договора между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трех государств обязывалось оказывать поддержку «тому из них, которое явилось бы предметом нападения со стороны одного из

⁶⁰ ДВП СССР, т. XVIII, док. 223.

этих трех государств»⁶¹. Этим лишний раз подчеркивалось, что СССР и Франция по-прежнему выступают за организацию системы коллективной безопасности и их договор не может быть истолкован как стремление к созданию замкнутого военного союза. Правда, теперь в будущий Восточный пакт вкладывалось другое содержание. Предполагавшиеся участники пакта — СССР, Франция, Германия, Польша, Чехословакия и Прибалтийские страны — должны были взять на себя лишь обязательства о ненападении, консультации и неоказании помощи агрессору⁶². Однако вскоре выяснилось, что Германия не желает участвовать и в такого рода пакте⁶³. «Вопрос о Восточном пакте и без взаимной помощи,— писал нарком полпреду В. П. Потемкину 3 июня 1935 г.— можно считать ликвидированным»⁶⁴. После этого переговоры о заключении пакта не возобновлялись.

Ход переговоров о Восточном пакте, а затем заключение Советским Союзом договоров о взаимной помощи с Францией и Чехословакией оказали определенное влияние и на позицию румынских правящих кругов профранцузского толка, ведущей фигурой которых, вне сомнения, был министр иностранных дел Николае Титулеску. Действия Титулеску, направленные на то, чтобы включить Румынию в систему коллективной безопасности, прошли сложный и многоэтапный путь, часто носили очень противоречивый характер.

Свое желание включиться в коллективный фронт борьбы с опасностью фашистской агрессии румынский министр иностранных дел впервые выразил, надо сказать, весьма туманно, в беседе с советским поверенным в делах во Франции М. И. Розенбергом 25 апреля 1934 г., когда начался новый этап советско-французских переговоров о пакте. К тому же заявка Титулеску на участие в Восточном пакте была сделана не от лица Румынии, а от имени всей Малой Антанты⁶⁵. Он полагал, что коллективным участием Малой Антанты в пакте он легко купит упоминание или умолчание Советского правительства о наличии территориальной проблемы между СССР и Румынией. Но здесь румынский министр ошибался. Ему и раньше неоднократно заявлялось, что Советское правительство ни при каких условиях не откажется от своих прав на Бессарабию.

Как ни странно, Титулеску «забыл» и то, что в рассматриваемый период организация Восточного пакта была нацелена только против фашистской Германии как главной угрозы миру в Европе. Румынский министр же присоединением Малой Ан-

⁶¹ ДВП СССР, т. XVIII, док. 205.

⁶² Там же, док. 225.

⁶³ Там же, док. 246.

⁶⁴ Там же, док. 252.

⁶⁵ ДВП СССР, т. XVII, док. 146.

танты к соглашению о взаимопомощи пытался Восточный пакт направить и против Италии, Венгрии и Болгарии, которые Советскому Союзу в это время ничем не угрожали ⁶⁶.

Все говорило о полной несостоятельности предложения Титулеску, поэтому Советским Союзом оно было отвергнуто. Но через некоторое время, уже после нормализации советско-румынских отношений, при бековской инспирации ⁶⁷ (направленной на осложнение переговоров о заключении Восточного пакта) Титулеску выступил с новым предложением, которое сводилось к намерению включить Румынию в Восточный пакт не в составе Малой Антанты ⁶⁸. Кроме намерений укрепить румыно-советские отношения, свое новое предложение Титулеску мотивировал также желанием «нейтрализовать» отрицательные для Чехословакии нюансы обязательств Румынии по румыно-польскому союзу 1921 г. ⁶⁹ В беседе с М. М. Литвиновым в Женеве 25 сентября 1934 г. Титулеску прямо признался, что агрессивный румыно-польский договор направлен не только против СССР, но и против Чехословакии, поскольку Румыния, по утверждению министра, в случае польско-чехословацкого конфликта, реальность возникновения которого не сходилась с повестки дня в течение всех межвоенных лет, была обязана выступить на стороне бековской Польши.

Чтобы смягчить неприятное впечатление у М. М. Литвинова от коварной политики румынских правящих кругов, Титулеску был вынужден тут же признать, что он, ради достижения поставленной цели, не против и расторгнуть польско-румынский союз ⁷⁰.

Политика Титулеску, всего румынского правительства не могла не вызвать у Советского правительства серьезных подозрений и настороженности.

Но для того, чтобы не оставить Румынию вне фронта коллективной борьбы с фашистской агрессией и найти приемлемые для советской и румынской сторон основы сотрудничества в таком важном для дела мира вопросе, Советское правительство заявило, что оно готово «заключить дополнительно к Восточному пакту особый советско-польско-румынский протокол о взаимной помощи, если Румыния и Польша этого пожелают» ⁷¹.

Чтобы рассеять у Москвы и Парижа сомнения в лояльном отношении Румынии к курсу организации коллективной защиты

⁶⁶ ДВП СССР, т. XVII, док. 146.

⁶⁷ Там же, док. 270.

⁶⁸ Там же, док. 323.

⁶⁹ Там же, док. 340.

⁷⁰ Там же.

⁷¹ Там же, док. 270.

мира, король разрешил Титулеску пригласить в Бухарест с официальным визитом министра иностранных дел Франции. Прибывший 20 июня в страну Барту был принят с большими почестями, по этикету главы правительства. Но эта дипломатическая акция румынского правительства была вызвана не стремлением взять твердый курс на участие в системе коллективной безопасности, а имела целью, по донесению германского посланника в Бухаресте, лишь сдержать внутренние силы, пытавшиеся оторвать Румынию от Франции⁷².

Марсельские выстрелы наемников Геринга в Луи Барту — горячего сторонника коллективной безопасности — прервали советско-французские переговоры о Восточном пакте. С этим событием в какой-то степени связано и прекращение обсуждения новой постановки вопроса со стороны Титулеску. Охлаждение желания Титулеску видеть Румынию в системе коллективной безопасности в равной мере объясняется и внутренними событиями в самом румынском королевстве.

Чтобы не портить отношений с фашистской Германией, румынские власти полностью оправдали К. Кодряну и отставного генерала И. Кантакузино — руководителей «железной гвардии», ответственных вместе с Берлином за убийство румынского премьер-министра И. Г. Дуки. Не понесли сурового наказания и прямые убийцы.

Лидеры фашистских партий обвиняли правительство и особенно министра иностранных дел Титулеску в том, что они «рабски подражают» политике Франции в отношении СССР и якобы отказались от антисоветских позиций.

Политическая и подрывная деятельность румынских фашистов щедро финансировалась Берлином и Варшавой⁷³. Только в 1934 г. Кодряну получил от германской миссии в Бухаресте свыше 40 млн. лей (или около 1,5 млн. рейхсмарок)⁷⁴. Румынскому фашистскому движению на антисоветскую и прогерманскую работу немало средств было дано министерством внутренних дел страны, что засвидетельствовано в справке руководителя секретной службы румынского правительства Е. Кристеску⁷⁵. «Железную гвардию» материально поддерживали и дворцовые круги. В беседе с французским посланником в Бухаресте Пюю Титулеску доверительно сообщал, что «некоторые члены камарильи заодно с «железной гвардией», что секретарь короля Пую Думитреску... оказывал ей денежную помощь»⁷⁶.

⁷² DGFP, Series C, vol. III. London, 1959, doc. 41.

⁷³ Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden. 1954, S. 13.

⁷⁴ Easterman A. King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942, p. 99.

⁷⁵ Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), фонд микрофильмов румынских документов.

⁷⁶ DDF, ser. I, vol. V. Paris, 1970, p. 467.

Росту фашистских сил, требовавших тесного сближения Румынии с фашистской Германией, активно содействовал сам король Кароль II, а также премьер-министр Г. Татареску, занявший этот пост после убийства Дуки. В самых тесных связях с фашистскими силами был министр внутренних дел И. К. Инкулец. Именно через него центральная власть негласно направляла и финансировала фашистские силы⁷⁷, выступавшие против советско-румынского сближения, против демократического, антифашистского движения в стране. Неофициально контактируя с фашистскими партиями, король и Татареску пытались подчинить их своему контролю и в нужный момент использовать для подавления любой оппозиции или движения, неудобного правительству.

Фашистам в сильной степени симпатизировало большинство румынского высшего офицерства, находившееся под сильным влиянием союзной Польши, толкавшей Румынию на сотрудничество с фашистской Германией. Сам начальник генштаба генерал Самсанович негласно состоял членом «Железной гвардии».

Все говорило о том, что вокруг Кароля II и премьер-министра Татареску консолидировались наиболее мощные силы реакции и фашизма, перманентно выступавшие против любых форм сотрудничества с СССР.

В формальной оппозиции к этим силам, к либералам, находившимся у власти, из буржуазных партий была только партия национал-царанистов, охватывавшая широкие слои зажиточного и среднего крестьянства, мелких ремесленников. Но ведущие руководители этой партии И. Михалаке, А. Вайда-Воевод, Ю. Маниу тоже постепенно дрейфовали в лагерь реакции. Не случайно председатель партии И. Михалаке, посетивший в 1934 г. Италию с целью изучения «структуры итальянского общества», заявил: «Меня поразила созидательная деятельность Муссолини. Несомненно, что сегодняшняя Италия — это творение Муссолини, который является исключительной личностью»⁷⁸. Вот лицо «защитника» румынского крестьянства!

Из-за страха перед революцией решительной борьбы за проведение реалистического внешнеполитического курса, против политики фашизации страны не вели даже так называемые левые политические группировки румынской буржуазии. Их половинчатая и непоследовательная позиция не дала им подняться до уровня нараставшей антифашистской борьбы широких народных масс. Только Коммунистическая партия видела реальность угрозы фашистской агрессии. Но революционных сил во главе с ней оказалось недостаточно, чтобы остановить наступление реакции и возраставшее политическое влияние фашистской Германии на румынскую действительность.

⁷⁷ Лазарев А. М. Указ. соч., с. 426.

⁷⁸ «Le procès des dirigeants de l'ancien parti nationalpaysan: Maniu, Michalache, Penesco, Gr. Niculesco-Buzesti et autres», Buc., 1947, p. 41.

Отсутствие у короля желания включить Румынию во фронт коллективной защиты отмечал германский посланник в Румынии граф фон Шуленбург. Последний писал, что король симпатизирует правым силам, выступающим против проведения про-французской политики. А если он, продолжал немецкий дипломат, делает реверансы в сторону Франции, то только ради того, чтобы заполучить от Парижа кредиты на вооружение, «оставаясь при прежнем курсе внутренней политики — установлении авторитарного режима»⁷⁹. Большие симпатии короля к гитлеровской Германии и фашистскому движению отмечал и д'Ормессон в своих донесениях в Париж⁸⁰.

Прогрессивное начало в румынской внешней политике, внесенное Титулеску, пришло в противоречие с внутренней политикой короля и правительства Татареску. 2 октября 1934 г. Титулеску был вынужден заявить об отставке. Правительственный кризис наиболее отчетливо обнажил разногласия между министром иностранных дел и остальным составом правительства. Выяснилось, что внешнеполитические акции МИД Румынии в деле коллективной защиты мира были всего лишь личной инициативой министра и что Титулеску работал в обстановке недоверия и изоляции. Но растущая угроза Румынии со стороны германо-венгерского ревизионизма и требований Болгарии вернуть ей Южную Добруджу, а также высокий престиж Титулеску в политических кругах Франции, стран Малой Антанты и Балканского союза вынудили короля 10 октября снова предложить Титулеску прежний пост.

Однако угрозой отставки — излюбленным приемом давления на правительство — Титулеску практически ничего не добился: король и правительство по-прежнему отрицательно относились к необходимости налаживания дружественных советско-румынских отношений и либерализации внутренней жизни страны. Следовательно, Титулеску не удалось усилить свои позиции. Во главе ведущих министерств остались те же лица. На вопрос: «Сильны ли в стране фашистские настроения и каковы их шансы?», заданный советским полпредом М. С. Островским 1 марта 1935 г., Титулеску ответил: «Микроб фашизма тлеет постоянно в организме и развитие его находится в прямой зависимости и от интенсивности процесса разложения в Румынии; объективные данные, к сожалению, сейчас способствуют этому: ...у нас ничему не научились и слабо сознают свои государственные интересы; база нашей страны — крестьянство находится в исключительно трагических условиях, и никто этим вопросом не занимается, несмотря на то, что все политики об этом кричат». И далее румынский министр подчеркнул, что король всеми своими действиями ведет страну к фашизму. Правда, про-

⁷⁹ DGFP, Series C, vol. III, doc. 41.

⁸⁰ DDF, ser. II, t. I, Paris, 1963, doc. 93.

должал он, «развитие фашизма у нас в стране находится также в зависимости и от внешних факторов: степень развития фашизма у нас в стране обратно пропорциональна росту значения Франции на международной арене»⁸¹.

Но из-за постепенного отказа от борьбы с опасностью германской агрессии свое бывшее влияние Франция, как известно, утрачивала. Теперь она брала вместе с Англией курс на сотрудничество с фашистскими государствами Европы. По тем же стопам вслед за Францией шли и румынские правители. Делая слегка реверансы в сторону Советского Союза, осторожно намекая (втайне от Берлина) на желание сблизиться с СССР, они продолжали считать в силе свои обязательства по румыно-польскому договору 1921 г., направленному против СССР, хотя Титулеску и ряд других политических деятелей Румынии признавали, что СССР ведет миролюбивую политику. Более того, Титулеску в выступлениях в парламенте, в интервью представителям прессы, в беседах со своими румынскими коллегами не раз подчеркивал, что упрочение Румынией отношений с СССР, наряду с франко-советским сотрудничеством, явится самой большой гарантией мира на юго-востоке Европы. На этом же выдохе, отмечается в донесении германского поверенного в делах в Бухаресте Почхаммера, он говорил, что судьба Румынии зависит и от Польши. «Это имеет определенное основание,— заметил германский дипломат,— ибо Румыния фактически еще не сделала выбора»⁸².

В беседе с М. М. Литвиновым в мае 1935 г. румынский министр прямо утверждал, что страны Малой Антанты Германией «будут оккупированы в течение короткого времени, если за ними не будет стоять советская армия»⁸³. Отсюда напрашивается вывод, что свою независимость Румыния могла отстоять только в тесном союзе с СССР. Но ненависть румынских правителей к советскому строю не позволяла им встать на путь политического и военного союза с Советским государством. «На основании сделанного мною анализа политических и общественных сил Румынии,— заявлял М. М. Литвинов Титулеску,— позволительно прийти к заключению, что антисоветские и отчасти прогерманские настроения имеются не только у короля и в придворных сферах, но широко распространены в армии, духовенстве, так называемом бухарестском обществе и почти во всех политических партиях»⁸⁴. Румынский министр не опровергал политической оценки, данной М. М. Литвиновым. Он не соглашался лишь в отношении ведущих буржуазных политических

⁸¹ ДВП СССР, т. XVIII, с. 643.

⁸² DGFP, Series C, vol. IV, doc. 175.

⁸³ ДВП СССР, т. XVIII, док. 244.

⁸⁴ Там же.

партий. Однако последующие события полностью подтвердили оценку Литвинова.

Да и сам Титулеску был далеко не всегда последователен. В разгар советско-французских переговоров о Восточном пакте он предлагал Берлину свое посредничество в установлении франко-германского сотрудничества⁸⁵, выражал надежды на то, что Германия «вновь займет на Балканах положение ведущей державы, как это было до войны», и опровергал мнение гитлеровского правительства, что «его позиция к Германии недружественна». «На самом деле,— утверждал Титулеску,— все наоборот. Ввиду растущего экономического влияния Германии на Румынию в интересах последней поддерживать хорошие отношения с Германией»⁸⁶.

2. СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ДЕЛОВЫЕ И КУЛЬТУРНЫЕ СВЯЗИ — ВАЖНАЯ ПРЕДПОСЫЛКА УКРЕПЛЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ДВУХ СТРАН В БОРЬБЕ ЗА МИР И БЕЗОПАСНОСТЬ

Для достижения советско-румынского сотрудничества Советским Союзом делалось все необходимое. После восстановления советско-румынских дипломатических отношений благодаря усилиям Советского правительства и прогрессивных сил Румынии, понимавших важность сближения с СССР, были достигнуты определенные сдвиги в развитии отношений между двумя странами. В октябре 1934 г. была установлена прямая телеграфно-телефонная связь Москва — Бухарест (через Одессу и Четатя — Албэ), в том же месяце в румынских портах появились первые советские пароходы, а в июне 1935 г. было открыто регулярное паромное движение между Одессой и Констанцей⁸⁷, давшее значительные экономические выгоды обеим сторонам. В феврале того же года состоялось подписание советско-румынского соглашения об открытии прямого железнодорожного сообщения через Днестр. С восстановлением железнодорожных и морских коммуникаций создались благоприятные условия для заключения в июле протокола о транзитных перевозках через территорию СССР румынских товаров в страны Прибалтики, Дальнего и Ближнего Востока. Последнее соглашение принесло большие экономические выгоды Румынии, дало возможность оживить ее торговлю со странами Востока.

Свидетельством доброжелательного отношения СССР к Румынии явилась передача Советским правительством румынскому правительству эталона метра и килограмма, находившихся с конца 1916 г. на хранении в Москве. «Я считаю своим дол-

⁸⁵ DGFP, Series C, vol. III. London, 1959, doc. 387.

⁸⁶ Ibidem, doc. 322, 387.

⁸⁷ *Rusenescu M.* Op. cit., p. 212.

гом,— заявил по этому поводу в парламенте вице-министр иностранных дел Румынии Савел Радулеску 21 февраля 1935 г.,— выразить от имени румынского правительства особую благодарность правительству СССР за его дружественный жест, который должен укрепить благоприятное развитие отношений между двумя странами»⁸⁸. В июне 1935 г. Советское государство сделало новый шаг в укреплении советско-румынских отношений, удовлетворив просьбу румынских ученых, в частности академиков Н. Йорга и А. Лапедату, о возвращении Румынии государственных архивов, вывезенных в конце 1916 г. в Россию при эвакуации румынского правительства из Бухареста во время немецко-австрийского наступления. Этому факту румынские общественные и научные круги придавали важное политическое значение. Действительно, по прибытии в Бухарест 135 тонн архивных документов⁸⁹ румынская пресса с удовлетворением отмечала решение Советского правительства о передаче архивов.

Некоторые ответные шаги навстречу СССР делало и румынское правительство. При определенном воздействии правительства СССР и Чехословакии в июне 1935 г. оно согласилось (правда, с большой неохотой) на организацию через румынскую территорию авиалинии Прага—Москва⁹⁰. В результате настояний советского полпредства 1 июля румынское правительство отменило декрет 1920 г. о запрете ввоза в Румынию любой советской литературы и советских газет. В это же время румынские власти сняли надпись «кроме России» на заграничных паспортах румынских граждан.

С установлением дипломатических отношений с СССР перед Румынией открывались широкие возможности и для налаживания румыно-советских экономических и торговых связей. Подталкиваемые тяжелым состоянием румынской экономики к этому вопросу проявляли большой интерес не только румынские промышленники и коммерсанты, но и сам король и премьер-министр Татареску. Проблему румыно-советских экономических отношений премьер сделал, как уже сказано, ведущей темой беседы с М. С. Островским, состоявшейся 5 декабря 1934 г., т. е. на четвертый день после прибытия последнего в Бухарест. Она же была в центре внимания и короля, давшего аудиенцию советскому полпреду 6 января 1935 г.

Советское правительство, считая, что румынские политики ведут серьезный разговор о желательности установления тесных экономических и торговых отношений, выразило готовность

⁸⁸ Цит. по кн.: *Лебедев Н. И.* «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968, с. 91.

⁸⁹ *Rusenescu M.* Op. cit., p. 212.

⁹⁰ Вокруг этого вопроса в Бухаресте велись длительные и мучительные переговоры. Генштаб и министр внутренних дел И. Инкулец оказывали упорное сопротивление.

оказывать всяческое содействие румынским торговым и промышленным фирмам в установлении прямых контактов с советскими внешнеторговыми объединениями. Об этом свидетельствует письмо Всесоюзной торговой палаты румынской дипломатической миссии в Москве. В письме указывалось, что Советский Союз в торговых отношениях с Румынией готов взаимно предоставить ей преференциальные условия, разрешить закупать в СССР тракторы, оборудование, разного рода машины для румынской тяжелой промышленности. «Это свидетельствует,— отмечает румынский историк М. Русенеску,— что Советский Союз выразил готовность... оказать Румынии содействие в поднятии материального благосостояния ее народа»⁹¹. Идя навстречу пожеланиям Бухареста, Советский Союз оказал большое содействие в развитии румынской золотопромышленности, в разработке новых технологических процессов производства, что значительно увеличило добычу золота. При тяжелом состоянии румынских финансов, вызванном спадом внешней торговли со странами с твердой валютой, советская помощь в добыче золота сыграла важную роль в сдерживании обесценивания национальной валюты.

Перспектива установления советско-румынских экономических и производственно-технических связей вызвала огромный интерес у многих деловых людей Румынии, а поэтому они усиленно готовились к приему советских товаров и экспорту румынских товаров в СССР. «Для торговли с Союзом,— писал торговый агент СССР в Бухаресте Н. Ильин,— создаются новые фирмы и даже целые общества. Планируется создание ряда обществ... типа «Аркас», вентилируется вопрос об организации «русско-румынских» торговых палат. В Кишиневе под эгидой Кишиневской торговой палаты организовалась группа купцов для поездки в Союз и непосредственных переговоров с экспортными объединениями» СССР⁹².

Дело дошло до того, указывается в том же сообщении, что в Бухаресте и в провинции развернули активную деятельность разного рода «уполномоченные», которые по «конкурентным» ценам принимали заказы на советские товары. «Здесь,— доносил Н. Ильин,— есть и «уполномоченные» Наркомвнешторга и «уполномоченные» коммерческого атташе Советов, и «уполномоченные» разных наших объединений и трестов. Бывшие министры, депутаты, сенаторы, журналисты, светские дамы — все хотят заработать на торговле с Союзом. У меня целый день непрерывно звонит телефон, десятки людей забрасывают меня письмами, запросами, справками... За пять месяцев моей работы я

⁹¹ *Rusenescu M.* Op. cit. p. 213.

⁹² Центральный архив Министерства внешней торговли СССР (далее — ЦА МВТ СССР), ф. 1, оп. 938, д. 45, неопубликован.

принял не меньше 600 человек — визитеров... ответил на сотни писем»⁹³.

Советская сторона тоже активно занималась изучением возможностей закупок румынских товаров и сбыта в Румынии советских товаров. Уже во второй половине 1935 г. советское торговое представительство проработало вопрос о закупке на румынском рынке 700 т шерсти, значительного количества тяжелой кожи, бессарабской смушки. Считали возможным также приобрести у румынских промышленников железнодорожное оборудование (вагонные скаты, стрелочные переводы, бандажи). Стоимость этих товаров определялась в несколько сот миллионов лей⁹⁴.

Установив контакты с румынскими промышленниками и коммерсантами, Н. Ильин нашел, что они проявляют большую готовность импортировать из СССР чугуны, металлолом, руду, ферромарганец, сушеную рыбу. Фирмы текстильной промышленности в большом количестве сделали заявки на советские нитки. Годовой спрос на нитки они определили в 150—200 млн. лей⁹⁵. Однако правящие круги Румынии, усиливая свои политические связи с государствами, враждебными СССР, не спешили с выработкой юридических основ экономических связей с Советским государством. В этом вопросе определенную роль сыграла клеветническая антисоветская кампания, поднятая не без инспирации германской миссии в Бухаресте в румынской прессе крайне правого толка. Советы, имеющие одинаковые с Румынией экспортные товары (зерно, нефть, лес), утверждалось в газетах, являются ее злейшими конкурентами; румынские товары Советам не нужны и они их ввозить не будут, но румынский рынок они свободно могут наводнить своими демпинговыми товарами, убивая находившуюся в зародышевом состоянии молодую румынскую промышленность. Совершенно иную позицию занимает Германия. Она может свободно поглотить все румынские экспортные товары, поставляя взамен свои великолепные промышленные фабрикаты и полуфабрикаты⁹⁶.

Совершенно по-иному к делу экономических и торговых связей между СССР и Румынией подходило Советское правительство. Получив информацию о желании румынских кругов установить деловые контакты с СССР, НКВД дал указание полпреду в Бухаресте вплотную заняться подготовкой этого вопроса и отнестись со всем вниманием к запросам румынской стороны. «Ввиду проявляемого в Румынии значительного интереса к развитию торговых связей с СССР,— писал заместитель

⁹³ ЦА МВТ СССР, ф. 1, 938, д. 45, неопубликован.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ «Miscarea», 20.II 1936; «Porunca vremii», 22.II 1936; «Prezentul», 23.II 1936.

наркома Н. Крестинский М. Островскому 16 апреля 1935 г., — вопрос о договорном оформлении этих возможных связей приобретает известную актуальность... Чтобы создать возможность осуществлять деловые отношения с Румынией, необходимо какое-то соглашение о валютных расчетах. Оно могло бы быть построено примерно на следующих принципах: мы реализуем наши товары в Румынии на леи, на вырученную в леях сумму мы закупаем в Румынии интересующие нас товары». Далее в директиве подчеркивалось, что помимо расчетного соглашения Советское правительство было бы не против заключить и торговый договор. В письме было сказано: «Само собою разумеется, что этот зондаж необходимо произвести настолько осторожно, чтобы он не мог быть понят как навязывание нами ведения торговых переговоров»⁹⁷.

Однако такт советской стороны не был оценен румынскими политиками. Они бесцеремонно выдвинули перед Советским Союзом неприемлемые условия. В беседе с М. С. Островским 23 мая директор экономического департамента МИД Румынии Криту (племянник Титулеску) заявил, что в советско-румынской торговле Советский Союз должен пойти на активное сальдо в пользу Румынии, заменить утерянные румынами торговые рынки в Австрии и Чехословакии по сбыту крупного рогатого скота, согласиться совершать экспортно-импортные операции в Румынии через единое румынское торговое общество⁹⁸. Советское правительство предложения МИД Румынии нашло неприемлемыми⁹⁹. «Максимальной нашей уступкой в вопросе о балансировании торговли, — указывалось в директиве замнаркома 2 июня, — является установление принципа расчетного нетто-баланса... Создание обществ, монополизирующих внешнюю торговлю с нами, мы всегда рассматривали как акт, глубоко враждебный Советскому Союзу, как акт, дискриминирующий советскую торговлю. Меньше всего можно было бы ожидать подобного предложения от Румынии, которая в настоящее время является государством, дружественным СССР и не имеющим оснований создавать для Советского Союза какие-либо дискриминационные формы торговли»¹⁰⁰.

На всякий случай Советское правительство все же направило в полпредство проект расчетного соглашения¹⁰¹. Но представлять его румынам разрешалось лишь в том случае, если первоначально полпредом в устной форме будет достигнуто с румынской стороной согласование принципов расчетного соглашения, выдвинутых Советским правительством. «Обращаю Ваше

⁹⁷ ДВП СССР, т. XVIII, док. 185.

⁹⁸ Там же, с. 639.

⁹⁹ Там же, док. 235.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. XVIII, д. 248.

¹⁰¹ Принципы и содержание проекта см. т. XVIII, с. 640—641.

внимание на то,— наказывал Н. Крестинский,— что мы считаем целесообразным ускорить переговоры по этому вопросу с румынами... мы не можем продавать товары в Румынии, не будучи уверены в том, что вырученные леи мы свободно можем расходовать по нашему усмотрению»¹⁰².

Для оформления договорных торговых отношений Бухаресту потребовалось почти два года. Соглашение о платежах между СССР и Румынией было заключено лишь 15 февраля 1936 г.¹⁰³ Одновременно с платежным соглашением были подписаны: протокол о применении принципа наибольшего благоприятствования в отношении ввоза и вывоза товаров, таможенного режима, взимания налогов и сборов; специальный протокол к статье 2-й платежного соглашения касательно расходов на содержание дипломатических миссий. Кроме того, был произведен обмен нотами относительно положения импортеров и экспортеров. 7 декабря 1937 г. был произведен обмен нотами о взаимном применении принципа наибольшего благоприятствования в торговом мореплавании¹⁰⁴. Однако платежное соглашение и другие подписанные с Румынией документы не полностью удовлетворяли требованиям нормальных торгово-экономических отношений, поскольку отсутствовали соглашения о правовом положении торгпредства, о правах использования дунайских портов и о двустороннем обязательстве не реэкспортировать товары (имелось только одностороннее обязательство — со стороны СССР)¹⁰⁵.

До заключения платежного соглашения торговля с Румынией осуществлялась через третьи страны (Польшу и Турцию)¹⁰⁶. Прямых же экономических связей с СССР Румыния не желала тогда иметь. Более того, в этом отношении ее правительство не постеснялось выступить с открыто враждебным актом. Так, например, в 1930 г. оно ввело эмбарго на торговлю с Советским Союзом, которое продолжало иметь силу и после установления советско-румынских дипломатических отношений. Оно было отменено лишь в 1935 г. в результате демарша полпреда М. С. Островского перед румынским правительством¹⁰⁷.

Заключив с СССР расчетное соглашение, румынское правительство, как мы увидим позднее, не спешило с его реализа-

¹⁰² ДВП СССР, т. XVIII, док. 248.

¹⁰³ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 1209, д. 14, л. 13.

¹⁰⁴ ЦА МВТ СССР, ф. Отдела торговых договоров, оп. 6074, д. 31, л. 16.

¹⁰⁵ Там же, л. 15.

¹⁰⁶ Надо отметить, что в отдельные годы экспорт советских товаров в Румынию через третьи страны достигал внушительных по тому времени размеров: в 1924 г.— 8,6 млн. руб., в 1931 и 1932 гг.— до 6 млн. руб. в год. Что касается экспорта румынских товаров в СССР, то из-за румынского эмбарго он был сведен к нулю.— ЦА МВТ СССР, ф. Отдела торговых договоров, оп. 6074, д. 31, л. 15.

¹⁰⁷ ЦА МВТ СССР, ф. Отдела торговых договоров, оп. 6074, д. 31, л. 3, 14.

цией. Оно не хотело содействовать расширению румыно-советских торговых и экономических отношений. Особенно активно оно выступало против производственно-технических контактов с СССР.

Но зато Бухарест с легкостью шел на заключение экономических соглашений с гитлеровской Германией, фашистской Италией. «Даже после заключения румыно-советского торгового договора,— указывает Русенеску,— объем экспортно-импортной торговли с СССР свидетельствовал об антисоветской позиции правительства. Товарообмен с СССР в 1936 г. составил по импорту лишь 5,9 млн. лей, по экспорту — 4,1 млн. лей¹⁰⁸, в то время как торговля с империалистическими государствами достигла весьма внушительных размеров... Когда Советский Союз становился решающей силой, защищавшей народы всего мира, все больше наблюдается связь Румынии с германским империализмом»¹⁰⁹.

Однако определенная часть промышленно-финансовых кругов Румынии не теряла надежды на возможность активного экономического сотрудничества с Советским государством. Эти надежды получили свое отражение, например в книге румынского экономиста Виктора Мелега «Экономика Советской России. Перспективы торговли между Румынией и СССР», вышедшей в свет в начале 1936 г. с предисловием И. Констинеску — тогдашнего министра промышленности и торговли. Румынский министр, отмечая важность и своевременность выхода книги, подчеркнул, что «восстановление наших отношений с СССР было велением времени. Но консолидация и жизненность дипломатических отношений определяется торговыми отношениями. Для того чтобы они развивались, нам необходимо детально изучить [советскую] экономику с точки зрения производства и потребления»¹¹⁰. Не менее примечательны суждения самого автора книги. Он пишет: «Наши торговые отношения с СССР только складываются. Со временем они разовьются... оба государства постараются использовать и реализовать возможности, созданные актом 9 июня 1934 г. и желаниями наших промышленных и торговых кругов»¹¹¹.

По вине официального Бухареста налаживание советско-румынских торговых и экономических отношений встречало огромные трудности. Но, несмотря на это, сам факт становления внешнеэкономических связей между СССР и Румынией оказывал все же благотворное влияние на нейтрализацию той неприяз-

¹⁰⁸ Общий объем румынской внешней торговли в 1936 г. определялся по экспорту в 21 699 млн. лей, по импорту — 12 541 млн. лей. ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 11 050, д. 7, л. 8.

¹⁰⁹ *Rusenescu M.* Op. cit., p. 213.

¹¹⁰ *Melega V.* *Rusia sovietica economica. Perspectivile schimburilor între România și URSS.* Buc., 1936, p. 3.

¹¹¹ *Ibidem*, p. 93.

ни к Стране Советов, которую румынские правящие классы создали в течение предшествующих лет. Трезво мыслящие промышленно-финансовые круги Румынии продолжали верить в установление тесных экономических и научно-технических связей с СССР, с его промышленными гигантами, со всей передовой технической мыслью, которую рождает советский строй. Они понимали, что Советский Союз представляет собой самого надежного, бескорыстного партнера в торговле и внешнеэкономических связях.

В улучшение отношений между Румынией и СССР значительный вклад в рассматриваемый период внес лично Титулеску, начавший трезво оценивать роль Советского Союза в мировой политике. В рамках своих либерально-буржуазных концепций политического курса он стремился как-то сдержать грубый антисоветизм и нападки крайне правой реакции на советский общественный строй, нейтрализовать клевету на внутреннюю и внешнюю политику Советского Союза. В этих целях и в целях получения одобрения своего внешнеполитического курса он поддерживал тесные контакты с органами печати и старался влиять на их политическую и идеологическую пропаганду.

В результате предпринимавшихся Титулеску мер и широкого движения демократических сил за дружбу с СССР на страницах газет нередко появлялись статьи, ратовавшие за укрепление отношений с Советским Союзом, за проведение прогрессивного внешнеполитического курса, за включение Румынии в общий фронт коллективной борьбы против фашистской агрессии.

Свидетельством относительно благоприятного развития советско-румынского сотрудничества явился обмен телеграммами между Н. Титулеску и М. Литвиновым по случаю первой годовщины восстановления дипломатических отношений. Отмечая важность этого события, румынский министр подчеркивал: «Я хочу выразить Вам мои самые дружественные чувства и с удовлетворением констатировать, сколь плодотворно было основанное на взаимном доверии сотрудничество наших стран и каким ценным залогом успеха в борьбе за мир оно явилось». В ответной телеграмме М. М. Литвинов, разделяя мнение румынского министра, выразил надежду, что сотрудничество между Советским Союзом и Румынией «будет расти и развиваться и останется также и в дальнейшем серьезным фактором в деле укрепления всеобщего мира»¹¹².

Благодаря обоюдной заинтересованности в поддержании мира в Европе министры иностранных дел СССР и Румынии были в тесном контакте в период переговоров СССР с Францией, Англией и Германией о Восточном пакте, находили, как правило, общий взгляд на международные проблемы, обсуждав-

¹¹² «Правда», 11 июня 1935 г.

шися на заседаниях сессий и комитетов Лиги наций и международных конференций. В этом плане советско-румынское сотрудничество проявилось при вступлении СССР в Лигу наций, во время обсуждения в Лиге вопросов, связанных с нарушением Германией военных статей Версальского договора и агрессией Италии против Эфиопии, при выработке и принятии на конференции в Монтре новой Международной конвенции о режиме Черноморских проливов¹¹³.

В сближении румынского народа с народами Советского Союза, в деле политического и идеологического влияния на трудовые массы исключительное место занимали демонстрации на румынских экранах советских фильмов, гастроль советских артистов и участие советской молодежи в спортивных и авиационных состязаниях в Румынии.

При просмотре советских фильмов румынский зритель в наиболее доступной форме ознакомился с Советской страной. Ярким примером в этом отношении была демонстрация на экранах Бухареста и других городов страны в январе 1935 г. кинокартины «Подпоручик Киже», закупленной румынским кинопрокатчиком Марковичем во Франции. Кинофильм не сходил с экрана несколько недель.

Вскоре после успешной демонстрации «Подпоручика Киже» румынские кинопрокатчики закупили два фильма — «Грозу» и «Веселые ребята» — уже непосредственно в Советском Союзе.

Перед тем как выпустить на экраны Румынии «Грозу», полпредство решило в официальном порядке организовать ее просмотр. Было разослано более 800 пригласительных билетов. Вопреки ожиданиям полпредства зал был заполнен почти до отказа. На просмотр явились с женами члены правительства, сенаторы, высокопоставленные чиновники, все главы иностранных миссий со своими семьями и сотрудниками, артисты, писатели, ученые и др. Демонстрация фильма прошла с огромным успехом. Это событие принудило румынские власти ускорить выпуск на экран фильма «Веселые ребята», на который был наложен запрет товарищем министра внутренних дел Е. Титяну, непосредственного руководителя румынской полиции и сигуранцы. После с успехом прошедших на румынских экранах «Грозы» и «Веселых ребят» советское полпредство рекомендовало кинопрокатчикам Румынии приобрести в СССР картину «Чапаев». Но из-за препятствий румынской цензуры это оказалось неосуществимым.

Показ советской действительности средствами искусства оказал сильнейшее воздействие на широкие массы. Живое слово русской речи, пришедшее непосредственно из великой Страны Советов, имело огромный резонанс в народных массах Румы-

¹¹³ Румынская позиция по этим вопросам изложена в «Documente diplomatice», doc. 328, 370, 401, 402, 469, 472.

нии; когда демонстрировались советские фильмы, кинотеатры были переполнены.

Советским киноискусством восхищались и румынские политические деятели. Король Кароль II, как информировали полпреда из дворцовых кругов, дважды смотрел фильм «Подпоручик Киже». Примечательным является суждение крупного политика, помещика и финансиста К. Арджетоану о достоинствах советских фильмов и значении их демонстрации в Румынии. 17 марта 1935 г. он, как и многие другие, был приглашен Островским на официальный просмотр фильма «Гроза». После просмотра румынский буржуазный политик в своем дневнике записал: «Я вынужден констатировать, что большевики за короткий период пребывания у нас завоевали большую симпатию». Что касается качества фильма, то он отметил: «Впечатляющая техника и глубокий реализм, напоминающий мне довоенный русский театр. Каждая роль, какой бы маленькой она ни была, является выражением артистического совершенства»¹¹⁴.

Напуганное огромным влиянием советских фильмов на демократические силы и широкие слои населения, румынское духовенство во главе с патриархом потребовало от правительства запретить демонстрацию советских кинокартин. А сами власти вопреки официальному разрешению организовывали силами реакционной части студенчества и молодежи беспорядки возле тех кинотеатров, в которых шли советские фильмы. Особенно это практиковалось в Бухаресте, Яссах и Кишиневе. Советское полпредство было вынуждено (и неоднократно) предпринимать перед МИД Румынии демарши с требованием о принятии мер против бесчинств. О чинимых в Румынии препятствиях показу советских фильмов, распространению книг, газет и журналов говорил нарком Литвинов с Титулеску во время их женевской встречи в мае 1935 г.¹¹⁵

Неповторимое впечатление на широкие слои населения Румынии произвело пребывание нашей эскадрильи в Бухаресте во время международных авиационных состязаний 27 октября 1935 г., в которых приняли участие СССР, Румыния, Чехословакия и Польша.

Советская эскадрилья в составе трех самолетов под командованием Горшенина прилетела в Румынию по приглашению князя Бибеску — президента королевского аэроклуба (военное министерство было против приглашения). За несколько дней до прибытия самолетов фашистская и профашистская пресса устроила травлю Бибеску. Несмотря на такую реакцию и недружественность к СССР, последний проявил

¹¹⁴ «Arhiva IIP CC PCR. Memorii lui Argetoianu. Insemnari Zilnice» (далее — «Memorii lui Argetoianu»), fond 104, caetul — 1935.

¹¹⁵ ДВП СССР, т. XVIII, док. 244.

большое мужество. Вокруг советских летчиков и парашютистов он старался создать исключительно теплую атмосферу. Было похоже, что реакция готовит провокацию в отношении советской эскадрильи, ее летчиков и парашютистов. Об этом Бибеску сообщил советскому полпреду. Благодаря принятым с помощью МИД мерам ничего не случилось. Прилетом советской эскадрильи заинтересовались не только бухарестцы, но и вся страна. Для Румынии, не имевшей с СССР никакой связи в течение 17 лет, прилет трех мощных тяжелых советских аэропланов, невиданных никогда в Румынии, явился подлинной сенсацией.

Несмотря на плохую погоду, писала газета «Темпо», вокруг столичного аэродрома Бэняса, на самом аэродроме собралось более 150 тыс. человек¹¹⁶. Советские летчики продемонстрировали высокое мастерство, а парашютисты с 700-метровой высоты совершили блестящие прыжки и приземление.

Участие советской эскадрильи в бухарестском международном авиационном параде имело огромное политическое значение. Советский Союз продемонстрировал мощь советской авиации и высокий уровень своей индустрии. Это являлось живым опровержением той клеветнической информации о «слабости» Красной Армии, которую распространяли в Румынии немецкие и польские дипломаты.

На международных торжествах присутствовали некоторые члены правительства, высокопоставленные чиновники МИД, члены иностранных дипломатических миссий, большое число представителей румынской и иностранной прессы.

Ведущие либеральные в то время газеты («Диминяца», «Адевэрул», «Темпо» и др.) на своих страницах поместили обширные, в восторженных выражениях сообщения, в которых отмечали мощь и хорошие летные качества самолетов, а также высокое мастерство и выучку советских летчиков. Далекий от симпатий к Советскому Союзу орган национал-царанистов «Темпо» писал: «Красные черти имели вчера самый большой успех... Советские самолеты массивны и торжественны... Интерес они вызвали огромный»¹¹⁷. Восторг румынских зрителей на параде не могла не отметить даже крайне правая газета «Порунка времий». В эти дни она писала: «Какая сила могла заставить эту шпану пожертвовать обеденным часом, чтобы тысячами привалить пешком за 10 км. в Бэнясу и лихорадочно ждать советских самолетов? Что заставляло этих обезьян исторгать из своих душ восторженные восклицания, взрывы едва скрываемой радости?». В раздраженном тоне сама же отвечала: «В этих самолетах эти обезьяны видели материализованную силу и власть своих братьев, более счастливых, более смелых...

¹¹⁶ «Темпо» 29.X 1935.

¹¹⁷ Там же.

В этих самолетах-монстрах они ощущали послание и надежды»¹¹⁸. Ничего не скажешь, вывод сделан правильный.

Немаловажное значение для укрепления отношений между Румынией и СССР имело общение представителей румынской науки с советскими учеными. Румынские ученые, несмотря на чинимые властями препятствия (вплоть до ареста), всегда старались быть участниками научных конференций и конгрессов, проходивших в СССР¹¹⁹. Большая тяга поехать в Советский Союз, ознакомиться с его жизнью наблюдалась и со стороны других кругов интеллигенции¹²⁰.

3. ПЕРЕГОВОРЫ МЕЖДУ СССР И РУМЫНИЕЙ О ЗАКЛЮЧЕНИИ ПАКТА О ВЗАИМОПОМОЩИ

В условиях обострения международной обстановки в Европе, вызванного введением в Германии воинской повинности, заключением англо-германского морского соглашения и усилившимися требованиями германских и венгерских реваншистов пересмотра мирных договоров в части территориальных вопросов, задевавших интересы послеверсальского румынского королевства, политика Советского правительства, направленная на укрепление советско-румынских отношений, сыграла свою роль и заставила часть руководящих политических кругов Румынии искать пути по установлению союзнических отношений с СССР по подобию его отношений с Францией и Чехословакией, но на условиях, которые были бы выгодны только Румынии и не выгодны Советскому Союзу.

Основным выразителем этих устремлений, как и прежде, оставался Титулеску. Стремясь отстоять полученные Румынией при версальском дележе территории, а также продлить румынское господство над вероломно захваченной в 1918 г. Советской Бессарабией и незаконно присоединенной Северной Буковиной, он заявлял, что Румыния не может не последовать примеру Франции и Чехословакии, не создавая парадоксальной ситуации, когда Румыния, будучи другом Франции и союзницей Чехословакии, выступала бы врагом России. Эти идеи румынского министра были поддержаны теми силами Румынии, которые постоянно выступали не только с требованием установления союзнических отношений с Францией, но и тесного сотрудничества с Советским Союзом, без опоры на который страны Восточной и Юго-Восточной Европы, как они понимали, не были в состоянии отстоять свое территориальное статус-кво. Тем не менее курс Титулеску на заключение договора о взаимопомощи с СССР встретил сопротивление открыто реакционных кругов

¹¹⁸ «Porunca vremii», 29.X 1935.

¹¹⁹ «Tradiții de solidaritate...», p. 222.

¹²⁰ Ibid., p. 232.

во главе с королем и премьер-министром Татареску. Это объяснялось не только их ненавистью к Советскому государству, но и нежеланием обидеть фашистскую Германию и испортить отношения с Польшей. Министр Титулеску, писал чехословацкий посланник в Бухаресте Ян Шеба в своей работе «Россия и Малая Антанта в мировой политике», стремился к тому, чтобы сближение Румынии с Советским Союзом шло в ногу со сближением Праги с Москвой. Его положение в этом отношении было тяжелее, чем Бенеша. Румынская общественность, а именно привилегированная буржуазия, с трудом приспосабливалась к новой ориентации, страшая перспектив отношений с соседом, который ликвидировал все привилегии.

Первый зондаж о заключении советско-румынского договора о взаимопомощи Титулеску сделал 24 июня 1935 г. в беседе с советским полпредом М. С. Островским лишь спустя некоторое время после заключения советско-французского и советско-чехословацкого пактов. Для решения поставленного вопроса он намеревался поехать в Москву. Касаясь содержания будущего договора, румынский министр заявил следующее: договор будет аналогичен Парижскому, но в отличие от Парижского, где обязательства о взаимопомощи касаются агрессии со стороны одной Германии, румынское правительство имеет в виду такое ограничение в своем пакте не вводить, с тем чтобы действие этого пакта распространялось на все границы Румынии, в том числе на румынские границы с Венгрией ¹²¹. На вопрос полпреда, будут ли обязательства о взаимопомощи по пакту распространяться и на Польшу, если она совершит агрессию против СССР, Титулеску фактически ответил отрицательно. А в конце беседы он даже заявил: «Само собой разумеется, этот пакт не может быть заключен, если точно не будет определена граница каждой договаривающейся стороны, в том числе и граница по Днестру» ¹²². Более того, несколько позднее румынский министр заверил германского поверенного в делах Почхаммера в том, что на заключение румыно-советского пакта он пойдет только в том случае, если пакт не будет направлен против Германии ¹²³. Титулеску не осуждал, по донесению того же Почхаммера, и германофильскую позицию польских руководителей, которую румынское правительство считало выгодной и для Румынии ¹²⁴.

Суть внешнеполитических маневров Титулеску довольно точно была определена германским дипломатом в его политическом отчете за 1935 г., где он указывал, что руководители Румынии искренне хотели сближения с Германией, но в реали-

¹²¹ ДВП СССР, т. XVIII, док. 283.

¹²² Там же.

¹²³ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 405.

¹²⁴ Ibidem, doc. 431.

зации этого намерения им мешало то, что Германия слишком открыто объявила себя противником СССР. «Заслуживают внимания,— продолжал поверенный в делах,— неоднократные заявления Титулеску о том, что у него нет антигерманских настроений..., что антигерманская политика была бы роскошью, которую Румыния не может себе позволить, что она вступит в Восточный пакт только с согласия Германии. Такого рода заверения, сделанные в конфиденциальном порядке, были повторены публично: в апреле он провозгласил тост за здоровье фюрера (вместо канцлера)... успешно подавлял критику в печати в адрес Германии... положительно воспринял наше перевооружение (что было выражено 19 февраля в его речи на банкете в честь германского министра фон Ден-Шмидта), в скрытом виде признал наше требование равенства на вооружение, а затем, когда был издан закон об обороне империи, заставил всех сохранять спокойствие и... постарался убедить румынских политических деятелей в том, что в германской точке зрения на перевооружение есть определенная доля оправдания»¹²⁵. Следовательно, Титулеску втайне приветствовал стремительный рост военной мощи гитлеровской Германии, направленной в первую очередь, как он понимал, против Советского государства.

В конце своего отчета Почхаммер выдвинул целую программу внешнеполитической деятельности по отношению к Румынии в наступившем 1936 г.: решительная борьба с возможностью присоединения Румынии к советской системе коллективной безопасности; удержание Румынии в германской сфере влияния, как государства, обладающего нефтяными ресурсами; использование британского двора, ведущего в Бухаресте в отношении СССР ту же политику, что и Берлин, для направления внешнеполитического курса Кароля II; усиление связей вермахта с румынским генштабом. «Мы,— заканчивал свои мысли гитлеровский дипломат,— должны заинтересовать румынских политиков в Германии... как козырной карте в их игре с друзьями и союзниками. Если мы проявим осторожность, нам, может быть, удастся заинтересовать в германской козырной карте даже самого Титулеску. Его отношение к нашему перевооружению показывает, что такая возможность есть»¹²⁶.

Выходит, что «борьба» Титулеску за коллективную безопасность в содружестве с СССР являлась не чем иным, как продолжением, но в более утонченной форме, прежней румынской политики в отношении Советского Союза. При этом он не стеснялся строить планы по использованию советских вооруженных сил для защиты румынских послеверсальских границ на западе.

¹²⁵ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 478.

¹²⁶ Ibidem.

Попытки Титулеску диктовать свои условия заключения договора о взаимопомощи, чего никогда не делали даже французы, вызвали у Советского правительства глубокое недовольство. «Ваши сообщения о последних беседах с Титулеску,— писал М. М. Литвинов полпреду М. С. Островскому 29 июня 1935 г.,— меня очень беспокоили. Я, признаться, подозревал, что Титулеску рано или поздно заговорит о каком-либо пакте, но его нынешний план превосходит мои опасения. Опасаюсь я именно, что Титулеску придает своим предложениям характер шантажа. Вы, мол, заключили с Францией и Чехословакией пакты о взаимной помощи, эту помощь вы можете оказать им, только пройдя или пролетая через нашу территорию, а потому извольте нам за это заплатить»¹²⁷. Нарком поручил полпреду заявить румынскому министру, что Советский Союз никогда не пойдет на признание за Румынией Бессарабии и не намерен оказывать ей помощь против Венгрии, когда Бухарест отказывается денонсировать румыно-польский союз и исключает помощь Румынии в случае нападения на СССР Польши. «Если Титулеску будет держаться этих позиций,— заключал нарком,— то боюсь, что придется с ним поругаться и поездка его в Москву не состоится»¹²⁸.

Перспективы заключения советско-румынского пакта были предметом острой дискуссии на встрече в Синае (в румынских Карпатах) двух глав государств Малой Антанты — короля Кароля II и югославского принца-регента Павла, проходившей 11—13 июля 1935 г. Под натиском Титулеску, перед которым не устоял и принц-регент, главы государств согласились с возможностью участия Румынии в системе коллективной безопасности. Были попытки склонить Югославию восстановить дипломатические отношения с СССР, но регент воздержался давать какое-либо обещание, и решение этого вопроса оставил за собой. Внешне Титулеску одержал победу. Он получил, сообщал Я. Шеба в Прагу, разрешение короля и правительства на заключение с СССР пакта о взаимопомощи¹²⁹.

Проблема внешнеполитической ориентации Румынии, Чехословакии и Югославии снова подверглась обсуждению на сессии Постоянного совета Малой Антанты, состоявшейся в Бледе в конце августа 1935 г. Конференция открылась докладами Титулеску о его переговорах в Париже и Лондоне, а также о беседах Бенеша в Москве. Министры обсудили все основные проблемы европейской политики, в том числе вопросы о возможности восстановления Югославией дипломатических отношений с СССР и заключения румыно-советского пакта о взаимопомощи. Тем не менее в официальном коммюнике бледской

¹²⁷ ДВП СССР, т. XVIII, док. 295.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Kral V. Op. cit., str. 77; Oprea I. M. Op. cit., p. 262.

конференции вопросы, касающиеся СССР, не были включены¹³⁰. Но зато в коммюнике нашли нужным подчеркнуть важность сотрудничества Малой Антанты не только с Францией и Италией, но и с Германией и Венгрией. Министры не забыли выдать авансы на рассмотрение вопроса о довооружении Венгрии и Болгарии.

Перед тем как выехать на ассамблею Лиги наций, румынский министр на один день вернулся в Бухарест, чтобы доложить королю и правительству итоги работы конференции. Выступая по этому же вопросу перед журналистами, Титулеску заявил, что в октябре он собирается в Москву¹³¹.

В начале сентября во время сессии Лиги наций Титулеску обменялся мнениями о договоре о взаимопомощи и с М. М. Литвиновым. Несмотря на утверждение румынского министра, что он имеет от короля разрешение на подписание договора с СССР, какого-либо прогресса в переговорах о пакте не последовало. И в этом не было ничего случайного.

В меморандуме МИД Германии 20 июня указывалось, например, что Румыния при стремлении установить добрососедские отношения с СССР старается сохранить хорошие отношения с Германией и «никогда ничего не предпримет без или против Германии. Это... точка зрения и Титулеску, который неоднократно подтверждал ее в ходе длительных бесед» с представителями германского правительства¹³². Заверения Титулеску, дававшиеся гитлеровцам, не были камуфляжем. Те же мысли он высказывал в беседах с эстонским и венгерским посланниками в Бухаресте. При этом румынский министр подчеркивал, что он не верит в существование агрессивных планов у Германии¹³³. Советский Союз же он, вопреки своим неоднократным официальным заявлениям, старался представить в качестве возможного «агрессора», хотя одновременно с этим высказывал желание улучшить румыно-советские отношения. В течение всего времени Титулеску в конфиденциальных беседах с главами иностранных миссий и другими иностранными дипломатами не стеснялся говорить об опасности «русского вторжения» в Румынию, о том, что СССР для Румынии такой же враг, как и Венгрия, что Советская Россия, если ее войскам будет разрешен проход через румынскую территорию, не только не выведет их из Бессарабии, а оккупирует и румынскую Молдову¹³⁴. Исходя из этой гипотезы, Титулеску не был намерен, как он заявлял тем же собеседникам, заключать пакт о вза-

¹³⁰ Documente diplomatice, doc. 395, 396; Campus E. Mica Întelegere, p. 241—242.

¹³¹ RGFP, Series C, vol. IV. Washington. 1962, doc. 401.

¹³² DGFP, Series C, vol. IV, doc. 160.

¹³³ Ibidem. doc. 175.

¹³⁴ Ibidem.

имопомощи с СССР. Если же встанет вопрос об оказании Румынии русской помощи, продолжал рассуждать румынский дипломат, то она ее примет только в рамках международных соглашений¹³⁵. Смысл данных рассуждений румынского министра более определенно можно установить из его беседы с высокопоставленным лицом в английском правительстве 8 июля 1935 г. в Лондоне¹³⁶, служившим политическим информатором нацистской Германии (германское посольство в Англии не раскрывает фамилию своего информатора). В беседе (длившейся около 2 часов), запись которой информатор передал германскому послу, Титулеску изложил основное кредо своей внешней политики. На поставленный министру вопрос, как Румыния относится к англо-германскому морскому соглашению и судьбе Австрии, Титулеску ответил, что он не осуждает морское соглашение и что Румыния, как и вся Балканская Антанта, не намерена бороться против аншлюса Австрии. Затем Титулеску особо остановился на изложении своей восточной политики, освещении взаимоотношений Румынии с СССР и состояния германо-советских отношений. Выражая озабоченность последствиями для капиталистического мира неизбежно наступавшего вооруженного конфликта фашистской Германии с СССР, румынский политик заявил (здесь он оказался истинным прорицателем): «Зачем, о зачем эти нацисты хотят сражаться и враждовать с русскими!... О, если бы нацисты понимали весь риск нападения на Россию. Никто до сих пор не добивался в этом успеха. Не добьются и они... Советские вооруженные силы... в конце концов разгромят любого захватчика».

Понимая фатальность германо-советского конфликта и допуская вероятность создания Восточного пакта, румынский дипломат считал необходимым определить место и позицию Румынии в предстоящих событиях. Солидаризируясь с позицией английского правительства, Титулеску сказал, что он, как и его собеседник, отрицательно относится к созданию фронта коллективной защиты в Восточной Европе с участием СССР. Но если возвести эту позицию в абсолют, рассуждал румынский политик, то Румыния может оказаться и в проигрыше. В случае возникновения германо-русского вооруженного столкновения может наступить момент, допускал он, когда советские войска, не спрашивая румынское правительство, могут вступить на территорию Румынии по статье 16-й устава Лиги наций или на другом основании и не уйти¹³⁷. Во избежание такой ситуации, и «если дело дойдет до угрозы русско-германской войны, я не смогу,— признавался румынский министр,— найти другого выхода, как заключить предварительное соглашение, сильно огра-

¹³⁵ Ibidem.

¹³⁶ Ibid., doc. 205.

¹³⁷ Ibidem. ,

ничивающее право прохода и регулирующие условия, по которым русская армия сможет пересечь румынскую территорию». Но на заключение и этого соглашения, подчеркивал Титулеску английскому политику, он готов пойти только при условии, что его соблюдение и выполнение Советской Россией будет гарантировано Францией. Эта мера, по мысли Титулеску, должна предупредить «попытки» Красной Армии продлить свое пребывание в Румынии после окончания войны. «Даже при всех этих гарантиях,— подытоживал румынский министр,—... я буду сильно сомневаться в выполнении этого соглашения и в безопасности моей страны. Вот почему я ничего не сделал, чтобы содействовать заключению такого пакта между Бухарестом и Москвой»¹³⁸.

Правда, позднее под воздействием обострявшегося международного положения, нараставшей угрозы гитлеровской агрессии отношение Титулеску к его же собственному предложению Советскому правительству заключить пакт о взаимопомощи несколько модифицировалось. Однако все то, что им говорилось германскому правительству, главам некоторым иностранных миссий в Бухаресте, английским государственным деятелям относительно его нежелания связывать вопрос обеспечения безопасности Румынии с Советским Союзом соответствовало истинному направлению румынского внешнеполитического курса и неизменно определяло его позицию во всех его многочисленных встречах с советскими дипломатами и в длительных переговорах с Советским правительством относительно заключения советско-румынского пакта о взаимопомощи.

Синайское свидание двух глав государств (11—13 июля) и Бледская конференция Малой Антанты (конец августа 1935 г.) проходили в строго конфиденциальной обстановке. Однако в период и вскоре после их работы сведения о намерениях Титулеску включить Румынию в систему коллективной безопасности проникли в среду дипломатических и политических кругов Бухареста, в румынскую прессу и вызвали настоящий переполох в Германии и полонофильских кругах Румынии¹³⁹. Проблема развития отношений между Румынией и СССР стала в центре внимания внутриполитической борьбы в стране. Она приняла исключительно острый характер.

Отношения Румынии с Советским Союзом, как вытекает из документальных источников, не исчезали со страниц румынской прессы, составляя предмет ожесточенных дискуссий.

Касаясь намерений Титулеску начать переговоры с СССР, А. Вайда-Воевод, известный своими реакционными взглядами политик, на конгрессе партии «румынский фронт» в Араде говорил, что он и его единомышленники Гога, Куза и Г. Братиа-

¹³⁸ DGFP. Series C. vol. IV, doc. 205.

¹³⁹ *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 259--261.

пу, используя авторитет парламента, сделали все возможное, чтобы заставить Титулеску отказаться от идеи заключения румыно-советского пакта и, наоборот, «добиваться франко-германского сближения — истинного ключа к решению европейской проблемы»¹⁴⁰. Действительно, парламентское давление не могло не сказаться на политике правительства и его министра иностранных дел. Уступая профашистским кругам, в конце апреля 1935 г. (заметим — когда советско-французские переговоры о пакте взаимопомощи подходили к благоприятному концу) Титулеску возобновил свое предложение Нейрату стать посредником между Германией и Францией в поисках путей их сближения. Для этой цели, записал нацистский министр, Титулеску «считал себя исключительно подходящим». Нейрат не отверг желания Титулеску служить делу германо-французского сговора, но советовал ему начать эту свою «благородную» миссию не с агитации германского правительства, а с обработки Парижа¹⁴¹. Прогерманская позиция Титулеску и всего правительства еще более отчетливо проявилась во время румыно-германских экономических переговоров, проходивших в Бухаресте в первой половине мая. «Переговоры, — доносил германский поверенный в делах Почхаммер в Берлин, —...выявили исключительно благоприятную к Германии позицию ведущих кругов Румынии... Официальный прием, оказанный делегации, был чрезвычайно сердечным. Не только министр торговли и Национальный банк каждый в отдельности и тут же дали завтраки, чтобы приветствовать делегатов, но даже Титулеску последовал их примеру»¹⁴². В течение всего периода переговоров министр торговли Манолеску-Струнга «почти подавил делегатов своим вниманием и приглашениями».

«Румынские власти, — подчеркивал Почхаммер, — вели торговые переговоры с таким упорством, с каким никогда не встречалась никакая другая делегация... и в их спешке они согласились на условия, которые принесли им много затруднений». В переговоры активно включился и Титулеску, несмотря на занятость и отъезд в Женеву. Он, отмечал нацистский дипломат, признал все претензии Германии и «разговаривал так, как будто был нашим адвокатом, который должен был сломить сопротивление (румынского) министра финансов»¹⁴³.

Германская делегация во главе с Вольтатом была принята премьер-министром Татареску. Особым расположением она пользовалась у короля. Кароль II дал главе делегации часо-

¹⁴⁰ Archiva Statului — București, fond Ministerului propagandei rațională (далее — М. Р. N.), dosar 342/1936, f. 63.

¹⁴¹ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 64.

¹⁴² Ibidem, doc. 110.

¹⁴³ Ibidem.

ую аудиенцию и наградил его высшим орденом «Крест великого офицера румынской короны»¹⁴⁴.

Итогом переговоров явилось заключение в мае 1935 г. германо-румынского торгового соглашения, которое явилось как бы венцом всего того, что происходило в Румынии: рост гитлеровского влияния, активизация внутренних фашистских сил, разгул антисемитизма, усиление антисоветской пропаганды.

Договор предоставлял Германии огромные выгоды. Без затраты иностранной валюты она могла получать нефть и нефтепродукты и другое важное сырье для военной промышленности за обесцененные марки. Ей давалась возможность закупить по клирингу 190 тыс. т румынской пшеницы и перепродать ее на международных рынках Лондона и Амстердама за фунты стерлингов и другую свободно конвертируемую валюту. В ущерб собственной экономике национальный банк Румынии обязывался открыть крупные кредиты германским фирмам, скупавшим нефть, продовольствие и дефицитное сырье. На основании того же договора Германия получала солидный рынок для сбыта своего промышленного оборудования, машин, автомобилей, тракторов и другой сельхозтехники.

По секретному протоколу германским фирмам предоставлялись широкие возможности заключать сепаратные соглашения с румынскими фирмами, особенно с фирмами и обществами, связанными с добычей и переработкой нефти, меди и другого ценного сырья, развернуть на черноморском побережье Румынии (в Констанце) строительство большой «торговой» базы.

После того как был опубликован текст договора и стало известно, что к нему приложен секретный протокол, в румынской демократической прессе поднялась волна протеста против совершенной экономической и политической акции, укреплявшей позиции германского фашизма в Румынии (в защиту договора рьяно выступала только профашистская пресса). Вскоре по этому вопросу последовал запрос Литвинова и Лавалю Титулеску¹⁴⁵. Запрос был вызван тем, что договор, особенно его секретная часть, позволял Германии не только вывозить в огромных количествах румынскую нефть и другие сырьевые ресурсы, но и активно вмешиваться во внутренние дела Румынии, а этим и вызывалось серьезное беспокойство и в соседних с ней странах.

При встрече с полпредом М. С. Островским Титулеску и его заместитель Радулеску утверждали, что они к заключению договора не имеют никакого отношения и что о его содержании узнали только из румынской прессы. Договор якобы заключен за спиной МИД, заявил Титулеску. Однако германские доку-

¹⁴⁴ DGFP, Series C, vol. IV. doc. 110.

¹⁴⁵ Ibidem.

менты, приведенные выше, говорят об обратном. Более того, основные положения этого договора министр торговли Манолеску-Струнга согласовал с Я. Шахтом еще в январе 1935 г., когда румынский министр находился в Берлине. Но тогда для заключения такой широкой сделки с гитлеровцами не было, с точки зрения румынских руководителей, политических условий.

При указании М. С. Островского на то, что к договору приложен секретный протокол, оба румынских дипломата сделали удивленные лица, но опровергать не стали, поскольку это уже стало секретом полишинеля.

Чтобы отвлечь внимание широкой бухарестской общественности от экономической сделки с фашистским рейхом, вызвавшей бурю негодований со стороны прогрессивных слоев населения, Татареску, Инкулец и К^о снова инспирировали антисемитские выступления (это было излюбленным методом правительства «либералов», когда оно чувствовало свое шаткое положение) реакционного студенчества и деклассированных элементов в столице и других городах страны, новый приступ прославления гитлеровского режима, очередные выпады в реакционной прессе против укрепления политического сотрудничества с Советским Союзом.

Политическая обстановка в Румынии создавалась явно не в пользу того внешнеполитического курса, который Титулеску манифестировал в разговорах с представителями Советского Союза и Франции. Вступив потом в переговоры с СССР, он в парламентских выступлениях и перед представителями прессы официально опровергал факт их проведения.

Румынской реакции активно помогали внешние силы. Польская миссия в Бухаресте в полном контакте с германской миссией распространяла через румынскую правую прессу враждебное Румынии и СССР утверждение, что Титулеску понятия не имеет о том, что собой в действительности представляет Советская Россия, и толкает Румынию на гибельный путь. Не румыно-франко-советская дружба, при отдаленности Франции, а только румыно-польско-германская дружба может создать для Румынии достойное ее будущее¹⁴⁶. В проведении анти-советской диверсии и в организации политической травли Титулеску особую роль играл польский посланник Арцишевский, имевший связи с самыми реакционными кругами Румынии. Эту политику он активно проводил в придворных кругах, среди членов правительства, высшего офицерства, видных руководителей политических партий и представителей прессы. После визита принца-регента Павла и отъезда румынского министра иностранных дел за границу он добился через голову Титулеску частной аудиенции у короля в Синае, во время которой вы-

¹⁴⁶ *Oprea I. M.* Op. cit., p. 260; «*Porunca vremii*», 21.II 1936.

сказал озабоченность польского правительства по поводу намерений румынского правительства, направленных на сближение с СССР. Это сближение, заявил польский дипломат румынскому монарху, ставит под сомнение целесообразность продолжения польско-румынского союза, столь необходимого для блага обеих стран¹⁴⁷. Параллельно с этим давлением Польша активно начала проводить политику так называемого окружения Румынии, завязывая тесные отношения с эвентуальными противниками Румынии — Венгрией и Болгарией.

Пользуясь положением союзной страны, Арцишевский от имени польского правительства осыпал высшее румынское офицерство орденами и медалями. Кампанию наград польская миссия стремилась использовать и против СССР, и против Франции, и даже против самой Румынии. 29 сентября на большом приеме, устроенном в связи с вручением румынскому маршалу Презану ордена «Белого орла», посланник отметил неразрывные связи между армиями обеих стран и нерушимые узы, соединяющие Польшу и Румынию. Выступление Арцишевского было новым сигналом к антисоветским выступлениям в румынской правой прессе, которая усердно доказывала, что военные силы Германии, Италии, Польши и Румынии представляют собой такую непреодолимую силу, которая в любой момент может сокрушить Красную Армию. Но если Румыния в случае военного конфликта будет выступать в союзе с теряющей свой престиж Францией и «слабым» в военном отношении Советским Союзом, то она несомненно окажется в ряду побежденных стран¹⁴⁸.

Своим собеседникам из дворцовых кругов поляки внушали, что «либеральное» правительство и либеральная партия должны понять, что в их интересах освободиться от Титулеску, а этого легче всего достигнуть, если Румыния изменит свою внешнеполитическую ориентацию, прекратит переговоры с Советами о пакте взаимопомощи и возьмет курс на сотрудничество с Польшей и Германией. За отказ Румынии от идеи заключения пакта взаимопомощи с СССР ратовали и официальные круги Англии¹⁴⁹.

Для придворных кругов и, следовательно, для короля Беком, польским посланником в Бухаресте Арцишевским и германскими дипломатами была пущена в ход краткая и не допускающая рассуждений формула: политика Титулеску, основанная на сближении с Советской Россией, — это гибельный путь для королевской Румынии. Если такая политика будет продолжаться, то

¹⁴⁷ *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 260; DGFP. Series C, vol. IV, doc. 353.

¹⁴⁸ *Campus E. Op. cit.*, p. 244; *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 259—261.

¹⁴⁹ *Синюис В. Я. СССР и проблема мира и безопасности в Восточной Европе (1933—1938 гг.). — СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976, с. 39.*

Польша в первую очередь, а за ней и Югославия умоют руки и откажутся от союза с Румынией, которая не должна забывать, что большую часть ее населения составляют меньшинства, при наличии которых она не может похвастаться несокрушимой силой национальной сопротивляемости влияниям извне¹⁵⁰.

Враждебная СССР и Румынии деятельность польской и германской миссий, усиленная с позволения «либерального» правительства Татареску антисоветской пропагандой на страницах профашистской прессы Бухареста, вызвала дополнительное напряжение в отношениях короля с Титулеску. Монарх уже не скрывал своей неприязни к министру, а из германофильской части румынского правительства поползли слухи об отставке Титулеску. Политическая атмосфера в Румынии стала настолько напряженной, что даже в кругах МИД выражалось сожаление, что министр так долго отсутствует в стране. Их волновала также оттяжка Парижем ратификации франко-советского договора и поведение французского посланника маркиза д'Ормессона, принадлежавшего к числу тех французских политиков, которые не жаждали советско-французской дружбы и видели «спасение» Франции в ее сближении с Германией. К этому еще прибавились международные заботы, связанные с возникновением итало-абиссинской войны. Решение Титулеску присоединиться в Женеве к политике санкций против Италии, принятое им не без сопротивления его правительства, в свою очередь раскололо румынские правящие круги на два лагеря: с одной стороны, италофилы и сторонники «цивилизаторской» миссии Италии на черном континенте, а с другой — противники открытой фашистской агрессии. Как и следовало ожидать, в лагере италофилов оказались все правые партии и правая печать. Однако представители того и другого лагеря, уже вкусившие прелесть оживления румынского рынка в результате усиленного спроса на румынские товары (не только на нефть), скупавшиеся по высоким ценам, сошлись на том, что санкции санкциями, но они не должны ущемлять торговые интересы Румынии и мешать экономическим связям с фашистскими государствами¹⁵¹. Для Румынии, заявил король спустя некоторое время после решения в Женеве о применении санкций, принятие санкций против Италии было бы крайне нежелательным¹⁵².

В условиях обострившейся международной обстановки по инспирации немцев и поляков, совместно с дворцовыми и армейскими кругами, лидер молодых либералов — профашистской партии — Г. Братиану, писало советское полпредство, «4 октяб-

¹⁵⁰ *Campus E.* Op. cit., p. 243—247.

¹⁵¹ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 11050, д. 7, л. 18—19, 59.

¹⁵² «Universul», 19.II 1936.

ря внес в палату депутатов свой первый запрос, направленный против военного союза с СССР и прежде всего против пропуска советских армий через румынскую территорию, с требованием немедленного отчета Титулеску о внешней политике правительства¹⁵³.

Братиану получил поддержку не только со стороны фашистских газет, но и со стороны ведущей правой «Универсул», обычно державшей сторону Титулеску.

Братиану и поддерживавшая его пресса обвиняли Титулеску не более, не менее как в государственной измене. Для компрометации его внешнеполитического курса реакция ловко использовала яро антисоветски настроенных румынских дипломатов В. Кадере и М. Стурдзу, отозванных руководителем МИД из Варшавы и Риги. Снова была пущена в ход версия о «слабости» Красной Армии и тяжелом внутреннем и внешнеполитическом положении СССР, которому угрожает, мол, с востока могучая Япония, с запада — не менее могучая Германия. На страницы прессы были вытащены также высказывания Лаваля «франко-советский договор мертв» и рекомендации Татареску югославскому премьеру «не возобновлять отношения с СССР». При наличии жесткой цензуры вся эта кампания шла, нет сомнения, при потворстве премьера Татареску, видевшего в Титулеску человека, мешавшего правительству проводить иную внутреннюю и внешнюю политику.

Одновременно с этим в ноябре 1935 г. румынским правительством было сделано заявление об автоматической пролонгации румыно-польского союзного договора 1921 г.

Спустя 12 дней после запроса Братиану Титулеску выступил с кратким ответом на интерпелляцию, в котором говорилось, что никаких переговоров о пакте с СССР и о пропуске через румынскую территорию советских войск не велось и не ведется и слухи эти распускаются, чтобы ввести в заблуждение общественное мнение и извратить добрые отношения с СССР¹⁵⁴.

Негативного отношения к взятому Титулеску курсу сближения с Советским Союзом в деле защиты мира не скрывал и сам король. Это демонстративно им было подчеркнуто на большом дипломатическом приеме в Синае 28 октября 1935 г., устроенном в честь 60-летия его матери — королевы Марии. На этом приеме Король II на глазах у членов всего дипкорпуса особое внимание оказал поверенному в делах фашистской Германии. К нему первому король подошел и длительное время с ним беседовал. Столько же времени румынский монарх уделил польскому посланнику Арцишевскому. Затем он подошел к посланникам Японии и Австрии, которым тоже уделил должное вни-

¹⁵³ Documente diplomatice, doc. 416.

¹⁵⁴ Ibidem.

мание. И только после этого он подошел к советскому полпреду М. С. Островскому и чехословацкому посланнику Я. Шебе, которых «удостоил» двухминутным разговором. Король даже не сказал ни одного доброго слова М. С. Островскому по поводу советской воздушной эскадрильи, которая была в это время в Бухаресте гостией королевского аэроклуба и своим участием в международных соревнованиях произвела огромное впечатление на румынскую общественность, даже на ее реакционную часть, о чем уже говорилось.

4. СРЫВ СОВЕТСКО-РУМЫНСКИХ ПЕРЕГОВОРОВ О ПАКТЕ

Фронтальное наступление внутренней реакции даже против робких намерений Титулеску установить союзнические отношения с СССР шло, как теперь стало известно из официальных нацистских документов, в полной синхронизации с целями германского империализма. Германский МИД точно знал, что Титулеску ведет с М. М. Литвиновым и другими советскими представителями переговоры о заключении пакта¹⁵⁵.

Перспектива заключения советско-румынского пакта о взаимопомощи явно волновала Берлин¹⁵⁶. Правда, нацисты имели полную информацию относительно того, что на заключение этого соглашения и Титулеску идет не в силу того, что он желает вести борьбу против германской агрессии вместе с Советским Союзом, а в силу создавшихся обстоятельств в Европе. Румынский министр иностранных дел, как они понимали, рассматривал дружбу с СССР как временную меру. «Титулеску,— доносил германский поверенный в делах в Бухаресте своему правительству 15 октября 1935 г.,— настроен в пользу пакта с Россией... отчасти потому, что он считает венгерский реванш более непосредственной опасностью, чем мировая большевистская революция, отчасти потому, что Румыния слаба в военном отношении и даже в союзе с Польшей не сможет противостоять России — во всяком случае до тех пор, пока перевооружение Германии не достигнет уровня, когда последняя тоже сможет использовать свои войска на Пруте»¹⁵⁷.

Германская дипломатия развернула активную деятельность в Бухаресте, чтобы сорвать любые шаги Румынии в деле достижения каких-либо соглашений с Советским Союзом, направленных на укрепление мира в Юго-Восточной Европе. В качестве тарана против возможности наступления такого события она использовала непримиримую в отношении СССР позицию

¹⁵⁵ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 339.

¹⁵⁶ Ibidem, doc. 393; Documents diplomatiques Français (далее — DDF), ser. II, tome I, Paris, 1963, doc. 237.

¹⁵⁷ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 353. «На Пруте» — так в тексте.— *Авт.*

Кароля II — его кредо «никаких союзов и договоров с Советской Россией».

Чтобы удержать монарха и дальше на рубежах антисоветизма, гитлеровцы параллельно с официальным нажимом на короля, исходившим от главы германской миссии и военного атташе в Бухаресте, активно использовали для воздействия на Кароля его близких родственников и друзей юных лет в Германии, которые были частыми гостями румынского двора, а именно: принца Фридриха Виктора фон Гогенцоллерна-Сигмарингена — двоюродного брата короля, а также доктора Хельмута фон Крамона — друга Кароля по совместной службе в 1-м гвардейском полку в Потсдаме. Тот и другой давали королю настоячивые советы не заключать румыно-русский пакт и твердо оставаться на антирусских позициях¹⁵⁸.

При явно враждебной атмосфере Титулеску 5 ноября 1935 г. вернулся на родину. Впервые за пять лет своего правления король Кароль II не ждал возвращения своего министра, чтобы прямо с вокзала пригласить его во дворец, а уехал на охоту в обществе людей, не расположенных к Титулеску.

Вокруг Титулеску, выдвинувшего идею о возможном участии Румынии в делах коллективной защиты мира, констатировал известный политический деятель Франции де Монзи, побывавший в это время в Бухаресте, образовалась политическая пустота.

Аудиенция Титулеску у короля состоялась только 12 ноября. На сей раз король решил проявить инициативу. Он изложил своему министру все, что ему говорили зарубежные дипломаты и румынские политики за время пребывания Титулеску в Женеве, добавив к этому в шутливой форме, что ему, королю, не особенно хочется фигурировать в роли послушного гайдука Лиги наций, не имеющего права иметь своего собственного мнения. Кроме того, король считает, что международное положение настолько неопределенно, что если и не следует в данный момент менять политическую ориентацию, то во всяком случае разумнее занять выжидательное положение¹⁵⁹. Здесь же надо заметить, что в отношении внешнеполитической линии Титулеску такой же позиции придерживались ответственные политические деятели Румынии. По возвращении министра с сессии Лиги наций выяснилось, что те, кто два месяца назад был за пакт с СССР, стали против этого пакта. Генералитет изменил свою позицию и придерживался такого же мнения, что и король¹⁶⁰, хотя несколько месяцев назад Титулеску располагал заключением генштаба, благоприятным для заключения договора. Отозвал свою поддержку председатель правящей партии

¹⁵⁸ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 353, 393.

¹⁵⁹ Ibidem, doc. 401, 516.

¹⁶⁰ DGFP, Series C, vol. IV. Washington, 1962, doc. 385.

(либеральной) Дину Братяну. Ю. Маниу — один из ведущих деятелей царанистской партии — оставался сторонником договора, но при условии, что Советский Союз за пакт подарит Румынии Бессарабию. Все говорило за то, что карт-бланш на подписание договора с СССР, выданный правителями Румынии своему министру летом 1935 г., был аннулирован.

Однако Титулеску пока что не хотел сдавать занятых позиций. На аудиенции у Кароля II он заявил: при смене политической ориентации королю придется не только игнорировать Францию и СССР, но и порвать связи со всеми существующими королевскими дворами, примыкающими к ориентации Лиги наций и не одобряющими политику ревизионизма; что касается реального соотношения сил, то с дипломатической точки зрения 50 наций, голосовавших за санкции против Италии, конечно, сильнее, чем ревизионистский блок, а о Красной Армии надо судить не по слухам, а на основании мнения таких авторитетов, как чехословацкие и французские генералы, понимающие всю ответственность, когда они представляли своим главным штабам доклады на основании своих личных наблюдений о состоянии Красной Армии, являющейся вовсе не бутафорной игрушкой, а силой, способной конкурировать с лучшими европейскими армиями; эскадрилья советских авиагигантов, побывавшая в Румынии, наглядно подкрепляет эти заключения¹⁶¹. Что касается целесообразности договорных отношений с СССР, то она собеседником короля доказывалась такими положениями, как: наличие франко-советского и советско-чехословацкого пактов, возможность возникновения антирумынского блока в составе Германии, Венгрии и Польши, неизбежный рост международного престижа Румынии, если она будет иметь пакт с СССР. А в конце было сказано, что при наличии советско-румынских территориальных споров лучше иметь, чем не иметь, договор с СССР, так как СССР слишком силен.

Титулеску, продолжая оставаться на позициях своей условно реалистической политики (в действительности и его политика не была реалистической, поскольку он добивался от СССР территориальных уступок), направленной на приобщение Румынии к лагерю миролюбивых сил, решил предпринять перед королем и правительством очередной демарш — подать в отставку и тем самым обнажить их профашистскую ориентацию перед общественными силами страны. Номер снова удался. Король отступил, обещал не порывать с Францией, сохранить карт-бланш на договор с СССР и упросил министра взять обратно отставку. Правая часть правительства во главе с премьер-министром Татареску также временно удержала свою тягу к усилению экономических и политических связей с фашистскими государствами. Титулеску обошел и перевидал всех

¹⁶¹ «Темпо», 29.X 1935; «Pocinca vremii», 29.X 1935; «Ероча», 26.II 1936.

ведущих политических деятелей буржуазных партий и опять убедил их в поддержке взятого им внешнеполитического курса.

В противоборстве с королем и премьер-министром Титулеску одержал победу. Но эта победа, как и летом 1935 г., была нетвердой, сомнительной. Если бы румынские правящие круги знали (как об этом было известно самому министру иностранных дел), что СССР, как всегда, категорически отвергает румынские империалистические притязания на советскую территорию, то Титулеску не одержал бы и временной победы. Ему пришлось бы расстаться с портфелем министра иностранных дел еще в ноябре 1935 г. или круто повернуть свой курс на гитлеровскую Германию и фашистскую Италию.

По требованию руководителей крайне реакционных партий в конце ноября в парламенте началось обсуждение вопроса о внешней политике Румынии, привлечшее всеобщее внимание. В поддержку внешней политики Титулеску выступили социал-демократы. Большую речь произнес патриарх румынской буржуазно-националистической историографии Н. Йорга. Он остановился на «русском вопросе» и заявил, что все созданное в этом отношении до сих пор представляет несомненный и большой успех Титулеску, но ни одного шага дальше. Русские мундиры хороши там, где они находятся, мы же их видеть не желаем¹⁶². Наконец 13 декабря, отвечая на запрос депутата Г. Братиану, с большим докладом о румыно-советских отношениях выступил министр иностранных дел Титулеску (выступление было сделано в отсутствие Братиану, который в это время находился во Франции). Титулеску сначала проанализировал весь ход складывания румыно-советских отношений, показал большую роль Советского государства в борьбе за сохранение мира в Европе. В конце своей речи министр с пафосом искусного оратора многозначительно произнес: «Мир на востоке, мир на Днестре!»¹⁶³ Парламент — сенат и палата депутатов — устроил Титулеску после его речи бурную овацию, подчеркнув этим свое согласие с его внешнеполитическим курсом. Но министр в речи нарочито умолчал о самом главном — советско-румынских переговорах о пакте о взаимопомощи, мысли о котором приводили в трепет архиреакционных в своем большинстве румынских законодателей. Ему аплодировали за то, что он дал понять, что он и дальше будет бороться за сохранение румынского господства в Бессарабии.

На следующий день премьер Татареску в своей правительственной декларации в парламенте подтвердил от имени всего правительства полную солидарность с Титулеску в вопросе внешней политики Румынии.

¹⁶² «Monitorul oficial», partea a III-a, N 13, din 3. I. 1936.

¹⁶³ Ibidem; «Tradiții de solidaritate...», p. 274.

Но и на этот раз недолго имели силу индульгенции, выданные министру иностранных дел королем и правительством. Прошло немного времени, как под воздействием внутренних и внешних сил, и в первую очередь опять со стороны Берлина и Варшавы, а также и Рима, румынская реакция снова ополчилась на внешнеполитический курс своего министра иностранных дел. В новогодние дни он был вынужден прислать из-за рубежа в румынские газеты новое объяснение своей политики. «Какую иную политику,— писал он,— я могу представлять в румынском кабинете, как не политику Румынии, желающей надежного, прочного и почетного мира... Ни одно государство не может рассматривать как агрессию или как намерение кого-то окружить усилия Румынии завоевать дружбу 170-миллионного народа, от которого зависит судьба наших границ» ¹⁶⁴.

Несмотря на видимый успех Титулеску, его поездка в Москву была отложена на неопределенное время. Причиной тому были рост фашизма и антисоветских настроений в правительственном лагере, а также неопределенность международной обстановки (вызванной отчасти антисоветскими маневрами Лавалля и оттяжкой ратификации советско-французского договора, а также развитием итало-абиссинской войны). Под влиянием наступивших событий и созданных трудностей Титулеску сильно сбавил тон в пользу коллективной безопасности и, как эластичный политик, способный в зависимости от обстановки высказываться как за, так и против сближения с СССР, начал проводить некоторое улучшение своих испорченных отношений с поляками ¹⁶⁵.

Из ряда бесед между советским полпредом и Титулеску, имевших место в ноябре — декабре 1935 г., отчетливо вытекало, что румынский министр постепенно отступал от прежних «просоветских» (как считали ведущие политики Румынии, а также Берлин и Варшава) позиций и не стремился к выработке взаимно приемлемых условий для начала конкретных переговоров о заключении советско-румынского пакта о взаимопомощи ¹⁶⁶. Сначала (24 июня) он высказывался в том смысле, что при заключении советско-румынского договора целесообразно взять за основу Парижский пакт, а 16 ноября заявил: «румыно-советский пакт должен быть аналогичен чехословацко-советскому» ¹⁶⁷. Долго не мог остановиться на выборе формулы протоколов подписания пакта, которые были приложены к Парижскому и Пражскому договорам; часто менял свои позиции в отношении содержания и целей договора, перечня государств, против агрессии которых он должен быть направлен.

¹⁶⁴ Arhiva Statului — București, fond Președinția Cons de ministri, dosar 34/1935, f. 10.

¹⁶⁵ Documente diplomatice, doc. 440.

¹⁶⁶ ДВП СССР, т. XVIII, док. 407, 411, 426.

¹⁶⁷ Там же, с. 666.

В конце концов нарком М. М. Литвинов, учитывая неоднократно перемены позиций румынского министра, 20 ноября 1935 г. дал указание полпреду: «Вы можете заявить Титулеску, что если он предложит пакт о взаимной помощи, не исключаящий агрессию какого бы то ни было государства, в том числе и Польши, то я такое предложение буду считать дискуссионным». Чтобы не осложнять дело наличием между сторонами территориальных споров и не вызывать нежелательной дискуссии, нарком далее добавил, что «в определении территории в таком пакте нет никакой надобности». Если Титулеску, продолжал нарком, «сделает означенное предложение, то я готов вступить в обсуждение вопроса о приспособлении советско-чехословацкого пакта к особенностям данного пакта» (Титулеску, однако, упорно настаивал на внесении в договор фразы: «территория, определенная Трианонским договором и Днестром»). Переговоры, предупреждал Литвинов, должны вестись в строгой секретности¹⁶⁸.

Но и после этого абсолютно ясного изложения советской точки зрения относительно пакта румынский министр продолжал выдвигать одну оговорку за другой, что вело к явному срыву заключения советско-румынского пакта. «Не могу понять,— телеграфировал нарком полпреду в Бухаресте 29 ноября 1935 г.,— чего Титулеску хочет. Если держаться советско-чехословацкого или советско-французского пактов вместе с протоколами, то взаимная помощь будет предусматриваться только на случай нападения Германии, и как Польша, так и Венгрия и другие страны будут исключены. Очевидно, надо будет внести изменения в протокол, если речь идет о пакте против любого агрессора. В пакте ничего не будет сказано о прохождении наших войск через Румынию. Когда такой вопрос возникнет, можно будет говорить об условиях прохождения, но отнюдь не теперь». Сколько бы Титулеску ни крутил, он хочет добиться формального признания нами аннексии Бессарабии Румынией, «на что мы не пойдем»¹⁶⁹.

Казалось, Советским правительством внесена полная ясность. Кроме того, Советский Союз выразил согласие распространить действенность договора на любых агрессоров, а не только на Германию. Однако и в этих условиях Титулеску продолжал без конца лавировать между желанием не потерять советской поддержки в случае выступления ревизионистских государств против Румынии и стремлением добиться от Советского Союза территориальных уступок за согласие Румынии числиться в рядах сторонников коллективной безопасности, борцов против фашистской агрессии в Европе.

¹⁶⁸ ДВП СССР, т. XVIII, док. 411.

¹⁶⁹ Там же, док. 426.

Время шло, а Титулеску продолжал настаивать на своих условиях, очевидно, полагая, что СССР нуждается в Румынии больше, чем Румыния в Советском Союзе. В этой связи 4 декабря Литвинов писал Островскому: «Либо его (Титулеску) предложения наивны, либо он нас считает слишком наивными, чтобы допустить возможность принятия их... По-видимому, до возвращения Титулеску из Парижа переговоры будут приостановлены»¹⁷⁰. А в письме 13 декабря нарком добавил: «Не видно, чтобы... Титулеску считал дело спешным, если он оттягивал окончательную редакцию своей поправки о территории, зная, что ему придется скоро надолго уехать из Бухареста... Титулеску даже угрожает, что без этой нашей уступки (без отказа от Бессарабии.— *А. Ш.*) ни о каком пакте не может быть речи. Он забывает при этом, однако, что не мы предлагаем Румынии пакт, а наоборот, и что поэтому не ей нам ставить ультимативные условия... А что определение территории Румынии в редакции Титулеску означает формальный отказ от Бессарабии, не подлежит никакому сомнению»¹⁷¹. Здесь напрашивается вопрос: не слишком ли Титулеску вместе со своими коллегами из правительства преувеличивал весомость своей страны в общеевропейском военно-политическом балансе? На это можно ответить так: румынский «реалист» в восточном вопросе был далек от реализма. А если учесть слабую боеспособность румынской армии, что вытекает из оценок польского и чешского генштабов, да и самих румынских военачальников, то это тем более очевидно.

Несмотря на твердость советской позиции в территориальном вопросе, Титулеску относительно «цены» за пакт продолжал стоять на своем. В связи с этим, как вытекает из опубликованных советских документов, полпредству в Бухаресте указывалось на то, что Титулеску меньше интересуется самим пактом, чем получением косвенного признания за Румынией Бессарабии, что он такое признание обещал королю и, вероятно, за это получил согласие на пакт. А если это так, то пакта не будет, ибо СССР отказом от Бессарабии за пакт не заплатит. Мнение Советского правительства полпредом неоднократно доводилось до сведения румынского правительства. Советское правительство много раз повторяло изложение своей позиции по территориальному вопросу и одновременно вносило конструктивные предложения, которые давали возможность при заключении советско-румынского пакта обойти острые вопросы и не превращать их в непреодолимое препятствие в ходе создания фронта коллективной безопасности. Советское правительство подчеркивало, что оно не пойдет на определение границ Румынии в пакте, но если румынское правительство интересуется линия Днестра, то Совет-

¹⁷⁰ ДВП СССР, т. XVIII, док. 436.

¹⁷¹ Там же, с. 669.

ский Союз готов в каком-либо протоколе зафиксировать, что после оказания помощи войска должны быть отведены обратно: румынские к западу, а советские — к востоку от Днестра¹⁷².

В процессе переговоров о пакте румынский министр настаивал также на том, чтобы включить в договор оговорку, подобно оговорке, внесенной Бенешем в протокол советско-чехословацкого соглашения, которая свела бы на нет, учитывая соседство Румынии с СССР, значение советско-румынского пакта, если бы он и был заключен. Титулеску пытался добиться и того, чтобы советско-румынский договор не назывался пактом о взаимной помощи¹⁷³.

Следовательно, король, правительство, а за ними в определенной мере и Титулеску вели дело к тому, чтобы уйти от решения вопроса о коллективной безопасности. Неприкосновенность своих территориальных владений на западе и на востоке румынские политики рассчитывали обеспечить благожелательным для Германии «нейтралитетом», а если будет необходимо, то и политическим союзом. Все эти положения нашли четкое выражение в беседе румынского посланника в Берлине Н. Петреску-Комнена с Нейратом, имевшей место в феврале 1936 г. От имени и по поручению своего правительства он заявил гитлеровскому министру, что Румыния выражает желание добиваться дружественных отношений с Германией. «Что касается наших отношений с Советами,— доносил посланник в Бухарест,— то я заверил его, что до сих пор они не претерпели никаких изменений и что если Румыния когда-либо найдет необходимым заключить пакт с Россией, то она... постарается, чтобы этот пакт не был направлен против Германии». Далее румынский посланник сказал Нейрату, что Румыния не желает давать согласия на проход советских войск через ее территорию. (Такого рода заверения Каролом II давались еще 13 мая 1935 г. германскому военному атташе Чунке). В той же беседе румынский посланник третий раз повторил конфиденциальное заявление Титулеску германскому правительству о том, что в случае заключения румыно-советского пакта идентичное соглашение Румыния будет готова заключить и с Германией, если она гарантирует территориальную неприкосновенность Румынии¹⁷⁴. (Первое такое предложение было сделано в июле 1935 г., второе — в январе 1936 г.)¹⁷⁵ Таким образом, Румыния была готова стать союзницей фашистского рейха, лишь бы он гарантировал румынское господство над Советской Бессараби-

¹⁷² ДВП СССР, т. XVIII, док. 411; т. XIX, док. 288, 357; Amintiri lui Calinescu, dosar 7, f. 49; Kral V. Op. cit., str. 231.

¹⁷³ ДВП СССР, т. XVIII, с. 669.

¹⁷⁴ Arhiva MAE, fond 71 (Germania), vol. 75, n/p.— N. Comnen — N. Titulescu, 25.II 1936.

¹⁷⁵ Oprea I. M. Nicolae Titulescu. Buc., 1966, p. 262.

ей. Следовательно, в политической и дипломатической деятельности румынских руководителей, в том числе и Титулеску, были все средства хороши, лишь бы сохранить территориальное статус-кво Румынии.

Нейрат не особенно был склонен обсуждать темную игру румынской дипломатии. Но все же счел необходимым сказать, что заключение Румынией пакта с СССР произвело бы в Германии неблагоприятное впечатление. Тогда Титулеску через Комнена в марте снова заверил рейхсканцлера, что Румыния ни в коем случае не согласится на пропуск советских войск¹⁷⁶. Более того, румынский министр предлагал свое посредничество в переговорах Германии с Англией и Францией¹⁷⁷, конечным исходом которых была бы империалистическая сделка за счет интересов Советского Союза и некоторых стран Восточной Европы.

Эта линия Титулеску была выдержана и во время парламентских дебатов, развернувшихся в апреле 1936 г. по вопросу внешней политики. В произнесенной с большим ораторским искусством речи Титулеску снова ни слова не сказал о необходимости участия Румынии в системе коллективной безопасности. Он ограничился только констатацией сложившегося международного положения и постановкой задачи борьбы за мир. В конце речи оратор заявил, что он прикладывает все силы к обеспечению мира и на западе, и на Днестре и что ни одно румынское правительство не пойдет на заключение какого-либо пакта, который позволял бы проход иностранных войск через румынскую территорию. Последняя фраза Титулеску была покрыта громом аплодисментов не только депутатов и сенаторов — представителей крайней реакции, но и членов парламента правящей национал-либеральной партии.

В силу занятого Бухарестом внешнеполитического курса все варианты пакта о взаимопомощи, выдвигавшиеся Титулеску, несли на себе печать экспансионистской в отношении СССР политики румынской буржуазии.

В создававшейся международной обстановке, когда Италия продолжала безнаказанно терзать Эфиопию, когда Германия без каких-либо препятствий 7 марта 1936 г. оккупировала Рейнскую зону, румынские политики все смелее брали курс на сотрудничество с самыми реакционными силами Европы¹⁷⁸.

Для усиления дрейфа во внешней политике в сторону гитлеровской Германии и фашистской Италии руководители Румынии активно использовали и внутренние силы румынского фашизма. С прямого согласия короля, премьера Татареску и

¹⁷⁶ *Avramovski Z.* Pitanje sovjetsko-rumunskog pakta, pad Tituleskua i posledice za Romansku spoljnopolitizku orientaciju.— «Istorija XX veka. Zbornik radova VII». Beograd, 1965, str. 43.

¹⁷⁷ DGFP, Series C, vol. IV, doc. 581.

¹⁷⁸ *Лазарев А. М.* Указ. соч., с. 244.

министра внутренних дел Инкулеца в конце марта 1936 г. в Тыргу-Муреше состоялся так называемый «всерумынский конгресс студентов», который фактически явился съездом фашистской «железной гвардии» и был направлен в первую очередь на борьбу с демократическим движением, рост которого вызывал у правителей страны глубокое беспокойство. Об этом говорит, например, секретный доклад жандармского управления министерства внутренних дел, представленный королю и правительству. В нем указывалось: «общественно-моральное состояние народа достаточно тревожное, не исключены весьма опасные для порядка и спокойствия государства выступления»¹⁷⁹.

По дороге на конгресс железнодорожники на станциях и в городах устраивали антисемитские погромы, совершали бесчинства и беспорядки.

С гостевых скамеек конгрессом руководили два германских представителя «гитлерюгенд». Ораторы клеймили политику либеральных буржуазных деятелей и требовали их казни. В конце заседания конгрессом был выработан список приговоренных железнодорожниками к смертной казни. В него были включены: Титулеску, национал-царанистские деятели В. Маджеару, М. Гелмеджану, А. Калинеску (кроме Титулеску, потом, в ноябре 1940 г., а Калинеску еще 21 сентября 1939 г. действительно были убиты) и другие.

Рост фашистских сил в Румынии показывала и организация фашистской молодежью всерумынской студенческой забастовки. Фашиствующие студенты в течение недели (с 1 по 7 мая 1936 г.) парализовали весь учебный процесс в высших учебных заведениях и лицеях Бухареста и ряда других городов страны.

На деморализацию прогрессивных сил Румынии, требовавших участия своей страны в организации европейской безопасности, были нацелены и события во второй половине июня 1936 г., связанные с «войной» между реакционной «Универсул» (издатель Стелиан Попеску — бывший министр юстиции) и демократическими (в рассматриваемое время) «Диминяца» и «Адевэрул» (органы ЦК национал-царанистской партии). Эта газетная «война», как и съезд фашистов в Тыргу-Муреше, была организована не без прямой помощи Инкулеца и Татареску. На это указывал Н. Титулеску¹⁸⁰.

Резко возраставший спрос румынской широкой общественности на «левые» газеты национал-царанистской партии сильно тревожил короля, правительство и всю румынскую реакцию. Активизацию движения общественности они рассматривали как прообраз румынского народного фронта, вроде народного фронта во Франции и Испании. Для такой тревоги, надо сказать, у пра-

¹⁷⁹ Academia R. S. România — Archiva palatului (далее — Arhiva palatului), dosar LXXII, var. II, f. 237.

¹⁸⁰ *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 356.

вителей были некоторые основания. Национал-царанистский деятель левого толка Д. Добреску, бывший мэр Бухареста и председатель столичной национал-царанистской партийной организации, еще в 1935 г. начал читать публичные лекции о «народном фронте как форме народного движения против фашизма». В своих выступлениях он подчеркивал необходимость объединения всех демократических сил страны. Лекции Добреску пользовались в столице огромным успехом, собирали по 8—10 тыс. слушателей. Собрания носили ярко антифашистский характер и на них выносились требования: отменить цензуру и осадное положение, освободить политзаключенных-антифашистов. Произносились даже лозунги: «Долой нынешнее правительство грабителей и палачей!» и др. По его инициативе в столичных районах и в провинции были созданы «Комитеты защиты гражданских прав», которые пользовались большим авторитетом.

Чтобы подорвать престиж и широкое буржуазно-либеральное влияние царанистских газет и низвести их до положения второстепенных органов печати, издатель «Универсул» при негласном содействии властей — правительства, полиции, жандармерии — применил в полном смысле бандитские методы. Нанятая им (с оплатой 20—50 лей в день каждому участнику)¹⁸¹ 4-тысячная орда реакционных студентов и люмпенов на глазах у полицейских в центре и других районах Бухареста громила газетные киоски, где продавались «Диминяца», «Адевэрул», «Лупта», «Зорилэ» и другие демократические газеты, и избивала до полусмерти продавцов (стариков, женщин, детей). А изъятые бандами тиражи демократических газет сжигались на кострах.

Формально «война» возникла под флагом борьбы за тираж. В действительности это была открытая, с применением насильственных методов борьба между силами румынской реакции и силами румынских радикалов, стремившихся пока что оказывать сопротивление наступлению фашизма в стране и сохранять традиционную политическую ориентацию на Францию и Англию. Более того это была проба сил королем на тот случай, когда будет решено покончить с конституционными условностями в делах государственного управления, чтобы установить личную фашистскую диктатуру.

Одновременно с походом против демократических органов печати «Универсул» усилила антисоветскую кампанию, доходя до самых грубых форм клеветы на Советский Союз и его миролюбивое отношение к румынскому соседу. Следовательно, июньские события были направлены на усиление процесса фашизации страны, который создал бы необходимые условия и для открытой переориентации внешнеполитического курса.

¹⁸¹ По номиналу того времени это было довольно высокой платой.

Активизация деятельности «железной гвардии» и других крайне правых течений в Румынии и нежелание правительства Татареску вести борьбу с наступлением сил реакции вызвали за рубежом, а особенно в СССР и во Франции, явную озабоченность. Становилось все яснее, что король и премьер-министр Татареску отрицательно относятся к тому политическому курсу, который демонстрировал Титулеску¹⁸².

М. М. Литвинов в беседе с румынским министром в Монтре откровенно спросил: судя по тому, что происходит в Бухаресте, можно ли положиться на Румынию?¹⁸³ То же примерно было сказано и министром иностранных дел Франции Дельбоссом. Французский министр заявил Титулеску, что последние события в Румынии, демонстрирующие рост фашистских сил, могут нарушить политические связи между Францией и Румынией. Об этом Каролю II давал понять еще 8 февраля 1936 г. тогдашний министр иностранных дел Франции П. Фланден¹⁸⁴. В конце июня Титулеску неоднократно звонил в МИД и Татареску и настаивал принять меры к прекращению беспорядков на улицах и площадях столицы. «Наши внутренние беспорядки...,— писал Титулеску королю из Женевы,— продолжают получать на международной арене самые неблагоприятные отзвуки и ставят меня как министра иностранных дел в тяжелейшее положение»¹⁸⁵.

Прервав свое пребывание в Монтре на Международной конференции по Черноморским проливам, румынский министр в срочном порядке выехал на родину. Стараясь подчеркнуть, что внутренняя политика короля и правительства создает ему трудности в проведении внешнеполитического курса, Титулеску 11 июля вручил королю прошение об отставке. «Я теперь понял,— докладывал Титулеску королю,— ...что мне уже не место в правительстве Татареску, поскольку проводимая мною внешняя политика... подрывалась курсом внутренней политики»¹⁸⁶. Этой решительной акции предшествовала 6-часовая аудиенция, во время которой министр подробно изложил своему монарху международное положение, указал на опасные последствия смены внешнеполитической ориентации. Из-за поддержки правительством крайне правых течений, ориентирующихся на фашистскую Германию, подчеркивал Титулеску, Румыния теряет доверие своих западных союзников. Кроме того, Титулеску, защищая интересы господствующего класса, в проведении своей восточной политики, начиная с середины 1933 г. (до этого он проводил, как уже говорилось, открыто антисоветскую полити-

¹⁸² *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 356—357.

¹⁸³ *Teichman M. Titulescu a rumunska Zahranicni politika 1933—1936.— Ceskoslovensky Casopis Historicky. Cislo 5, 1966, str. 680.*

¹⁸⁴ DDF, ser. II, t. I, doc. 156.

¹⁸⁵ *Arhiva Statului — Buc., fond Casa regală, dosar 98/1936, f. I.*

¹⁸⁶ *Oprea I. M. Op. cit.*, p. 357.

ку), исходил из того, что враждебный в отношении СССР курс румынских политиков может, в конце концов, привести к тому, что Советское правительство сочтет необходимым поставить вопрос о Бессарабии. При наличии же дружественных отношений с СССР подобный шаг со стороны Советского правительства, полагал Титулеску, менее вероятен. К тому же в этом случае, размышлял румынский министр, Румыния получала поддержку своего восточного соседа на международной арене, а также в противостоянии реваншистским государствам.

Король пока не решался на открытую смену внешнеполитического курса, в частности потому, что это могло иметь отрицательные внутренние последствия. Что касается изменения внутренней политики, то здесь король сказал свое категорическое «нет». Король не принял отставку Титулеску, считая, что она будет расценена во Франции, Чехословакии и Англии как отход Румынии от франко-английской ориентации, а в СССР — как явное усиление прогерманской ориентации.

Титулеску стоял на своем и 3 дня держал правительство Татареску в напряжении и кризисном состоянии, отказываясь забрать свое прошение. В течение 11—14 июля днем и ночью шли длительные дебаты в узком кругу членов правительства или наедине с глазу на глаз между Татареску и Титулеску по вопросам соотношения внутренней и внешней политики. Премьер-министр обвинял своего министра в том, что он испортил отношения Румынии с Италией, Польшей и с рядом якобы других государств¹⁸⁷.

Титулеску согласился остаться на своем посту только после того, как вырвал у правительства согласие поддержать его курс на сохранение профранцузской ориентации и укрепление отношений с Советским Союзом. Идя навстречу требованиям министра иностранных дел, правительственное совещание в составе Татареску, Титулеску, Инкулеца, В. Антонеску и Р. Франасовича 14 июля вынесло решение: «Мы противники коммунизма внутри страны, ни один член правительства не является его сторонником... В области же внешней политики мы — за соглашение с СССР, союзником наших союзников — Франции, Чехословакии и Турции, соглашение, единственно могущее обеспечить реальную ценность союзов с этими странами. Мы не можем быть в одно и то же время и союзником Франции, и недругом России — союзницы Франции»¹⁸⁸. Договорились, что официальное оформление выработанных положений должно состояться на заседании Совета министров в полном составе. Заседание состоялось 15 июля, на нем был заслушан доклад Титулеску о внешней политике. Правительство одобрило дея-

¹⁸⁷ Arhiva Statului — Buc., fond Casa regală, dosar 29/1936, f. 2

¹⁸⁸ Ch. Zaharia, D. Tușu. Aspecte ale politicii externe a României în anii 1933—1936. — Analele, 1965, N 5, p. 132—133.

тельность Титулеску, вынесло ему благодарность, подтвердило полномочия на ведение переговоров с Советским правительством и предоставило своему министру «полную» свободу в проведении внешнеполитического курса. Титулеску добился также решения прекратить в печати выпады против Советского Союза, опубликовать ряд благоприятных для СССР статей и принять другие меры, которые способствовали бы сближению между двумя странами¹⁸⁹.

Борьба Титулеску с правыми силами не носила решительного характера, она несла на себе отпечаток двойственной политической игры. Он считал, что правительство обязано поддерживать такой порядок в стране, при котором фашисты могут быть терпимы, но не должны задавать тона и играть ведущей роли¹⁹⁰.

Решения правительства 14 и 15 июля были насквозь фальшивыми. 16 июля, за два часа до отъезда Титулеску в Монтре, легионеры не без поощрения секретной службы убили Стелеску — бывшего одним из главарей «железной гвардии», но изменившего ей и намеревавшегося, что было хорошо известно правительству, обнародовать данные о связях фашистских сил с правящими кругами страны.

Все симптомы говорили о том, что против коллективной безопасности и возможного участия в ней Румынии в качестве союзника СССР в Бухаресте образовался мощный союз внутренней реакции с силами внешнего порядка. Из разведанных, поступавших из Берлина и Лондона, румынскому правительству, и в первую очередь королю и Татареску, было известно, какую важную роль гитлеровское руководство отводило Румынии в подготовке и развертывании войны против СССР. «Военная акция Германии против России и обеспечение германского господства в бассейне Черного моря и на Украине,— говорилось в секретной информации, полученной из Лондона,— не могут быть осуществлены, по мнению германского генштаба, без полного завоевания на свою сторону Румынии»¹⁹¹. В том, чтобы Румыния оказалась в этом положении, немалую роль играла польская реакция. В этом отношении примечательной явилась беседа польского посланника Арцишевского с Каролом II. Польша и Румыния, внушал пилсудчик румынскому монарху, являются великими державами: Польша играет роль цементирующего звена на северо-востоке Европы, Румыния занимает

¹⁸⁹ Ibidem, p. 133; *Teichman Mir*. Op. cit., str. 680.

¹⁹⁰ Данный тезис подтверждается тем, что Титулеску, приехав на несколько дней в Бухарест в декабре 1937 г., выступил в «Универсул» со статьей «Я и «железная гвардия», в которой утверждал, что он противился роспуску «железной гвардии» в 1933 г. и что решение по этому вопросу было принято по настоянию премьер-министра И. Дуки.— Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 67.

¹⁹¹ Arhiva MAE, fond 71 (Germania), vol. 75, n/p.

руководящее положение на юго-востоке Европы, а поэтому они в состоянии создать единый и мощный антисоветский фронт от Балтийского до Черного моря. Но занимаемая ныне Румынией позиция создает серьезные помехи в достижении этой цели. Польша, продолжал посланник, взвесила силы России и Германии: гитлеровская Германия несомненно боеспособнее Советской России; при данных обстоятельствах в случае новой военной угрозы Польша войдет в блок, составленный из Германии, Италии, Финляндии, Латвии, Эстонии, Венгрии, Австрии и Болгарии; Польша приветствовала бы присоединение к этому блоку Румынии, а вместе с ней — Югославии и Греции^{191а}.

Антисоветскую работу в Румынии, принявшую особенно широкий характер в 1935—1936 гг., польская миссия вела не только по официальным каналам, но и другими методами и способами: в частных беседах, путем подкупа румынской прессы, печатанием нелегального бюллетеня на румынском языке, напичканного антисоветскими материалами и измышлениями и рассылавшегося во все румынские газеты, на частные квартиры румынских политических деятелей, в иностранные дипломатические миссии и т. д. Такую же пропаганду против СССР и советского полпредства вела германская миссия, но более сдержанно, считая, что такого рода работу ей удобнее было вести руками польских дипломатов.

Последний правительственный кризис разрешился как будто благополучно, и Титулеску «номер удался». Но удался наполовину — изменить внутреннюю политику Титулеску отказали. Король хотел ухода Титулеску с поста министра иностранных дел тогда, когда таковой произойдет незамеченным. Премьер-министр Татареску же был настроен более решительно против Титулеску. Он не одобрял решение короля оставить Титулеску на посту руководителя иностранного ведомства. Об этом Татареску не постеснялся заявить французскому посланнику д'Ормессону при его прощальном визите главе правительства в связи с отъездом из Румынии. Татареску заявил, что он был и остается сторонником отставки Титулеску. Свое решение оставить Титулеску на занимаемом посту король в значительной степени мотивировал и тем, что через него легче реализовывать военные заказы во Франции, Англии и Чехословакии.

С обновленными полномочиями на продолжение переговоров о румыно-советском пакте Титулеску вернулся в Монтре, где снова встретился с советским наркомом. При этой встрече Титулеску, что необходимо особо подчеркнуть, заявил Литвинову, что вопрос о Бессарабии не будет больше служить препятствием к заключению пакта. Но он по-прежнему настаивал на том, что помощь по договору должна быть оказана при агрессии со стороны любого государства. Бессарабский вопрос не вы-

^{191а} ДВП СССР, т. XIX, док. 62; *Campus E.* Op. cit., p. 246—250.

двигался и решением Совета министров Румынии 15 июля, которым Титулеску практически заново давались полномочия. И Советский Союз не настаивал на немедленном разрешении территориального вопроса. Он проявил большое терпение и стремление урегулировать его мирным путем. Организацию коллективной борьбы с фашистской агрессией и защиту мира Советское правительство считало первоочередным делом и этой цели подчиняло всю свою внешнеполитическую деятельность.

В ходе встреч в Монтре (20—21 июля 1936 г.), писал Литвинов, они с Титулеску уладили «почти все спорные вопросы»¹⁹² и парафировали основные положения будущего советско-румынского пакта о взаимопомощи¹⁹³. Судя по официальным документам НКВД СССР, этот проект договора должен был служить исходным моментом в дальнейших советско-румынских переговорах о заключении пакта с Румынией.

Все спорные и острые вопросы было решено или оставить открытыми (что соответствовало ранее высказанным наркомом Литвиновым предложениям с целью облегчения переговоров¹⁹⁴), или отразить их лишь в Протоколе подписания, который предстояло составить и приложить к пакту.

До сих пор остается загадочным тот факт, что Титулеску не сообщил королю и правительству о своем парафировании основных положений будущего пакта о взаимопомощи. Это вполне доказывается полным отсутствием информации об этом факте, как мы увидим ниже, у вновь назначенного министра иностранных дел В. Антонеску, что выявилось при его первой встрече с М. М. Литвиновым 20 сентября в Женеве¹⁹⁵. А нарком, в свою очередь, не видел необходимости сообщать Антонеску о парафировании проекта договора, поскольку считал (и обоснованно) «переговоры о пакте с Румынией прекращенными»¹⁹⁶. Неуведомление о парафировании можно объяснить, как нам кажется, только боязнью Титулеску признаться в превышении полномочий, выразившемся, если судить по румынскому варианту пакта, в принципиальном согласии последнего допустить советские войска на территорию Румынии в случае агрессии против договаривающихся сторон¹⁹⁷. То, что Титулеску выразил принципиальное согласие на пропуск советских войск через румынскую территорию, видно из дневниковой записи А. Калинеску — видного в то время национал-царанистского политического деятеля, ставшего затем при королевской диктатуре премьер-министром и министром внутренних дел. 30 апреля 1937 г. в своем дневнике он записал: «Видел Титу-

¹⁹² ДВП СССР, т. XIX. М., 1974, док. 288.

¹⁹³ Там же, док. 357.

¹⁹⁴ ДВП СССР, т. XVIII, док. 411.

¹⁹⁵ ДВП СССР, т. XIX, док. 273.

¹⁹⁶ Там же, док. 357.

¹⁹⁷ *Zaharia Gh. Tuftu D. Op. cit., p. 133.*

леску в Париже. Он еще не в форме. Он мне сказал, что в страну он не придет... Он мне показал текст (договоренности с наркомом.— А. Ш.), который имеет пометки Литвинова. В нем говорится, что русские армии перейдут (Днестр) только с позволения румынского правительства и будут обязаны быть обратно отозванными немедленно по требованию румынского правительства»¹⁹⁸. Но из официальных румынских документов нам уже известно, что правители Румынии всегда резко выступали против всякой возможности присутствия Красной Армии на любой территории, находившейся под властью Бухареста. Следовательно, Титулеску переступил границы тех полномочий, которые были даны ему 15 июля 1936 г.

Отсутствие Титулеску в стране во второй половине июля и в течение августа премьер Татареску, министры Инкулец, Антонеску и другие члены правительства — противники сближения с СССР — активно использовали для укрепления своих позиций. Это предельно ясно стало из неоднократных бесед Татареску с М. С. Островским.

Касаясь выступлений фашистских сил против демократической печати и устроенных ими антисемитских погромов и шабашей по гитлеровскому образцу, румынские правители выдавали это всего-навсего за румынскую традицию — «забаву студентов», и она якобы не должна повлиять на проведение внешнеполитического курса.

Все действия короля и премьер-министра говорили о том, что начата методическая работа по устранению Титулеску с поста министра иностранных дел, что должно явиться подготовкой к постепенной смене курса внешней политики, к внешнеполитической ориентации Румынии на те государства, которые будут, по убеждению румынских правителей, в недалеком будущем вершить делами Европы. Ими должны стать, по мнению Кароля II и Татареску, Германия и Италия.

Румынские политики рассчитывали на то, что сближение с Германией и Италией не должно внести глубоких изменений в румыно-французские отношения, а тем более в отношения с Англией. При такого рода рассуждениях они исходили из примера Польши. Несмотря на ее прогитлеровскую политику, Париж предоставил ей двухмиллиардный (во франках) заем. Следовательно, поиски дружбы с Германией и Италией, рассуждали про себя король и Татареску, не должны прервать связей с Францией.

Готовясь к смене внешнеполитического курса, те же круги считали, что румыно-советские отношения должны остаться на достигнутом уровне и ни в коем случае не идти по линии их улучшения. Видимость приличных отношений с Советским Союзом они надеялись обеспечить путем камуфляжа тех шагов,

¹⁹⁸ Arhiva centrală a CC al PCR, fond 3, dosar 7, f. 49.

которые будут направлены на сближение с Германией и Италией и восстановление «испорченных» отношений с Польшей.

Доказательств намерений короля и правительства идти на сближение с Германией имелось немало. Германский посланник граф фон Шуленбург, а затем сменивший его в апреле 1936 г. на этом посту В. Фабрициус доносили своему правительству, что Кароль II во всех беседах с ними подчеркивал, что он чувствует себя Гогенцоллерном и испытывает большое желание иметь самые тесные отношения с Германией¹⁹⁹. Такого же рода устремления были выражены Татареску в интимном письме к издателю «Курентул» Панфилу Шейкару — махровому реакционеру и трубадур гитлеровской идеологии в Румынии. Письмо, копия которого нелегально ходила среди бухарестских политиков и членов дипломатического корпуса, было направлено в ответ на статью Шейкару «Внешнеполитическая азбука», написанную после его свидания с Муссолини и помещенную в его же газете 9 августа²⁰⁰.

Намерения Румынии и Чехословакии найти точку согласия с Германией четко проявлялись на сирийском совещании (6—9 июня 1936 г.) глав государств Малой Антанты²⁰¹.

Очередное длительное отсутствие Титулеску в стране (из Монте, не возвращаясь на родину, он уехал на летний отдых на Ривьеру) облегчило решение вопроса об изгнании его из правительства. Не без инспирации королевских кругов политическую диверсию против Титулеску открыл итальянский посланник в Бухаресте Уго Соло. Используя отсутствие руководителей МИД (заместитель министра Радулеску тоже находился на отдыхе на Ривьере), он попросил встречи с премьер-министром Татареску. В беседе был затронут весь комплекс итало-румынских отношений. Итальянский дипломат заявил, что, пока во главе румынского иностранного ведомства находится «санкционист и заведомый враг Италии», о восстановлении с Румынией нормальных политических и экономических отношений не может быть и речи, несмотря на духовное и этническое родство обеих наций. Муссолини считал Титулеску, как вытекало из заявления посланника, непреодолимым препятствием для создания «доброжелательного» отношения Италии к Румынии²⁰². Вслед за итальянцем Татареску посетил германский посланник Фабрициус. Диалог велся в том же политическом ключе. В освобождении Титулеску с поста министра иностранных дел королю и Татареску большую помощь оказал польский посланник в Бухаресте Арцишевский. Татареску и другим политикам Румынии он неоднократно заявлял, что Бухарест сделал слишком «резкий поворот» во внешней политике, что

¹⁹⁹ Hillgruber A. Op. cit., S. 9—10.

²⁰⁰ «Curentul», 9.VIII 1936.

²⁰¹ «Memorii lui Argetoianu», fondul 104, N 49/1936, p. 911.

²⁰² Oprca I. M. Op. cit., p. 345—346.

создало для Румынии весьма сложное положение²⁰³. Румынское правительство, подчеркивал польский посланник, не должно забывать, что недалеко то время, когда политические и иные проблемы Центральной и Юго-Восточной Европы будут решаться не Францией, не СССР, а Германией и Италией. К «крестовому походу» представителей фашистских государств против Титулеску присоединился и югославский посланник в Бухаресте.

Вскоре после совещания глав государств в Синае, а затем снова в августе была начата кампания против Титулеску и его внешнеполитического курса в той части, которая касалась взаимоотношений с Советским Союзом. В ней приняли участие не только правая пресса («Курентул», «Порунка времий» и др.), но и так называемые нейтральные к королю политические деятели, генералы. Пресса смаковала барские привычки, пренебрежительную манеру Титулеску держаться в отношении других членов правительства, привольную, в материальном отношении, его жизнь за границей. Она подчеркивала, что Титулеску ведет поистине королевский образ жизни и обходится государству дороже, чем все предыдущие министры иностранных дел вместе взятые. В кампанию включились потом Татареску и Инкулец. Они заявляли королю, что если Титулеску не прекратит вмешиваться в вопросы внутренней политики, то они не могут брать на себя ответственность за положение внутри страны²⁰⁴.

Определенную роль в судьбе Титулеску как министра иностранных дел сыграла поездка одного из лидеров фашистского движения и известного в то время политического деятеля Румынии О. Гоги в Берлин, предпринятая на государственные деньги и не без ведома короля в августе 1936 г. Гога трижды встречался с Риббентропом, а затем имел длительную беседу с канцлером²⁰⁵. В ходе беседы «Фюрер» не предъявлял каких-либо политических требований к Румынии, он только в императивном тоне высказывал свои набившие оскомину всем его иностранным собеседникам постулаты. «Фюрер» говорил, что главную опасность для Румынии представляет не ревизионизм, «выдуманный» врагами Германии, выставляющими себя румынскими друзьями, а «большевизм»; при желании Румыния и Германия во «взаимных» интересах могут свободно договориться по всем вопросам, но лишь после того, как будет устранено главное препятствие налаживанию германо-румынских отношений, каковым является Титулеску. В качестве эталона он привел отношения, сложившиеся между Германией и Югославией. Югославия, продолжал канцлер, дружит с Францией, находится в тесных отношениях с Малой Антантой, но все это не мешает ей налаживать

²⁰³ Ibidem, p. 347—348.

²⁰⁴ Arhiva Statului — Buc., fond Casa regală, dosar 29/1936, f. 5.

²⁰⁵ Arhiva Statului — București. Fondul Ministerului propagandei naționale (далее — М.Р.Н.), dosar 839/1936, f. 160, 234.

и иметь тесные экономические и политические связи с Германией и ее друзьями — Италией, Австрией и Венгрией. Румыния, являясь естественными воротами на Балканы, говорил Гитлер, должна занять определенную позицию в отношении Германии. Германский канцлер не забыл напомнить гонцу из Бухареста о наличии общих германо-румынских интересов на востоке. В этих целях «фюрер» советовал Румынии крепить узы дружбы и с Польшей. Все, что говорилось Гитлером, адресовалось, само собой разумеется, Каролю II.

С приездом из Берлина Гога конфиденциально был принят королем. Один из ведущих лидеров румынской крайней реакции, давно находившийся в дружбе с самим монархом, устно, а затем и письменно²⁰⁶ изложил королю со слов Гитлера и других ведущих нацистов все «выгоды», которые могут быть получены Румынией от смены внешнеполитической ориентации и от тесных отношений с Германией. На «всякий случай» гитлеровцы через Гогу передали Каролю II досье с компрометирующими материалами на его министра иностранных дел, собранными германской разведкой²⁰⁷, что было весьма кстати королю и Татареску для проведения задуманной ими операции. Среди этих материалов были даже граммофонные записи интимных разговоров Титулеску с иностранными дипломатами, в которых он «непристойно» высказывался о своем короле.

Подготовка устранения Титулеску с поприща румынской внешней политики проводилась и по линии внешнеполитического отдела нацистской партии. С этой целью ответственное лицо этого отдела Шикеданц в течение 1935—1936 гг. не один раз посещал Румынию, где вел неофициальные переговоры с ведущими деятелями крайней реакции²⁰⁸.

Момент для изгнания Титулеску из правительства был выбран удобный: летнее время — пора политических капикул в Бухаресте и отсутствие большинства глав иностранных миссий в Румынии. Да и день такой — канун воскресного отдыха, когда не выходит ни одна столичная газета. Все было рассчитано на то, чтобы хирургическая операция по удалению «язвы» у правительства прошла менее заметно и менее болезненно для румынской широкой общественности и в какой-то степени за границы.

29 августа, в субботу, в 12 часов в синайском дворце премьер-министр Татареску имел деловую аудиенцию у короля. В 16 часов в той же загородной королевской резиденции состоялось десятиминутное заседание кабинета. На заседание члены правительства (но не все) в спешном порядке вызыва-

²⁰⁶ Arhiva Statului — Buc. Fond Casa regală, dosar 7/1936, f. 7—9.

²⁰⁷ Arhiva Statului — Buc. MPN. dosar 839/1936, f. 160, 234; *Teichman Mir. Op. cit.*, str. 681.

²⁰⁸ *Hillgruber A. Op. cit.*, S. 11.

лись по телефону. На заседание не успели пригласить даже министра путей сообщения Франасовича — ведущее лицо королевской камарильи. На совете министров было решено подать в отставку всему составу правительства. Тут же была утверждена «благодарственная» телеграмма Титулеску, находившемуся на отдыхе. В тот же день в 21 час новый состав кабинета присягнул на верность королю. Министром иностранных дел был назначен В. Антонеску, до этого занимавший пост министра финансов и только что вернувшийся из поездки в Германию. Министром юстиции стал имевший связи с легионерами М. Джуvara. Ведущие посты в новом правительстве заняли наиболее реакционно настроенные политические деятели, имевшие тесные личные и политические связи с фашистской Германией.

Грубый прием изгнания Титулеску из правительства вызвал резкий протест сначала среди аппарата МИД. В день появления Антонеску в МИДе многие директора департаментов ушли в отставку. Подал прошение об отставке и заведующий экономическим департаментом Криту — племянник Титулеску. Он вернулся на службу только по личной просьбе короля.

Новый министр безотлагательно принялся за смену дипломатического персонала в Берлине, Риме, Варшаве и Москве²⁰⁹.

О смещении с поста министра иностранных дел Титулеску узнал не от самого румынского правительства, а от сотрудника «Универсул», который в 18 часов позвонил Титулеску и просил его дать для газеты интервью об отставке. Титулеску был настолько в недоумении, что дважды переспросил: «Вы шутите!». Репортер ответил: «Никак нет, такой серьезный орган печати, как наша газета, шуток не любит».

Потрясенный неприятным известием, «несгибаемый» Титулеску тяжело заболел. Правители страны, не любившие его за самостоятельный нрав²¹⁰, с нетерпением ждали его кончины. 18 сентября, как свидетельствует М. С. Островский, по румынскому радио была сделана даже передача о его смерти. Но противники Титулеску слишком спешили. Усилиями швейцарских медиков курорта «Сан-Морице», постоянным пациентом которых он был, жизнь ему была спасена. Титулеску искренне и глубоко переживал не только потому, что ему был нанесен внезапный удар, но и потому, что была сведена к нулю проделанная им за последнее время немалая работа в интересах мира.

Король и правительство полагали, что отстранение Титулеску от руководства внешней политикой для широкой румынской общественности останется незамеченным. Последующие события показали обратное. Широкие общественные круги оказались на стороне Титулеску, если не против короля. В защиту Титулеску и его политики выступали пролиберальные органы

²⁰⁹ Oprea I. M. Op. cit., p. 361.

²¹⁰ Arhiva Statului — București. MPN, dosar 839/1936, f. 227—228.

печати, общественные деятели. Отстранение Титулеску вызвало у прогрессивной части населения резкий и гневный протест против действий короля и правительства, против их реакционного курса внутри страны и вовне. Власти поняли, что они не в состоянии погасить волну протеста. Это не могло не заставить правительство проявить «внимание» к Титулеску в связи с его тяжелой болезнью. Но Татареску почти последним послал бывшему члену своего правительства телеграмму с пожеланиями выздоровления. И то это было сделано только после того, как «Универсул» на шестой день болезни писала, что единственный, кто не замечает недуга Титулеску,— это правительство.

Возмущение в стране грубым приемом изгнания Титулеску из кабинета министров как бы диктовало королю и правительству необходимость его возвращения на прежний пост. Такую возможность допускали нарком М. М. Литвинов и полпред в Бухаресте М. С. Островский, но только в том случае, если Франция займет более непоколебимую позицию в отношении Германии и усилит политические и экономические связи со своими союзниками. К сожалению, этого не произошло. Более того, ни Париж, ни Прага не дали понять королю и Татареску своего недовольствия отстранением Титулеску. Сожаление об уходе Титулеску с поста министра иностранных дел, несмотря на его непоследовательную позицию к СССР, выразил только М. М. Литвинов. «Титулеску,— заявил он румынскому министру В. Антонеску,— действительно пользовался нашим доверием, ибо он... понимал, что интересы Румынии требуют тесных отношений с СССР»²¹¹. Такую же мысль советский полпред в Бухаресте высказал премьер-министру Татареску. «Уход Титулеску...,— сказал М. С. Островский,— породил в нашем и всех прочих стран общественном мнении, борющемся за мир, вполне объяснимое недоумение»²¹².

Совершив необъяснимый для румынского народа акт с удалением Титулеску из правительства, Татареску и Антонеску, писала польская газета «Квила» (г. Львов), «поспешили заявить о своем намерении проводить прежний внешнеполитический курс»²¹³. В связи с такого рода правительственным заявлением румынская либеральная газета «Патрия» (г. Клуж) справедливо задавала вопрос: «Если правительство продолжает политику бывшего министра иностранных дел, если не изменилось и не будет меняться ничего в том, что касается ориентации Румынии... Почему тогда было необходимо оскорблять г-на Титулеску и отстранять его?»²¹⁴.

²¹¹ ДВП СССР, т. XIX, док. 273.

²¹² Там же, док. 279.

²¹³ «Chwila», 9.IX 1936.

²¹⁴ «Patria», 10.X 1936.

Реорганизация правительства и отстранение Титулеску, с которыми связывали предстоящую смену внешнеполитического курса, получили широкий резонанс за границей. Многие ведущие органы реакционной буржуазной печати, одни открыто, другие в завуалированной форме, высказывали свое удовлетворение действиями короля и Татареску. Румынская миссия в Берне в информационном письме 7 сентября сообщала, что швейцарские газеты, резко настроенные против Советской России, положительно оценивают смену румынского правительства и отставку Титулеску²¹⁵. Одобрительный тон в отношении происшедшего в Румынии события сквозил в английских газетах. Они не без удовлетворения отмечали, что отставка Титулеску является значительным событием, что Франция потеряла наиболее искреннего и наиболее достойного доверия союзника на Балканах, что «суверен и г-н Татареску открывают путь большим изменениям как в политике Румынии, так и в общей европейской ситуации»²¹⁶. В таком же духе выступали американские газеты. «Нью-Йорк пост», например, писала: «Скоро мы увидим, что Румыния станет звеном германо-итало-австро-болгарской цепи и что Югославия будет вынуждена присоединиться к ней»²¹⁷. Таким образом, с радостью вторила ей «Нью-Йорк Сан», «французская политика окружения Германии провалилась»²¹⁸.

Вывод Титулеску из состава правительства особое ликование вызвал в правящих кругах Польши и Германии, которые, как уже говорилось, приложили немалые усилия, чтобы добиться этого. По донесениям румынской миссии в Варшаве, польские правители и все близкие к правительству органы печати рассматривали отставку как важное событие. Оно, по их мнению, неизбежно должно было вернуть Румынию на старые рельсы антисоветского румыно-польского союза. Такая ведущая газета, как «Илюстрованы курьер цоджены», писала, например, что «увольнение Титулеску сняло основную помеху в польско-румынских отношениях. Теперь Румыния будет стремиться к тесному сближению с Польшей. Нет сомнения и в том, что в силу сложившихся обстоятельств Румыния должна будет изменить свое отношение и к Советской России. Одновременно с этим Румыния постарается достичь взаимопонимания с Италией, отношения с которой при Титулеску были холодными»²¹⁹.

На большие последствия в результате реорганизации румынского правительства рассчитывали гитлеровцы. «Изменения в правительстве Румынии,—писал берлинский корреспондент

²¹⁵ Arhiva Statului — București. MPN, dosarul 839/1936, f. 212.

²¹⁶ Ibidem, f. 6.

²¹⁷ «The New York Post», 1.IX 1936.

²¹⁸ «The New York Sun», 1.IX 1936.

²¹⁹ Arhiva Statului — București. MPN, dosarul 839/1936, f. 168.

польской газеты «Курьер Варшавски»,— произвели здесь впечатление... Немцы надеются, что отстранение г-на Титулеску с политической арены приведет, само собой разумеется, к ослаблению отношений между Румынией и Советской Россией, а также к укреплению правых течений в самой Румынии»²²⁰. Значение последствий отстранения Титулеску для румынской внешней политики наиболее выразительно охарактеризовал Гитлер в беседе с Г. Братиану в начале декабря 1936 г. Передавая королю свой разговор с «фюрером», Братиану сказал, что тот выразил живейшее удовлетворение по поводу ухода Титулеску и поздравил короля Кароля с тем, что внешняя политика, наконец, находится в его надежных руках. После ухода Титулеску, продолжал Гитлер, открылась возможность для тесных румыно-германских отношений. Для начала Германия готова предложить Румынии двусторонний 10-летний пакт по типу германо-польского.

Позиция нацистов и руководящих политиков Англии и Франции, связанная с устранением Титулеску из сферы европейской политики, весьма точно определена известным советским дипломатом И. М. Майским. «Германская дипломатия,— заявил он,— испытывала удовлетворение от действий румынского короля по устранению Титулеску с дипломатического поприща. Что касается английских и французских кругов, то они, несмотря на то, что считали Титулеску «своим человеком», не сделали ничего эффективного для спасения Титулеску как румынского министра иностранных дел»²²¹.

Маскировать отход от внешнеполитического курса, проводившегося Титулеску, новому составу правительства было нелегко. Татареску и Антонеску в беседах с представителями Советского Союза были вынуждены (в качестве камуфляжа) клясться в дружбе с СССР. «Реорганизованный кабинет,— заявил Татареску советскому полпреду 26 сентября,— будет продолжать политику Титулеску, являющуюся традиционной политикой страны, с меньшим блеском, но с большей методичностью и энергией... Отношения с СССР не только не будут изменены, но правительство имеет план укрепления и углубления этих отношений»²²². Подобные заверения и с той же наигранностью В. Антонеску делались и в беседе с наркомом иностранных дел 1 октября в Женеве. В этой связи М. М. Литвинов в разговоре с Антонеску подчеркнул, что «политическая дружба имеет свою ценность лишь тогда, когда она не скрывается», но если румынский министр «мне на ухо будет шептать о дружбе, а публично расшаркиваться перед Германией и Поль-

²²⁰ «Kurjer warszawski», 1.IX 1936.

²²¹ Архив АН СССР, ф. Р—V, оп. 1м, д. 20. Воспоминания бывшего полпреда СССР в Англии акад. И. М. Майского, л. 4.

²²² ДВП СССР, т. XIX, док. 279.

шей, то это не принесет никакой пользы ни нам, ни Румынии»²²³. Советский дипломат высказал румынскому министру также озабоченность успехами фашистской партии в Румынии, являвшейся агентурой Германии. Это делало невозможным не только заключение советско-румынского пакта, но и сохранение румынских связей с Францией.

Румынские руководители, говорилось в письме Н. Крестинского советскому полпреду 13 октября, «не хотят возобновлять... переговоры (о пакте), не хотят связывать себя в отношении нас, а предпочитают иметь полностью свободные руки» для внешнеполитических маневров.

Советское правительство уже не сомневалось в том, что Румыния решила взять курс на укрепление политических и экономических связей с теми реакционными силами, которые открыто вынашивали планы перекройки карты Европы.

В ходе социалистического строительства в годы первой пятилетки и первые годы второй пятилетки СССР под руководством Коммунистической партии превратился в одну из передовых промышленных держав мира, значительно укрепил свою оборонную мощь. Эти успехи Советского Союза обусловили огромный рост его влияния и укрепление его позиций на международной арене. Трудящиеся всех стран все больше стали обращать свои взоры на Страну Советов, в которой они видели самого последовательного и несгибаемого борца за мир и сотрудничество, борца против фашистских агрессоров. В тревожной международной обстановке, подчеркивалось в отчетном докладе ЦК ВКП(б) XVII съезду партии, СССР продолжал стоять «твердо и непоколебимо на своих мирных позициях, борясь с угрозой войны, борясь за сохранение мира, идя навстречу тем странам, которые стоят так или иначе за сохранение мира, разоблачая и срывая маску с тех, кто готовится, провоцирует войну»²²⁴⁻²²⁶. Советский Союз защищал мир и безопасность народов всего мира. Он использовал все средства и возможности, чтобы затруднить подготовку и развязывание новой мировой войны.

Одной из важнейших внешнеполитических акций партии и правительства являлись усилия по созданию системы коллективной безопасности, которая должна была охватить ряд стран Европы. Но из-за подрывной деятельности Англии, резкого и открытого сопротивления мерам коллективной безопасности со стороны гитлеровской Германии и буржуазной Польши Советскому правительству удалось реализовать намеченную решением Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 декабря 1933 г. программу по организации коллективной безопасности лишь частично. Совет-

²²³ Там же, док. 288.

²²⁴⁻²²⁶ XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1934, с. 13.

ским Союзом были заключены договоры о взаимопомощи только с Францией и Чехословакией. Это были важные внешнеполитические акты, направленные «на сплочение всех сил, какие только можно привлечь в этот момент к активной защите мира»²²⁷, — говорил Тольятти на VII конгрессе Коминтерна.

Советско-французский и советско-чехословацкий договоры «укрепляли военно-стратегическое положение их участников и вынуждали фашистскую Германию, в случае агрессивных акций против той или иной страны, считаться с вероятностью войны на два фронта»²²⁸. Немаловажное значение имело и то, что эти пакты в какой-то степени укрепляли уверенность средних и малых государств в возможность сохранить мир и безопасность на европейском континенте путем заключения региональных пактов о взаимной помощи.

Под воздействием политического сближения Франции и Чехословакии с СССР, возраставшей роли Советского государства в мировой политике наметилось улучшение отношений между Румынией и СССР. При реальной угрозе германской агрессии более трезвые политики Румынии занялись поисками союзников по защите независимости своей страны. В этой связи их взоры, как и взоры французов, были обращены к СССР. В июне 1935 г. они предложили начать переговоры о заключении советско-румынского пакта о взаимной помощи. Советское правительство с удовлетворением приняло предложение, считая, что советско-румынское соглашение расширит фронт советско-франко-чехословацкой системы коллективной безопасности, поскольку Румыния занимает исключительно важное географическое положение в Юго-Восточной Европе. Переговоры о пакте о взаимопомощи продолжались более года — до августа 1936 г. Но уже с самого начала переговоров Советскому правительству стало ясно, что румынские правящие круги думают не только и не столько об организации коллективной безопасности перед лицом неуклонно нарастающей фашистской агрессии, сколько о том, чтобы этот фактор использовать для того, чтобы добиться от Советского правительства согласия на территориальные уступки в пользу королевской Румынии. Когда же правители Румынии еще раз убедились в том, что Советский Союз не намерен платить Румынии своей территорией за то, что она будет готова числиться в рядах сторонников коллективной защиты мира, а германский империализм резко усилил свою экономическую и политическую активность в странах Восточной и Юго-Восточной Европы, они резко изменили свою позицию, открыто отказались от поддержки курса по организации коллективной безопасности и вернулись на свой прежний курс антисоветской политики, на путь укрепления отношений с Польшей, Германией и Италией.

²²⁷ VII Всемирный Конгресс Коммунистического Интернационала. Доклад Тольятти, с. 59.

²²⁸ История второй мировой войны. 1939—1945, т. I. М., 1973, с. 304.

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
В ПЕРИОД АНШЛЮСА АВСТРИИ,
ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА
И МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА

1. ПЕРЕХОД ФАШИСТСКИХ ГОСУДАРСТВ
К ОТКРЫТОЙ ЭКСПАНСИИ.
СССР В АВАНГАРДЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
И ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ ПРОТИВ ГЕРМАНСКОЙ
И ИТАЛЬЯНСКОЙ АГРЕССИИ

События в Европе, развернувшиеся во второй половине 30-х годов, говорили о том, что фашистские государства взяли твердый курс на войну.

Ведущей силой фашистского блока была гитлеровская Германия, ставшая мощным в военно-экономическом отношении государством Западной Европы. Главной целью германских правителей было установление мирового господства. Чтобы достичь поставленной цели, они намеревались уничтожить Советский Союз, как главное препятствие в реализации их империалистических планов. Но правящие круги рейха считали, что к войне с таким сильным противником, каким является СССР, Германия еще не готова и не располагает нужными ресурсами. Завоевание советских территорий предусматривалось лишь на завершающем этапе борьбы за господство в Европе, когда, по их расчетам, появится возможность использовать военно-экономический потенциал всей Центральной, Северной и Западной Европы.

На первом этапе войны, говорил Гитлер, «германская политика должна иметь в виду двух заклятых врагов — Англию и Францию, для которых мощный германский колосс в самом центре Европы является бельмом в глазу...»¹.

Но сначала гитлеровцы планировали захват Австрии и Чехословакии, что существенно усилило бы военно-промышленный потенциал германского рейха и улучшило бы его стратегические позиции как в отношении Франции и ее союзников, так и в отношении СССР. «Германские фашисты, — подчеркивалось в резолюции VII конгресса Коминтерна, — являющиеся главными поджигателями войны, стремящиеся к гегемонии германского империализма в Европе, ставят вопрос об изменении европейских границ посредством войны, за счет своих

¹ DGFP, Series D, vol. I, p. 32.

соседей. Авантюристические планы германских фашистов простираются весьма далеко и рассчитаны на военный реванш против Франции, на раздел Чехословакии, на аннексию Австрии, на уничтожение самостоятельности Прибалтийских стран, которые они стремятся превратить в плацдарм для нападения на Советский Союз»². Перед тем как выступить против Советского Союза, фашистская Германия планировала также разгром Польши и оккупацию Румынии и других стран Юго-Восточной Европы, богатых сырьевыми стратегическими ресурсами (нефть, хлеб, цветные и редкие металлы). Правящие круги Англии и США, а за ними и правители Франции стремились военную силу германского фашизма направить против Советского Союза.

Пользуясь попустительством Лондона, Вашингтона и Парижа, фашистская Германия в нарушение Версаля уже к началу 1935 г. создала сильную регулярную армию (значительно большую, чем это было предусмотрено Версальским договором), большое число различных полувоенных формирований, где миллионы юношей проходили военную подготовку. Вскоре гитлеровцы перешли к открытому нарушению Версальского мира. 20 февраля 1935 г. германским правительством было объявлено о создании мощной военной авиации, 16 марта издан закон о введении воинской повинности и формировании вермахта в составе (в мирное время) 12 корпусов и 36 дивизий с численностью личного состава в 700 тыс. человек. Было запланировано в составе армии иметь 2 тыс. боевых самолетов, 3 тыс. танков и 3500 пушек³. 21 мая был принят тайный «Закон об обороне империи», направленный на перевод всей экономики страны на военные рельсы.

Открытое нарушение военных статей Версальского договора вызвало явную тревогу в соседней Чехословакии и среди демократической общественности ряда других стран. Эти опасные для мира в Европе действия не хотели замечать только правители Англии. Более того, 18 июня 1935 г. Англия в нарушение Версальского договора и в одностороннем порядке подписала с Германией морское соглашение. Английское правительство полностью удовлетворило требование Германии, чтобы «мощь германского флота составила 35% в отношении к совокупной морской мощи Британской империи». Отныне Германии было предоставлено «право» довести свой военный флот до 420,6 тыс. т (военно-морской флот Англии в тот момент составлял 1201,7 тыс. т)⁴. Таким образом, Германии разрешалось увеличить тоннаж ее флота более чем в 4 раза.

² VII Конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. М., 1975, с. 382—383.

³ История дипломатии, изд. 2-е, т. III, М., 1965, с. 611, 616.

⁴ Там же, с. 616.

В пагубных последствиях лихорадочного вооружения Германии отдавали себе отчет не только демократические силы, но и отдельные трезво мыслящие буржуазные политики. «Нацистское правительство,— сообщал американский посол в Берлине У. Додд в Вашингтон 5 апреля 1935 г.,— ведет себя агрессивно. Ответственное, или, вернее, безответственное, трио в составе Гитлера, Геринга и Геббельса... способно на любое безрассудство. Все они убийцы по складу ума»⁵.

Французское правительство для успокоения общественности своей страны вопрос о нарушении Германией военных статей Версальских договоров поставило на рассмотрение чрезвычайной сессии Совета Лиги наций, но без намерения чем-то наказать наглого нарушителя.

Разоблачая агрессора и его покровителей, нарком М. М. Литвинов 17 апреля 1935 г. на заседании совета Лиги наций заявил: «Мы стоим на точке зрения равноправия народов и их бесспорного права на безопасность и на все средства, обеспечивающие эту безопасность». Но как быть, продолжал нарком, «если государство, требующее или берущее себе право на вооружение, находится под исключительным руководством людей, которые объявили во всеуслышание программу своей внешней политики, состоящую в политике не только реванша, но и безграничного завоевания чужих территорий и уничтожения независимости целых государств?». Выход один, заключал глава советской делегации,— сплотить воедино все силы, выступающие против агрессии, и направить их к «созданию такого международного порядка, при котором максимально затруднилось бы нарушение мира»⁶.

Предложение советской делегации принять резолюцию, которая расширила бы меры по охране мира, с явным неудовольствием было встречено английским министром иностранных дел Д. Саймоном. Советское предложение не встретило поддержки и у министра иностранных дел Франции П. Лаваля. С резкими выпадами против принципа коллективной безопасности выступили делегаты Италии и Польши.

Правительства Англии и Франции не оказывали какого-либо сопротивления действиям и другого претендента на господство над частью мира — Италии. Это отчетливо ими было продемонстрировано, например, в период и в ходе итало-эфиопской войны, развязанной Италией 3 октября 1935 г. «Западные демократии» пальцем не пошевелили для защиты эфиопского народа.

Единственной страной, выступившей в защиту эфиопского народа, был Советский Союз. Как только стало известно о нападении Италии на Эфиопию, ЦК ВКП(б) сразу же поручил

⁵ Дневник посла Додда. 1933—1938. Пер. с англ. М., 1961, с. 303.

⁶ Литвинов М. Против агрессии. М., 1938, с. 9—10.

Советскому правительству заявить, что СССР рассматривает действие Италии как акт агрессии⁷.

С позицией «западных демократий» по существу солидаризировались правители Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Они охотно, как Англия и Франция, снабжали итальянских агрессоров — «цивилизаторов» черной Африки — всеми необходимыми для ведения войны материальными ресурсами. В 1935 г. во время итало-эфиопской войны, сообщало советское торговое представительство в Бухаресте, Румыния вывезла в Италию 25% всего годового экспорта нефти. Общий объем румынских нефтепоставок итальянским агрессорам в течение 1935—1936 гг. составил 2305 тыс. т⁸, это не считая реэкспорта румынской нефти в Италию, производившегося Германией и Венгрией. Румыния в значительных количествах покрывала импортные потребности Италии в хлебопродуктах. В указанный период она поставила Италии 317,2 тыс. т зерна⁹.

В ценностном выражении объем румынского экспорта в Италию в 1935 г. (составлявший 2621 млн. лей) намного превосходил объем экспорта в Англию и Францию, вместе взятый (1615 и 689 млн. лей). Поток румынских стратегических материалов итальянским агрессорам шел невзирая на то, что Италия только с июля по ноябрь 1935 г. заморозила румынских активов в итальянских банках на 1 миллиард лей, составлявших 40% румынского экспорта¹⁰⁻¹¹.

Румынская реакция открыто выражала свои симпатии итальянским агрессорам, особенно на последнем этапе итало-эфиопской войны. С получением известий о разгроме эфиопцев Кароль II воскликнул: «Это настоящая победа, которая будет иметь важные последствия. Я лично очень, очень рад этому». Восторженно встретил победу итальянских агрессоров учитель короля — маститый историк Н. Йорга, который по этому случаю направил Муссолини поздравительную телеграмму¹².

Официальная позиция Румынии была выражена министром иностранных дел В. Антонеску. Осенью 1936 г. он декларировал, что «румынское правительство питает большие надежды на благоприятное разрешение абиссинского конфликта и что Румыния, как латинское государство, не намерена ущемлять славу и силу латинской Италии»¹³. Выступление румынского министра получило широкий и положительный резонанс в итальянской прессе.

⁷ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2. М., 1971, с. 299.

⁸ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 11050, д. 7, л. 59.

⁹ Там же.

¹⁰⁻¹¹ Там же, ф. 1, оп. 11050, д. 7, л. 52, 56, 58.

¹² «Ерота», 27.II 1936.

¹³ Arhiva Statului — București, fond M. P. N., dosar 827/1936, f. 260.

В политических проповедях официальных представителей румынского правительства были еще кое-какие неясности. Зато в выступлениях маститых политиков из правящих классов стремление приобщиться к курсу фашистских государств проявлялось вполне открыто. Бывший премьер-министр, вождь правого крыла крестьянской партии Вайда-Воевод на одном из соборщ своих единомышленников говорил: «Между национализмом и коммунизмом идет борьба. Итак, необходимо произвести выбор. Я выбираю Муссолини и Гитлера. Я выбираю Муссолини потому, что он... спас итальянскую нацию от коммунистической опасности и теперь фашистская слава блистает на африканских высотах... Что касается Гитлера, то этот... деятель спас европейскую цивилизацию... Без Гитлера Франция была бы сегодня коммунистической»¹⁴. Устами этого махрового реакционера, являвшегося одной из ведущих фигур румынской правящей элиты, была изложена будущая программа внешней политики Румынии. Свою солидарность с захватнической политикой итало-германского империализма, свои собственные агрессивные цели правители Румынии стремились прикрыть угрозами «коммунистической опасности».

Итальянскую агрессию с не меньшим рвением поддерживала союзница Румынии — Югославия. Ее буржуазия бурно аплодировала «цивилизаторской» миссии Италии. Загребская газета «Югословенски Ллойд» в статье «Интересы нашей национальной экономики требуют дружественных отношений с нашими соседями» писала: «Югославское общественное мнение (буржуазное.— А. Ш.) никогда не одобряло санкций (против Италии), о применении которых Совет Лиги наций вынес решение (в 1935 г.) ... Но наши экономические потери не были единственной причиной нашего противодействия санкциям: Югославия всегда хорошо понимала итальянские цели в Северной Африке... После завершения итальянской колонизации Абиссинии эта страна станет превосходным рынком для сбыта нашей национальной продукции»¹⁵. В таком духе выступали все правые газеты Югославии.

Выразить свое восхищение итальянским агрессором спешили не только реакционные круги Румынии и Югославии, но и их единомышленники из других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, не желавшие понять того, что «западные демократии» их странам уготовили ту же участь, что и Эфиопии. Сдержанно вели себя только правители Чехословакии.

Последовательно и с позиций интернационализма в защиту Эфиопии, против итальянской агрессии в едином строю с Советским Союзом за рубежом выступали только коммунистиче-

¹⁴ «Dreptatea», 1.IV 1936; «Gazeta plugarilor», 5.IV 1936; «Lupta», 1.IV 1936.

¹⁵ «Jugoslovenski Lloyd», 30. X 1936.

ские партии и демократические организации рабочего класса и интеллигенции. На массовых митингах и собраниях они требовали от своих правительств обуздать итальянского агрессора, защитить независимость и суверенитет эфиопского народа.

Опережая события и исход итало-эфиопской войны, 9 декабря 1935 г. министры иностранных дел Франции и Англии подписали секретное соглашение о «мирном» урегулировании конфликта и передаче Италии $\frac{1}{3}$ эфиопской территории. (Сговор двух министров вызвал взрыв возмущения во всех странах, когда содержание соглашения проникло в печать). Но итальянских империалистов этот «кусочек» не удовлетворил. Им была нужна вся Эфиопия и даже больше... Опираясь на численное превосходство, абсолютное преимущество в технике и вооружении, используя варварские методы ведения войны, итальянские агрессоры в феврале — апреле 1936 г. разгромили основные силы эфиопской армии, а 5 мая заняли Аддис-Абебу. Присоединение Эфиопии к итальянской империи юридически было признано Англией 16 апреля, Францией — 4 октября 1938 г.

Захват Эфиопии укрепил позиции итальянского империализма в Африке и на кратчайших путях из Европы в Азию. Стратегическое положение Англии и Франции резко ухудшилось.

Успехи итальянской агрессии в Эфиопии, результаты плебисцита в Саарской области (13 января 1935 г.) дали клике Гитлера основание сделать вывод, что наступило благоприятное время для того, чтобы окончательно похоронить Версальский и Локарнский договоры и приступить к осуществлению захватнических планов в Европе. Первым актом предусматривалась оккупация Рейнской зоны (операция «Шулунг»). Задуманная авантюра была беспрепятственно (со стороны Франции и Англии) совершена 7 марта 1936 г.

Агрессивный акт третьего рейха был подготовлен в тесном политическом контакте с фашистской Италией. Правительство Муссолини за активную дипломатическую и материальную помощь Италии в проведении военной кампании в Эфиопии безоговорочно поддержало акцию Германии по захвату Рейнской зоны. «Адольфу Гитлеру, — метко оценил английский историк Уилер-Беннет, — было позволено выиграть первую битву второй мировой войны, не открывая огня»¹⁶. Германский диктатор надменным жестом «бросил перчатку» к ногам изумленной Франции. На ее границах вновь заблестели штыки германской армии.

Свой агрессивный акт Гитлер решил прикрыть «миролюбивым» жестом. Он предложил вместо растоптанного им Локарно заключить новый Локарнский пакт в том же составе сроком на 25 лет. Кроме того, он заявил о своей готовности заключить двусторонние пакты о ненападении со всеми соседними

¹⁶ Wheeler-Bennett. J. Munich. Prologue to Tragedy. London, 1963, p. 253.

странами. Срывая с Гитлера маску «миротворца», М. М. Литвинов на заседании Совета Лиги наций в Лондоне 17 марта 1936 г. со всей убедительностью подчеркнул, что предложенная германским рейхсканцлером система пактов сводится к «принципу локализации войны. Каждое государство, подписавшее такой пакт с Германией, ею иммобилизуется в случае нападения Германии на третье государство... Мы имеем дело с новой попыткой деления Европы на две или несколько частей с тем, чтобы, гарантировав ненападение на одну часть, получить свободу рук для расправы с другой частью Европы». «Мы,— заключал советский нарком,— за создание безопасности всем народам Европы, против полумира, который не есть мир, а война»¹⁷.

Английские и французские правители ничего не сделали, чтобы заставить отступить германских агрессоров. В военном отношении Франция в то время была сильнейшим государством в Западной Европе. Мощным военно-промышленным потенциалом располагала и Англия. А Германия была еще не настолько сильна, чтобы нельзя было принудить ее к «послушанию». Правительство Англии не хотело выступать в защиту интересов своего традиционного союзника. Министр иностранных дел А. Иден заявлял, что, «поскольку демилитаризованная зона была создана в первую очередь ради безопасности Франции и Бельгии, именно эти страны должны решить, насколько она для них важна и какую цену они готовы заплатить за ее сохранение»¹⁸.

Иную позицию занимал Советский Союз. Он заверял Париж в том, что Франция при обсуждении в Лиге наций вопроса об агрессивных действиях Германии может полностью рассчитывать на поддержку Советского Союза. На заседании Совета Лиги наций 17 марта советский нарком на весь мир заявил, что Советский Союз готов присоединиться к наиболее эффективным средствам наказания нарушителей ныне существующего в Европе территориального статус-кво¹⁹. Францию были готовы поддержать Бельгия, Чехословакия, Румыния и Польша. Правда, руководители последних двух стран в конфиденциальных беседах с германскими дипломатами благожелательно относились к акции нацистов по захвату Рейнской зоны. На подозрительное поведение Польши, например, указывал даже генеральный секретарь МИД Франции Леже в беседе с полпредом В. Потемкиным 13 марта²⁰.

Но при обсуждении в Лиге наций вопроса об агрессивной акции Германии выяснилось, что правители Франции и сами

¹⁷ ДВП СССР, т. XIX, док. 87.

¹⁸ «Survey of international Affairs. 1936». L., 1937, p. 260—261.

¹⁹ ДВП СССР, т. XIX, док. 85, 87.

²⁰ Там же, док. 181.

не намерены предпринимать решительные шаги против германских агрессоров. Они надеялись, как вытекает из заявления министра иностранных дел П. Фландена американскому послу в Париже Буллиту, что ремилитаризация и укрепление Рейнской зоны будут использованы Германией для того, чтобы «обратить свои взоры на юг и на восток — в сторону Австрии, Чехословакии, Польши и России»²¹. Зная эту французскую точку зрения и сама придерживаясь такой же политики, Англия добилась того, что Совет Лиги наций ограничился лишь констатацией факта нарушения Германией международных договорных обязательств. Никаких санкций или военных акций против нее принято не было. Такое решение, разумеется, вполне устраивало клику Гитлера. Оно открывало «зеленый свет» германским империалистам для их последующих агрессивных акций. Это не могло не тревожить Советский Союз. «Ремилитаризация Рейнской области,— отмечал глава Советского правительства В. М. Молотов 19 марта 1936 г. в беседе с главным редактором французской газеты «Тан» Шастенэ,— несомненно, усилила угрозу для стран, находящихся к востоку от Германии, и в частности для СССР. Не видеть этого было бы неправильно»²².

2. ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ И ДРУГИХ СТРАН ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ В ПЕРИОД ИСПАНСКИХ СОБЫТИЙ

Важным этапом борьбы Советского правительства за сохранение мира в Европе, за организацию коллективного отпора фашистской агрессии были политические и дипломатические акции Советского Союза в период испанских событий.

Полная безнаказанность итальянской агрессии против Эфиопии и германской оккупации Рейнской области поощряла империалистов Германии и Италии на вооруженные выступления более широкого масштаба и с далеко идущими целями.

Очередной их жертвой стала республиканская Испания. Победа народного фронта в феврале 1936 г. в Испании, в мае того же года — во Франции всполюшила всю европейскую реакцию — от Польши и Румынии до Англии. Особенно негодовали в связи с этими событиями в Берлине, Риме и Лондоне. Германо-итальянские фашисты и правители Англии больше всего боялись того, что «расползание» режимов Народного фронта по европейскому континенту укрепит позиции прогрессивного, революционного движения и сорвет все их замыслы по консолидации сил для организации нового «крестового похода» против Страны Советов.

²¹ FRUS. 1936, vol. I. Wash., 1953, p. 217.

²² «Правда», 1936, 24 марта.

Открытое выступление объединенных сил европейского фашизма против демократической Испании началось с военного мятежа, поднятого 18 июля 1936 г. испанской реакционной военщиной против законного правительства, избранного волею народа на парламентских выборах. Фашистский заговор против республиканского правительства Испании готовился долго и тщательно. Вскоре после победы Народного фронта правительства Германии и Италии развернули подготовку к активному вмешательству в ее внутренние дела²³. В своем успехе они почти не сомневались. Опираясь на монархический генералитет и другие элементы испанской реакции в государственном аппарате, абвер (военная разведка) рейха и внешнеполитический отдел нацистской партии создали широкую сеть шпионских и подрывных организаций по всей Испании и на ее заморских территориях.

Правда, при решении выступить единым фронтом в борьбе с испанской демократией Германия и Италия исходили с разных позиций. Рим намеревался превратить Средиземное море в «итальянское озеро» и единолично овладеть французскими колониями в Северной Африке. Гитлеровцы же, используя занятость итальянских агрессоров в бассейне Средиземного моря, в пику итальянскому партнеру рассчитывали быстро захватить Австрию и еще больше укрепить свои позиции в Центральной и Юго-Восточной Европе.

Важную роль в планах Германии и Италии играли военно-стратегические цели. Утвердившись в Испании, они надеялись получить возможность перерезать коммуникации Англии и Франции с их колониальными владениями в Африке и Азии, установить контроль над Средиземным морем и значительной частью бассейна Атлантического океана, взять в клещи «прокоммунистическую» Францию и превратить испанскую территорию в плацдарм для развития агрессии на африканском континенте.

Кроме того, агрессоры рассматривали испанскую акцию как пробу сил, которая в случае благоприятного стечения обстоятельств, по высказыванию Муссолини, позволит Германии и Италии «взяться за все страны, чтобы, где это необходимо, заставить их бороться против большевизма»²⁴.

Враждебное отношение правителей Англии и реакционных кругов Франции к демократическому движению сыграло немаловажную роль в решении Гитлера и Муссолини двинуть вооруженные силы против республиканской Испании.

Однако вначале события в Испании развивались не так, как того хотели фашистские государства и английская реакция. Лишенные поддержки широких народных масс, мятежники явно

²³ История второй мировой войны. 1933—1945, т. 2. М., 1974, с. 23.

²⁴ Германская политика и Испания (1936—1943 гг.), вып. III. М., 1946, док. 3.

терпели поражение. Американский посол в Мадриде Бауэрс писал в Госдепартамент: «Франко не в состоянии, как видно, победить без открытой военной поддержки в широком масштабе Гитлера и Муссолини». Об этом же свидетельствовал в своих донесениях и советник германского посольства в Испанской республике Швендеман. «Развитие обстановки с начала мятежа,— писал он,— ... отчетливо свидетельствует о растущей силе и успехах правительства и о застое и развале у мятежников... Если не случится что-либо непредвиденное, трудно рассчитывать, что военный мятеж... может одержать успех»²⁵.

«Непредвиденное» произошло: Франко начал получать щедрую помощь вооружением, снаряжением, продовольствием со стороны Германии и Италии. Для пополнения поредевших рядов мятежников направлялись целые соединения германской и итальянской армий.

В условиях нарастания реальной угрозы миру 20 сентября 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о целесообразности продолжать борьбу за создание в Европе системы коллективной безопасности²⁶. Выполняя эту директиву, нарком М. Литвинов в своем заявлении 28 сентября на пленарном заседании Лиги наций от имени Советского правительства призвал к сплочению все страны, заинтересованные в сохранении мира, с тем, чтобы предотвратить угрозу новой мировой войны. При этом он подчеркнул: «Общая мощь миролюбивых стран как в экономическом, так и в военном отношении, общие их ресурсы в людском материале и в военной промышленности значительно превосходят силы любой возможной комбинации стран, которые мог бы сгруппировать вокруг себя агрессор»²⁷. Но англо-французские пособники агрессии фашистских государств в Эфиопии и Испании опять остались глухими к призыву Советского правительства. Это важнейшее советское предложение не поддерживали и польское, румынское и югославское правительства.

С началом вооруженного вмешательства немцев и итальянцев в испанские дела во Франции, Англии и других странах Европы прокатилась мощная волна народного движения в поддержку испанского народа. Участники митингов и собраний требовали от правительств положить конец фашистской интервенции, оказать действенную помощь республиканской Испании. Но вместо того, чтобы политически и материально поддержать испанских демократов, Блюм по согласованию с Лондоном 2 августа 1936 г. выступил с предложением заключить соглашение о невмешательстве. Пакт о невмешательстве предусматривал запрещенные экспорта, реэкспорта и транзита в Ис-

²⁵ Цит. по кн.: *Овсяный И. Д.* Тайна, в которой война рождалась, с. 147—148.

²⁶ История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, кн. 2, с. 301.

²⁷ «Известия», 1936, 29 сентября.

панию и ее владения оружия, военных материалов и техники. Затем он был дополнен договором о запрете посылки в Испанию иностранных волонтеров. Участвовать в пакте о невмешательстве был приглашен и Советский Союз. ЦК ВКП(б) и правительство СССР решили не отклонять приглашения, хотя предвидели, что франко-английская дипломатия далека от целей защиты интересов Испанской республики. В целях маскировки своей агрессии к соглашению присоединились Германия и Италия. После этого был создан лондонский Комитет по невмешательству с участием 27 стран Европы, приступивший к своей работе 9 сентября.

При вхождении в Комитет Советский Союз руководствовался стремлением добиваться строгого выполнения соглашения, локализовать гражданскую войну в Испании, не дать ей перерасти в войну мировую. Правительство СССР было уверено, что без вмешательства извне испанский народ, большинство которого было на стороне республиканского правительства, одержит победу и преградит путь реакции. Участие Советского Союза в Комитете давало ему возможность разоблачать действия Германии, Италии и Португалии по оказанию помощи мятежникам во главе с генералом Франко (вначале в диктаторы прочили генерала Санхурхо, но на второй день мятежа он погиб в авиационной катастрофе) и оказывать дипломатическую помощь законному правительству.

Вскоре всему миру стало очевидно, что Англия, Франция, Германия, Италия, несмотря на протесты СССР, превратили Комитет по невмешательству в Лондоне в орган удушения республиканской Испании. В нарушение принятых на себя обязательств по пакту о невмешательстве Германия, Италия потоком направляли в распоряжение мятежников вооружение (танки, самолеты, орудия, ручное оружие), снаряжение и целые соединения регулярной армии для непосредственного участия в боевых операциях и прохождения боевой практики с целью подготовки к будущей большой и решающей войне на востоке Европы. Всего в течение гражданской войны в Испании (18 июля 1936 г.—28 марта 1939 г.) на стороне мятежников в разное время воевало более 300 тыс. иностранных солдат, из них более 50 тыс. немцев, 150 тыс. итальянцев, 20 тыс. португальцев, группы фашистов из других стран Европы, около 90 тыс. марокканцев²⁸. Что касается вооружения, то Германия только за первые два года войны направила Франко 650 самолетов, 200 танков, 700 орудий и много другого вооружения и снаряжения²⁹. Италия, по официальным данным, поставила мятежникам 950 танков и бронетранспортеров, 1000 самолетов,

²⁸ El balance de Veinte anos de dictadura fascista. Documento del Comité Central del Partido Comunista de España. Pracha, 1959, p. 35.

²⁹ «Коммунистический Интернационал», 1938, № 7, с. 57.

2 тыс. орудий, огромное количество ручного оружия и боеприпасов, 2 подводных лодки и 4 миноносца³⁰. Испанским фашистам активно помогали «свободолюбивые» США³¹.

К республиканской Испании явно неблагожелательную позицию заняли правящие круги Румынии. К режимам народного фронта во Франции и Испании они питали такую же глубокую ненависть, как и к демократическому движению в собственной стране. Нескрываемую неприязнь к истекавшей кровью республиканской Испании не скрывал премьер-министр Татареску, хотя занимаемый им пост обязывал его воздерживаться открыто проявлять такого рода эмоции, поскольку Румыния находилась в официальных отношениях с республикой. Румынские правители, как и вся европейская реакция, считали, что консолидации антигитлеровских сил мешал якобы Коминтерн. Однако всем прогрессивным силам было доподлинно известно, что испанские события — это результат германской агрессии, стремления Германии окружить Францию. К тому же германские планы не исчерпывались агрессией в Испании: гитлеровцы подстрекали судетских немцев в Чехословакии, вели подрывную работу в Румынии — и все это не имело никакого отношения ни к Коминтерну, ни к испанским событиям.

Открыто антипатия к республиканской Испании и полная солидарность с фашистскими агрессорами в Испании со стороны правящих кругов Румынии проявились во время похорон И. Моца и Марина — двух румынских фашистов, погибших на испанском фронте.

В начале 1937 г. ведущая фашистская партия Румынии «железная гвардия» в помощь Франко направила 7 своих активных членов. Сбор и подготовка к отправке фашистских волонтеров проходили с большой помпой и торжественностью. Они велись при активном участии официальной церкви и явной поддержке самого румынского правительства. По распоряжению патриарха Румынии митрополиты и епископы отслужили молебны и пожелали железногвардейцам ратных подвигов в борьбе с неверующими. Торжества приняли разнузданно антисоветский характер. В числе добровольцев был 70-летний генерал, принц Кантакузино-Граничару — комиссар гвардии по военным делам. Но более заметной фигурой был И. Моц — правая рука фашистского вожака К. Кодряну. Старец-генерал не доехал до фронта. При каких-то обстоятельствах получив небольшую царапину от «красных», он вернулся в Бухарест. С получением известий о гибели Моца и Марина (это случилось во время разгрома фашистских сил под Малахондой) генерал вернулся в Испанию с тем, чтобы заполучить в свое распоряжение тела двух «геро-

³⁰ Война и революция в Испании. 1936—1939, т. I. М., 1968, с. 202—203.

³¹ Там же, с. 128—129; Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность, с. 121.

ев» и отправить их на родину (ландскнехтов из Румынии могли похоронить и на испанской земле. Но румынским политикам этот случай нужен был для поднятия боевого духа румынской реакции в пользу Франко). По ходатайству премьер-министра Татареску перед Парижем вагон с телами фашистов был пропущен через территорию Франции. Затем он проследовал бесплатно по территориям Швейцарии, Германии и Польши. В Берлине покойникам отдавались высокие почести. На перроне берлинского вокзала был выстроен почетный траурный караул из войск вермахта и СС. По достижении румынской границы траурный поезд был пущен, с разрешения правительства, по ломаному маршруту: Черновицы — Клук — Сибиу — Бухарест с тем, чтобы он проследовал по всей Румынии. Поезд от польской границы до Бухареста шел 6 суток, вместо 10 обычных часов. В соответствии с распоряжением патриарха на каждой остановке попы служили панихиды по павшим за «Христа»³². Мэры городов силой сгоняли на станции и вокзалы «скорбящие» массы.

Траурный поезд в Бухарест прибыл 11 февраля 1937 г. На вокзале состоялись траурный митинг и парад членов «запрещенной» «железной гвардии», одетых в фашистскую униформу. На встрече присутствовал бывший испанский посланник, изменивший законному правительству. Павших «героев» перевезли в церковь Святого Илие для прощания³³. За два дня мимо гробов Моца и Марина прошло не менее тысячи офицеров столичного гарнизона в парадной форме. 13 февраля состоялись торжественные похороны. Для участия в похоронах по указанию патриарха Румынии в столицу прибыло не менее 500 священников, все митрополиты и епископы. Сам патриарх не участвовал в похоронной процессии, но зато в день похорон он в патриаршей церкви отслужил панихиду во славу павших. За кортежем следовали: весь состав германской и итальянской миссий во главе с посланниками Фабрициусом и Соло, португальский и японский посланники³⁴, помощник польского военного атташе вместе с молодежной делегацией, специально присланной Варшавой. На гробы были возложены венки от Гитлера, Геринга, Муссолини, Бека. Рядом с ними находился анонимный венок от Кароля II. Свои похоронные торжества «железная гвардия» намеревалась закончить разгромом посольства республиканской Испании. Но бухарестские власти не решились этого допустить, преградив путь legionерам к миссии.

Фашистская пресса и даже многие либерально-буржуазные газеты, отмечалось в печати Румынской компартии, прославляли этих фашистов и объявляли их мучениками, героями нации.

³² Arhiva centrală CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 32.

³³ Ibidem.

³⁴ Ibidem.

Осуждая действия румынской реакции в поддержку испанских мятежников, компартия призывала румынский народ, демократические силы страны организовывать митинги и собрания солидарности с испанским народом, шире развернуть сбор средств в фонд сражающейся республиканской Испании, активнее оказывать помощь в посылке в республиканскую армию румынских добровольцев³⁵.

Участие глав и представителей дипломатических миссий Германии, Италии, Японии, Португалии, Польши в похоронах было акцией грубого вмешательства во внутренние дела Румынии, поскольку члены правительства Румынии по внешнеполитическим соображениям в траурной процессии не участвовали (лишь король негласно пропустил кортеж мимо себя, усевшись у окна в одном из домов на пути следования похоронной процессии, о чем легионеры секретно были поставлены в известность). Факт участия дипломатов фашистских государств в похоронах вызвал в демократических кругах Румынии бурю негодования, чуть не приведшую к падению правительство Татареску. Это же событие получило отрицательный резонанс в советской прессе и в демократической печати ряда стран Европы.

Под давлением демократических элементов правительство Татареску было вынуждено «осудить» действия иностранных дипломатов. Но порицание Татареску, записал А. Калинеску в дневнике, вызвало у В. Антонеску, заседавшего в это время в Афинах на сессии Балканской Антанты, резкое возмущение, а у его коллег — министров иностранных дел других стран Балканского союза — Стоядиновича, Араса и Метакса — панический страх. При получении этого сообщения, рассказывал Антонеску Калинеску, министры «схватились за головы»³⁶.

Параллельно с политической демонстрацией неприязни к Испанской республике правителями Румынии предпринимались против республиканцев и экономические акции. В январе 1937 г., например, они пытались сорвать загрузку республиканского танкера «Комеро» нефтепродуктами (несмотря на имевшийся официальный контракт с одним из румынских нефтяных обществ). Задержку с отправкой горючего в Испанскую республику румынское правительство намеревалось осуществить под предлогом, что Румыния присоединилась к «соглашению о невмешательстве» в испанские дела. Однако это не мешало тому же румынскому правительству только за пять последних месяцев 1936 г. отправить мятежникам 60 тыс. т бензина, масел и других нефтепродуктов. Кроме того, румынское горючее рекой лилось к Франко через гитлеровскую Германию и фашистскую Италию.

³⁵ Arhiva centrală a CC al PCR. Cota AB XXI — 3, f. 14—15.

³⁶ Ibidem, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 35.

Разоблачая профашистскую политику правящих кругов страны, Румынская компартия в выпущенной ею 20 февраля 1937 г. брошюре «Помощь Испании» писала: «Защита демократии есть самое большое преступление в глазах правительства Татареску... Он лично дал распоряжение приостановить загрузку в порту Констанца парохода испанского правительства «Комеро» газOLIном и нефтью — никем не запрещенным грузом! В то же время река румынской нефти направляется гитлеровской Германии — провокатору новой мировой войны»³⁷.

С не меньшим рвением испанским мятежным генералам оказывали помощь союзники Румынии — бековская Польша и бенешевская Чехословакия. Правители этих стран, тоже проводя политику «невмешательства», не стеснялись поставлять мятежникам даже оружие: Польша прямо³⁸, Чехословакия — путем реэкспорта³⁹. Польская дипломатическая миссия в Мадриде, как и румынская, превратилась в убежище для агентов Франко и изменников республики, укрывавшихся от справедливого гнева испанского народа.

Польские и чехословацкие власти, как и румынские, разгоняли митинги солидарности с испанским народом, запрещали сбор средств в пользу республиканской Испании, вели строгую полицейскую слежку за теми, кто хотел отправиться на помощь республиканской армии. Такую же политику в отношении Испанской республики вели правительственные круги Болгарии и Югославии.

Польша, Румыния, Чехословакия и союзные с ними страны, следуя в испанском вопросе за Англией и Францией, не поддерживали предложения Советского Союза, предусматривавшие принятие действенных мер для пресечения германской и итальянской агрессии. Они, как и Англия, Франция и США, наложили строжайший запрет на продажу оружия законному правительству Испанской республики, а их пресса требовала от своих правительств признать «правительство» Франко.

Совершенно по-иному поступали демократические силы стран Восточной и Юго-Восточной Европы. Из Румынии, Чехословакии, Польши, Югославии, Болгарии нелегально, преодолевая огромные трудности, чинившиеся правительствами этих стран, отправились в Испанию сотни и тысячи коммунистов, демократов, чтобы в рядах республиканской армии принять участие в борьбе против международного фашизма.

На протяжении затянувшейся гражданской войны в Испании были периоды, когда перевес сил и шансы на победу были явно на стороне республиканского правительства. Но империалистические круги Англии, Франции, США не желали допу-

³⁷ Arhiva I.S.I.S.P., Cota AB XXI—3, f. 14.

³⁸ История Польши, т. III, с. 425.

³⁹ История Чехословакии, т. III, с. 291.

стить разгрома мятежников и германо-итало-португальских интервентов. С каждым месяцем гражданской войны становилось все более ясно, что между Лондоном и Парижем, с одной стороны, и Берлином и Римом — с другой, идет темная и нечистоплотная игра вокруг испанского вопроса. Правительства Англии и Франции не мешали агрессорам вести разбойничью войну против молодой Республики. 7 октября 1936 г. Советское правительство сделало председателю Комитета по невмешательству Плимуту заявление с указанием на непрекращающуюся военную помощь мятежникам со стороны Германии, Италии и Португалии. Правительство СССР предупреждало, что «если не будут немедленно прекращены нарушения соглашения о невмешательстве, оно будет считать себя свободным от обязательств, вытекающих из соглашения»⁴⁰. Поскольку вмешательство фашистских государств в дела Испании не только продолжалось, но и усиливалось, правительство СССР 23 октября 1936 г. уведомило участников соглашения о принятии им решения «вернуть правительству Испании права и возможности закупать оружие». «Соглашение,— указывалось в ноте,— превратилось в пустую, разорванную бумажку. Оно перестало фактически существовать»⁴¹.

Решительный шаг советской дипломатии вдохнул новые силы в испанских борцов за справедливое дело. Они резко усилили свою боевую активность и в последующем нанесли мятежникам и интервентам ряд блестящих ударов. Важную роль в этом сыграла военная и материальная помощь Советского Союза. Правительство СССР предоставило республиканской Испании кредит в сумме 85 млн. долларов⁴². Большие суммы денег в фонд «сражающейся Испании» внесли сами советские трудящиеся. Только к октябрю 1936 г. было собрано 56 млн. руб.⁴³ Крупные суммы денег были собраны в последующие годы. На эти средства в Испанию были отправлены десятки пароходов с продовольствием, медикаментами, одеждой. Советский Союз оказал Испанской республике большую помощь оружием. С октября 1936 г. по январь 1939 г. Советский Союз поставил Испанской республике 648 самолетов, 347 танков, 60 броневывомобилей, 1186 орудий, 20486 пулеметов, около 500 тыс. винтовок и большое количество военных материалов. В организации отпора фашистским мятежникам и итало-германо-португальским интервентам важную роль сыграли советские добровольцы — летчики, танкисты, артиллеристы, среди которых были и прославленные военачальники. В рядах республиканской армии сражалось более 3 тыс. советских патриотов, из ко-

⁴⁰ «Известия», 1936, 8 октября.

⁴¹ «Правда», 1936, 24 октября.

⁴² История СССР, т. IX. М., 1971, с. 50.

⁴³ История дипломатии, т. III, с. 638.

торых 200 человек погибло в боях⁴⁴. Всесторонняя советская поддержка была высоко оценена руководством Испанской республики. «Помощь, которую оказывал нам Советский Союз,— говорил премьер-министр Х. Негрин,— была помощью без условий, советами без требований, она была предельно благородной и самоотверженной»⁴⁵. Характеризуя отношение СССР к событиям в Испании, И. В. Сталин в телеграмме секретарю ЦК Испанской Компартии Хосе Диасу от 16 октября 1936 г. подчеркнул: «Трудящиеся Советского Союза выполняют лишь свой долг, оказывая посильную помощь революционным массам Испании. Они отдают себе отчет, что освобождение Испании от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а общее дело всего передового и прогрессивного человечества»⁴⁶.

По призыву Коминтерна в защите республиканской Испании участвовали многие коммунисты и истинные демократы из многих стран Европы и Америки. Они полностью отдавали себе отчет в том, что от исхода битвы между демократией и фашизмом в Испании во многом зависит судьба Европы.

Однако международное положение в конце 1936 г. и в 1937 г. становилось все более взрывоопасным. Совместная германо-итальянская интервенция в Испании и англо-французская политика поощрения агрессоров создавали определенные условия для сколачивания блока фашистских государств. Официальное оформление блока началось с подписания германо-итальянского соглашения, положившего начало существованию «оси» Рим — Берлин. Подписание договора состоялось 25 октября 1936 г. в резиденции Гитлера в Берхтесгадене.

Участники соглашения решили признать «правительство» Франко, выработали единые меры борьбы против Испанской республики, общую линию поведения в отношении «западных плутократий». Одновременно два агрессора достигли взаимопонимания и по таким вопросам: Германия официально признала присоединение Италией Эфиопии и итальянское господство в бассейне Средиземного моря, а итальянское правительство взяло обязательство не препятствовать Германии в установлении своего политического и экономического господства в регионе Восточной и Юго-Восточной Европы и ее действиям в Австрии.

Ровно через месяц, т. е. 25 ноября, Германия достигла договоренности о заключении двустороннего соглашения и с Японией. Германские и японские империалисты опасались заключать открытый военный союз. Соглашение от 25 ноября ими было названо «Антикоминтерновским пактом», т. е. договором, якобы направленным только на борьбу с распространением

⁴⁴ История второй мировой войны, т. 2, с. 54—55.

⁴⁵ Цит. по кн.: Прицкер Д. Подвиг Испанской республики. 1936—1939. М. 1962, с. 202.

⁴⁶ «Правда», 1936, 16 октября.

коммунистических идей в их странах⁴⁷. Вслед за германо-японским пактом 2 декабря 1936 г. было заключено двустороннее соглашение и между Италией и Японией. 6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к «Антикоминтерновскому пакту». Три «оси»: Рим — Берлин, Берлин — Токио и Токио — Рим превратились в «треугольник» Берлин — Рим — Токио. Так сформировался блок агрессоров. Впоследствии в него вошли другие враждебные Советскому Союзу государства — Венгрия, Румыния, франкистская Испания. К «Антикоминтерновскому пакту» был приложен секретный протокол. Именно в нем были изложены цели борьбы агрессоров за мировое господство, главным препятствием на пути к которому они считали Советский Союз. Но начинать свою агрессию с Советского Союза они опасались. Объектами их объединенной агрессии должны были сначала стать те регионы Европы и Азии, где имелись большие шансы на успех.

После восстановления в Германии воинской повинности, создания большой армии и занятия Рейнской области призыв бороться против цепей Версаля потерял актуальность. Для камуфляжа своих агрессивных планов и действий теперь гитлеровцы решили в первую очередь брать на вооружение лозунг «борьба с большевизмом». Антибольшевизм и антикоммунизм, как вытекает из секретных документов западных государств, теперь ставших достоянием гласности, служили ловушкой для буржуазных стран Европы. Им была уготована судьба вассалов в «новом порядке», которую они сполна познали через несколько лет. Этой судьбы еле избежала и Англия.

Все говорило о том, что положение в Европе складывалось не в пользу миролюбивых народов, не в пользу Испанской республики. Ведущие и малые страны капитализма ее бойкотировали. Ей отказали в оружии Англия, Франция и США. Поставки оружия только из СССР не могли обеспечить возраставшие потребности республиканцев, тем более что эти поставки все больше и больше затруднялись ввиду неоднократного закрытия правительством Блюма франко-испанской границы, что сильно затруднило использование сухопутных путей. Морской же путь оказался под сильной угрозой, так как в Средиземном море господствовали германо-итальянские морские силы, блокировавшие порты республиканцев и в результате пиратских нападений потопившие несколько советских судов с грузами для Испанской республики. За время войны в Испании, по признанию франкистского адмирала, военно-морские силы Германии, Италии и мятежников потопили 53 и захватили 348 иностранных судов общим водоизмещением 650 тыс. т⁴⁸.

⁴⁷ Координация борьбы с коммунистическим движением между карательными органами Германии, Японии, Италии, Финляндии, Польши, Румынии и даже Чехословакии существовала и раньше.

⁴⁸ История второй мировой войны, т. 2, с. 54.

Германо-итальянская интервенция создала очаг войны в Европе. Правда, из-за Испании клика фашистской Германии не собиралась начинать всеобщей войны в Европе. В ноябре 1937 г., вскоре после утверждения директивы «О единой подготовке вермахта к войне», Гитлер говорил, что он предпочитает затяжную войну в Испании, чтобы выиграть время для наращивания вооружений и чтобы накопить опыт, выработать военную стратегию для ведения большой войны⁴⁹. Кроме того, Германия и Италия в тот момент явно опасались объединенных действий своих потенциальных противников. Германские дипломаты допускали, что им придется прекратить отправку войск в Испанию, если Англия, Франция и США выразят протест⁵⁰. Италия, в свою очередь, послала войска в Испанию лишь тогда, когда убедилась, что ни Лондон, ни Париж не собираются выступить в поддержку Испанской республики⁵¹.

Англия и Франция не только не выступили в защиту испанского народа, но и оказывали сначала пассивно, а затем и активно помощь фашистским государствам в удушении республиканской Испании. Это стало явным с приходом к власти в Англии Н. Чемберлена (май 1937 г.), во Франции — Э. Даладье (апрель 1938 г.), взявших курс на сговор с гитлеровской Германией и фашистской Италией против Советского Союза и других миролюбивых народов Европы. Следуя курсу поощрения фашистской агрессии в Испании, правительство Даладье — Боннэ наглухо закрыло франко-испанскую границу и этим самым окончательно лишило республиканскую Испанию возможности получения советской военной и материальной помощи (порты республиканцев к этому времени фашистами были уже полностью блокированы). Этот акт нельзя расценить иначе, как удар в спину республиканской Испании. Подобное коварство совершила и Англия. В апреле 1938 г. в Риме состоялась встреча Чемберлена с Муссолини, во время которой английский премьер-министр заключил с Италией договор о сотрудничестве в бассейне Средиземного моря, на Ближнем Востоке и в Северной Африке⁵². Стороны обменялись также нотами о признании аннексии Италией Эфиопии. Чемберлен, писал полпред И. М. Майский в своем обзоре внешней политики Англии, «считает, что германский и итальянский фашизм смогут еще пригодиться английской буржуазии в качестве тарана в борьбе с «коммунистической опасностью»... Вот почему вся его внешнеполитическая установка базируется не на сопротивлении

⁴⁹ Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы, т. I. М., 1973, док. 31.

⁵⁰ DGFP, Series D, vol. III, p. 155—156.

⁵¹ FRUS. 1936, vol. II, p. 577.

⁵² Германская политика и Испания (1936—1941 гг.), вып. III, док. 10.

агрессорам, а на сделке с агрессорами за счет третьих стран, если возможно, то и за счет СССР»⁵³.

Оценивая политику «невмешательства» Чемберлена, английский буржуазный историк У. Макелви указывает, что «эта политика проводилась исключительно в интересах врагов и нарушителей мира... Борьба в окопах Мадрида была борьбой во имя дела либерализма и демократии, а не большевизма»⁵⁴. Исключительно важную характеристику политике английского и французского правительств дал бельгийский сенатор Ролэн. Выступая 30 апреля 1937 г. на митинге в Лондоне, организованном английским комитетом сторонников республиканской Испании, сенатор сказал, что он не может понять политики английского и французского правительств, которая жертвует интересами Англии и Франции в Средиземном море. Этой антинациональной политике Ролэн противопоставил политику СССР. «Как объективный иностранец,— говорил сенатор,— я должен констатировать, что в Европе есть только одна держава, которая оказывает действительный отпор Германии и Италии,— это Россия»⁵⁵.

Уже после некоторых успехов мятежников в союзе с германо-итальянскими интервентами в ноябре 1936 г. Англия завязала с Франко торговые отношения, а в начале 1937 г. открыла в захваченной фашистами зоне свои консульства, чем де-факто признала франкистский режим. В разгар боев на реке Харама и под Гвадалахарой, где республиканцы одержали над итальянцами и франкистами знаменательные победы, Англия пыталась навязать республиканской Испании «перемирие» с мятежниками⁵⁶. Лондон и Париж особенно сильно оказывали давление на правительство Испании в период аншлюса Австрии и подготовки расчленения Чехословакии. Эта акция явно носила и антисоветский характер. В августе 1938 г., в канун Мюнхена, Англия и Франция в ультимативной форме вновь потребовали от Испанской республики прекращения огня. Этот ультиматум Чемберленом и Даладье был повторен в конце января 1939 г. А 9 февраля английские военно-морские силы приняли прямое участие в подавлении республиканских очагов сопротивления⁵⁷. 27 февраля Англия и Франция разорвали дипломатические отношения с республикой и признали «правительство» Франко. 28 марта 1939 г. под натиском объединенных сил фашистских государств и англо-франко-американской реакции Испанская республика пала.

Страх перед перспективой победы «красной» Испании, как выражались перепуганные европейские буржуа, страх, что это

⁵³ «СССР в борьбе за мир...», док. 132.

⁵⁴ *McEwene W.* Britains Locust Years. 1918—1940. L., 1962, p. 255—256.

⁵⁵ Цит. по кн.: История СССР, т. IX. М., 1971, с. 50.

⁵⁶ История второй мировой войны, т. 2, с. 31.

⁵⁷ Там же, с. 32—33.

послужит толчком для крушения прогнившего строя и в других странах Европы, был основой политики «невмешательства», проводившейся Англией, Францией и их союзниками и друзьями в Восточной и Юго-Восточной Европе.

Выполняя свой интернациональный долг, Советский Союз предпринимал большие усилия по защите революционной Испании, использовал все для разоблачения фашистских агрессоров и англо-французских «мироворцев», вел упорную борьбу по мобилизации мирового общественного мнения против фашизма. Политические и дипломатические акции Советского правительства сыграли важную роль в срыве попыток правителей Англии и Франции за спиной Испанской республики сговориться с фашистскими агрессорами в 1936—1938 гг. Тем не менее фашистские государства в Европе набирали силу. Резко ослабив тылы Франции и создав угрозу на ее юго-западных границах, германские империалисты обеспечили себе благоприятные условия для развертывания агрессивных действий в Центральной и Восточной Европе.

3. УКРЕПЛЕНИЕ РУМЫНИЕЙ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ С БУРЖУАЗНОЙ ПОЛЬШЕЙ И ГИТЛЕРОВСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ И СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

При проведении политики поощрения фашистской агрессии Англия, Франция и США резко усилили свой антисоветский курс. Антисоветизм заметно возрастал в Румынии и в ряде других стран Европы — непосредственных соседей Советского Союза.

Тактика поведения румынских политиков в отношении Страны Советов некоторое время сохранялась еще прежней, но конкретные действия носили уже совершенно иной характер по сравнению с первыми двумя годами после установления советско-румынских отношений. Ясно чувствовалось наступление прохлады и затем оживление неприязни к Советскому Союзу, да и к Франции — союзнице СССР. «Ответственные круги Советского Союза, — как правильно подметил французский поверенный в делах в Москве Пайяр в своем донесении в Париж 2 сентября 1936 г., — выражают опасения, что Румыния под руководством короля, симпатизирующего рейху... может пойти по пути опасных авантур»⁵⁸. Такого рода мысли высказывались и на страницах румынской демократической прессы, особенно коммунистической. «Охлаждение отношений с Советским Союзом и Францией и потепление отношений с Италией и Германией, — писала «Скынтея», — есть новый этап предательства

⁵⁸ DDF, serie II, t. III, Paris, 1966, doc. 207.

страны, новые доказательства поддержки гитлеровской атаки советско-чехословацкого союза с фланга»⁵⁹.

С конца 1936 г. правители Румынии во главе с Каролем II и Татареску стремились к оживлению и восстановлению сотрудничества с рядом государств на антисоветской основе. «Из многочисленных разговоров как с иностранцами, так и с румынами,— доносил полпред М. С. Островский своему правительству,— у меня сложилось убеждение, что румыны имеют в виду дать тормоз своим отношениям с Советским Союзом». Определенные круги в Румынии, продолжал полпред, носятся с идеей создания «нейтрального блока» государств, который «должен поддерживать одинаково хорошие отношения как с Германией, так и с Россией, и в особенности не должен делать ничего такого, что могло бы показаться направленным против Германии»⁶⁰. Эти планы румынских политиков зафиксированы и в дневнике видного национал-царанистского деятеля, будущего министра внутренних дел и премьер-министра периода королевской диктатуры А. Калинеску⁶¹.

Вредность и пагубные последствия создания «нейтрального блока», могущие наступить для Румынии и советско-румынских отношений, были глубоко раскрыты наркомом М. М. Литвиновым в его инструктивном письме полпреду в Бухаресте. «Выдвигаемый Фотино и Гафенку⁶² план создания барьера между нами и Германией,— писал нарком 13 ноября 1936 г.,— настолько нелеп, что Вам не стоит, вероятно, большого труда высмеять его. В самом деле, за исключением Польши, ни Эстония, ни Латвия, ни Румыния не могут приостановить движения германской армии на Восток. Не по силам это и одной Польше, хотя, конечно, она могла бы некоторое время сопротивляться. ...Если даже допустить, что страны, образующие этот «барьер», заключат между собой союз, то они никакой существенной помощи друг другу оказать не могут, ибо у каждой из них не хватит вооруженных сил для собственной защиты... Балтийские же страны и Румыния могут оказаться и самостоятельной целью германской агрессии... Но если они даже уверены, что СССР пойдет навстречу германским войскам в Прибалтике или в Румынии, то для последних отнюдь не безразлично, будет ли предварительная договоренность между ними и СССР или нет»⁶³.

Следовательно, «нейтральный блок» из стран, расположенных между Балтийским и Черным морями, должен был служить не

⁵⁹ «Scînteia», 15.X 1936.

⁶⁰ ДВП СССР, т. XIX, с. 776.

⁶¹ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 20.

⁶² Соответственно вице-председатель палаты депутатов и заместитель министра иностранных дел Румынии.

⁶³ ДВП СССР, т. XIX, док. 357.

барьером между Германией и СССР, а фактически придатком империалистических союзов Германии, поскольку в нем должны были участвовать наряду с «нейтральной» Румынией фактическая союзница Германии Польша, преданные Берлину Финляндия и Болгария, фашистские страны Прибалтики. О том, что «нейтральный» блок должен был служить интересам германской агрессии, свидетельствуют беседы ответственных польских дипломатов с Герингом. Заместитель министра иностранных дел Польши Я. Шембек, резюмируя свою беседу с Герингом и требование последнего держаться тесного германо-польского единства в восточном вопросе, записал: «Мы, как и Германия, не любим ни Россию, ни Чехословакию. Мы можем быть уверены, что, если у нас будут какие-нибудь серьезные трудности на нашей восточной границе, мы всегда можем рассчитывать на полное понимание и политическую поддержку со стороны третьей империи». К этому, как фиксируется в записи, нацистский главарь добавил: «Германии нужна сильная Польша (при этом он вставил, что Польше Балтийского моря недостаточно и что мы должны иметь выход к Черному морю)»⁶⁴. О необходимости захвата Польшей украинских земель Геринг говорил и с польским послом в Берлине Ю. Липским⁶⁵. При встрече с Шембеком Геринг не преминул подчеркнуть особые заслуги Бека и Липского в проведении антисоветской политики.

Далеко идущие замыслы, вытекавшие из создания единого антисоветского фронта, довольно ясно проявились при активном обмене государственными визитами между Румынией и Польшей, Румынией и Югославией, а также между Румынией и Италией.

Правая, а нередко и либеральная румынская пресса без стеснения уже писала, что Румыния при определении своей внешнеполитической ориентации должна брать пример с Польши, которая успешно, мол, противостоит Советскому Союзу, поддерживает сердечные отношения с Германией, не порывая традиционного союза с Францией⁶⁶. Общее направление предлагаемого курса полностью соответствовало настроениям и намерениям правящих кругов Румынии, но с некоторой поправкой. Они не сразу хотели раскрывать свои карты и резервировали возможность пока вести двойственную политику.

Выполняя волю короля и Татареску, в конце ноября 1936 г. министр иностранных дел В. Антонеску совершил официальную поездку в Варшаву. В период этого визита у румынского министра состоялся широкий обмен мнениями с Беком и другими польскими руководителями по целому кругу вопросов международной политики на ближайшие годы. В центре внимания,

⁶⁴ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 234.

⁶⁵ Там же, док. 253.

⁶⁶ «Mişcarea», 10.IX 1936.

само собой разумеется, было отношение Польши и Румынии к Советскому Союзу. «Антонеску заверил Бека,—говорилось в донесении чехословацкого посланника в Варшаве,—что Румыния никогда не вступит в договорные отношения с СССР»⁶⁷. Переговоры с Беком велись явно на антисоветской основе, хотя многие румынские политические деятели, в том числе тот же В. Антонеску, В. Маджеару и др., признавали миролюбивый характер советской внешней политики и не видели со стороны СССР никакой угрозы для Румынии⁶⁸.

В коммюнике о переговорах Антонеску с Беком подчеркивалось, что те цели, которые ставились при заключении румыно-польского союза, остаются актуальными и в настоящее время. Стремясь хоть как-то закамуфлировать антисоветскую суть румыно-польского сотрудничества, румынский министр в интервью польским и иностранным журналистам заявил, что Румыния не хочет быть ни в советском, ни в антисоветском блоке. Тем самым румынский дипломат поставил на одну доску агрессивную Германию и миролюбивое Советское государство. К тому же всему миру было известно, что существовал только антисоветский блок. Советского блока не было. Заявление румынского министра о советском блоке, в котором Румыния не собиралась участвовать, было не чем иным, как провокацией, направленной на усиление антисоветизма со стороны румыно-польской и иной реакции.

Пребывание Антонеску в Варшаве и его заявление представителям печати насторожило Советское правительство. Оно подтверждало и укрепляло мнение советских руководителей, что Румыния изменила своему внешнеполитическому курсу. Более того, поездка румынского министра в Варшаву продемонстрировала крепнущее единство Румынии и Польши на основе военного союза, направленного против СССР, что не могло не вызвать сильной озабоченности у Советского правительства. Два года Варшава не приглашала Гамелена, а румынские руководители не посещали Польшу, считая, что с востока нет угрозы ни для Польши, ни для Румынии. Уместно отметить и то, что в отношениях Советского правительства к румынскому государству не демонстрировалось никаких негативных элементов. Советские руководители задавались вопросом, чем же было вызвано оживление политических контактов между румынскими и польскими руководителями. Напрашивался только однозначный ответ: сменой внешнеполитического курса Румынии.

Негативное отношение к поездке румынского министра в Польшу М. С. Островский неоднократно высказывал ведущим политическим деятелям Румынии. Приглашенному на обед в полпредство А. Калинеску полпред заявил, например, что Анто-

⁶⁷ Kral V. Op. cit., str. 237.

⁶⁸ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 20.

неску совершил грубую антисоветскую акцию, он «заключил в Варшаве соглашение, восстанавливающее прежнюю направленную против России политику»⁶⁹.

Политика антисоветизма румынскими правителями активно эксплуатировалась и во взаимоотношениях с другой румынской союзницей — королевской Югославией. Это отчетливо вытекало из беседы румынского премьер-министра Татареску с председателем югославской скупщины Тиричем и заместителем министра торговли Югославии, находившихся в Бухаресте на межпарламентской конференции по торговле в сентябре 1936 г. Румынский премьер не советовал Югославии устанавливать дипломатические отношения с СССР.

Предпринимавшиеся Румынией внешнеполитические шаги шли вразрез с заверениями в дружбе к Советскому Союзу, которые давались Антонеску в беседах с М. М. Литвиновым 20 сентября и 1 октября 1936 г. в Женеве, а Татареску и Инкульцем — при многократных встречах с М. С. Островским.

По существу антисоветский дух встречи Антонеску — Бек отражен в выступлении румынского министра на парламентской комиссии по иностранным делам 11 декабря 1936 г.: «Сегодня, как и в прошлом, наши отношения с Польшей имеют большое значение. Наше географическое положение и идентичность общих интересов требуют от нас, чтобы эти отношения были как можно более тесными», а поэтому «необходимо полностью сохранить принципы, установленные румыно-польским договором о гарантиях, и укрепить связи во всех областях, которые объединяют наши страны, — связи, которые стали основой наших целей во внешней политике»⁷⁰. Как видно, предстоящие задачи по укреплению антисоветского фронта поставлены весьма четко. Отказ от курса на коллективную безопасность Антонеску подтвердил еще в беседе с министром иностранных дел Крофтой во время пребывания с королем в Праге (29—30 октября), заявив своему коллеге, что Румыния не хочет быть в каком-либо международном союзе с участием СССР⁷¹.

Чтобы удержать Румынию от сползания на рельсы прогитлеровской политики, М. С. Островский по поручению наркома заявил румынскому правительству, что Советское правительство «имело право рассчитывать, что после Лондонской конвенции, заключения советско-французского и советско-чехословацкого пактов и нашего сближения с Румынией польско-румынский союз не будет акцентироваться». Однако поездка Антонеску в Варшаву, подчеркивал полпред, показывает, что Румыния сно-

⁶⁹ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 36—37.

⁷⁰ Arhiva Statului — Buc., fond MPN, dosarul 348/1936, f. 10—11.

⁷¹ DDF, serie II, t. III, doc. 434.

ва возвращается на прежние позиции, в соответствии с договором 1921 г.⁷²

Указания советского полпреда на перемену в румынской внешней политике подтверждались официальным выступлением небезызвестного Инкулеца, ставшего к этому времени уже вице-премьер-министром и продолжавшего в дворцовых и правительственных кругах в «русском вопросе» играть вторую после Татареску скрипку. Выступая в начале ноября 1936 г. на большом митинге в Орадя Маре, он заявил, что «румынское правительство считает угрозу нападения одинаково вероятной и возможной как с Тиссы, так и с Днестра»⁷³. Протестуя против этого наглого выпада в адрес Советского Союза, полпред при встрече с Инкульцем сказал: «Разумеется, всякое правительство делает ту политику, которую оно считает соответствующей своим национальным интересам, и мне остается только принять к сведению, что национальные интересы Румынии на данном этапе ей диктуют по тем или иным причинам мобилизацию сознания народных масс и против Советского Союза. И делается это двояким способом: как замалчиванием мирной политики моей страны, так и спекулируя на патриотизме народных масс, указывая им на угрозу со стороны Союза, о котором и Инкулец, и все правительство знают, что эта опасность существует только в воображении Гоги, Кузы и Жоржа Братиану»⁷⁴. Не случайным является то, продолжал М. С. Островский, что с позволения правительства румынская пресса ведет разнузданную, как никогда до сих пор, антисоветскую пропаганду, нетерпимым становится поведение в отношении СССР даже правительственных официозов «Вииторул» и «Эндепэн-данс румэн», власти учиняют абсолютный произвол с нашими кинофильмами, не давая разрешения на их демонстрацию или снимая их без всякой причины с экрана⁷⁵.

Политическую линию румынского правительства характеризовали и такие акции, как заключение 24 сентября 1936 г. нового торгового договора с Германией на поставку ей большого количества нефти, нефтепродуктов и другого стратегического сырья, несмотря на неспособность последней оплачивать румынские поставки нефти свободно конвертируемой валютой (свою нефть Румыния стремилась продавать, как правило, только за твердую валюту), открытая заявка на сближение с фашистской Италией⁷⁶. И все это предпринималось румынским правительством в условиях расширявшейся германо-итальянской интер-

⁷² ДВП СССР, т. XIX, док. 357.

⁷³ Там же, док. 365.

⁷⁴ Там же.

⁷⁵ Там же, док. 365.

⁷⁶ Там же, док. 309, Arhiva Statului. Buc., fond MPN, dosarul. 827/1936, f. 260.

венции в Испании и подготовки других актов агрессии со стороны Берлина, Рима и Варшавы.

Учитывая резко усилившиеся среди румынских правящих кругов антисоветские настроения, гитлеровское правительство, а за ним и японское, как свидетельствует бывший румынский министр иностранных дел Комнен, в конце 1936 г. предложили Румынии присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту». Одновременно с этим, указывает румынский дипломат, Германия была готова (имея в виду прежние румынские просьбы) предоставить румынскому королевству большие кредиты, поставить значительное количество вооружения, включая новейшие образцы, соглашалась заключить с Румынией договор о гарантиях ее территориальной целостности⁷⁷. Предложения Берлина, пишет Комнен, были благожелательно рассмотрены королем, Татареску и Антонеску. Однако, учитывая неясность в международной обстановке, бухарестский триумвират решил выждать⁷⁸.

И внутренняя политика короля строилась в соответствии с задачами внешней политики. При попустительстве правительства Татареску 8 ноября 1936 г. в Бухаресте фашистами была организована грандиозная демонстрация с участием 100 тыс. человек, привезенных со всех концов страны. На митинге главари фашизма — Гога, Куза и др. произносили антисоветские и антисемитские речи, требуя от правительства установления тесных дружественных отношений с Германией и фашистской Италией, а толпа им скандировала «Долой Блюма!», «Да здравствует Гитлер!», что вызвало, доносил в Париж французский посол в Берлине Франсуа-Понсэ, восторженные отклики в германской прессе⁷⁹.

Определенную роль в создании необходимых предпосылок для сближения Румынии с фашистскими государствами играли развернувшаяся польской миссией в Бухаресте злобная пропаганда против Советского Союза и поднятая в стенах румынского парламента антисоветская истерия. За предыдущие два с лишним года, подчеркнул советский полпред в беседе с министром В. Антонеску 1 марта 1937 г., антисоветская истерия в румынском парламенте не доходила до такой степени, как в рассматриваемый момент. Дело даже не столько в содержании речей, сколько в том, что этим вылазкам не дается отпор ни со стороны правительства, хотя на заседании парламента присутствовали министр иностранных дел и другие члены правительства, ни со стороны парламентского большинства правящей партии. Раньше правительство этого не допускало. Вот почему развернувшаяся в румынской прессе антисоветская пропаганда

⁷⁷ *Comnene N. P. Anarchie, dictature ou Organisation internationale?* Geneve, 1946, p. 155, 157; DDF, ser. II, t. III, doc. 467.

⁷⁸ *Comnene N. P. Op. cit.*, p. 156.

⁷⁹ DDF, serie II, t. III, doc. 469.

приобретала особый характер⁸⁰. Не имея ничего сказать в оправдание развернувшейся в Румынии антисоветской кампании, румынский министр пошел на саморазоблачение: «Нет ни одной страны в мире, кроме вашей, которая в настоящий момент может позволить себе роскошь вести ясную политику (*politique sereine*). Румыния... не может позволить себе такой роскоши, как ясная внешняя политика»⁸¹. М. М. Литвинов в беседе с румынским посланником в Москве Чиунту заявил, что предыдущие два с лишним года «мы были спокойны... Нам даже в голову не приходило послать на Днестр хоть одного солдата. Мы были готовы дать Румынии дополнительные гарантии не переходить Днестр. Сейчас ситуация изменилась. Немцы близки к тому, чтобы утвердиться в Бухаресте. В случае такого развития событий мы будем считать их опасными для нас»⁸². Предупреждение было весьма серьезным.

В целях закрепления румыно-польского антисоветского единства в апреле 1937 г. в Бухарест пожаловал с ответным визитом Бек. Польский министр в течение четырех дней упорно убеждал своих румынских единомышленников пойти дальше достигнутых рубежей: «ось Варшава — Бухарест» он предложил протянуть через Белград до Рима. По замыслам Бека, это новое агрессивное формирование должно быть в тесном сотрудничестве с гитлеровской Германией. «Таким образом,— писал советский полпред в Варшаве Я. Давтян наркому М. М. Литвинову 26 апреля 1937 г.,— антисоветское острие визита Бека не представляет никакого сомнения, и никто это уже не считает нужным скрывать»⁸³. Одновременно Бек настаивал на создании новой Малой Антанты в составе Румынии, Югославии, Болгарии и Венгрии, изолировав тем самым Чехословакию. За все это Бек обещал румынам добиться согласия Гитлера умерить претензии хортистской Венгрии к Румынии.

Замыслы Бека понравились Антонеску. По настоянию последнего план Бека обсуждался на заседании кабинета министров. Обнаружились разногласия. Не менее авантюристичные, но более осторожные Татареску и Инкулец заявили, что они за укрепление румыно-польского союза, но не считают пока возможным рисковать традиционными связями ни с Францией, ни с Чехословакией, являвшимися основными поставщиками оружия для румынской армии. Результаты обсуждения бековских планов на совете министров доложили королю. Король

⁸⁰ ДВП СССР, т. XX. М., 1976, док. 55.

⁸¹ Там же.

⁸² Цит. по: Amintiri lui A. Calinescu — Archiva centrală a CC al PCR, fond 3, dosar 7, f. 41.

⁸³ ДВП СССР, т. XX, док. 124. О важности переговоров Бека в Бухаресте 22—25 апреля 1937 г. и их антисоветской сущности говорит и то, что за четыре дня Бек трижды встречался с королем (в присутствии Татареску и министра иностранных дел) и только один раз с Антонеску.— ДВП СССР, т. XX, док. 133.

поддержал группу Татареску — Инкулец и отверг точку зрения Антонеску, выступавшего за принятие всех предложений Бека.

Чтобы еще раз перепроверить ориентиры внешнеполитического курса Румынии, Антонеску отправился во Францию, где имел серию встреч с французскими руководящими деятелями. Несмотря на собственные попытки французских политиков договориться с Гитлером, в Париже румынскому министру все же сказали, что если Румыния хочет сохранить традиционные отношения с Францией и стоящей за ее спиной Англией, то она не должна кокетничать с Германией и Италией, заигрывать с Венгрией, портить свои отношения с Советским Союзом, помощь которого в недалеком будущем может оказаться чрезвычайно нужной Румынии. Париж советовал отложить и обмен визитами польского президента И. Мосцицкого и Кароля II. Но румыны не вняли этому совету.

После небольшой парижской «бани» румынский министр на время умерил свой пропольский и прогермано-итальянский пыл и решил встретиться с наркомом М. М. Литвиновым. Встреча двух министров состоялась в Женеве в мае 1937 г. Антонеску снова, как и в сентябре 1936 г., клялся в дружественных отношениях к СССР и для камуфляжа сделал зондаж о возможности заключения советско-румынского договора. На вопрос наркома, что он имеет в виду, румынский дипломат сказал, что, пожалуй, румынское правительство было бы готово заключить с СССР договор типа итало-югославского соглашения от 25 марта 1937 г., т. е. договор о нейтралитете, если только Советский Союз откажется от права на Бессарабию. Румынскому министру было сказано, что такая постановка вопроса Советское правительство не удовлетворяет и оно не может вести какие-либо переговоры с Румынией при этих условиях⁸⁴.

Чтобы как-то закамуфлировать свой усиливавшийся с каждым днем враждебный СССР курс и выиграть время для выбора Румынией «более сильного союзника», премьер Татареску в беседах с советским полпредом М. С. Островским почти в течение года (начиная с сентября 1936 г., после удаления из правительства Титулеску) тоже продолжал, как и Антонеску, клясться в дружбе к СССР и вел разговоры о своем намерении заключить с Советским Союзом пакт о взаимопомощи. Особенно типичным в смысле лицемерия было заявление Татареску, сделанное в беседе с М. С. Островским 19 марта 1937 г. Об этой встрече полпред телеграфировал в Москву: Татареску заявил, что нет в Румынии человека, «который мог бы позволить себе антисоветскую политику; что он, Татареску, отдает себе отчет... что вся система союзов Румынии летит к черту при враждебном [отношении] СССР; что Румыния счастлива с того момента, как СССР сделался яркой антиревизионистской дер-

⁸⁴ Kral V. Op. cit., str. 239.

жавой и верным членом Лиги наций; что либералы (правящая партия.— А. Ш.) в своих внешнеполитических расчетах исходят из того положения, что СССР является союзником Румынии; что он, Татареску, обязательно оформит это положение заключением договора о взаимопомощи»⁸⁵. Однако дальше таких заявлений дело не шло. Хотя Советский Союз, как вытекает из беседы М. С. Островского с премьер-министром Чехословакии Годжей, находившимся 15—17 июня 1937 г. в Бухаресте на конференции глав правительств Малой Антанты, продолжал считать в силе свое согласие, данное румынскому правительству еще при Титулеску, ввести в пакт взаимопомощи такого рода обязательство: в том случае, если пакт будет приведен в действие и советские вооруженные силы будут в соответствии с пактом введены на территорию Румынии, эти силы по миновании в них надобности будут отведены за Днестр⁸⁶. «Этим дополнительным обязательством,— разъяснял советский полпред чехословацкому премьер-министру,— мы готовы еще раз показать румынам, что даже если бы наши вооруженные силы оказались на территории Бессарабии, мы и в этом случае отказываемся от насильственного разрешения бессарабского вопроса и отводим войска в их исходное положение, т. е. за Днестр»⁸⁷. Выслушав М. С. Островского, Годжа отметил: «Чего же им, румынам, еще нужно... Я сегодня увижу еще Татареску и от моего личного имени выражу свое отношение»⁸⁸. Но румынские политики не нуждались в этом благожелательном отношении своего союзника. Они преследовали лишь одни цели — обеспечить себя надежными союзниками против Страны Советов.

Все говорило о том, что Румыния твердо взяла курс на переориентацию с Франции и Чехословакии на Германию, Италию и Польшу. Правда, колебавшаяся политическая ситуация в Европе то усиливала и приближала, то ослабляла и отдаляла реализацию этого курса. Но намерения оставались неизменными. Одним из барометров в этом отношении продолжали быть события в Испании. Поражение фашистов под Гвадалахарой вызвало одно поведение румынских правителей (отрезвление), успех мятежников под Альмерней — другое.

Новым этапом эскалации румыно-польской антисоветской политики был визит Кароля II в Польшу в начале июля 1937 г. (вскоре после успеха фашистов под Бильбао). Он как бы венчал серию государственных визитов — взаимные визиты министров иностранных дел, начальников генеральных штабов,

⁸⁵ ДВП СССР, т. XX, с. 719.

⁸⁶ Там же, док. 203.

⁸⁷ Там же.

⁸⁸ Там же.

председателей государственных банков, министров просвещения, представителей полувоенных организаций⁸⁹.

Польская печать придавала этому визиту особенно важное значение для укрепления румыно-польского союза. Не жалея красок, она давала самые хвалебные характеристики королю. Польские газеты отмечали особую храбрость «молодого человека», умалчивая о том, что он в 1916 г. из-за трусости дезертировал с фронта и укрылся на территории России (в Одессе). О важности королевского визита для интересов румынской реакции немало высказываний было в румынских газетах.

Перед приездом короля в польскую столицу Бек дал обещание Гитлеру, что он постарается добиться от румынского монарха заверений, что его страна не вступит во франко-чехословацкую договорную систему коллективной защиты⁹⁰.

Центральной темой разговоров и переговоров Кароля II, министра Антонеску с польскими лидерами — президентом Мосцицким, Бекем, командующим польскими вооруженными силами маршалом Рыдз-Смиглой, сообщал советский полпред в Варшаве 8 июля 1937 г., «был СССР и отношение к нему. Линия... в этом вопросе ясна и общеизвестна — изоляция СССР, разрушение его внешнеполитических связей»⁹¹. Надо сказать, что в лице Кароля II и сопровождавших его советников польские политики нашли благодарных собеседников.

Во время этих встреч сторонами была намечена широкая программа дальнейших военных переговоров, в ходе которых должна была быть расширена военно-стратегическая линия румыно-польского союза, вопросы военного снабжения армий на случай антисоветской войны, улучшение коммуникаций, ведущих к границам СССР⁹².

Немаловажное значение для укрепления румыно-польского союза имело решение короля и правительства Румынии о возведении польской легации в Бухаресте в ранг посольства, а румынской миссии в такой же ранг в Варшаве⁹³. Этим самым, отмечал М. С. Островский в своей дневниковой записи, «Румыния свои отношения с Польшей ставит во главу угла своей внешней политики, считая их первостепеннее своих отношений» с Францией и Чехословакией⁹⁴, которые имели дипломатических представителей в румынской столице лишь в ранге посланников. Такое положение создавало для поляков в Бухаресте более благоприятные возможности вести широкую пропаганду, направленную против Советского Союза и в ущерб интересам румынского народа.

⁸⁹ ДВП СССР, т. XX, док. 234.

⁹⁰ *Kral V. Op. cit., str. 240.*

⁹¹ ДВП СССР, т. XX, док. 234.

⁹² Там же.

⁹³ Там же.

⁹⁴ Там же, док. 241.

Румынский король был увлечен военными парадами, устраивавшимися польской военщиной. Король испытывал высочайшее блаженство от воскуренного польскими полковниками фимиама в его честь. Он был произведен в ранг почетного командира 57-го польского пехотного полка, который принимал активное участие в борьбе с большевистскими войсками в 1920 г.⁹⁵ Итак, Кароль II покинул Польшу в чине полковника польской армии.

Таким образом, король и сопровождавшие его Антонеску и заместитель министра национальной обороны генерал Глац игнорировали советы Парижа «не портить отношений с Советским Союзом». Конкретным выражением углубления союзнических отношений с Польшей было согласие короля реорганизовать румынскую армию по польскому образцу⁹⁶ и держаться в «восточном вопросе» единых позиций⁹⁷.

Резкий поворот румынских правителей в сторону Польши аннулировал все то, что было достигнуто в советско-румынских отношениях в предыдущие годы. «Поездку короля в Варшаву или Мосцицкого в Бухарест,— телеграфировал М. М. Литвинов Островскому,— мы не можем воспринять иначе, как полное изменение курса Румынии в отношении нас»⁹⁸. Это подтвердил румынский посланник в Польше в беседе с чехословацким коллегой⁹⁹. Он сказал, что пребывание Кароля II в Варшаве вылилось в акцию против Советского Союза. Не менее откровенное признание сделал Инкулец. При встрече с М. С. Островским он признал, что визит короля и Антонеску в польскую столицу принял характер антисоветской демонстрации¹⁰⁰. Советский полпред к этому добавил: «Эта поездка, по нашему впечатлению, завершила круг возвращения Румынии в лоно польской политики, которая... в течение последних трех лет превратилась в инструмент гитлеровской политики в Европе»¹⁰¹. Несколько позднее, 22 июля, не менее существенная оценка крепнущим румыно-польским отношениям была дана М. С. Островским и в беседе с Антонеску. Советский полпред заявил: «Считаем, что припадок интимности румыно-польского антисоветского союза, в учете нынешней линии польской политики, затрудняет дело укрепления мира, а сопровождаемая антисоветскими политическими и военными демонстрациями, эта интимность начинает превращаться в угрозу для дела мира»¹⁰².

⁹⁵ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 55; ДВП СССР, т. XX, док. 234.

⁹⁶ Решение короля противоречило решению генштабов стран Малой Антанты об организации армий этих стран по единой системе с постепенной унификацией вооружений.

⁹⁷ ДВП СССР, т. XX, док. 234.

⁹⁸ Там же, док. 53.

⁹⁹ Kral V. Op. cit., str. 239.

¹⁰⁰ ДВП СССР, т. XX, док. 241.

¹⁰¹ Там же.

¹⁰² Там же, с. 736—737.

Политический курс, взятый королем и правительством, поддерживали и ведущие национал-царанистские лидеры¹⁰³. Правда, в беседах с советским полпредом премьер Татареску продолжал уверять, что он обязательно заключит с СССР пакт о взаимопомощи, но для этого ему, видите ли, требуется время¹⁰⁴. Однако публично румынские министры давали румынской реакции, а также Берлину и Варшаве твердое обещание не заключать никакого договора, который связывал бы Румынию с СССР¹⁰⁵. Более того, не без ведома правительства Румынии на демаркационной линии по Днестру румынская военщина стала все чаще и чаще совершать вооруженные провокации, в результате которых на советской стороне имелись человеческие жертвы. Советское правительство не могло не реагировать на это. Оно было вынуждено заявлять правительству Румынии резкие протесты¹⁰⁶.

Вскоре после посещения Каролем II Варшавы в Румынию в срочном порядке прибыл начальник генштаба польской армии генерал Стахевич в сопровождении своего заместителя генерала Малиновского и 10 штабных офицеров¹⁰⁷. Заседания начальников штабов проходили 7—9 июля 1937 г. Направляющей рукой этого совещания был король, который его участников удостоил часовой аудиенцией и организацией в их честь завтрака. Начальники генштабов с одобрения своих правительств приняли опасные для дела мира и советско-польско-румынских отношений решения. Стороны считали необходимым принять все меры к недопущению прохода Красной Армии через территории их стран, если встанет вопрос о выполнении СССР своих обязательств по советско-чехословацкому договору¹⁰⁸. Но еще более одиозным было постановление штабов подготовить свои армии для выступления против Советского Союза¹⁰⁹. По полученным Советским правительством достоверным данным, Польша обязалась выставить для вторжения на советские территории армию в 350 тыс. человек, Румыния — в 250 тыс. человек¹¹⁰. Румыния брала обязательство значительно усилить вооруженные силы на востоке уже в мирное время за счет переброски войск с румыно-венгерской границы. «Поводом» для выступления против СССР они считали возможным использовать «беспорядки» в пограничных районах Советского Союза. Теперь агрессивные планы против Страны Советов уже не маскировались даже демагогическими лозунгами «собирания» румынской или польской нации: ставилась прямая задача захвата

¹⁰³ DDF, serie II, t. III, doc. 378.

¹⁰⁴ ДВП СССР, т. XX, док. 131.

¹⁰⁵ Там же, док. 53.

¹⁰⁶ Там же, док. 213, 216.

¹⁰⁷ Там же, док. 234, 241.

¹⁰⁸ Там же, док. 133, 234, 275; Kral V. Op. cit., str. 237.

¹⁰⁹ ДВП СССР, т. XX, док. 275; Kral V. Op. cit., str. 239, 240.

¹¹⁰ ДВП СССР, т. XX, док. 275.

обширных советских территорий и превращения их в колонии «великой» Польши и столь же «великой» Румынии. «В случае, если в результате совместных действий союзников в их руках окажется,— указывается в письме замнаркома В. П. Потемкина полпреду СССР в Германии К. К. Юреневу 31 июля 1937 г.,— вновь приобретенная территория, над ней устанавливается кондоминиум. Не позднее четырех месяцев по окончании военных действий эта территория делится между союзниками, причем область на юг по линии Винница — Киев — р. Десна остается за Румынией, включая Одессу, а на север — за Польшей, включая Ленинград»¹¹¹.

Вынашивавшиеся Бухарестом планы нового участия в агрессии против СССР как бы воскрешали прежние румынские планы захвата не только Советской Бессарабии, но и обширных областей Украины. Демонстрируя агрессивный в отношении СССР курс, румынская буржуазная пресса, как и польская, не считала уже нужным румыно-польский союз называть оборонительным¹¹². Между тем премьер-министру Татареску это не мешало продолжать уверять советского полпреда в Бухаресте в том, «что было бы безумием со стороны румынского правительства, каким бы оно ни было, искать с Россией ссоры... было бы бессмысленным и преступным со стороны румынского правительства мечтать об агрессии против Советов одной или в блоке»¹¹³.

Штабы Румынии и Польши не забыли заключить и соглашение типа «священного союза», предусматривавшего взаимную военную помощь в случае «вооруженного восстания» в одной из договаривающихся стран¹¹⁴.

При выступлении против Советского Союза стороны согласились: Польша обеспечивает румынскую армию на востоке оружием, авиацией и запчастями; Румыния, в свою очередь, снабжает Польшу горючим и необходимым стратегическим сырьем. Румыния также обязалась построить новые и улучшить существующие коммуникации, идущие на восток, для чего правительство санкционирует управлению железных дорог выпуск займа в 2 млрд. лей (декрет правительства о выпуске займа был подписан 22 июля 1937 г.)¹¹⁵.

Внешнеполитические акции короля и правительства, заявил полпред М. С. Островский премьер-министру Татареску 27 января и 29 июля 1937 г., сопровождаются новой волной антисоветских выступлений в румынской прессе. Дело доходит до разного рода измышлений, клеветы на Советский Союз и прямых выпадов против членов правительства СССР. Чтобы при-

¹¹¹ ДВП СССР, т. XX, док. 241.

¹¹² Там же.

¹¹³ Там же, док. 270.

¹¹⁴ Там же, док. 275.

¹¹⁵ Там же, док. 23, 275.

дать им более широкий размах, правительство сняло цензурные запреты на те проблемы румыно-советских отношений, которые в соответствии с имевшейся ранее договоренностью с МИД Румынии не подлежали дискуссии в прессе¹¹⁶. И, наоборот, усиливая антисоветскую направленность газетной кампании, власти запрещали издание даже такой переводной литературы, как «Петрография», произведения Пушкина и др. С разрешения правительства Татареску в Румынии активизировали свою деятельность антисоветские эмигрантские организации.

Резкое оживление румыно-польского союза, направленного против СССР, вынудило Советское правительство через своего полпреда в Бухаресте заявить румынскому правительству о том, что оно визиту Кароля II в Варшаве придало «выраженный характер антисоветской демонстрации». «Мало того,— подчеркнул М. С. Островский в интимной беседе с Татареску 29 июля,— румынское правительство, ...инспирировало главе государства... которому речи пишутся... правительством, необходимость подкрепления этой антисоветской манифестации также и недопустимыми манифестациями против моей страны и военного характера. В этих условиях мы принуждены считать, что румыны полностью впряглись в бековскую антисоветскую колесницу и, выполняя задание о развязывании сил войны, стали на путь открытой провокации»¹¹⁷. Пароксизм румыно-польской дружбы, указывается в той же беседе, нанес огромный ущерб Румынии и ее безопасности, намерения Польши нашли благоприятный отклик в румынском правительстве. «Что касается нас,— подытоживал советский полпред,— то мы для нас все выводы, вытекающие из нового направления румынской политики, тоже готовы сделать»¹¹⁸.

Пользуясь попустительством властей, в условиях обострения враждебного СССР курса вся буржуазная пресса Румынии, включая национал-царанистскую, снова начала возбуждать вопрос о Бессарабии и требовать его разрешения в пользу Румынии.

С установлением нормальных отношений с Румынией Советское правительство ни разу не поднимало вопроса о Бессарабии, румынские же политики, подстрекаемые ответственными кругами, вот уже год, как не переставали муссировать его в прессе (а Татареску и Антонеску в конфиденциальных беседах с М. С. Островским) с тем, чтобы постановкой этого вопроса ухудшить румыно-советские отношения¹¹⁹. На выдвижение румынами вопроса о Бессарабии советский полпред указывал также в беседе с французским посланником А. Тьери¹²⁰.

¹¹⁶ Там же, док. 270.

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же.

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ DDF, serie II, t. III, doc. 378.

Об антисоветском курсе внешней политики Румынии свидетельствовали также другие факты: награждение королем в конце ноября 1936 г. белогвардейца — бывшего царского посланника Козел-Поклевского, нашедшего себе приют в Румынии и пользовавшегося личным благотворительством королевы Марии — матери короля, орденом (при вручении ордена присутствовала вся дворцовая камарилья); королевское указание властям изолировать от внешнего мира советскую миссию, распоряжение военного министра Анджелеску и начальника генштаба генерала Самсановича о запрещении румынским офицерам общаться с советскими дипломатами; бестактное обращение таможенных властей и агентов тайной полиции с советскими гражданами, прибывавшими в Румынию или проезжавшими через ее территорию в другие страны, постоянные провокации на демаркационной линии, организовывавшиеся румынской погранохраной; приглашение японской эскадры посетить Констанцу с визитом «вежливости»¹²¹.

Румынские власти пригласили в гости семейство «его императорского величества» Кирилла. Эта чета принималась королевой Марией. В честь ее устраивалось чаепитие и белогвардейскими организациями во главе с Козел-Поклевским. Чтобы не дать румынскому правительству повода сказать, что СССР ищет ссоры, Советское правительство по этому случаю, равно как и относительно антисоветской кампании в прессе и действий русской белой эмиграции, длительное время не делало не только официальных представлений, но и неофициальных протестов¹²².

Антисоветские акции румынского правительства полностью опровергали те «заверения в дружбе», которые вновь и вновь продолжали делаться румынскими представителями в Москве, Бухаресте и Женеве.

Это была глубоко продуманная внешнеполитическая линия короля и Татареску, линия, которая должна была идти в унисон с политикой фашистских государств, но пока прикрывалась отдельными проявлениями дружбы с «западными демократиями». «Правительство Татареску,— докладывал Герингу глава экономической делегации на германо-румынских переговорах 1937 г. в Бухаресте Вольтат,— это в действительности не правительство так называемой либеральной партии вместе с дружественными ей партийными группами, а правительство, которое выполняет волю короля»¹²³. А сам король, заметил германский дипломат, считает кабинет Татареску правительством авторитарного руководства и это дает королю «возможность

¹²¹ ДВП СССР, т. XX, док. 241.

¹²² Там же, док. 270.

¹²³ DGFP, ser. D, vol. V. Washington, 1953, doc. 155.

сознательно натравливать постоянные институты монархии на партии, чтобы деморализовать их политическую жизнь»¹²⁴.

Когда в Румынии стала вырисовываться определенная возможность смены правительства, в связи с предстоящими выборами в парламент, гитлеровцев охватила явная озабоченность. «Сохранение у власти правительства Татареску,— писал Вольтат в Берлин,— было бы в интересах германского рейха»¹²⁵. Такое желание германских фашистов было вполне обоснованно.

При встрече с германским посланником Фабрициусом 7 декабря 1937 г. министр иностранных дел Антонеску заверил гитлеровца в том, что «Румыния все больше и больше намерена идти вместе с Германией»¹²⁶. Те же самые мысли, но в более конкретной и весомой форме высказывал и сам король в беседе с другим гитлеровским дипломатом. В беседе со мной, докладывал Вольтат Герингу, «король подчеркнул, что он придает большое значение экономическому сотрудничеству с Германией и выразил надежду, что только что заключенный договор (9 декабря 1937 г.) приведет к дальнейшему благоприятному развитию экономических связей, начатых договором 1935 г.»¹²⁷. Готовясь с помощью Татареску и Инкулеца к установлению своей личной — авторитарной власти, монарх жадно интересовался у своего собеседника — видного эксперта-экономиста фашистского рейха — нацистскими методами «государственного» руководства и управления экономикой, организацией трудового фронта безработных в Германии¹²⁸.

Румыно-германский экономический договор от 9 декабря 1937 г. имел ярко выраженный военно-политический характер. Такого рода договор (по значимости) Румыния впервые заключила с фашистской Германией. От прежних румыно-германских договоров его отличал не столько объем коммерческой сделки (16 млрд. лей), сколько его военно-политический характер. По договору в течение 9 месяцев 1938 г. Румынии предоставлялось право импортировать из Германии продукцию на 8 млрд. лей. Из этой суммы 5 млрд. лей (что составляло не менее $\frac{1}{8}$ годового бюджета страны) планировалось затратить на закупку германского оружия — артиллерии, военных самолетов, пулеметов, оптических приборов и т. д. для переоснащения румынской армии. В обмен на это Румыния на 8 млрд. лей была обязана поставить германским интервентам в Испании нефть и нефтепродукты¹²⁹.

Румыно-германский договор от 9 декабря убедительно го-

¹²⁴ Ibidem.

¹²⁵ Ibidem, doc. 154.

¹²⁶ Ibidem, doc. 145.

¹²⁷ DGFP, ser. D, vol. V, doc. 155.

¹²⁸ Ibidem.

¹²⁹ ДВП СССР, т. XX, док. 436.

ворил, куда и против кого направлялась Румыния ее правительствами.

«Значение Румынии в снабжении нас сырьем (продовольствие и нефть),— констатировал Фабрициус в донесении своему правительству 18 ноября 1937 г.,— очень велико и представляет благоприятные виды на будущее. Экономические отношения с Германией все больше и больше связывают Румынию с рейхом и в политическом отношении, что неизбежно уводит ее от той восточной политики, которая при Титулеску облекалась в дружественные отношения с Советской Россией... Как я неоднократно сообщал, ожидания германской помощи Румынии не раз выражались правящими кругами — румынским премьер-министром и другими ответственными лицами»¹³⁰.

Торговый оборот между Румынией и Германией в период с сентября 1937 г. по сентябрь 1938 г., по оценкам германского правительства, предполагалось увеличить на 33% по сравнению с соответствующим периодом предыдущего коммерческого года, хотя, как отмечал Вольтат в докладной Герингу от 13 декабря 1937 г., «румыно-германская торговля для румынской стороны протекает на менее благоприятных условиях, чем германская торговля с другими странами Юго-Востока Европы — Югославией, Грецией и Турцией»¹³¹.

И действительно, только по поставкам нефти, констатировало советское торгпредство в Бухаресте, на конец 1937 г. Германия и Италия заморозили на клиринговых счетах 350 млн. лей. «Если такое замораживание валюты имеет место по нефти,— подчеркивало советское торгпредство,— то положение с валютной выручкой по другим товарам румынского экспорта должно быть значительно хуже. Такой вывод можно сделать потому, что румыны считают нефть своим золотым фондом и стремятся экспортировать ее на максимально выгодных расчетных условиях. Однако... этот золотой фонд тоже подвергается замораживанию»¹³². Если же взять поставки румынских товаров в Германию во всей совокупности, то по ним замороженные румынские валютные фонды в банках рейха исчислялись в миллиардах лей. Несмотря на такое положение, говорится в том же документе, «германофильские элементы поощряют торговлю с Германией. В результате этого удельный вес Германии в общем внешнеторговом обороте Румынии из года в год увеличивается»¹³³.

В силу такой торговой политики и проводившейся внешнеполитической ориентации в 1937 г. Румыния экспортировала в Германию и Италию до 40% всей нефтедобычи и 45% зерна и других продовольственных товаров, вывозившихся на внешний

¹³⁰ DGFP. Series D, vol. V, doc. 147.

¹³¹ DGFP, Series D, vol. V, doc. 154.

¹³² ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 11050, д. 7, л. 12.

¹³³ Там же.

рынок¹³⁴. Перевод румынской торговли со стран с твердой валютой (Англия, Франция, Бельгия и др.) на страны с большими валютными ограничениями (Германия, Италия, Польша) создал для румынской экономики тяжелейшее положение. Он резко снизил приток твердой валюты, что поставило страну в безвыходное положение в деле выплаты задолженности по иностранным займам и кредитам (на их оплату правительство обычно расходовало до 10% госбюджета¹³⁵), ограничил импортные возможности нужных для страны машин и сырья из стран «западных демократий». А что касается импорта из стран фашистского блока, то он не только не увеличился, но заметно снизился. В 1936 г. он составлял 73% всего объема румынского импорта, а в 1937 г. — только 64%¹³⁶. Снижение импорта из Германии и Италии и неспособность фашистских государств покрыть румынский экспорт нужными Румынии товарами объяснялось в первую очередь переводом их экономики на военные рельсы.

Объем и нарастание темпов поставок румынской нефти, зерна и другого стратегического сырья в Германию и Италию, несмотря на замораживание румынских валютных фондов на клиринговых счетах в Берлине и Риме, безраздельное господство германских и итальянских монополий на румынском рынке свидетельствовали, что румынская экономика все больше ставилась на службу авантюрам и экспансии германо-итальянских империалистов в Европе и в первую очередь подготовки агрессии против СССР.

Чтобы как-то сдержать дальнейший дрейф Румынии в лагерь явных противников Советского Союза и умерить разбушевавшийся в Румынии антисоветизм, в «Правде» и «Журнал де Моску» были помещены статьи, разоблачавшие цель предпринимавшихся Румынией внешнеполитических шагов на сближение с Польшей и фашистскими государствами. Развивая положения «Правды», полпред М. С. Островский в беседе с вице-премьером Инкулецем 14 июля 1937 г. подчеркнул: «По нашим впечатлениям, румынское правительство поставило своей задачей купить польскую, а через нее немецкую и итальянскую дружбу, заплатив за это ухудшением отношений с [Советским] Союзом, будучи уверенным, что это мероприятие пройдет совершенно безнаказанно... Было бы наивно со стороны румын думать, что мы можем еще долго молчаливо присутствовать при демонстрациях, подобных польско-румынским визитам», носящим открыто антисоветский характер¹³⁷.

Одновременно румынскому правительству напоминалось о территориальных спорах Румынии и с другими соседями.

¹³⁴ Там же, л. 19—20, 22.

¹³⁵ Там же, ф. 56, оп. 24, п. 67, л. 41, л. 102—103.

¹³⁶ Там же, ф. 1, оп. 11050, л. 7, л. 12.

¹³⁷ ДВП СССР, т. XX, док. 241.

Статьи в советских органах печати явились холодным душем на горячие головы дворцовых и правительственных кругов и разорвавшейся бомбой для всей буржуазной общественности Румынии. Они заставили руководителей Румынии искать возможности и поводы для встреч и бесед с советским полпредом. Встречи с румынскими руководителями и ответственными деятелями дали возможность М. С. Островскому показать изнанку румынской политики, ее пропольский и прогерманский курс. Параллельно с этим полпред апеллировал к общественному мнению демократических кругов, к их прессе, что имело большое значение для сдерживания эскалации антисоветизма в Румынии. Встречи и беседы советского полпреда с представителями румынского демократического движения сыграли более важную роль, чем встречи с руководящими деятелями страны.

Нарком М. М. Литвинов через румынского посланника в Москве Чуунту пытался удержать Румынию от установления тесных отношений с фашистскими государствами¹³⁸. Но к концу 1937 г. действия короля и правительства Татареску, направленные на подрыв относительно неплохих советско-румынских отношений, созданных при Титулеску, на отход Румынии от курса на коллективную безопасность, перед румынской и зарубежной общественностью уже не скрывались. Все говорило о том, что правители Румынии решили идти на сближение с фашистскими государствами, не порывая, однако, с Францией, Чехословакией и Англией — основными источниками получения крупных военных кредитов и необходимого вооружения для румынской армии, на всех парах готовившейся к схватке с Советским Союзом и другими соседями Румынии.

Явным показателем курса на сближение с фашистскими государствами была большая чистка офицерского корпуса румынской армии от демократических элементов. В конце 1937 г. только одним декретом короля было уволено на пенсию 400 офицеров. Среди уволенных находилось 60 генералов, в том числе начальник генштаба генерал Сикитиу — сын крестьянина, способный военный специалист, но попавший под подозрение за контакты с руководителями национал-царанистской партии. В апреле 1938 г. планировалось уволить еще 2 тыс. офицеров. Такого же рода чистку провел королевский ставленник генерал Маринеску в полиции и жандармерии. Вместо уволенных в румынской армии и в войсках внутреннего «порядка» на должности выдвигались генералы и офицеры реакционного толка. Были сделаны большие перемещения на руководящих постах армии. Министром национальной обороны был назначен бывший маршал двора генерал Ильясевич. Этими мероприятиями король создал себе надежную опору и укрепил свое положение единоличного правителя. После принятых монархом мер

¹³⁸ ДВП СССР, т. XX, док. 270.

буржуазные политические партии уже не играли даже видимой самостоятельной роли.

Дух фашизации и румынизации насаждался и в народном хозяйстве Румынии. Еще в середине 1937 г. правительство Татареску издало декрет «О румынизации промышленных предприятий и учреждений и переаттестации рабочих и служащих», явившийся по существу копией гитлеровского «Закона об организации национального труда» 1934 г. Декретом устанавливалось, что лица румынской национальности должны составлять среди рабочих и мелких служащих на предприятиях и в учреждениях 75%, а на административных должностях — 60%. Закон был направлен против национальных меньшинств, составлявших в Румынии 40—45% всего населения. Декрет проводился властью весьма энергично. Во второй половине 1937 г. за слабую реализацию декрета правительство оштрафовало 100 предприятий на сумму в 1 млрд. лей, а другие 100 предприятий были предупреждены. С увольнением лиц из нацменьшинств с предприятий и из учреждений быстро росла безработица, особенно в крупных городах. Бедственное положение нацменьшинств вызвало «эпидемию» самоубийств. Только в течение июня 1937 г. в Бухаресте имело место 150 случаев самоубийства.

Политической линией на фашизацию страны было королевское разрешение на участие «железной гвардии» — ведущей силы румынского фашизма — в парламентских выборах в декабре 1937 г., хотя декрет о ее запрещении официально не отменялся. В силу созданной для нее благоприятной обстановки она на выборах 20 декабря собрала 17% всех голосов (основные буржуазные партии — либеральная и царанистская — получили, соответственно, 35% и 19,6% голосов)¹³⁹. Парламентские выборы показали, что ведущие буржуазные партии потеряли свой авторитет. Сформировать правительство, согласно действовавшей в то время конституции, имела право та партия, которая получала не менее 40% голосов. Ни либералы, ни царанисты такого количества голосов не набрали. Декабрьские парламентские выборы, писал генеральный секретарь Румынской компартии Борис Стефанов, показали значительный рост фашистской опасности в Румынии¹⁴⁰.

Воспользовавшись создавшимися обстоятельствами, полным разбродом в ведущих буржуазных партиях, Кароль II решил действовать. Он уже больше не сомневался, что наступил более чем благоприятный момент для того, чтобы решительно покончить с условностями буржуазного парламентаризма, разогнать партии и установить свою личную диктатуру. Имея в виду наступление таких политических событий, полпредство писало,

¹³⁹ «Scinteia», 31.I 1938.

¹⁴⁰ Ibidem.

что король — непревзойденный интриган, «размолотивший» в муку две крупнейшие партии, бесспорный фашист.

Сначала в качестве пробы на реакцию со стороны стран Запада король 29 декабря 1937 г. назначил правительство во главе с фашистом О. Гогой, находившимся в личных связях с Гитлером. 1 января 1938 г. Гога направил Гитлеру телеграмму с выражением самых дружественных чувств румынского правительства к Германии¹⁴¹. Германская пресса с восторгом приветствовала приход Гоги к власти. В целях завоевания симпатий среди крестьянства и мелкой буржуазии правительство развернуло кампанию социальной демагогии и шовинизма. Крестьянству оно обещало зажиточную жизнь, а румынской мелкой буржуазии, ремесленникам — изгнание из сферы румынской экономики еврейского капитала и капитала других национальностей. Антисемитская акция короля и Гоги, записав в своем дневнике министр внутренних дел только что сформированного правительства А. Калинеску, вызвала в еврейских кругах панику. «Только в первые дни января, — констатировал Калинеску, — из национального банка были изъяты вклады на сумму 2 млрд. лей (по тому времени это колоссальная сумма. — А. Ш.) ...фабрики работают не на полную мощность, поскольку евреи — мелкие торговцы — воздерживаются брать товары в свою торговую сеть»¹⁴². Но наиболее яркую и глубокую характеристику наступившего развала экономики, деятельности фашистского правительства дал советский торгпред в Бухаресте Е. Гурвич. С приходом к власти правительства Гоги, писал он в наркомат внешней торговли 30 января 1938 г., «наблюдается значительный отлив капитала из банков. Поступление налогов в государственный бюджет сократилось в 8—10 раз... До прихода к власти правительства Гоги румынская лее котировалась на валютной бирже в Бухаресте по курсу 170—173 леи за 1 американский доллар... Через 2—3 дня после смены правительства курс доллара поднялся до 200—210 лей... Лозунг Гоги «Румыния для румын», полностью совпадающий с лозунгом Гитлера «Германия для немцев», посеял панику среди еврейского населения и других национальных меньшинств. Уже опубликован королевский декрет о пересмотре гражданства евреев. Это значит, что значительная часть евреев не получит права гражданства и должна будет покинуть Румынию. Евреев начали изгонять из вузов... евреев — адвокатов и врачей лишают практики. Словом, расовая теория гитлеровского фашизма проводится самыми ускоренными темпами»¹⁴³. ...Вви-

¹⁴¹ DGFP, Series D, vol. V, doc. 157.

¹⁴² Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu. dosar 7, f. 71, 74.

¹⁴³ В том отношении весьма примечательной является дневниковая запись министра внутренних дел А. Калинеску. 1 июля 1938 г. он отметил, что на заседании кабинета министров король потребовал неотложного решения

ду создавшегося напряженного положения торгово-промышленные фирмы резко сократили свои закупки. Имеется ряд случаев полного закрытия оптовых складов, магазинов и предприятий»¹⁴⁴. Советский торгпред в своем кратком анализе показал глубинные процессы фашизации страны, которые были опасны не только для румынского народа, но и для дела мира во всей Юго-Восточной Европе.

Чтобы предельно разжечь румынский национализм и шовинизм, правительство чинило расправу над мелкими собственниками — евреями и представителями других национальных меньшинств. Разоблачая истинные цели двора и правительства, Румынская компартия в обращении к народу указывала: правительство Гоги объявляет евреев — мелких собственников и торговцев, врачей частных больниц грабителями румынского народа, но это правительство ничего не предпринимает против действительных грабителей страны — капиталистов, «оно ничего не делает против трестов, которые господствуют в промышленности... против банков-ростовщиков... в трестах и картелях находятся плечом к плечу с еврейскими, германскими, венгерскими грабителями и румынские грабители. Вместе с ними находятся махровые националисты Гога, И. Жигурту, Вайда, Д. Ионицеску, легионер М. Манойлеску... Цель демонстративных мер правительства (против евреев — мелких собственников. — А. Ш.) — заставить трудящихся забыть, кто является действительным эксплуататором простых людей любой нации»¹⁴⁵. А в другом послании к своим соотечественникам Компартия подчеркивала: «А знаете ли вы, в чьи дома вхожи министры нынешнего правительства и их жены? Они вхожи в дома крупных еврейских банкиров Бланка, Кауфмана, Берковича и других, таких же, как они. За деньги крупного фабриканта Аушнита построили себе дворцы все те, кто сегодня кричит о своей ненависти к евреям. Их антисемитизм оплачивался и оплачивается из банков крупного еврейского капитала». В целях организации борьбы с наступающей реакцией и достижения единства действий среди трудящихся румынские коммунисты разъясняли: «Самый страшный враг — только и только крупный капитал, координирующий свои действия с крупными помещиками во главе с Каролом II и камарильей, все они издеваются, грабят и эксплуатируют весь трудовой народ Румынии независимо от этнических признаков и религиозных убеждений»¹⁴⁶.

В течение короткого времени правительство Гоги привело румынскую экономику к полному расстройству. Спасение стра-

«еврейской проблемы» путем изгнания евреев из страны. — Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 8, f. 52.

¹⁴⁴ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 5.

¹⁴⁵ Arhiva centrală a CC al PCR, Cota AB XXII-14.

¹⁴⁶ Ibidem.

ны от экономической катастрофы оно видело только в получении кредитов и займов от Англии и Франции. Но последние, недовольные политикой антисемитизма Бухареста, отказали румынскому правительству в кредитах.

Сложившееся в Румынии положение вызывало тревогу у советских руководящих кругов. Их беспокоил не только открыто взятый антисоветский курс Румынии, но и наглые действия румынских оккупантов против молдавского народа, а также украинского, русского и еврейского меньшинств в Бессарабии, составлявших значительную часть населения края. Политика беспощадной «румынизации» края выражалась в лишении земельной собственности значительной части молдавских крестьян и передаче их земли в собственность переселенцев из собственно Румынии, попрании национальной культуры и обычаев молдавского населения и национальных меньшинств, лишении их права учиться и разговаривать на родном языке, в истязаниях и массовых расстрелах бессарабцев за выражение политических мыслей. В ходе «румынизации» Бессарабии за первые десять лет было расстреляно (по неполным данным) более 30 тыс. человек¹⁴⁷, что составляло примерно 1% всего населения. Спасаясь от «румынизаторов» и их зверств из края за границу выехало 16,5% населения¹⁴⁸. Бухарест искусственно создавал в Бессарабии невыносимые условия, чтобы вынудить население бежать за границу и этим самым освободить земли для румынских пришельцев и резко ослабить революционную взрывоопасную ситуацию в оккупированном крае.

О жестокостях, изуверских методах правления румынских властей в Бессарабии советской общественности было хорошо известно. Полпред М. С. Островский неофициально в беседах с видными политическими деятелями Румынии осудил все то, что творили румынские шовинисты на бессарабской земле, и высказал негативное отношение своего правительства к враждебному в отношении СССР внешнеполитическому курсу¹⁴⁹. Полпред подчеркивал, что советско-румынские отношения не могут не определяться той или иной степенью близости Румынии с Германией и Польшей.

Несмотря на усилившееся негативное отношение правительства Румынии к Советскому государству, румынские правящие круги продолжали лицемерно заявлять о своем желании не только не ухудшать румыно-советские отношения, а, наоборот, принять меры по их укреплению^{149а}. В ответ советские представители говорили, что Румыния может полностью рассчитывать на спокойствие на востоке, если румынское правительство будет ру-

¹⁴⁷ Лазарев А. М. Указ. соч., с. 252.

¹⁴⁸ Там же, с. 328.

¹⁴⁹ Arhiva centrală a SS al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 71—72.

^{149а} ДВП СССР, т. XX, док. 270, 436, 443.

ководствоваться идеями мира и добрыми отношениями к своему восточному соседу.

Заверение правителей Румынии в дружественных отношениях к СССР оказалось пустой фразой. 1 февраля 1938 г. румынское правительство отозвало своего посланника в Москве и в течение длительного времени Румыния оставалась без посланника в Советском Союзе, хотя нарком М. М. Литвинов неоднократно давал понять Бухаресту о желательности ускорить решение вопроса о назначении нового румынского посланника.

Неназначением посланника в Москву румынские руководители лишний раз официально подчеркивали свой антисоветский курс. Об этом же говорила и активизация антисоветской деятельности в Румынии не только местных фашистов, но и белоэмигрантских организаций. Один из главарей белой эмиграции на митинге, устроенном с разрешения властей, призывал к «крестовому походу» против Советского Союза. Он также заявил: «Теперь нам, наконец, созданы в Румынии благоприятные условия для работы. Мы благодарим за это нынешнее правительство Гоги»¹⁵⁰.

С точки зрения внутренней и внешней политики правительство Гоги оказалось в изоляции, на что недвусмысленно указывается в дневниковых записях Калинеску¹⁵¹. В состоянии кризиса и политического разложения пребывали буржуазные партии. «Все партии,—отмечал в начале февраля Калинеску,—потеряли свой динамизм. Они уже не могут быть фактором господствующего положения, а тем более возрождения страны. Они являются настоящими союзами спекулирующих политикой людей, рвущихся к власти... Единственная популярная и динамичная сила — «железная гвардия»... Но ее триумф был бы, конечно, катастрофой для государства»¹⁵².

В стране явно назревала ситуация социальных потрясений. Об этом четко говорят записи того же Калинеску. 7 февраля в них он указывает: «Налицо инциденты в Прахове (нефтяной район)... в уезде Ильфов (столичный уезд). Их характер: действуют те же силы коммунистов, как и в 1933 г. Социальный состав — все рабочие. Те же феномены. Те же методы. Находимся перед дилеммой: если не стрелять, то мы побеждены морально (несколькими днями позже король разрешил стрелять.— А. Ш.)... Производится концентрация войск и жандармерии»¹⁵³. Далеко не надежными оказались и карательные органы государства. Калинеску жаловался королю: «Работаю один. Полиция иногда не слушается меня, юстиция бездействует, армия меня игнорирует»¹⁵⁴.

¹⁵⁰ «Правда», 1938, 11 февраля.

¹⁵¹ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 72.

¹⁵² Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 8, f. 8.

¹⁵³ Ibidem, f. 11.

¹⁵⁴ Ibidem, f. 27—28.

Чтобы предупредить события, правящие круги открыто требовали установления диктаторского режима, того, к чему давно стремился румынский монарх. Вечером 9 февраля 1938 г., записывая Калинеску, король пригласил к себе во дворец Татареску, Урдаряну (маршал двора) и меня — сугубо доверенных лиц. На повестке дня совещания — «проблема государственного переворота»¹⁵⁵. По поручению короля Калинеску разработал программу акций по осуществлению государственного переворота еще 31 января 1938 г., что ясно вытекает из дневниковых записей последнего¹⁵⁶. На следующий день, 10 февраля, король уволил правительство Гогги и назначил так называемое служебное правительство во главе с патриархом Румынии Мироном Кристи, созвал совещание бывших премьер-министров, на котором изложил свою программу действий. На всякий случай, говорится в записях Калинеску, по распоряжению короля армия была приведена в боевую готовность¹⁵⁷.

Установление 10 февраля 1938 г. режима королевской диктатуры произошло при активной помощи представителей крупного капитала и лидеров двух ведущих в стране буржуазных партий — национал-либеральной и национал-царанистской. В течение февраля-марта указами короля были запрещены всякого рода митинги и собрания, упразднена конституция 1923 г. и ликвидирован парламент, избранный 20 декабря 1937 г., распущены политические партии.

Юридически режим королевской диктатуры был узаконен 27 февраля введением в силу новой конституции, лишившей страну и народ избирательных органов, права на проведение митингов и собраний, свободы слова и печати и других элементов буржуазного демократизма.

Итак, в Европе по существу еще в одном государстве установился режим фашистской диктатуры. На VIII Чрезвычайном съезде Советов нарком М. М. Литвинов говорил, что «из 26 европейских буржуазных стран так называемый демократизм и буржуазные свободы сохранились едва ли больше, чем в 10 странах. Остальные 16 стран, т. е. две трети буржуазной Европы, имеют режим фашистской или полуфашистской диктатуры... Одни страны открыто объявляют себя фашистскими, другие же, подражая во всем своем политическом и социальном устройстве фашистским странам, по соображениям внутренней, а иногда и внешней политики предпочитают избегать фашистского названия»¹⁵⁸. Данная характеристика полностью относится к королевской Румынии. Ее правители пока что стеснялись открыто объявить себя фашистами.

¹⁵⁵ Arhiva centrală a CC al PCR, fond Amintiri lui A. Calinescu, dosar 7, f. 77.

¹⁵⁶ Ibidem, dosar 8, f. 7—10.

¹⁵⁷ Ibidem, dosar 7, f. 77—78.

¹⁵⁸ Литвинов М. Против агрессии. (М.), 1938, с. 31.

Опасность происшедших событий в стране, соседствующей с Советским Союзом, удваивалась еще тем, что параллельно с испанскими событиями она создавала благоприятные условия для создания нового очага мирового конфликта непосредственно на границах СССР. «Испанские события,— заявлял Литвинов на сессии Совета Лиги наций 28 мая 1937 г.,— создали одну из величайших угроз европейскому и всеобщему миру». В условиях безнаказанности действий агрессоров в Испании «нет гарантий в том,— продолжал нарком,— что не будет сделана в ближайшее же время новая попытка вызвать мятеж в какой-либо другой стране, признать вождя мятежников главой правительства, ввести туда в помощь мятежникам иностранные войска и иностранное оружие и осуществить таким образом агрессию»¹⁵⁹. Возникшее в Румынии положение реально создавало такую перспективу. И это не могло не вызывать озабоченности у руководителей Советского Союза.

Такая же, если не большая, опасность для Советского государства исходила от крепнущего альянса польской реакции с фашистской Германией. Еще в 1935 г. в резолюции VII конгресса Коминтерна констатировалось, что «германский империализм нашел в Европе союзника в лице польского фашизма, стремящегося также расширить свою территорию за счет Чехословакии, Прибалтийских стран и Советского Союза»¹⁶⁰. В целях консолидации агрессивных сил против СССР в середине января 1938 г. Гитлер пригласил к себе Бека. В этой беседе «фюрер» отдал должное польской поддержке испанских мятежников и нарисовал растущую «опасность» большевизма для Европы. Гитлер подчеркнул, что ликвидация большевизма должна быть первейшей задачей Германии, Польши и других симпатизирующих им государств. В этом свете главарь германского фашизма предложил польскому министру совместные меры борьбы по недопущению превращения Чехословакии в «очаг большевизма». «Г-н Бек,— отмечается в записи беседы,— выразил свое живейшее согласие с этим»¹⁶¹. Более того, 13 января в беседе с Риббентропом Бек сказал, что уничтожение большевизма он считает «основной целью своей политики»¹⁶². Подобную мысль Бек высказывал и при встрече с американским посланником в Варшаве А. Биддлом. Последнему польский министр заявил, что Польша рассматривает Советскую Россию как своего главного врага¹⁶³. В целях углубления координации агрессивных планов, направленных против СССР, несколько позднее (в марте 1938 г.) гитлеровцы предложили Польше присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту».

¹⁵⁹ Там же, с. 44.

¹⁶⁰ Резолюции VII конгресса Коминтерна. М., 1935, с. 32.

¹⁶¹ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 238.

¹⁶² «Akten zur deutschen auswärtigen Politik», Ser. D, Bd. V, S. 33.

¹⁶³ FRUS. 1937. vol. I, p. 147.

В связи с этим польский посол Липский при встрече с Риббентропом напомнил, что Польша уже имеет с германскими органами безопасности секретное соглашение по борьбе с большевизмом. «В практике мы, как и Германия,— подчеркнул польский дипломат,— боремся на всех участках с действиями Коминтерна». На это же, продолжал Липский, направлен и союзный договор Польши с Румынией¹⁶⁴. Учитывая свое положение соседа СССР, Польша, как вытекает из беседы польского дипломата с нацистским министром, пока формально не хотела присоединиться к «Антикоминтерновскому пакту». На эту сторону вопроса 9 ноября 1937 г. указывал и Бек в инструктивном письме дипломатическим представителям за границей¹⁶⁵.

Естественным союзником в борьбе с СССР, подчеркивается в докладной заместителя директора политического департамента Т. Кобылянского на имя Бека 6 ноября 1937 г., Польша должна считать и Японию¹⁶⁶.

4. СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ТОРГОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Определенным зеркалом отношений румынских правящих кругов к Стране Советов продолжала служить и проблема налаживания торгово-экономических связей Румынии с СССР. Несмотря на все старания Советского правительства и определенной части румынских деловых кругов, она практически не была решена. Виной этому были те же дворцовые и правительственные круги, которые открыто принялись за пересмотр внешнеполитического курса. Они не приняли предложение Советского правительства о заключении с СССР торгового договора и лишь с большой неохотой 15 февраля 1936 г. подписали Платежную конвенцию на основе одностороннего клиринга в леях. Об этом говорила хотя бы сама процедура подготовки соглашения. «Конвенция,— писал советский торгпред в Румынии Н. Ильин в НКВТ СССР,— далась нам с большим трудом. Из телеграфной переписки вы знаете только самое основное, только результаты. Но чтобы добиться этих результатов у румын, нужно было иметь железные нервы и крепко посаженную голову... Нам приходится бесконечное количество раз менять текст, чтобы приспособить его к их пониманию, мы отработываем по десятку раз каждое слово текста, спорим, согласовываем и затем снова возвращаемся к уже пройденному»¹⁶⁷. Совет министров Румынии, подчеркивал торгпред, то одобрял конвенцию, то снова под воздействием собственной и внешней реакции возвращался к ее рассмотрению. А после того, как со-

¹⁶⁴ Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 245.

¹⁶⁵ Там же, док. 235.

¹⁶⁶ Там же, док. 233.

¹⁶⁷ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 444, д. 21, л. 66.

глашение было достигнуто, правительство не считало нужным его выполнять, хотя интерес к советским товарам у румын был громадный¹⁶⁸. Торгпред Н. Ильин в своем письме сообщал: «Мне приходится принимать буквально сотни лиц, расспрашивающих меня о возможности приобрести у нас различные товары»¹⁶⁹. Румынские промышленники и коммерсанты охотно покупали бы в СССР хлопок, железо, чугун, химтовары, пушнину, мелкую сушеную рыбу, нитки, льняную пряжу, а из машин — тракторы, грузовые автомашины, сложные и простые молотилки, плуги и т. д.¹⁷⁰ Советская сторона была согласна импортировать из Румынии бензин, целлюлозу, бумагу, стекло, каустическую и кальцинированную соду, шерсть, тяжелую кожу, табак, семена люцерны, из машин и машинного оборудования — паровозы, железнодорожные колесные пары, трубы. Однако румынский партнер далеко не все хотел продавать Советскому Союзу. Румынское правительство не разрешало экспортировать в СССР паровозы, тяжелую кожу, бессарабскую смушку и другие дефицитные товары.

Первым грубейшим нарушением соглашения была задержка с открытием счета Госбанка СССР в национальном банке Румынии, что срывало все заключенные и намечавшиеся к заключению экспортно-импортные операции между торговыми объединениями СССР и румынскими фирмами. Счет был открыт лишь в декабре 1936 г. Но и после этого национальный банк отказывался производить по нему какие-либо коммерческие операции¹⁷¹. 13 декабря 1936 г., т. е. спустя 10 месяцев после заключения торговой конвенции, заместитель наркома Н. Н. Крестинский писал полпреду в Бухарест: «НКВТ информирует нас о том, что намеченный на 1936 г. план закупок в Румынии на 1 100 000 франковых руб. не будет в этом году реализован по вине румынской стороны»¹⁷².

Для срыва экономических связей Румынии с СССР правительство Татареску, констатировал торговый представитель СССР в Бухаресте, пользовалось различными приемами¹⁷³. Чтобы иметь румынскую валюту на счету Госбанка СССР в национальном банке в Бухаресте, Советский Союз должен был экспортировать в Румынию советские товары. Но вопреки достигнутой договоренности о беспрепятственной выдаче разрешений румынским фирмам и торговцам на ввоз советских товаров в Румынию и вывоз румынских товаров в СССР румынские власти под любым предлогом задерживали выдачу этих разрешений.

¹⁶⁸ Там же, л. 65.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Там же, оп. 539, д. 19, л. 15—17.

¹⁷¹ Там же, ф. Отдел торговых договоров, оп. 6074, д. 31, л. 14.

¹⁷² ДВП СССР, т. XIX, док. 411.

¹⁷³ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 8.

Такого рода саботаж, доносил сменивший Н. Ильина торговый представитель Е. С. Гурвич наркому внешней торговли, продолжался до середины 1937 г. «Когда с нашей стороны,— писал Гурвич 31 августа 1937 г.,— ставился вопрос о недопустимости столь длительной задержки разрешений, то везде — в МИД, министерстве торговли, министерстве промышленности и контингентной комиссии извинялись, ссылаясь на недоразумения. Обещали разрешения выдавать немедленно и все же и после этого они не выдавались... Только в середине августа удалось, наконец, преодолеть сопротивление»¹⁷⁴. И то ненадолго.

Советское правительство констатировало срыв экспортного плана на Румынию за 1936 г. и, учитывая негативное отношение румынских правителей к установлению прочных экономических связей с СССР, допускало вероятность срыва экспортного плана и на 1937 г. «На будущий год,— указывал Н. Н. Крестинский в письме М. Островскому,— план намечен на том же уровне — 1 100 000 франковых руб. Само собою разумеется, что и в 1937 г. реализация этого плана будет зависеть от румын. Если румыны не будут чинить препятствий нашему экспорту в Румынию, если Национальный банк будет точно выполнять соглашение от 15 февраля (1936 г.)... то план на Румынию легко может быть реализован, и даже не исключено, что можно будет говорить о некотором увеличении этого плана в целях развития экономических взаимоотношений с Румынией»¹⁷⁵.

Высказывания Советского правительства о стремлении установить с Румынией тесные экономические связи полпредом и торгпредом незамедлительно доводились до сведения членов румынского правительства и других ответственных деятелей политического и делового мира. Однако антисоветизм официального Бухареста был непреодолимым препятствием в реализации намерений Советского правительства. В силу этого экспортный план 1937 г. на Румынию также не был полностью реализован (выполнение составило 91 %) ¹⁷⁶.

Румынские власти не только отказывали румынским фирмам и коммерсантам в разрешениях на импортно-экспортные операции с СССР, но практиковали такой прием, как задержка платежей за уже импортированный или подлежащий импорту советский товар, хотя в советско-румынском платежном соглашении и дополнительных к нему нотах указано, что Национальный банк обязан беспрепятственно и без ограничений принимать деньги от румынских импортеров в оплату советских товаров¹⁷⁷. Эти платежи, докладывал Е. Гурвич поверенному

¹⁷⁴ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 539, д. 19, л. 31.

¹⁷⁵ ДВП СССР, т. XIX, док. 411.

¹⁷⁶ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 7—8.

¹⁷⁷ Там же, оп. 2986, д. 20, л. 9.

в делах СССР в Бухаресте П. Куколеву, «обставлены многими формальностями. По расчетному соглашению Национальный банк обязан немедленно принимать деньги за купленный у нас товар. Но на практике этот «немедленный» прием задерживается на 10—15 дней, а иногда и больше. Причем нет полной гарантии, что платеж (от румынского лица) будет принят, поскольку Национальный банк может причислить ту или другую фирму (под надуманным предлогом) к числу санкционированных, т. е. лишенных права экспорта и импорта»¹⁷⁸.

Чтобы предупредить настойчивые требования румынских деловых кругов об установлении более тесных экономических и торговых связей с советским рынком, исполнительные власти Румынии с санкции правительства стремились держать торгово-промышленные фирмы Румынии в полном неведении об успехах и состоянии советской экономики, советской промышленности и ее техническом прогрессе. Они чинили препятствия опубликованию советской экономической информации в румынской печати, пресекали любые попытки деловых людей Румынии поехать в СССР с целью ознакомления с продукцией советской промышленности и других отраслей народного хозяйства СССР. «Если в других странах,— писал Е. Гурвич в НКВТ СССР 27 июня 1937 г.,— вопрос о поездке представителей фирм в Советский Союз не представляет особых затруднений, то здесь (в Румынии) ... люди делового мира смотрят на поездку в СССР, как на большое труднопреодолимое дело»¹⁷⁹.

После прихода к власти в Румынии открыто фашистских сил и установления королевской диктатуры трудности с налаживанием советско-румынских экономических и торговых связей еще больше возросли. Но Советский Союз, как и раньше, не отступал от своего желания восстановить испорченные румынской стороной политические отношения и закрепить те небольшие достижения в советско-румынской торговле, которые были получены в 1937 г. Более того, после аншлюса Австрии Советское правительство рассматривало вопрос о возможности расширения торговых связей с Румынией с целью ослабления растущего влияния Германии на румынском рынке¹⁸⁰. Правда, с точки зрения экономики торговля с Румынией для СССР не представляла особого значения, поскольку цены на закупавшиеся Советским Союзом товары в Румынии, как констатировал Сектор торгпредств Наркомата внешней торговли СССР, были (из-за огромного забора румынского сырья фашистской Германией) намного выше мировых и в силу этого советские торговые объединения делали большие переплаты румынским поставщикам товаров¹⁸¹. По сообщению Е. Гурвича наркому

¹⁷⁸ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 31.

¹⁷⁹ Там же, оп. 539, д. 19, л. 22.

¹⁸⁰ ЦА МВТ СССР, оп. 602, д. 29, л. 24.

¹⁸¹ Там же, л. 39, 55.

внешней торговли А. И. Микояну (3 января 1939 г.), несоответствие румынских цен с мировыми признал и генеральный секретарь министерства национальной экономики Румынии Иордан¹⁸².

Внешнеполитический курс правительства Румынии явно не способствовал развитию взаимовыгодных экономических связей между Румынией и СССР. В силу этого товарооборот между странами быстро стал идти вниз. В цифрах динамика советско-румынской торговли выглядит следующим образом (в тыс. руб.)¹⁸³.

Годы	Советский экспорт	Советский импорт	Сальдо
1936	284	15	+ 269
1937	2889	1816	+ 1073
1938	577	805	— 228
1939	105	—	+ 105

Продолжавшееся развитие негативной позиции Румынии к СССР и дороговизна румынских товаров вызывали у советских представителей сомнение в необходимости продолжения торговых контактов с Румынией¹⁸⁴.

Ответственные работники советской внешней торговли считали также необходимым внести на рассмотрение своего правительства предложение о заключении с Румынией новой торговой конвенции, если будет решен вопрос о продолжении торгово-экономических связей с Румынией. Конвенция 15 февраля 1936 г., указывалось в письме заместителя начальника Сектора торгпредств С. Андреева наркому А. И. Микояну от 31 декабря 1938 г., имеет ряд серьезных недостатков. Со счета в румынском Национальном банке, говорится в письме, советская сторона может расходовать лей только на содержание полпредства и оплату купленных нами румынских товаров и не может производить оплату нетоварных операций — судебных и портовых сборов, транзитных перевозок и других, связанных с товарообменом расходов; торгово-промышленные фирмы Румынии лишены возможности покупать советские товары за твердую валюту, не установлены для Национального банка сроки оформления оплаты за импортируемые из СССР товары и сроки выдачи румынским торговым фирмам разрешений на экспортно-импортные операции с советскими торговыми объединениями. Действующая конвенция, подчеркивалось в том же документе, значительно хуже, чем платежные соглашения, заключенные Румынией с Англией, Бельгией, Голландией, Швейцарией и другими странами¹⁸⁵. Кроме того, в конвенции отсутствовали обязательства по взаимопоставкам, что не способ-

¹⁸² ЦА МВТ СССР, ф. Отдел торговых договоров, оп. 709, д. 6, л. 1.

¹⁸³ ЦА МВТ СССР, ф. Отдел торговых договоров, оп. 6074, д. 31, л. 3, 14.

¹⁸⁴ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 5, 45.

¹⁸⁵ ЦА МВТ СССР, ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 59.

ствовало развитию товарообмена и не исключало возможности замораживания наших средств в Румынии.

Заместитель начальника Сектора торгпредств далее писал: «Считаю необходимым улучшить действующее соглашение от 15 февраля 1936 г., обусловив в нем: 1. Наше право свободного использования лей на любые платежи в Румынии товарного и нетоварного характера; 2...установить, что советские организации имеют право заключать с румынскими импортерами сделки на советские товары с платежом в твердой валюте. Национальный банк, во всяком случае, не должен препятствовать румынским экспортерам использовать свободные валютные квоты для оплаты импортируемых из СССР товаров; 3. Установить срок для выдачи румынским импортерам разрешения в 48 часов (как это зафиксировано в румыно-английском соглашении.— А. Ш.) с момента зарегистрирования в контингентной комиссии ходатайства импортера; 4... прием сумм и зачисление таковых на счет Госбанка СССР должно быть оформлено не позднее, чем на следующий день после заявки на платежи»¹⁸⁶.

Из-за препятствий, чинившихся румынским правительством, торговля Румынии с СССР в 1939 г. практически прекратилась.

5. ЧЕХОСЛОВАЦКИЙ КРИЗИС, МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР И СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

Успехи фашистских агрессоров в Испании, достигнутые с помощью «западных демократий» и США, усилившийся политический флирт стран Восточной и Юго-Восточной Европы с нацистской Германией вдохновили клику Гитлера на проведение крупных военных акций в самом центре Европы. Эти акции германским агрессорам обещали создать куда более важные предпосылки и военно-стратегические позиции для развертывания борьбы за мировое господство. На всех секретных совещаниях у канцлера, в генштабе вермахта теперь речь шла о внезапном захвате Австрии и Чехословакии, а затем уже и других стран Восточной и Юго-Восточной Европы.

12 марта 1938 г. гитлеровские войска вторглись в Австрию. Англия и Франция ограничились формальным протестом против аншлюса. Акция гитлеровцев по захвату Австрии, а потом и Чехословакии была осуществлена по существу с одобрения Англии. Это довольно ясно вытекает из беседы лорда-председателя Совета Э. Галифакса с Гитлером в ноябре 1937 г.¹⁸⁷, во время которой первый дал понять фашистскому диктатору, что ему предоставляется возможность установить над странами

¹⁸⁶ Там же, л. 59.

¹⁸⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. 1, ноябрь 1937—1938 гг. М., 1948, док. 1.

Центральной Европы германское господство, но «мирными» методами.

С решительным протестом против агрессивных действий фашистской Германии выступило только Советское правительство. Оно заявило, что германское правительство аншлюсом Австрии создало угрозу «политической, экономической и культурной независимости малых народов»¹⁸⁸.

Своеобразно реагировал на это событие Бухарест. 18 марта 1938 г. в беседе с германским посланником в Бухаресте Фабрициусом Кароль II заявил, что он давно считал аншлюс неизбежной акцией и относится к нему положительно. Румынский монарх совершенно не считался с тем, что это серьезно затрагивало интересы Румынии и всех ее союзников в Дунайском бассейне и подрывало устои послевоенного мира в Европе. Глава румынского государства, как замечает германский посланник в Бухаресте, боялся, чтобы акция Гитлера не привела к осложнениям в отношениях Румынии с Великобританией и Францией. При этом он не упустил случая очередной раз подчеркнуть, что желает укрепления тесных отношений с фашистской Германией¹⁸⁹. Только Коммунистическая партия Румынии резко осудила действия агрессора. «Тот факт,— говорилось в обращении ЦК РКП к народу,— что правительство королевской диктатуры не находит ни слова протеста против оккупации Австрии, до сих пор не заявляет о своем намерении... защищать союзницу Румынии — Чехословакию в случае нападения Гитлера, показывает, что это правительство готовит сдачу Румынии Гитлеру»¹⁹⁰.

Аншлюс Австрии создал благоприятные условия для дальнейшей экономической и политической экспансии фашистской Германии в Центральной и Юго-Восточной Европе. Он привел к падению престижа Англии и Франции в правящих кругах стран Дунайского бассейна и усилил там позиции наиболее реакционных и шовинистических элементов, тесно связанных с нацистами. С другой стороны, аншлюс Австрии способствовал росту политического влияния фашистской Германии в Юго-Восточной Европе и значительно укрепил военно-стратегические позиции гитлеровцев. По словам нацистского историка Р. Кругмана, Австрия стала «воротами на юго-восток для великой Германии»¹⁹¹. После оккупации Австрии фашистское правительство приступило к активным политическим и дипломатическим действиям по подготовке расчленения, а затем и захвата Чехословакии. В осуществлении этих целей не последнюю роль играла королевская Румыния. Ее правители, все больше скло-

¹⁸⁸ Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958, док. 4.

¹⁸⁹ DGFP, Series D, vol. V, doc. 186.

¹⁹⁰ «Arhiva Comitetului Central al Partidului Comunist din România», ab. XXII, 13/1015.

¹⁹¹ Krugmann R. Südosteuropa und Großdeutschland. Breslau. 1939, s. 190.

няясь к роли пособников политики фашистской Германии, разработали сложную систему внешнеполитических акций.

Правительство Гоги — Кузы, а после установления 10 февраля 1938 г. королевской диктатуры и правительство Мирона Кристи направляли все усилия на то, чтобы не допустить каких-либо дипломатических шагов, могущих вызвать недовольство фашистской Германии. Именно этим объясняется тот факт, что королевское правительство отрицательно относилось к любым шагам Советского Союза по оказанию помощи Чехословакии против фашистской агрессии.

Когда гитлеровцы развернули работу по изоляции Чехословакии (а началась она задолго до захвата Австрии), Румыния вела, по существу, политику пособничества германской агрессии, содействовавшую срыву мероприятий по защите независимости Чехословакии. Еще летом 1937 г., во время посещения Каролом II Варшавы, указывает известный чехословацкий историк В. Краль, начальники генеральных штабов Румынии и Польши в ходе секретных переговоров решили принять все необходимые меры, чтобы воспрепятствовать проходу советских войск через румынскую территорию для защиты Чехословакии. Принимая в августе 1937 г. чехословацкого посланника в Москве, М. М. Литвинов заявил, что, по имеющимся у Советского правительства сведениям, румынский король дал в Варшаве обязательство не пропускать Красную Армию на помощь Чехословакии¹⁹². В ноябре 1937 г., во время встречи Кароля II с Бенешем, как сообщал министр королевского двора Урдаряну германскому посланнику, «король Кароль открыто заявил Бенешу, что Румыния не будет вмешиваться в конфликт между Чехословакией и Германией»¹⁹³. В дальнейшем Кароль II и его советники, среди которых были все бывшие премьер-министры Румынии, а также руководители буржуазных политических партий, решили ввести в конституцию, «дарованную» народу после установления королевской диктатуры, специальную статью (ст. 91), запрещающую проход иностранных войск через территорию королевства. Принятие такой статьи было направлено на то, чтобы показать гитлеровцам решимость Румынии воспрепятствовать проходу советских войск для оказания помощи Чехословакии. Фашистская пресса с удовлетворением отмечала, что с введением в конституции указанной статьи Чехословакия лишается последней надежды на помощь со стороны СССР¹⁹⁴.

Небезынтересен в этой связи ответ министра иностранных дел Румынии Г. Татареску в марте 1938 г. на запрос французского посланника в Бухаресте А. Тьери относительно пропуска Красной Армии через румынскую территорию. После обмена

¹⁹² Kral. V. Op. cit., str. 331.

¹⁹³ DGFP. Series D, vol. II, 1950, p. 337.

¹⁹⁴ «Popolo di Roma», 24.II. 1938.

мнениями с королем Татареску заявил: «В случае конфликта только между Германией и Чехословакией договорные отношения Румынии с Польшей и странами Балканского пакта обязывают ее занять нейтральную позицию. В случае вмешательства в конфликт Франции Румыния будет готова, хотя и не обязана, также вмешаться. Но при этом мы должны добиться предварительной договоренности с Польшей. Румыния категорически отказывается разрешить проход русских войск»¹⁹⁵. Ответ Татареску не оставляет сомнений в том, что румынское правительство не считало нужным защищать своего союзника — Чехословакию. Оно исходило при этом из того, что решимость Румынии сохранять верность польско-румынскому договору 1921 г., направленному против СССР, будет положительно оценена как англо-французским блоком, так и фашистской Германией. В этом отношении румынские правители оказались правы.

Когда 17 марта 1938 г. правительство СССР призвало европейские державы принять коллективные меры для пресечения дальнейшей фашистской агрессии и предотвращения мировой войны¹⁹⁶, Румыния солидаризировалась со странами Запада, которые отклонили советское предложение. Надежды Берлина на поддержку румынским правительством германской политики в чехословацком вопросе оправдались. После аншлюса Австрии, когда положение в Центральной Европе еще больше обострилось, Советский Союз снова пытался привлечь Румынию к делу обеспечения европейской безопасности. В этом плане в апреле — мае 1938 г. продолжались контакты наркома М. М. Литвинова и других советских дипломатов с представителями румынского правительства, возглавлявшегося в то время патриархом Румынии Мироном Кристи. В беседах с советскими дипломатами министр иностранных дел Петреску-Комнец, сменивший на этом посту Г. Татареску, ограничивался обычно общими рассуждениями о коллективной безопасности, о Лиге наций, неприкосновенности существующих границ, но от обсуждения конкретных вопросов о создании системы коллективной безопасности уклонялся¹⁹⁷. Вся «мудрость» румынского министра сводилась к тому, что Румыния — малая страна и она может вести лишь политику «выжидания». Проникшие в дипломатические круги известия о новых политических шагах Советского правительства в Бухаресте, как отмечает западногерманский историк А. Хилльгрубер, встревожили гитлеровцев. Они решили еще раз уточнить, насколько твердо румынское правительство в своих намерениях не препятствовать агрессивным действиям Германии

¹⁹⁵ *Comnene N. P. Preludi del grande dramma*. Roma, 1947, p. 37.

¹⁹⁶ Внешняя политика СССР, т. IV. М., 1946, с. 334.

¹⁹⁷ Новые документы из истории Мюнхена, док. 14; Внешняя политика Чехословакии, с. 476; DGFP. Series D, vol. II, p. 250.

против Чехословакии, и одновременно вселить в правителей Румынии надежды, что Германия может стать гарантом румынских границ. В порядке подготовки нового дипломатического наступления Гитлер, принимая 22 апреля 1938 г. нового румынского посланника в Берлине Р. Джуvara, заявил ему, что у Германии нет территориальных притязаний на Балканах. Одновременно он очередной раз подчеркнул, что готов гарантировать существующие румынские границы¹⁹⁸. Вскоре после этой беседы румынский посланник встретился с Риббентропом. Последний призвал Румынию включиться в «общеевропейское» дело, чтобы «остановить вал большевизма». В ответ Джуvara заявил, что «истинный румын» ни при каких обстоятельствах «не должен проводить прорусскую политику»¹⁹⁹. Разумеется, все эти беседы носили секретный характер, и мировая общественность могла лишь догадываться об истинных намерениях румынского правительства. Внутри же страны официальной властью и румынской прессой антисоветизм проводился открыто и со всей силой. Достаточно указать на то, что в апреле 1938 г., как сообщал торгпред Е. Гурвич в Москву, в Румынии практически была запрещена продажа любой советской литературы. Если в 1937 г. торговая фирма «Лувру» завозила в страну по 3—3,5 тыс. экз. «Известий», 1500—1800 экз. «Журнал де Моску», то в апреле 1938 г. ей разрешалось ввозить указанных изданий лишь по 300 экз. Да и это количество нередко конфисковывалось «местными» властями, нанося фирме материальный убыток (этот прием «бдительности» был в ходу и раньше) и принуждая ее тем самым «добровольно» отказаться от распространения советской прессы²⁰⁰. В Бессарабии продажа советской прессы вообще была запрещена²⁰¹.

В некоторых европейских дипломатических кругах все еще надеялись, что Румыния, будучи союзником Чехословакии по Малой Антанте, проявит определенную заботу о безопасности своего партнера. Однако состоявшаяся 4—5 мая 1938 г. в Синае сессия министров иностранных дел стран Малой Антанты не оправдала этих надежд. Румыния, как и Югославия, осталась равнодушной к судьбе Чехословакии, которой грозила фашистская агрессия. В ответ на попытку министра иностранных дел Чехословакии Крофты привлечь членов Малой Антанты к обсуждению чехословацкой проблемы министр иностранных дел Югославии М. Стоядинович, поддержанный министром иностран-

¹⁹⁸ Hillgruber A. Hitler, König Carol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954, S. 18. Подобные высказывания гитлеровцы делали и раньше — см. DGFP, Series D. vol. II, p. 250; vol. V, p. 273.

¹⁹⁹ Arhiva ministerului de externe (далее — AMAE). Cazier 86, vol. 39. Telegrama lui R. Djuvara de la Berlin, N 3890 din 26 aprilie 1938.

²⁰⁰ ЦА МВТ СССР. ф. 1, оп. 602, д. 29, л. 15, 16, 18, 47.

²⁰¹ Там же, оп. 2986, д. 20, л. 15.

ных дел Румынии Петреску-Комненом, заявил, что судетский вопрос является внутренним делом чехословацкого правительства²⁰². Зато на той же сессии министры активно обсуждали вопросы признания странами Малой Антанты захвата Эфиопии Италией, аншлюса Австрии, а также возможности установления сотрудничества с Венгрией, постоянно следовавшей в фарватере германской политики. Такого же курса в чехословацком вопросе Румыния придерживалась и в период сессии Совета Лиги наций в Женеве в первой половине мая 1938 г. Во время состоявшейся там встречи Ж. Боннэ и М. М. Литвинова французский министр спросил, окажет ли Советский Союз помощь Чехословакии, если последняя подвергнется агрессии. М. М. Литвинов дал утвердительный ответ, но попросил своего собеседника узнать мнение бухарестского правительства о возможности пропуска частей Красной Армии через румынскую территорию. При встрече с Боннэ Петреску-Комнен по поручению своего правительства ответил, что Румыния «никогда не допустит этого»²⁰³. Такая позиция вполне устраивала французское правительство, поскольку Франция взяла курс на то, чтобы уйти от выполнения своих договорных обязательств перед Чехословакией. Чтобы выяснить позицию Румынии в чехословацком вопросе, М. М. Литвинов неоднократно беседовал с Петреску-Комненом, но последний, «делая общие декларации о желании развития дружественных отношений, от конкретных тем уклонялся»²⁰⁴.

В середине мая 1938 г., когда германо-чехословацкие отношения по вине гитлеровцев резко обострились и последовали с обеих сторон военные приготовления, вся активность английской и французской дипломатии была направлена на то, чтобы заставить Чехословакию капитулировать перед гитлеровцами 23 мая Боннэ в беседе с английским послом заявил, что он готов предпринять энергичные шаги, чтобы «заставить чехов помнеть»²⁰⁵. Именно эта мысль проводилась в состоявшейся 17 мая 1938 г. беседе французского посла в Берлине А. Франсуа-Понсэ с Риббентропом. Посол заявил, что «французское правительство, равно как и английское, будет всемерно способствовать разрешению судетско-немецкого вопроса»²⁰⁶.

Поведение Англии и Франции перед лицом явной угрозы вторжения гитлеровской армии в Чехословакию не могло не сказаться и на усилении формирования прогерманской и античехословацкой позиции соседних с Чехословакией стран, а особенно на позиции ее так называемых союзников — Румы-

²⁰² DGFP, Series D, vol. doc. 199.

²⁰³ «Survey of International Affairs. 1938», vol. II, London, 1951, pp. 131—132; Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, док. 14.

²⁰⁴ Новые документы из истории Мюнхена, док. 14.

²⁰⁵ Внешняя политика Чехословакии, с. 498.

²⁰⁶ DGFP, Series D, vol. II, p. 284.

нии и Югославии. Казалось, Румыния, долгие годы находившаяся в союзе с Чехословакией, высокоразвитым в промышленном отношении партнером, и имевшая с последней тесные экономические отношения, обязана была проявлять какую-то самостоятельность перед натиском гитлеровской Германии, должна была быть в первых рядах защитников интересов и целостности Чехословакии. Однако этого не случилось. Традиционная политика румынской буржуазии — поиски выгодного партнера в большой «игре» и антисоветская, шовинистическая позиция — постепенно заводила Румынию в тупик, в положение внешнеполитической изоляции. Министр внутренних дел А. Калинеску, фактически выполнявший роль главы правительства ввиду старческого возраста М. Кристи, после состоявшейся 24 мая беседы с королем, посвященной внешнеполитическому положению страны, записал в своем дневнике: «Признаю, что мы находимся в тяжелом положении. 1. В Польше мы не можем быть уверены. Договорные отношения с ней в любом случае сомнительны, они в силе только против России. 2. Югославия никогда не выступит против Германии. 3. Нападение Германии на Чехословакию для нас не будет *causus foederis* (т. е. не обязаны вступать в конфликт — *А. Ш.*). В случае, если Советы вмешаются, мы окажемся в трудном положении»²⁰⁷.

Как видно из записи Калинеску, румынские правители хоть и сознавали опасное для страны положение, в которое они ее завели, однако продолжали прежнюю линию и намерены были парализовать любой шаг Советского правительства в защиту Чехословакии и мира в Европе вообще. Глава румынского государства и его министры снова утверждали, что они ни в коем случае не должны идти с русскими, но и не особенно манифестировать пока дружественные отношения с немцами. Калинеску отдавал себе отчет в том, что если гитлеровская Германия возьмет верх, то Румыния попадет сначала под экономическое, а затем и политическое господство немцев. Но последнее не особенно пугало румынских правителей. Пока же они не теряли надежды продержаться на гребне империалистических противоречий между Германией и Англией. По этому поводу Калинеску записал: «Франция переживает кризис, хотя и находится в процессе восстановления. Однако мы имеем Великобританию. Тут наша внешняя политика должна бросить якорь»²⁰⁸. Следовательно, свой внешнеполитический курс Румыния стремилась приспособить к внешнеполитическому курсу Англии и Франции, которые уже открыто взяли курс на предательство Чехословакии.

Активной помощью фашистским агрессорам была координация Бухарестом военно-дипломатических акций Румынии с аг-

²⁰⁷ Archiva centrală a CC al PCR, fond Amintirilor A. Calinescu, dosar 8, f. 38.

²⁰⁸ Ibidem.

рессивными намерениями Польши, готовившейся совместно с фашистской Германией и хортистской Венгрией принять участие в разделе Чехословакии. Существо этой политики Румынии в полном объеме выявилось во время визита главы румынского правительства Мирона Кристи в Варшаву в мае 1938 г. По поводу этого визита М. М. Литвинов 29 мая в телеграмме полпредствам СССР во Франции и Чехословакии сообщал: «Согласно имеющимся у нас сведениям, патриарх Мирон договорился в Варшаве о совместных действиях Польши и Румынии против СССР, в случае попытки Красной Армии прийти на помощь Чехословакии. Это решение будет конкретно оформляться в Варшаве, куда на днях выезжает румынская военная делегация во главе с начальником генштаба Ионеску»²⁰⁹. В период майского кризиса, по сообщению германского посланника в Бухаресте Фабрициуса, Румыния «информировалась Великобританией о каждом этапе кризиса и вместе с последней оказывала давление на Прагу и старалась убедить Бенеша сдаться»²¹⁰.

Таким образом, утверждения румынской белой эмиграции на Западе — бывших министров иностранных дел П. Комнена, Г. Гафенку, генерального секретаря МИД Румынии Крецяну и других о том, что румынское правительство всеми силами старалось помочь и облегчить участь Чехословакии, являются грубой фальсификацией. Мемуарные записи таких столпов режима королевской диктатуры, как К. Арджетоюну, А. Калинеску, убедительно показывают, что в вопросах защиты Чехословакии от германской агрессии, в вопросах организации коллективной безопасности и защиты мира в Центральной Европе румынские правители шли по стопам английских «умиротворителей» — Чемберлена и Галифакса, во всем следовали политической линии Даладье и Боннэ, продававшим интересы как самой Франции, так и Чехословакии и других народов Восточной и Юго-Восточной Европы. Занятая румынским правительством позиция полностью соответствовала и античехословацкой позиции Польши. Враждебная антисоветская и античехословацкая позиция польского правительства импонировала правящим кругам Румынии.

Твердое намерение Советского Союза оказать помощь Чехословакии не могли замолчать даже румынские политики. Бывший министр иностранных дел Г. Гафенку, например, в своей книге «Последние дни Европы» писал, что СССР имел твердое намерение оказать военную помощь Чехословакии при случае, если Польша или Румыния пропустили бы Красную Армию²¹¹. Но ни Польша, ни Румыния, свидетельствует Гафенку, не изъявили готовности принять на себя обязательства пропустить со-

²⁰⁹ Новые документы из истории Мюнхена, док. 15.

²¹⁰ DGFP, Series D, vol. II, p. 337.

²¹¹ *Gafencu G. Derniers jours de l'Europe*. Paris, 1946, p. 27.

ветские войска через свои территории²¹². Несмотря на такую позицию Румынии и Польши, Гитлер в мае 1938 г. отступил. В этом отношении исключительную роль сыграла твердая и решительная позиция Советского правительства, советского народа перед лицом германских агрессоров.

Сети заговора против Чехословакии плелись в глубокой тайне. Бухарестские правители, которые приложили немало усилий для срыва коллективных действий в защиту Чехословакии, не решались открыто заявить о том, что они выступают против оказания ей помощи и пропуска советских войск через румынскую территорию. Показательна в этом отношении состоявшаяся 30 мая беседа румынского посланника в Праге Круцеску с министром иностранных дел Чехословакии Крофтой. Круцеску сказал чехословацкому министру, что румынское правительство не хотело бы делать публичное заявление о том, что оно никогда и ни при каких обстоятельствах не разрешит проход советских войск через свою территорию. Такое намерение, демагогически заявлял Круцеску, диктуется желанием Румынии «избежать всего того, что могло бы ослабить международное положение Чехословакии, не рисковать ничем, что могло бы повредить добрососедским отношениям, которые мы намерены сохранить с Советами»²¹³.

Буржуазное правительство Чехословакии фактически само не хотело воспользоваться военной помощью Советского Союза. Крофта во время той же беседы с Круцеску откровенно сказал ему: «Мы — по крайней мере, руководящие круги — не желаем эффективной поддержки русской армии. Мы, однако, хотим, чтобы это не было известно и чтобы возможность советской военной помощи помогла умерить требования Германии. Мы уверены, что если этот призрак будет устранен формально заявлением об отказе со стороны Румынии (пропустить советские войска.— А. Ш.), то ничто не сможет больше остановить немецкое давление на нас»²¹⁴. Это заявление чехословацкого министра иностранных дел было принято румынским правительством с большим облегчением, ибо теперь оно знало, что открытый официальный отказ пропустить советские войска не потребуется.

Таким образом, ничто не мешало румынскому правительству проводить и дальше свою политику пособничества агрессии. В начале июля 1938 г. французский посланник в Бухаресте Тьерри докладывал Боннэ, что румынское правительство, как и раньше, продолжает отклонять предложение о пропуске совет-

²¹² Ibidem.

²¹³ Колкер Б. М. Румынское правительство и мюнхенский сговор.— «Балканский исторический сборник», I. Кишинев, 1968, с. 230—231; см. также *Comptene N. P. Preludi del grande drama*, p. 70.

²¹⁴ Колкер Б. М. Указ. соч., с. 231.

ских войск²¹⁵. Руководители Румынии не хотели связывать себя определенными обязательствами в отношении Чехословакии. Это подтверждается телеграфным ответом Петреску-Комнена на запрос Крофты о позиции Румынии в отношении пропуска советских войск через ее территорию. Петреску-Комнен сообщил, что «никто не может потребовать от Румынии, чтобы она заранее согласилась на пропуск советских войск»²¹⁶. Нажим на чехословацкое правительство имел прямую связь с румыно-германскими и румыно-польскими отношениями. Как сообщал 30 мая 1938 г. советский полпред в Праге С. С. Александровский, Крофта еще во время майской сессии Совета Лиги наций получил сведения о заявлениях Румынии в Варшаве и Берлине, что она «не допустит прохождения Красной Армии по своей территории ни при каких условиях», и даже об ее угрозах вместе с Польшей объявить войну СССР, если тот попытается перебросить на помощь Чехословакии свои войска через румынскую территорию²¹⁷. Позиция румынских правителей в рассматриваемый период не оставляла у Гитлера и его пособников в Лондоне и Париже сомнений в том, что Бухарест далек от мысли помешать их империалистическим планам в чехословацком вопросе.

Майский кризис 1938 г. не перерос в войну благодаря прежде всего твердой позиции СССР, выступившего в защиту Чехословакии. О решимости Советского правительства дать отпор агрессору сообщила 26 мая газета «Известия». Гитлеровцы не могли не считаться с этим заявлением, как и с готовностью чехословацкого народа отстаивать независимость своей страны. Определенную роль в сдерживании агрессора сыграла также прогрессивная общественность всего мира, ставшая на сторону Чехословакии²¹⁸.

По мере того как росла готовность англо-французских правителей пожертвовать Чехословакией ради своих империалистических целей, румынское правительство все более открыто принимало германскую сторону в чехословацком вопросе. 14 августа при встрече с Бенешем румынский посланник в Праге Круцеску советовал чехословацкому правительству ради нормализации отношений с фашистской Германией добиться «во внешнеполитическом аспекте некоторого ослабления отношений с Советами, а внутри страны более примирительного настроения общественного мнения, которое сегодня смотрит в сторону

²¹⁵ Bonnet G. Le Quai d'Orsay sous trois Republiques 1870—1961. Paris, 1961, p. 163; «Survey of International Affairs, 1938». Vol. II, p. 276.

²¹⁶ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I, док. 14.

²¹⁷ Новые документы из истории Мюнхена, док. 13, 15, 16.

²¹⁸ В одной только Югославии в период майских событий в Чехословакии 60 тыс. добровольцев заявили о готовности сражаться в рядах чехословацкой армии против смертельных врагов славянства — германских империалистов (см. Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. М., 1966, с. 249).

Москвы и занимает резкую антигерманскую позицию»²¹⁹. Летом 1938 г. Румыния стала чинить препятствия также перелету самолетов, купленных Чехословакией в СССР. Зато румыно-германские отношения летом 1938 г. продолжали укрепляться, особенно в экономической области. Кроме поставок, предусмотренных торговым соглашением от 9 декабря 1937 г., румынское правительство по требованию германской стороны взяло на себя обязательство поставить Германии большое количество зерна и авиационного бензина в обмен на зенитные пушки и другое вооружение и снаряжение. Продолжали укрепляться и румыно-польские отношения, что также было выгодно Гитлеру. Румыния более активно, чем раньше, стала поддерживать югославскую политику тесных связей с фашистской Германией.

Двойственная политика Бухареста в конечном счете привела правителей Румынии к тому, что они дали гитлеровцам обязательство сохранять благожелательный для них нейтралитет в германо-чехословацком конфликте. В этом отношении характерно заявление, сделанное 29 июня 1938 г. румынским военным атташе в Будапеште. «В случае, если Германия нападет на Чехословакию с венгерской территории,— констатировал он,— страны Малой Антанты не будут угрожать Венгрии. В случае участия венгерских войск в военных действиях вместе с немецкими бухарестское и югославское правительства смогут мотивировать свой нейтралитет тем, что нападение на венгерскую территорию, оккупированную немецкой армией, будет, по существу, действием не против Венгрии, а против Германии»²²⁰. 21—23 августа 1938 г. в Бледе состоялась сессия министров иностранных дел стран Малой Антанты. На нее были впервые приглашены представители хортистской Венгрии. В нарушение Трианонского договора совещание приняло решение предоставить последней равные права в вопросах вооружения. Решения сессии, принятые в первую очередь по настоянию Румынии и Югославии, окончательно подрывали устои Малой Антанты, нанесли удар по Чехословакии и еще шире открыли ворота для гитлеровской агрессии на Балканы. Положительное отношение фашистских диктаторов к решению участников Малой Антанты отчетливо выражено в записях Чиано. «Хорошие вести из Бледа...— отметил он 24 августа.— Бледская встреча означает новую фазу в разрушении Малой Антанты. Чехословакия изолирована. Система французских союзов окончательно опрокинута»²²¹.

Посылка в конце июля в Чехословакию английского пра-

²¹⁹ AMAE, Cazier 3, vol. 2, Raportul confidențial N 2130 de la Praga din 14 august 1938.

²²⁰ Bendiler J. Atitudinea guvernului român față de Cehoslovacia în lunile premergătoare Münchenului.— «Studii», 1956, N 5, p. 11—12.

²²¹ Ciano's Diary. London, 1948, p. 146.

вительственного эмиссара лорда Ренсимена, который должен был содействовать в ходе своей «посреднической» миссии передаче значительной части чехословацкой территории — Судетской области — Германии, была осуществлена не без учета позиции Румынии²²² и другого союзника Чехословакии по Малой Антанте — Югославии. Правда, 13 августа 1938 г. правительство Румынии сделало видимую уступку, заявив, что оно «закроет глаза» на полеты советских самолетов на высоте 3 тыс. м и выше²²³, но при этом умолчало о возможности пропуска войск. Что касается разрешения полетов советских самолетов на указанной высоте, то здесь расчет был прост: для зенитной артиллерии высота свыше 3 тыс. м была тогда просто недостижима, и в случае протеста со стороны Берлина румынские правители именно этим и надеялись оправдаться. Чтобы решить, наконец, вопрос о пропуске советских войск для оказания помощи Чехословакии, Советское правительство рекомендовало французскому правительству оказать воздействие на Бухарест и Варшаву. В ответ на это Боннэ 1 сентября 1938 г. уведомил М. Литвинова, что французский МИД не смог добиться от Румынии и Польши положительного ответа²²⁴. В действительности, как теперь известно, Париж не обращался к правительствам этих стран с требованием положительно решить вопрос о переброске советских войск через румынскую территорию на помощь Чехословакии, а ограничился лишь постановкой такого вопроса перед Бухарестом и Варшавой. Американскому послу в Париже Буллиту Боннэ признался, что французское правительство не сторонник пропуска Красной Армии через территории Польши и Румынии и даже не сторонник посылки советских самолетов через их воздушное пространство, но оно было за то, чтобы СССР оказывал Польше и Румынии «помощь поставками военных материалов и военного снаряжения»²²⁵.

Франция и Румыния, как и Англия, не хотели защищать Чехословакию от фашистской агрессии. Только Советский Союз открыто заявлял о своей готовности оказать чехословацкому народу военную помощь. И. М. Майский заявил 22 августа лорду Галифаксу, что в случае нападения на Чехословакию Советский Союз выполнит свои обязательства²²⁶. Аналогичное заявление 22 августа нарком М. М. Литвинов сделал германскому послу в СССР графу Шуленбургу. Нарком подчеркнул, что если дело дойдет до войны, то Советский Союз, имеющий с Чехословакией договор о взаимопомощи, выполнит свои обязательства перед ней²²⁷.

²²² «*Studii*», 1956, N 5, p. 13.

²²³ «*Survey of International Affairs, 1938*», vol. II, p. 278—281.

²²⁴ Новые документы из истории Мюнхена, док. 25.

²²⁵ FRUS, 1938, vol. I, p. 58—59.

²²⁶ *Сиполс В. Я.* Указ. соч., с. 230.

²²⁷ Новые документы из истории Мюнхена, док. 24.

О желании помочь Чехословакии говорил ряд заявлений и решений руководящих партийных и государственных инстанций. Еще в апреле на совещании под председательством И. В. Сталина было решено: СССР, если его об этом попросят, готов вместе с Францией и Чехословакией предпринять все меры по обеспечению безопасности Чехословацкой республики. Состояние армии и авиации позволяет это сделать. Советскому полпреду в Праге С. С. Александровскому поручается довести это решение до сведения президента Бенеша²²⁸. О намерениях Советского Союза помочь Чехословакии было высказано в докладе председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина 26 апреля 1938 г.²²⁹ За политическими решениями ЦК ВКП(б) и Советского правительства последовали крупнейшие военные приготовления. По указанию директивных органов Вооруженные Силы СССР были приведены в повышенную боевую готовность. 26 июля Киевский и Белорусский военные округа были преобразованы в особые округа, где были начаты формирования мощных армейских группировок: житомирской, винницкой, одесской, витебской и бобруйской. Срок окончания этих важнейших военных мероприятий был определен 1 сентября²³⁰. Указанные армейские группировки 23 сентября были уже в полной боевой готовности и в тот же день было начато их выдвижение к западным границам СССР, в районы сосредоточения²³¹.

К этому времени Советскому правительству доподлинно стало известно, что Польша также намеревается принять участие в разделе Чехословакии. В связи с этим в день выдвижения советских войск к границам польское правительство было предупреждено, что в случае если польские войска вторгнутся в пределы Чехословакии, СССР будет считать это актом агрессии и денонсирует без предупреждения пакт о ненападении с Польшей²³².

Советское правительство, полагая, что Чехословакия обратится к нему за помощью, продолжало осуществлять мероприятия, направленные на повышение мобилизационной и оперативной готовности Советских Вооруженных Сил. В конце сентября в боевую готовность были приведены дополнительные силы пограничных военных округов и значительная часть войск Харьковского, Орловского, Калининского, Московского, Приволжского, Уральского, Северо-Кавказского и Закавказского округов.

С конца июля до конца сентября по указанию ЦК ВКП(б) и Советского правительства были приведены в полную боевую

²²⁸ Там же, док. 7.

²²⁹ Калинин М. И. О международном положении. М., 1938, с. 13—14.

²³⁰ Советско-чехословацкие отношения. 1918—1939. Сборник статей. М., 1968, с. 218—219.

²³¹ История второй мировой войны, т. 2, с. 105.

²³² Документы... советско-польских отношений, т. VI, док. 257.

готовность 47 стрелковых и 10 кавалерийских дивизий, 3 танковых корпуса, 29 танковых и 4 мотострелковых бригады, 12 авиационных бригад, 34 авиабазы, 7 укрепленных районов, а также мощные силы противовоздушной обороны²³³. Одновременно с этим Советское правительство предлагало чехословацкому правительству принять безотлагательно на свои аэродромы 700 советских истребителей²³⁴.

Помимо войск, выдвинутых к советской юго-западной и западной границе, в боевую готовность был приведен второй эшелон войск, состоявший из 30 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 2 танковых корпусов, 15 отдельных танковых бригад и ряда авиационных баз²³⁵.

Мощный отпор германским агрессорам могла оказать и сама Чехословакия. Она имела 45 стрелковых дивизий, располагала 1582 самолетами, 469 танками, 5700 артиллерийскими орудиями и другим вооружением²³⁶, мощными пограничными укреплениями, не уступавшими немецкой линии Зигфрида и французской линии Мажино. У Чехословакии было еще одно значительное преимущество перед агрессором: моральное превосходство армии. Гитлеровская Германия в операциях против Чехословакии (план «Грюн») планировала использовать из имевшихся у нее 47 дивизий 39 дивизий²³⁷.

Руководителям ведущих держав было ясно, что силы неагрессивных государств намного превосходили силы агрессора. Однако «миротворцы» из Лондона, Парижа и Вашингтона твердо стояли на позиции непротивления германским агрессорам.

При создавшихся обстоятельствах Советское правительство считало полезным использовать и Лигу наций, очередная сессия Совета которой должна была состояться в десятых числах сентября. М. Литвинов в беседе с французским поверенным в делах Пайяром 2 сентября заметил, что «если Польша и Румыния чинят теперь затруднения, то их поведение, в особенности Румынии, может быть иным, если Лига наций вынесет решение об агрессии»²³⁸. Однако при встрече с Боннэ Петреску-Комнен заявил, что даже решение Лиги наций о наличии германской агрессии не заставит румынское правительство пересмотреть свою позицию. Комнен далее сказал, что последняя вытекает из союзнических обязательств, которыми его страна связана с Польшей и Югославией (имелись в виду обязательства по Варшавскому договору 1921 г., а также договорные

²³³ История второй мировой войны, т. 2, с. 106—107.

²³⁴ Amort C. Na Pomoc Ceskoslovenskemu Lidu. Praha, 1960, str. 180.

²³⁵ История второй мировой войны, т. 2, с. 107—108.

²³⁶ K. Zilliacus. Can the Tories win the Peace? And How they Lost One. London, 1945, p. 96—97.

²³⁷ История второй мировой войны, т. 2, с. 108.

²³⁸ Новые документы из истории Мюнхена, док. 26.

отношения в рамках Малой Антанты и Балканского союза). «Если же русские попытаются пройти,— подчеркнул он,— Румыния при поддержке Польши будет защищаться»²³⁹. На дипломатическом языке это означало объявить войну Советскому Союзу.

Отдавая себе отчет в том, что французская дипломатия ведет неискреннюю политику, М. Литвинов счел необходимым встретиться и с Петреску-Комненом, находившимся в то время в Женеве. Нарком, откровенно излагая позицию Советского Союза по чехословацкому вопросу, заявил румынскому министру, что вооруженное выступление Франции в защиту Чехословакии автоматически повлечет за собой такую же военную акцию и со стороны СССР, в этом случае Румыния должна определить свою позицию²⁴⁰. Но румынский дипломат снова ушел от конкретного обсуждения поставленного вопроса. Это прямо вытекало из того, что румынские правители заверяли германских дипломатов, что Румыния не связана никакими договорами о вступлении в войну из-за Чехословакии и что она при всех условиях хочет остаться в стороне от конфликта. Но нейтралитет ими понимался своеобразно — как выгодное предприятие, как политический и военный торг. Румынские власти надеялись заработать хороший куш на поставках нефти, угля, хлеба и жиров воюющим странам²⁴¹.

Таким образом, из-за предательской политики Англии, Франции, Румынии и Польши, а вместе с ними и чехословацких правителей, не были использованы имевшиеся возможности для защиты мира, для защиты народов от фашистской агрессии. Впоследствии миру стало известно (а английским и французским военным деятелям было известно и в период мюнхенской сделки), что германская армия практически не была способна преодолеть даже сопротивление чехословацкой армии. Против чехословацких тяжелых фортов, признавался гитлеровский министр вооружения Шпеер, оказались бессильны даже 210-мм орудия. «При пробных выстрелах,— писал он,— к удивлению наших специалистов, выяснилось, что оружие, которое должно было быть против них использовано, оказалось неэффективным. Гитлер лично прибыл на бывшую границу, чтобы составить впечатление об этих укреплениях, и вернулся потрясенный. Бункеры были поражающе мощными, исключительно умело размещены, глубоко эшелонированы при великолепном использовании характера местности. Их захват, при решительной обороне, стоил бы нам много крови»²⁴². Важным является заявление одного из руководителей вермахта — генерал-фельдмар-

²³⁹ «Survey of International Affairs, 1938», vol. II. p. 280; Bonnet G. Op. cit., p. 201—203, 303.

²⁴⁰ Cornene N. P. Preludi del grande dramma, p. 79.

²⁴¹ Hillgruber A. Op. cit., s. 22.

²⁴² Speer A. Prinerungen. Berlin, 1969, S. 125.

шала Кейтеля на Нюрнбергском процессе. «Я твердо убежден,— говорил он,— что если бы Даладье и Чемберлен сказали: «Мы выступим», мы ни в коем случае не прибегли бы к военным действиям».

Признания ведущих гитлеровцев являются подтверждением того, что в основе предательской политики Англии и Франции лежала не боязнь военной мощи фашистской Германии, на что их руководители в целях камуфляжа не раз указывали в своих конфиденциальных беседах и открытых заявлениях, а сознательное стремление дать гитлеровцам возможность поработить народы Центральной и Восточной Европы, а затем направить фашистскую Германию против СССР²⁴³⁻²⁴⁴. К участию в «крестовом походе», как нам уже известно, активно готовились и правящие круги Бухареста.

Антисоветскую и античехословацкую политику поддерживали все реакционные силы Румынии — от «железной гвардии», являвшейся немецкой агентурой, до национал-царанистских «демократов» во главе с изворотливым буржуазным политиком Ю. Маниу. Вот что писал Г. Охэбьяну, один из лидеров царанистов и племянник Ю. Маниу, о политической линии правящих кругов: «Румыния может и должна... в случае необходимости любой ценой воспрепятствовать распространению большевизма... Мы не заключили договора о союзе с Россией. Очень хорошо! Мы не стали связывать судьбу Румынии с Россией. Очень хорошо! Мы не даем разрешения на проход русских войск через нашу страну. Очень хорошо!»²⁴⁵. Курс Румынии, равно как и Югославии, в чехословацком вопросе в трагические дни сентября 1938 г. был плохо замаскированным вариантом политики Англии и Франции. Антисоветская политика бухарестских руководителей активно поддерживалась не только румынской реакционной печатью, но и всеми ведущими газетами Англии и Франции, не говоря уже о германской прессе.

21 сентября 1938 г. М. М. Литвинов выступил на пленарном заседании Лиги наций и в соответствии с директивой Политбюро ЦК ВКП(б) заявил, что Советский Союз готов выполнить свои обязательства перед Чехословакией²⁴⁶. Советское правительство к этому времени, как уже сказано, предприняло конкретные шаги на случай оказания экстренной помощи жертве фашистской агрессии. Об этих мерах румынские власти были информированы французскими дипломатами. Предательством интересов Чехословакии правительства Румынии и Югославии надеялись как бы откупиться от непосредственной угрозы со стороны фашистской Германии и получить экономические выгоды. В этом отношении весьма характерным является

²⁴³⁻²⁴⁴ Лазарев А. М. Указ. соч. с. 376.

²⁴⁵ Ohabeanu G. Drumul politiceii externe. Cluj. 1938, p. 15—16.

²⁴⁶ История КПСС, т. 5, кн. 1. М., 1970, с. 66.

мнение румынской дипломатической миссии в Берлине, которая в своей телеграмме от 22 сентября, т. е. за неделю до открытия Мюнхенской конференции, рекомендовала своему министру иностранных дел: «Румыния, ни минуты не теряя, должна рука об руку с Югославией осмыслить создавшееся положение, отбросив в сторону всякого рода сентиментализм и особенно так называемые обязательства чести, которые сегодня уже не существуют, поскольку Чехословакия окончательно и бесповоротно вычеркнута из нынешней европейской действительности»²⁴⁷. Такая точка зрения полностью совпадала с точкой зрения короля и правительства, внешне продолжавших играть роль «друзей» чехословацкого народа. Комнен, принимая 27 сентября Фабрициуса, заявил, что румынское правительство постарается убедить Прагу разрешить конфликт в пользу Германии²⁴⁸. Одновременно с поддержкой притязаний гитлеровцев Бухарест активно подогревал агрессивные устремления Польши, требуя от Праги удовлетворения польских территориальных претензий. Об этом красноречиво свидетельствует обмен письмами между Комненом и министром иностранных дел Англии Галифаксом в конце сентября 1938 г.²⁴⁹.

29—30 сентября в Мюнхене состоялась конференция Англии, Франции, Германии и Италии, закончившаяся сделкой об отторжении от Чехословакии Судетской области. Что касается вопроса о гарантиях новых границ Чехословакии, то он был отложен. Четыре державы ограничились постановлением, что этот вопрос будет решен после урегулирования проблемы польского и венгерского меньшинств в Чехословакии²⁵⁰. Однако Чехословакия этих гарантий так и не получила. Поскольку удалось навязать ей диктат без предоставления гарантий, английское правительство утратило к этому вопросу всякий интерес.

После мюнхенской сделки прогитлеровская позиция руководящих кругов королевской Румынии была по достоинству оценена западными державами. Активный мюнхенец Ж. Боннэ, имея в виду позицию Румынии во время чехословацкого кризиса, просил Комнена передать Каролю II благодарность правительства Франции за важный вклад Румынии в мюнхенскую акцию²⁵¹. Так же поступило и английское правительство Чемберлена. Отказ Румынии от защиты чехословацкого суверенитета в период Мюнхена был откровенно зафиксирован через некоторое время лидером наиболее реакционного крыла национал-либеральной партии и близким к королевскому двору человеком Г. Братиану. 22 мая 1939 г. в газете «Universul» он писал: «Позиция Румынии во время сентябрьского кризиса

²⁴⁷ «Studii», 1956, N 5, p. 15.

²⁴⁸ DGFP, Series D, vol. II, p. 980—981.

²⁴⁹ DBFP, Series III, vol. III, L., 1950, p. 45—46.

²⁵⁰ Новые документы из истории Мюнхена, док. 61.

²⁵¹ *Comnene N. P. Preludi del grande dramma*, p. 85.

была вполне ясной. Она упорно сопротивлялась любой попытке превратить ее в дорогу для прохода советской армии»²⁵².

В ходе чехословацкого кризиса и мюнхенской сделки еще больше укрепились румыно-польские отношения. Но наиболее надежными союзниками в проведении Румынией антисоветской политики должны стать, считали румынские правители, гитлеровская Германия и фашистская Италия.

Истинный смысл румынской внешней политики стал особенно очевиден в конце сентября 1938 г., когда по поручению короля маршал двора Флондор во время встречи с германским посланником пытался выяснить возможности дальнейшего укрепления отношений между Румынией и Германией на антисоветской основе. 29 сентября Фабрициус телеграфировал в Берлин: «По-моему, этот демарш является предварительным зондажем со стороны короля относительно того, готовы ли мы и в какой степени помочь Румынии против Советской России. Король все больше и больше осознает, что помощь Франции становится все более призрачной и что хорошие отношения с Германией могут защитить его также и от венгерских реваншистских устремлений. Но он не считает возможным сделать более решительный шаг к сближению с германским рейхом, пока мы не обеспечим защиту Румынии от Советской России»²⁵³. Он не хочет, продолжал посланник, слишком быстрым сближением с Германией испортить отношения с Францией и особенно с Англией. Румынские буржуазные политики стремились получить от Германии гарантии неприкосновенности границ королевской Румынии. Касаясь этой проблемы, посланник писал, что о такого рода гарантиях, вероятно, не может быть и речи, поскольку едва ли целесообразно проливать немецкую кровь на Днестре за румынские интересы, к тому же германские гарантии Румынии рассматривались бы Венгрией и Болгарией как недружественный акт. «Но мы можем — и это соответствует нашей теперешней программе, — советовал Фабрициус, — помочь Румынии значительным количеством вооружения, возможно, большим, чем до сих пор давали, поставками самолетов, зенитной артиллерии и оборудования для ее военной промышленности. С этой целью можно подумать о предоставлении значительных кредитов»²⁵⁴.

Румыно-германские переговоры на протяжении длительного времени показывают, что стремление Румынии к тесному сотрудничеству с Германией определялось целями не только сохранить господство над Бессарабией, но и захватить в будущем с помощью гитлеровцев новые советские территории. Захватнические устремления румынской буржуазии нашли свое отраже-

²⁵² «Universul», 22.V 1939.

²⁵³ DGFP, Series D, vol. V, doc. 227. Здесь имеется в виду дальнейшее сохранение оккупации Бессарабии королевской Румынией.

²⁵⁴ DGFP, Series D, vol. V doc. 228.

ние, в частности, в румынской буржуазной прессе и выступлениях тогдашних руководителей Румынии²⁵⁵. Антисоветская направленность политики румынских правящих кругов и их стремление к сближению с фашистской Германией накладывали заметный отпечаток и на румыно-венгерские отношения. Когда клика Хорти во всеуслышание заявила о притязаниях на часть чехословацкой территории, бухарестские политики вопреки интересам мира в Европе повели сложную и опасную игру. Не поддерживая полностью все венгерские требования, румынские руководители не возражали, однако, против удовлетворения части венгерских требований. Румынское правительство боялось лишь того, что оккупация Словакии и Закарпатской Украины, на которые претендовал Хорти, слишком усилила бы Венгрию и создала бы условия для пересмотра Трианонского договора²⁵⁶.

Чехословакия руками англо-французских мюнхенцев с помощью правителей Румынии и Польши была искалечена. Но буржуазная пресса представляла Чемберлена и Даладье не иначе, как «спасителями» мира. Предательский акт, совершенный руководящими кругами Англии и Франции в Мюнхене, с неменьшим восторгом был воспринят официальным Бухарестом, всей румынской реакцией. Пресса — от фашистской до буржуазно-либеральной — состязалась в славословии по адресу руководителей «западных демократий», германских и итальянских фашистов. Раздел Чехословакии преподносился румынскому народу как «победа разума над злом», как «торжество мира». Руководящие круги национал-либеральной партии подчеркивали, что 8 часов дискуссии в Мюнхене «уладили конфликт, который мог бы вызвать трехлетнюю войну, и что использованные методы были новыми и эффективными»²⁵⁷.

Единственной державой, последовательно выступавшей против германской агрессии на протяжении всего чехословацкого кризиса, оставался только Советский Союз. В своих выступлениях министры — члены чехословацкого правительства Вавречек и Дерер 30 сентября публично (по радио) заявили, что «единственно верным союзником Чехословакии до конца остался только СССР». Об этом же свидетельствовал председатель Словацкого Национального совета Шмитке. «В тяжелый 1938 г., — говорил он 1 ноября 1948 г. на открытии недели советско-словацкой дружбы, — только Советский Союз был готов придти на помощь Чехословакии»²⁵⁸.

²⁵⁵ Левит С. Э. Захватнические планы буржуазно-помещичьей Румынии накануне второй мировой войны. — «Ученые записки» Молдавского филиала АН СССР, т. VI. Кишинев, 1957, с. 208—210; «Curentul», 4.XI 1938.

²⁵⁶ Cornene N. P. Preludi del grande drama, p. 110.

²⁵⁷ «L'indépendance Roumaine», 4.X 1938.

²⁵⁸ ЦГАОР, ф. 4459, оп. 27/1, д. 8333, л. 98.

В порядке выполнения рекомендаций Мюнхенской конференции 2 ноября 1938 г. в Вене представителями германского и итальянского правительств (Англию и Францию от дальнейшего участия в решении судьбы Чехословакии Гитлер отстранил) была разыграна комедия так называемого арбитража. Не законченное мюнхенцами дело расчленения Чехословакии было продолжено. В соответствии с решением «арбитров» хортистам были переданы южные районы Словакии и Закарпатской Украины (с городами Кошице, Мукачево, Ужгород). Польский министр иностранных дел Бек (приезжавший в середине октября 1938 г. в Галац для встречи с королем) призвал к участию в дележе Чехословакии и Румынию. Но последняя отказалась. Отклонение предложения Бека объяснялось не проявлением дружественных чувств румынских буржуазных политиков к чехословацкому народу²⁵⁹.

Кароль II полагал, что северо-восточная часть Закарпатской Украины, на которую, по мнению польского МИД, могла бы претендовать Румыния, должна быть в составе рейха. В этом случае проходящая по ней железная дорога обеспечивала прямую связь Румынии с фашистской Германией. Закарпатский коридор давал фашистам выход не только к Советской Украине, но и к границам Румынии. Но, как видно, короля это не тревожило. Докладывая о замыслах румынского правительства, Фабрициус 28 октября 1938 г. писал в Берлин, что Г. Брагиану по поручению короля «хочет обратить наше внимание на необходимость сохранения коридора, который отделял бы Польшу от Венгрии и гарантировал бы наиболее безопасную связь между Германией и Румынией через чехословацкую территорию. В случае, если Польша и Венгрия будут иметь общую границу, то они отрежут нас (от Румынии.— А. Ш.)»²⁶⁰.

Мюнхенское соглашение и последовавшее за ним расчленение Чехословакии имели далеко идущие последствия для Румынии. Оказавшись в относительной изоляции, она решила искать выход из создавшегося положения в постепенном отходе от ориентации на Англию и Францию, в дальнейшем сближении с фашистскими государствами, укреплении союзнических отношений с Польшей на антисоветской основе и активном служении захватническим планам Германии на Востоке. «У меня была возможность говорить с членами правительства,— указывается в меморандуме заместителя директора департамента экономической политики МИД Германии К. Клодиуса, когда он находился в Бухаресте (в начале ноября 1938 г.),— несколькими лидерами двух прежних крупных политических партий — национал-либеральной и национал-царанистской, некоторыми высшими офицерами и рядом ведущих лиц бизнеса и

²⁵⁹ «Survey of International Affairs, 1938», vol. II, p. 92.

²⁶⁰ DGFP. Series D, vol. V, doc. 239.

финансовых кругов, и все они выражали всеобщее признание необходимости сотрудничать с Германией. Даже известные противники Германии, которые раньше никогда не скрывали своей оппозиции к рейху, теперь говорят совсем другим языком»²⁶¹. Дину Братиану и Ю. Маниу представили королю даже меморандум с требованием равнения на Германию²⁶².

Иную позицию заняли прогрессивные силы Румынии. Понимая, что страна оказалась перед национальной катастрофой, они открыто выступили против предательской политики своих правителей и предупреждали свой народ, что судьба Румынии и всех стран Балканского полуострова тесно связана с судьбой Чехословакии. Компартия Румынии призвала к единению и укреплению патриотических сил, к созданию антифашистского военно-политического союза, который стал бы преградой на пути агрессии. «Единственной надеждой,— указывала она,— могущей преградить путь разбойничьим актам гитлеризма, является создание сильного блока государств, которым угрожают империалисты из Берлина... Необходимо заключить тесный политический и военный союз с Советским Союзом — государством, мирная политика которого защищает независимость всех малых государств Центральной и Юго-Восточной Европы»²⁶³. Предупреждения патриотических сил и их призывы к действию правительство Румынии игнорировало. Оно продолжало проводить антисоветскую, прогерманскую внешнюю политику. Румынские власти не хотели сотрудничать с СССР.

* * *

Отсутствие региональной системы коллективной безопасности дало силам фашизма возможность активизировать свою деятельность, направленную против миролюбивых народов Европы.

Убедившись в безнаказанности и даже попустительстве фашистской агрессии со стороны Англии, Франции и США, гитлеровская Германия, не закончив военную акцию в Испании, приступила к подготовке и осуществлению захвата Австрии и Чехословакии. Оккупация Австрии и раздел Чехословакии, поставившие мир на грань мировой войны, были совершены при прямом, активном содействии стран «демократического мира».

Единственной страной в мире, которая активно противостояла фашистской агрессии и разоблачала англо-французских пособников агрессии, был Советский Союз. Советское правительство не только заявляло на весь мир о нарастающей

²⁶¹ Ibidem, doc. 239, 264.

²⁶² Ibidem, doc. 239.

²⁶³ Documente din istoria PCR. București, 1953, p. 318.

опасности фашистской агрессии, но и указывало на пагубные последствия политики «умиротворения» Англии и Франции, продолжавших еще оставаться в глазах большинства буржуазной общественности «защитниками» мира. Однако активное вмешательство СССР в события, развернувшиеся вокруг Австрии и Чехословакии, внесло в международные отношения 1937—1938 гг. совершенно новый элемент. Своими действиями он в значительной степени расстроил игру с далеко идущими целями империалистических кругов Англии и Франции, да и не только этих стран. Не будь активных действий советской дипломатии в Европе, огромной материальной и военной помощи республиканской Испании в борьбе с агрессорами, гитлеровцы с помощью англо-французских империалистов реализовали бы свои планы в Центральной Европе и на Балканах намного раньше. Они не только захватили бы Австрию, оккупировали часть Чехословакии, но сразу же двинули бы свою армию на Румынию, Польшу, Венгрию и Югославию, которые были нужны германскому империализму в качестве сырьевых ресурсов для подготовки большой войны на Востоке и на Западе.

Немалую роль в развернувшихся событиях, нанесших огромный ущерб европейской безопасности, играли страны Восточной Европы, и в первую очередь Румыния с Польшей.

Правящие круги королевской Румынии, будучи тесно связанными с правительствами Англии и Франции, своими дипломатическими действиями заметно усиливали ту линию международной политики, которая воплотилась в позорных мюнхенских соглашениях. Уже задолго до Мюнхена правители Румынии встали на путь пересмотра своей внешней политики. После прихода к власти профашистского правительства Гоги — Кузы и установления королевской диктатуры Румыния начала открыто проводить линию на сотрудничество с гитлеровской Германией, не порывая в то же время отношений с «западными демократиями».

Большую роль в стремлении Бухареста найти пути сближения с Берлином играло желание румынских правителей усилить свои антисоветские позиции на Востоке. Это особенно ясно просматривается в записях румыно-германских дипломатических переговоров в период майского и сентябрьского кризисов 1938 г., связанных с захватническими планами Германии в отношении Чехословакии.

Исходя из общей мюнхенской политики и задач превращения своей страны в антисоветский бастион, правители Румынии активизировали фашизацию внутренней жизни страны, мобилизовали военные ресурсы, повышали беспособность армий, насчитывавшей к этому времени 450 тыс. человек, еще больше усилили курс на достижение политического альянса с фашистской Германией. Вскоре после Мюнхена румынские промышленно-финансовые круги и крупные аграрии, адресуясь

к своему правительству, заявили: «Мы желаем тесного политического и экономического сотрудничества с Германией, тем более с Германией сегодняшнего дня»²⁶⁴.

Румынская реакционная правящая верхушка не хотела понять, что нападение фашистской Германии на СССР представляет смертельную опасность и для самой Румынии.

Преследуя свои империалистические цели, правящие круги Румынии охотно пошли на сделку с германским фашизмом. Руководящим началом для правителей Румынии стало заявление короля, что «он скорее предпочитает увидеть немцев своими врагами, чем русских друзьями»²⁶⁵. Заявление главы румынского государства как нельзя лучше выражало промюнхенскую политику правительства Румынии.

Итак, вся политическая и дипломатическая деятельность правителей Румынии была направлена на усиление антисоветского курса, на укрепление старых и на создание новых военно-политических союзов с самыми реакционными силами Восточной и Западной Европы.

Курс Румынии на сотрудничество с фашистскими государствами исключал возможность сохранения румыно-советских отношений на том уровне, на котором они находились в 1935—1936 гг. Румыния была далека от того, чтобы вносить конструктивные предложения, которые мешали бы германским агрессорам создавать себе выгодные стратегические и политические позиции на Востоке и Юго-Востоке Европы.

Румынская буржуазная пресса была полна клеветнических измышлений в адрес Советского Союза.

Антисоветизм как основа внешнеполитического курса Бухареста привел Румынию к еще большей изоляции на международной арене, затормозил ее экономическое и социально-политическое развитие, оказал существенное содействие в укреплении империалистических позиций гитлеровской Германии, профашистской Польши и хортистской Венгрии, облегчил расширение германской агрессии в сторону СССР и балканских стран. Такой курс Румынии нанес огромный вред общему делу мира в Европе, поставил под вопрос национальный суверенитет Румынии.

²⁶⁴ «Timpul», 14.X 1938.

²⁶⁵ DGFP. Series D, vol. V, doc. 228.

ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ В СВЯЗИ С СОВЕТСКО-АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ ПЕРЕГОВОРАМИ 1939 г.

1. СОВЕТСКИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ О КОЛЛЕКТИВНЫХ МЕРАХ БОРЬБЫ С ФАШИСТСКОЙ АГРЕССИЕЙ

Борьба за мир всегда была генеральной линией советской внешней политики и дипломатии. Для того чтобы укрепить мир и безопасность в Европе, рассеять надвигавшиеся в рассматриваемый период грозные тучи мирового конфликта, Советское правительство стремилось к сотрудничеству с Англией, Францией и другими европейскими странами, чтобы совместными усилиями положить конец агрессии фашистской Германии.

В борьбе за сохранение мира Советский Союз придавал важное значение также сотрудничеству со странами Восточной Европы, находившимися под угрозой германской агрессии. К ним относились Польша, Румыния и Прибалтийские страны. Советское государство предпринимало гигантские усилия в деле создания широкого фронта защиты от фашистской агрессии.

Нарком иностранных дел М. М. Литвинов, выступая на сессии Совета Лиги наций 27 января 1938 г., подчеркивал, что Советский Союз «не меньше, а больше других может положиться на собственные силы, на собственную обороноспособность, на собственное оружие, на мощь собственной индустрии..., на огромный энтузиазм, патриотизм и единство составляющих его народов»¹. Тем не менее СССР проявлял глубокую заинтересованность в сотрудничестве с другими странами в борьбе против агрессии, так как он искренне стремился к обеспечению мира не только собственным народам, но и всего мира.

Однако на пути реализации советских предложений стояли антисоветизм и антикоммунизм реакционных правящих кругов западных держав, их надежды избежать конфликта с Германией, предоставив ей свободу действий на Востоке. Именно это было основой мюнхенской сделки Чемберлена и Даладье с Гитлером и Муссолини. «Смысл мюнхенского соглашения,— констатировал видный английский буржуазный историк Уиллер-Бенетт,— заключается в том, чтобы уничтожить Чехословакию как самостоятельный военный, политический и экономический фактор и подготовить условия для дальнейшей экспансии Германии в сторону Польши и России»².

¹ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV. М., 1946, док. 256.

² «Foreign Affairs», October 1946, p. 38.

Антисоветская суть была заложена также в двусторонней англо-германской декларации о ненападении и консультациях от 30 сентября 1938 г. Аналогичную цель преследовала и франко-германская декларация о ненападении от 6 декабря 1938 г., опубликованная в результате парижских переговоров министра иностранных дел Франции Боннэ с Риббентропом. После подписания декларации правящие круги Франции, и в первую очередь Даладье и Боннэ, были уверены, что отныне Гитлер все свои взоры устремит только на восток и что пройдет немного времени, как фашистская Германия нападет на Советский Союз. В меморандуме, разосланном всем французским посольствам и миссиям, Боннэ констатировал, что в результате переговоров с Риббентропом у него создалось впечатление, что «германская политика будет впредь направлена на борьбу против большевизма»³.

В западной печати была поднята шумиха о «слабости» внутреннего положения СССР и неизбежности присоединения Советской Украины к «Прикарпатской Украине» — протекторату фашистской Германии, созданному Гитлером 2 ноября 1938 г. Вскрывая подоплеку этой кампании, полпред в Англии И. М. Майский 10 января 1939 г. писал наркому: «Чемберленовские круги сознательно раздувают «украинское направление» германской агрессии»⁴.

Но отдельные дипломаты Англии и Франции иногда высказывали руководителям своих стран опасения: как бы не случилось так, что фашистский хищник свой очередной прыжок сделает не на восток, а на запад. И действительно, имеющиеся теперь в нашем распоряжении документы, в том числе документы фашистской Германии, говорят о том, что Гитлер, не будучи достаточно подготовленным, не хотел в рассматриваемое время идти на риск большой войны против СССР. Их новые рекомендации — двигаться только на восток — Гитлер не спешил выполнять. Вексель только на «свободу рук» не давал гитлеровцам полного удовлетворения. Они ожидали от Англии и Франции большего.

Советское правительство проявило глубокую проницательность и разгадало суть этого опасного для Советского Союза диалога намеками между «фюрером» и англо-французскими политиками. В письме полпреду в Англии М. М. Литвинов писал: «Гитлер пока делает вид, что не понимает англо-французских намеков насчет свободы действий на Востоке, но он, может быть, поймет, если в придачу к намекам кое-что другое

³ Reynaud P. La France a sauvé l'Europe, vol. 1. Paris, 1947, p. 575.

⁴ «СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы» (далее — СССР в борьбе за мир...). М., 1971, док. 90.

будет предложено ему Англией и Францией». Гитлер надеется, указывал далее нарком, что со стороны Англии и Франции «будет обещан в случае конфликта на Востоке не только нейтралитет и не только даже доброжелательный нейтралитет, но и кое-какая активная помощь, что я отнюдь не считаю исключенным»⁵.

В целях достижения империалистического сговора с фашистским рейхом за счет других стран английские руководящие круги решили припугнуть Берлин. Для этого они стремились создать впечатление, что между Англией и Советским Союзом установлены контакты и ведутся переговоры. На впечатление «благожелательного» отношения Лондона к СССР были рассчитаны присутствие Галифакса 20 января на неофициальном обеде у полпреда И. М. Майского, официальный визит Чемберлена в советское полпредство (исключительный случай в практике английского премьера) и турне министра внешней торговли Р. Хадсона в Москву⁶.

Фактически же английская сторона не хотела ни о чем договариваться с СССР. Мелкой корректностью Чемберлен и чемберленовцы стремились скрыть истинное отношение к социалистическому государству. Об этом убедительно говорит направленная в Лондон 28 марта телеграмма английского посла в Москве У. Сидса, в которой подчеркивается, что с Советским правительством надо иметь «дружественные отношения и контакты, но никаких обязательств»⁷. Польский посол в Лондоне Рачинский 16 декабря 1938 г. писал своему министру иностранных дел, что «отношение Чемберлена к Советам продолжает оставаться холодным», и премьер «избегает выступать против устремлений Германии на восток»⁸.

Подобно Лондону, «стремление» к сотрудничеству с СССР начало демонстрировать и французское правительство. В своем обзорном докладе о внешнеполитическом положении страны, сделанном 26 января в национальном собрании, Боннэ, например, заявил о верности Франции советско-французскому договору о взаимопомощи⁹, хотя 50 дней назад в конфиденциальной беседе с Риббентропом он предал анафеме этот договор.

Действия правящих кругов Англии и Франции и стоявших за их спиной США, направленные на развязывание войны между фашистским рейхом и Советским Союзом, были разоблачены с трибуны XVIII съезда ВКП(б). В Отчетном докладе Центрального Комитета партии и в выступлениях делегатов

⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 128.

⁶ «Известия», 28 марта 1939 г.

⁷ Documents on British Foreign Policy, ser. 111, vol. IV, p. 524.

⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны. т. I, М., 1948, док. 44.

⁹ СССР в борьбе за мир..., с. 670.

была дана надлежащая оценка политики правящих кругов западных стран, направленной на пособничество фашистской агрессии, сделано серьезное предостережение насчет того, что проводимая ими политическая игра чревата для них самих большой опасностью. На съезде был вскрыт подлинный смысл мюнхенского соглашения и четко указано, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»¹⁰.

В Отчетном докладе ЦК ВКП (б) было дано ясное изложение основ советской внешней политики:

«1. Мы стоим за мир и укрепление деловых связей со всеми странами, стоим и будем стоять на этой позиции, поскольку эти страны будут держаться таких же отношений с Советским Союзом, поскольку они не попытаются нарушить интересы нашей страны.

2. Мы стоим за мирные, близкие и добрососедские отношения со всеми соседними странами, имеющими с СССР общую границу...

3. Мы стоим за поддержку народов, ставших жертвами агрессии и борющихся за независимость своей родины»¹¹.

В борьбе против германской агрессии Советское правительство считало желательным установление сотрудничества с Румынией и Польшей, но правящие круги этих стран занимали враждебную Советскому Союзу позицию.

Буржуазно-помещичья Польша, например, продолжала идти в фарватере политики фашистской Германии. Она считала, что Советский Союз должен быть отстранен от участия в европейской политике¹². В центре внимания этих двух агрессивных государств была Советская Украина. Правителям буржуазной Польши не давала покоя идея создания польского государства «от може до може», что дало бы, по их мнению, возможность поставить Польшу в разряд великих европейских держав, и польское правительство надеялось удовлетворить свои империалистические замыслы в тесном союзе с гитлеровской Германией. «Ослабление Советской России,— доказывал польский посол в Москве В. Гжибовский вице-министру иностранных дел Польши Я. Шембеку 9 декабря 1938 г.,— возрастает, и русская проблема назревает. Польша должна иметь влияние на судьбу этой проблемы». Но до определенного момента, советовал он, «мы должны создать видимость нормального сосуществования с Советами». Учитывая реальное состояние польско-советских отношений, Шембек констатировал: «вся политика добрососедства, вытекающая из [советско-польского] договора 1934 г.,

¹⁰ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 14.

¹¹ Там же, с. 15.

¹² СССР в борьбе за мир..., док. 55, 188.

является, собственно говоря, фикцией»¹³. Здесь польским империалистам никак нельзя отказать в откровенности и истинной оценке своего отношения к СССР.

Клика Гитлера, неплохо осведомленная о планах буржуазно-помещичьей Польши, весьма искусно играла на великодержавных устремлениях польских политиков и генералов. Подогревая эти страсти, главари фашистского рейха то и дело поднимали в беседах с правителями Польши вопрос о совместном выступлении против СССР. Проблема решения «русского вопроса» была предметом особого внимания во время встреч Бека с Гитлером и Риббентропом в январе 1939 г. в Берхтесгадене, Мюнхене и Варшаве. О варшавской беседе с Беком Риббентроп, например, записал: «Я еще раз говорил с г. Беком о политике Польши и Германии по отношению к Советскому Союзу и в этой связи также по вопросу о Великой Украине; я снова предложил сотрудничество между Польшей и Германией в этой области. Г-н Бек не скрывал, что Польша претендует на Советскую Украину и на выход к Черному морю»¹⁴. Польша и Германия вели переговоры и о разделе Прибалтики, что дало бы им, в частности, возможность расширить фронт наступления на СССР и обеспечить близкие подступы к Ленинграду.

Совместные с Германией действия по захвату Советской Украины Польша хотела синхронизировать с выступлением Японии против СССР на Дальнем Востоке¹⁵. Правительство СССР не могло не сделать соответствующие выводы. Еще 25 ноября 1938 г. нарком заявил польскому послу в Москве, что у Советского правительства «вызывает особое недоверие известная интимность польско-японских отношений»¹⁶.

В общем русле мюнхенской политики западных держав, рассчитанной на подталкивание гитлеровской агрессии против СССР, шла и союзница Польши — королевская Румыния, мечтавшая о новых территориальных приобретениях (за Днестром).

В условиях, когда гитлеровская Германия уже вынашивала конкретные планы захвата и Польши, и Прибалтики, Берлином придавалось особое значение вопросу об установлении «дружественных» отношений с королевской Румынией, обладавшей богатыми сырьевыми и стратегическими ресурсами, в которых фашистская Германия из-за лихорадочной подготовки к войне испытывала острейшую нужду. Бухарестские политики тоже проявляли большое стремление к установлению тесных отно-

¹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VI. М., 1969, док. 268.

¹⁴ «Akten zur deutschen answärtigen Politik», ser. D, Bd. V. Baden-Baden, 1953, s. 139—140.

¹⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 128.

¹⁶ Там же, док. 51.

шений с Гитлером. Это стало особенно заметно после мюнхенской сделки.

Явным проявлением стремления укрепить румыно-германские отношения были поездка «частного характера» в Берлин 2—12 ноября Г. Братиану, одного из ведущих политических деятелей Румынии, и «неофициальный» визит Кароля II в конце ноября 1938 г. Братиану беседовал с ведущими политическими и государственными деятелями третьего рейха. 6 ноября 1938 г. в сопровождении одного из крупных румынских промышленников, А. КонстантINESКУ, он посетил Геринга. Последний похвалил румынское правительство за то, что оно твердо стояло на антисоветских позициях во время чехословацкого кризиса и не дало согласия на проход советских войск через румынскую территорию. Перейдя к румыно-германским экономическим отношениям, Геринг подчеркнул, что Румыния должна вести свою экономическую политику в соответствии с интересами Германии, ибо судьба Румынии в экономическом отношении уже определена: «Англия и Франция признали приоритет германских интересов в области экономики придунайских стран. В Мюнхене я лично обсуждал данный вопрос с Даладье, который подтвердил мне эту точку зрения»¹⁷. Информировав Братиану и КонстантINESКУ об этой договоренности, Геринг дал понять, что отныне Германия имеет свободу рук в этом районе, включая Румынию. Беседы Братиану в Берлине оказали определенное влияние на дальнейшее усиление антисоветской линии в развитии румыно-германских отношений.

Еще более важную роль в этом отношении сыграл визит Кароля II в Германию. Пребывание румынского короля в Германии не афишировалось. Кароль II был конфиденциально принят Гитлером в Берхтесгадене. Встреча в значительной степени определила развитие румыно-германских отношений. Гитлер убеждал своего румынского гостя, что у Германии и Балканских стран издавна существуют естественные взаимные экономические интересы. Румынский король, вторя собеседнику, подчеркнул, что Румыния желает иметь хорошие отношения со всеми странами, и прежде всего с третьим рейхом, она хотела бы активизировать торговлю с Германией, получить гарантии своей безопасности и выяснить позиции Германии относительно ревизионистских требований хортистов к Румынии и карпато-украинской проблемы¹⁸. «Румыния,— подчеркнул он,— настроена против России, но не может открыто показать этого из-за соседства с ней. Однако Румыния никогда не допустит прохода русских войск, хотя часто утверждалось, что она якобы

¹⁷ Историко-дипломатический архив (далее — ИДА), ф. 336, оп. 1, д. 250, л. 17.

¹⁸ «Survey of International Affairs, 1938», vol. 111, p. 430; Hillgruber A. Op. cit., s. 27.

обещала России пропустить ее войска. Это не соответствует действительности»¹⁹.

«Фюрер» не делал пока конкретных предложений, но дал понять, что в недалеком будущем Румыния должна будет включиться в общий фронт борьбы против СССР. «Все европейские страны должны объединиться,— говорил Гитлер,— чтобы оказать сопротивление большевизму и искоренить его угрозу». «Кто может ликвидировать эту угрозу?» --- вопрошал нацистский главарь и сам же отвечал: «Я — единственный возможный защитник Европы и мира от большевизма»²⁰. Чтобы придать весомость своим рассуждениям, «фюрер» долго распространялся о военной мощи Германии, которая является, как он говорил, барьером против коммунизма²¹. Он также обещал Каролю II косвенную поддержку Румынии в бессарабском вопросе. Румынский король выразил Гитлеру признательность.

Не меньшее значение для дальнейшего развития румыно-германских отношений в антисоветском плане имела секретная встреча короля с Герингом 25 ноября в Лейпциге. Особое внимание здесь было уделено рассмотрению германских экономических интересов в Румынии. Кароль II заявил Герингу, что он еще перед отъездом из Бухареста дал группе министров задание разработать программу переговоров с германскими представителями об эксплуатации румынских нефтепромыслов и разведке новых нефтяных площадей. За выданный вексель король в свою очередь попросил немецкую сторону помочь перевооружить румынскую армию немецким оружием²². Он и при этом не упустил случая подчеркнуть свою антисоветскую позицию и отметить, что «румынский альянс с Польшей направлен исключительно против России»²³. Нельзя не согласиться в данной связи с выводом румынского историка В. Варги, что в этот период «королевская диктатура усилила политику вооружения и подготовки антисоветской войны»²⁴. Воздействие германской дипломатии и гитлеровской агентуры в самой Румынии оказало известное влияние на Кароля II во время его переговоров с руководителями рейха. Однако отношение правящих кругов Румынии к фашистской Германии определялось в первую очередь их собственными антисоветскими, антикоммунистическими концепциями, а также мюнхенской политикой Англии и Франции. Румынский король занял в Берлине капитулянтскую позицию, пойдя на крупные уступки нацистам и дав согласие на установление тесных экономических связей с Германией. В ходе бесед с гитлеровцами Кароль II не забыл по-

¹⁹ Hillgruber A. Op. cit., s. 27.

²⁰ Easterman A. Op. cit., p. 135.

²¹ Ibidem.

²² «Survey of International Affairs. 1938», vol. 111, p. 431.

²³ Ibidem.

²⁴ Varga V. Op. cit.— «Studii», 1960, N 4, p. 53.

интересоваться нацистскими планами решения «украинской проблемы»²⁵. Он также подчеркнул свое отрицательное отношение к мерам по созданию коллективной безопасности в Европе.

С возвращением короля домой обещания, данные им лидерам фашистской Германии, вскоре стали осуществляться. По его указанию правительством 10 декабря 1938 г. было заключено выгодное для Германии крупное торговое соглашение на 1939 г., по которому увеличивались поставки рейху нефти и другого стратегического сырья. Одновременно с этим на основании решения коронного совета от 14 декабря Бухарестом были предприняты шаги по укреплению политических связей с фашистской Германией²⁶, как наиболее мощной силой империалистического фронта, направленной против СССР.

Об укреплении связей Румынии с Германией свидетельствовали перемещения в дипломатическом аппарате. По решению короля 21 декабря 1938 г. от руководства румынской дипломатией был отстранен Петреску-Комнен. Этот пост занял Г. Гафенку, считавшийся в политических кругах более авторитетным дипломатом и не менее рьяно, чем Комнен, призывавший к ориентации на фашистскую Германию. 13 января 1939 г. был заменен и посланник в Берлине. Вместо Джуvara им стал Круцеску, более близко связанный с королевским двором. Правда, чтобы уравновесить свои шаги в сторону Берлина, король и правительство делали определенные жесты и в направлении западных союзников. Именно об этом свидетельствовало назначение в декабре 1938 г. известного франкофила, колоритного политика Г. Татареску²⁷ послом во Францию. Пост посланника в Англии в начале февраля 1939 г. занял крупный промышленник В. Тиля, хорошо известный в кругах Сити.

О стремлении укрепить связи с фашистской Германией руководители Румынии говорили и в официальных беседах. При встрече с итальянским посланником в Бухаресте Гиджи 14 января 1939 г. Гафенку заявил, что «он имеет намерение вести политику на сближение Румынии с «осью»²⁸. «Добиваясь реализации своих захватнических планов, территориального или дипломатического выигрыша,—как правильно констатирует А. М. Лазарев,—правлящие круги Румынии весьма легко и без сожаления меняли своих хозяев и покровителей»²⁹.

С усилением подготовки к войне гитлеровцы потребовали от Румынии дальнейших уступок. В январе 1939 г. они получили из Бухареста сведения, что румынское правительство

²⁵ DGFP, ser D, vol. V, p. 340.

²⁶ «Survey of International Affairs», vol. 111, p. 433.

²⁷ Надо заметить, что Г. Татареску питал большие симпатии и к фашистской Германии.

²⁸ ИДА, ф. 300, оп. 1, д. 21, л. 44—45.

²⁹ Лазарев А. М. Указ. соч., с. 410.

согласно начать с Германией переговоры о заключении долгосрочного экономического соглашения³⁰. При встречах с министром иностранных дел и другими румынскими министрами германский посланник В. Фабрициус обнаружил, что они готовы не только заключить долгосрочный экономический договор и установить тесное румыно-германское экономическое сотрудничество, но в определенной степени (с учетом своих связей с Англией и Францией) координировать с Германией и свой внешнеполитический курс, особенно в отношении Советского Союза, чтобы «дать отпор международному большевизму»³¹.

Румынская профашистская газета «Курентул», пользовавшаяся большим авторитетом у короля и в дворцовых кругах, писала: «До сих пор мы проводили политику других государств (намек на Англию и Францию.— А. Ш.). Теперь необходимо... румынские интересы приспособить к новой политической топографии Центральной Европы»³². Более ясной характеристики намерениям Румынии трудно дать.

13 февраля 1939 г. в Бухаресте начались новые румыно-германские экономические переговоры. Вел их со стороны Германии ответственный чиновник гитлеровского ведомства по «четырёхлетнему плану» Г. Вольтат. В донесении правительству он подчеркивал, что «ориентирование на длительный период румынской экономики на Германию обеспечит рейху доминирующее положение в Юго-Восточной Европе... Если данный договор с румынским королевством будет заключен, то можно будет ожидать заключения подобных (долгосрочных) договоров с Югославией, Болгарией, Венгрией и Турцией, приспособленных к особым условиям в каждом отдельном случае»³³. 27 февраля Вольтат докладывал своему правительству, что в результате двухнедельных переговоров с королем и членами его правительства достигнуто полное взаимопонимание и что Румыния готова пойти на соглашение, «создающее основу для широкого и тщательно спланированного сотрудничества на длительный период»³⁴. Свою подпись, однако, румынское правительство пока воздерживалось поставить, поскольку не полностью еще были ясны позиции Лондона и Парижа к происшедшим событиям.

Проникновением во все сферы экономической, политической и военной жизни румынского государства гитлеровцы рассчитывали создать реальные предпосылки для решения и локальных проблем и вопросов мировой политики. В заключение своего пространного доклада от 27 февраля Вольтат пишет, что с утверждением в Румынии немецкого господства «позиции Гер-

³⁰ DGFP, Series D, vol. V, p. 378—379.

³¹ *Easterman A.* Op. cit., p. 153.

³² «Curentul», 25 ianuarie 1939.

³³ DGFP, Series D, vol. V, p. 406.

³⁴ Ibidem, p. 405.

мании в конфликте с экономическими интересами Британской империи и Соединенных Штатов усилятся. Политическое развитие национальных государств в Юго-Восточной Европе последует германскому образцу... в то время как влияние западно-европейских демократий и Советского Союза будет уничтожено»³⁵.

Сведения о замыслах королевского двора и правительства не сопротивляться нажиму германских империалистов просочились в круги румынской буржуазии проанглийского и профранцузского толка. Эта часть правящих кругов Румынии была встревожена экономическими и политическими уступками в пользу Германии. Она начала взывать к Англии и Франции о поддержке, которая, по их мысли, должна была выразиться в укреплении англо-румынских и франко-румынских экономических связей, с тем чтобы парализовать домогательства Берлина.

Советская дипломатия исходила также из того, что Франция и Англия могли при желании оказать определенное противодействие германской экспансии в Румынии. Заместитель народного комиссара иностранных дел СССР В. П. Потемкин в беседе с французским послом в Москве П. Наджиаром 9 февраля 1939 г. отметил, что, по его мнению, французское правительство могло бы и не ограничиваться ролью простого наблюдателя событий, развивающихся в восточной части Европы. Еще недавно между Францией, с одной стороны, Польшей и Румынией,— с другой, существовали отношения теснейшего политического сотрудничества. Между тем в настоящее время французское правительство не только не ведет активной политики в обеих указанных странах, но предоставляет их собственной судьбе, уделяя все свое внимание взаимоотношениям с Англией, Германией и Италией. «Судя по французской прессе,— подчеркнул Потемкин,— а также по выступлениям некоторых политических деятелей Франции, безразличное отношение французского правительства к прежним союзникам и друзьям в Центральной и Восточной Европе отнюдь не случайно. Союзный договор с Польшей, сотрудничество с Малой Антантой, франко-советский пакт признаются уже как будто пройденными этапами внешней политики Франции, едва ли не достоянием истории»³⁶.

Изложенная В. П. Потемкиным позиция была фактически призывом Советского правительства к Франции и Англии пересмотреть свою пагубную для дела мира позицию. Но правительства Франции и Англии оставались глухими, хотя, по данным разведки, западным странам было уже известно, что в соответствии с планами вермахта 15 марта намечалась оккупа-

³⁵ DGFP, Series D, vol. V, p. 407.

³⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 121.

ция всей Чехословакии, после чего планировались действия против Польши и Румынии ³⁷.

С точки зрения безопасности советских западных границ и мира в Восточной Европе исключительно важное значение приобретала позиция Прибалтийских государств — Латвии, Эстонии, Литвы и Финляндии. Берлин и Варшава стремились вовлечь их в орбиту своей политики, направленной против СССР. Делалось это под «благовидным» предлогом создания «нейтрального» блока. В этих целях по столицам Прибалтийских стран совершали вояжи и генералы-пилсудчики и польский министр иностранных дел Бек. Разоблачая предпринимаемые польским министром дипломатические шаги, «Правда» писала, что, «выполняя задание польского и германского фашизма, Бек хлопчет о создании блока «нейтральных государств от Черного моря до Северного Ледовитого океана»; блока, который можно было бы поставить на службу агрессивным планам Берлина и Варшавы» ³⁸.

Фашистские правительства Прибалтийских государств все более открыто становились на путь капитуляции перед фашистским рейхом. Еще в 1938 г. гитлеровцами была достигнута договоренность с эстонским военным руководством о принятии совместных мер к обеспечению германского господства в Балтийском море ³⁹. По тем же стопам шла Латвия. Ее министр иностранных дел Мунтерс, выступая в печати, писал, например: «Мы шли в ногу с эпохой и в области культуры, и в области хозяйства... в понимании социальной системы. Мы должны включиться в новую Европу также в области внешней политики» ⁴⁰. Американский посланник в Риге Уайли на основании полученной им информации от своего германского коллеги доносил в Вашингтон о том, что многие члены латвийского правительства «желают полностью отдать Латвию в руки немцев» ⁴¹. Следовательно, правящая клика Латвии, как и руководители Эстонии и Литвы, шла быстрыми шагами к решению о добровольной капитуляции перед фашистской Германией.

В одном ряду стран, открыто проявлявших враждебное отношение к СССР, оказалась и хортистская Венгрия. 12 января 1939 г. она объявила о своем присоединении к «Антикоминтерновскому пакту», официальное оформление которого состоялось в Будапеште 24 февраля.

Советское правительство не могло пройти мимо такого события. Получив сведения о намерениях Будапешта связать себя

³⁷ FRUS. 1939, vol. I. Washington, 1956, p. 672—673; СССР в борьбе за мир..., стр. 672—673.

³⁸ «Правда», 1938, 19 июля.

³⁹ «Akten zur deutschen answärtigen Politik», ser. D, Bd. V, S. 384.

⁴⁰ Цит. по кн.: *Супоис В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав 1919—1940 гг. Рига, 1968, с. 268.

⁴¹ FRUS. The Soviet Union 1933—1939. Washington, 1952, p. 945.

с участниками Антикоминтерновского пакта, М. М. Литвинов сначала решил предупредить венгерских политиков о последствиях такого шага. «Советскому правительству,— сказал М. М. Литвинов венгерскому посланнику в Москве 9 января,— было бы совершенно непонятно присоединение к такому враждебному СССР соглашению Венгрии, с которой у СССР не имеется никаких политических спорных вопросов и против интересов которой СССР никогда не выступал. Совершенно естественно, что присоединение Венгрии к названному пакту не может не оказать весьма серьезного и немедленного влияния на отношения СССР с Венгрией»⁴². Предупреждение, однако, не возымело действия. Венгерское правительство шло твердым курсом на сговор с фашистской Германией. При встрече с Гитлером 16 января Чаки заявил: «Венгры выполняют на все сто процентов основные требования Германии. Венгрия хорошо понимает, что без Германии ничего не добьешься»⁴³.

Учитывая продолжавшееся сближение Будапешта с Берлином, Советское правительство решило закрыть свою дипломатическую миссию в Будапеште и рекомендовало венгерскому правительству отозвать свою миссию из Москвы. Венгерское правительство, заявил М. М. Литвинов, подпало под иностранное влияние, вследствие чего нет смысла в специальном и непосредственном представительстве⁴⁴.

Этот шаг советской дипломатии получил широкий резонанс на международной арене. Подчеркивая внешнеполитическую значимость акции Москвы, румынская демократическая газета «Факла» писала: «Упразднение советской миссии в Будапеште является энергичным и ярким жестом действий Советского правительства, свидетельством твердой и ясной политики Советского Союза... Разрыв отношений с Венгрией не является простым сенсационным, эффектным жестом. Он имеет предупредительное значение. Присоединение к Антикоминтерновскому пакту не может быть расценено как чисто идеологическое действие. Это — недружественный в отношении СССР акт. Что касается нас — Румынии, то разрыв непосредственных отношений между Советским Союзом и Венгрией имеет большое значение для нашей внешней политики»⁴⁵.

Пользуясь политикой попустительства агрессии со стороны западных держав, Германия продолжала осуществление своих захватнических планов. По приказу канцлера 15 марта германские войска вторглись в Чехословакию, а 22 марта оккупировали Клайпедскую область Литвы.

⁴² Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. М., 1962, док. 82.

⁴³ Там же, док. 83.

⁴⁴ Там же, док. 84.

⁴⁵ «Facla», 4. II 1939.

Советский Союз сразу же решительно осудил очередной агрессивный акт Германии. В своей ноте германскому правительству 18 марта 1939 г. Советское правительство заявило, что «при отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа оккупация Чехии германскими войсками и последующие действия германского правительства не могут не быть признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Действия Германии, говорилось далее в ноте, «нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы еще ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»⁴⁶.

Захват фашистским рейхом Чехословакии недвусмысленно продемонстрировал западным державам, что Германия не считается ни с Англией, ни с Францией, ни с теми обязательствами, которые она приняла на себя в Мюнхене. Не прошло и шести месяцев, как «фюрер» растоптал мюнхенское соглашение. Правящие круги Англии и Франции, принеся серьезные жертвы фашистским агрессорам, все же не достигли своей цели, не добились заключения «широкого соглашения», по которому агрессоры обязались бы уважать их господствующее положение на Западе и в колониальном мире в обмен за предоставление свободы рук на Востоке. Германия снова выступила с претензиями к Англии и Франции. Предпринимая все новые и новые агрессивные акции, клика Гитлера уже не считала нужным испрашивать благословение Лондона и Парижа. Более того, «фюрер» на весь мир заявил, что считаться с ними в своих действиях больше не собирается. Английское и французское правительства, однако, продолжали лелеять надежду добиться «широкого соглашения» с нацистской Германией, отвести опасность гитлеровской агрессии от себя и направить ее в сторону СССР. Именно эта цель побудила правящие круги Великобритании и Франции предпринять некоторые дипломатические акции, призванные создать впечатление, будто эти государства отныне изменили свою позицию и стали на путь защиты малых стран от германской агрессии. «Обвинив» Гитлера в нарушении мюнхенского соглашения, Чемберлен в публичном выступлении 17 марта 1939 г. обещал дать «отпор» Германии. На другой день правительства Англии и Франции заявили Германии формальный протест против оккупации Чехословакии. Но на такого рода словесные протесты нацистские заправилы давно уже перестали обращать внимание.

Что касается Румынии, то она не выразила Берлину и формального протеста. Более того, зная из уст Бека — активного пособника гитлеровской агрессии, о дальнейших планах раздела Чехословакии, румынские правящие круги еще задолго до 15 марта известили польского министра о том, что Румыния

⁴⁶ Внешняя политика СССР. Сборник документов, т. IV, док. 320.

не намерена оказывать сопротивления Венгрии, если последняя решит оккупировать часть Закарпатской Украины⁴⁷. Польша даже приняла непосредственное участие в ликвидации Чехословацкого государства, оккупировав Тешинскую область.

Расправившись с Чехословакией, германские империалисты решили форсировать и начатую в феврале акцию в румынском королевстве. 16 марта 1939 г. Вольфганг потребовал от Румынии безотлагательного подписания долгосрочного германо-румынского экономического соглашения. Правящие круги Румынии проявляли, однако, некоторые колебания, особенно круги, ориентировавшиеся на Францию и Англию. Но тревога усиливалась в связи с тем, что при вступлении германских войск в Чехословакию немецкие власти по ошибке расклеили в Праге и других местах на румынском языке афиши с призывом к румынскому населению соблюдать спокойствие и выполнять распоряжение германских военных властей⁴⁸, что свидетельствовало об агрессивных намерениях гитлеровцев и в отношении Румынии, если последняя не сдастся на милость фашистской Германии. Это событие совсем вывело из равновесия часть румынских политических деятелей.

Румынский посланник в Лондоне В. Тиля, являвшийся выразителем взглядов проанглийских кругов Румынии, 16 марта посетил ответственного чиновника Форин оффиса О. Сарджента, чтобы обсудить «новую ситуацию, создавшуюся в Центральной Европе вследствие исчезновения Чехословакии». Тиля заявил, что германское правительство практически предъявило Бухаресту ультимативные требования предоставить Германии особые экономические и политические права в Румынии, а поэтому он хотел бы знать, насколько румынское правительство «может рассчитывать на Великобританию в случае, если над Румынией нависнет реальная угроза со стороны Германии... Будет ли правительство Англии готово сделать для Румынии то же самое, что и для Турции?»⁴⁹. Днем позже в том же плане проходила беседа Тиля с Галифаксом⁵⁰.

Посланник в осторожной форме поднял также вопрос о возможности создания антигитлеровского фронта из Польши, Ру-

⁴⁷ «Akten zur deutschen answärtigen Politik», ser. D, Bd. V, S. 127—132.

⁴⁸ *Niri A. Istoricul unui tratat înrobitor*. Buc., 1965, p. 188.

⁴⁹ DBFP, Series. III, vol. IV, doc. 298. Со стороны Англии турецкому правительству были предоставлены кредиты и обещаны поставки военных материалов и вооружения.

⁵⁰ DBFP. Series III, vol. IV, doc. 395. В исторической литературе, в том числе и румынской, до сих пор идет спор: демарши Тиля в Лондоне носили официальный или частный характер. Сам Тиля в беседах с английскими дипломатами употреблял то и другое выражение (DBFP. ser. III, vol. IV, doc. 298, 365). Румынское агентство «Радор» в своем опровержении, сделанном по требованию германского посланника, заявило, что румынское правительство не уполномочивало своего посланника в Лондоне делать какие-либо представления английскому правительству по поводу германо-румынских переговоров.

мынии, Югославии, Турции и Греции под эгидой Англии и Франции⁵¹. Обращает на себя внимание, что румынский дипломат «не догадался» включить в этот фронт СССР — последовательного борца против фашистской агрессии. На вопрос Галифакса, надеется ли Румыния получить помощь от СССР, Тиля уклонился от ответа⁵². Умолчание румынского дипломата о Советском Союзе говорило о многом.

17 марта Форин оффис направил своим дипломатическим миссиям в Париже, Бухаресте, Варшаве, Белграде, Анкаре и Афинах телеграммы, в которых излагалось содержание бесед английских дипломатов с румынским посланником и ставилась задача выяснить у правительств, при которых они аккредитованы, их отношение к развивающимся событиям⁵³. Но в них не было и намека на то, какую же позицию было намерено занять само английское правительство в связи с гитлеровской экспансией в Румынии.

Как бы ни относились король и правительство Румынии к замыслам Германии, деловые круги, тесно связанные с Англией и Францией, не могли оставаться инертными перед лицом угрозы гитлеровской агрессии. Политическая напряженность передалась в сферу делового мира (началась утечка капитала за границу, массовое изъятие вкладов из банков, распродажа промышленных предприятий и т. д.). Не без усилий немецкой агентуры в Румынии усиленно муссировались слухи о «концентрации» советских войск на Днестре, о скором вторжении Венгрии в Трансильванию, а Болгарии — в Южную Добруджу⁵⁴. Однако румынские власти, намереваясь в дальнейшем использовать эти слухи в качестве резервного средства для оправдания подготавливавшегося ими предательства, не опровергали их.

Пока шла дипломатическая возня вокруг демаршей Тиля в Лондоне, гитлеровские эмиссары в Бухаресте с каждым днем становились все наглее. В своих донесениях в Берлин они подчеркивали, что с заключением румыно-германского соглашения медлить нельзя. Может оказаться, рассуждали они, что три министра — Гафенку, Бужой и Славеску, твердо придерживающиеся прогерманской ориентации, по причине создавшейся беспокойной внутренней ситуации будут вынуждены уйти в отставку и тогда вопрос о заключении договора повиснет в воздухе, поскольку «такого рода сочетание личностей... по всей вероятности не скоро повторится»⁵⁵.

Позиция самого румынского правительства довольно четко изложена в докладной Вольтата⁵⁶. Последний констатировал,

⁵¹ DBFP, ser. III, vol. IV, doc. 390, 395.

⁵² СССР в борьбе за мир..., док. 160.

⁵³ DBFP, Series III, vol. IV, doc. 388, 390, 395.

⁵⁴ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 131.

⁵⁵ DGFP, Series D, vol. V, p. 394.

⁵⁶ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 131.

что в последние дни переговоров в Румынии создалась напряженная ситуация под воздействием международных событий и румынские правители при всей их готовности пойти навстречу Германии тянут дело с заключением договора. Тем не менее нацисты не хотели дальше откладывать заключение договора, боясь, что дальнейшая затяжка может сорвать их замысел по осуществлению экономической и политической экспансии в Румынии и созданию на ее территории плацдарма против Советского государства и стран Южных Балкан.

Договор «Об укреплении экономических связей между Румынией и Германией» был подписан 23 марта 1939 г. После заключительного акта Гафенку в своей речи, как докладывал Г. Вольтат Герингу, «выразил надежду, что Германия в результате этого договора займет такое положение, какое она имела в Румынии до 1914 года»⁵⁷. В тот же день гитлеровский эмиссар получил аудиенцию у короля. «Король был весьма удовлетворен условиями договора и его подписанием», — констатировал Вольтат⁵⁸. Это было актом национального предательства со стороны румынских правящих кругов.

Чтобы оправдать свою капитулянтскую позицию, румынские буржуазные политики и тогда и впоследствии всячески превозносили «выгодность» для Румынии германо-румынского договора от 23 марта 1939 г. Особенно усердствовал в этом отношении Гафенку. Он договорился до того, что Германия якобы «не имела враждебных намерений» по отношению к Румынии⁵⁹.

Подписывая договор экономической кабалы и ущемления государственного суверенитета своей страны, румынские правители не были в безвыходном положении. Они при желании имели возможность опереться в сопротивлении гитлеровскому нажиму на Советский Союз. Именно в этом плане шли беседы наркома М. М. Литвинова с румынским посланником Н. Диану в середине февраля и 19 марта 1939 г.⁶⁰ В тот же период и по этим же вопросам имели место встречи советского полпреда в Лондоне И. М. Майского с румынским посланником В. Тиля, а также представителя ТАСС в Англии с членом дипломатической миссии Румынии Диминческу⁶¹. Однако румынские политики отказались от помощи и поддержки Советского Союза. Но Советское правительство продолжало ставить перед Бухарестом вопрос о расширении и укреплении советско-румынских отношений, чтобы укрепить положение Румынии перед лицом германской агрессии. Оно давало понять, что СССР готов расширить торговые связи, оказать Румынии помощь военно-стра-

⁵⁷ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 131.

⁵⁸ Ibidem.

⁵⁹ *Gafenco G. Last Days of Europe*. London, 1946, p. 69.

⁶⁰ *Niri A. Op. cit.*, p. 197, 199.

⁶¹ Ibidem.

тегическими материалами и выступить, если она пожелает, в поддержку ее внешнеполитических позиций перед германской экспансией. Но румынские руководящие круги оставили советский зондаж без внимания, рассматривая его как попытку подрыва их восточной политики.

Естественно, процесс сближения королевской Румынии с гитлеровской Германией настораживал Советское правительство и вызывал у него определенную реакцию. В конце марта 1939 г. М. М. Литвинов снова вызвал к себе румынского посланника Диану и заявил ему, что полученная от него информация относительно сути и цели румыно-германского договора не удовлетворяет Советское правительство и оно берет ее под сомнение. Далее нарком подчеркнул, что Советский Союз не может «не интересоваться взаимоотношениями Румынии с агрессивной Германией» и не проявлять отрицательного отношения к действиям Румынии, предоставляющей германскому агрессору опорные пункты на границах СССР и в черноморских портах⁶². Демарш советского наркома звучал серьезным предупреждением румынским правителям за их явный курс на сговор с фашистской Германией и являлся моральной помощью румынскому народу.

Румынские коммунисты, разоблачая антинациональную сущность соглашения от 23 марта 1939 г., в одном из своих обращений к трудящимся отмечали: «Нынешнее правительство капитулировало перед лицом смертельного врага страны»⁶³. Решение бухарестских правителей подчинить Румынию экономическому диктату фашистской Германии вызвало возмущение среди всех прогрессивных сил страны.

Предпринятые румынскими политиками поиски поддержки их восточной политики не замыкались на Берлине и Лондоне. В этом плане Бухарест проводил активную работу и по линии Балканской Антанты, политика которой в определенной степени всегда была антисоветской.

В целях укрепления румынских позиций на Днестре Румыния стремилась сблизиться и с Болгарией⁶⁴.

Внешнеполитические акции румынского правительства, задевавшие непосредственные интересы Советского Союза, находились в полной гармонии и с внутренней политикой королевской диктатуры. В целях разжигания румынского национализма и шовинизма как составного элемента антисоветской политики правительством жестоко подавлялось всякое проявление национального самосознания молдавского народа, украинского и русского национальных меньшинств. К середине 1939 г. были закрыты все украинские и русские школы, общественные биб-

⁶² СССР в борьбе за мир..., док. 193.

⁶³ «Documente din istoria Partidului Comunist din România». București, 1951, p. 302.

⁶⁴ Creizianu Al. The Lost Opportunity. London, 1957, p. 38.

лиотеки и клубы. Русский язык преследовался и открыто искоренялся. За русскую речь население Бессарабии, Буковины штрафовалось и даже наказывалось. На памятнике А. С. Пушкину в Кишиневе надпись на русском языке по указанию румынских властей была вырублена зубилом и забита досками. Проявлением этой официальной линии был продолжавшийся запрет ввоза и распространения советской прессы, кинофильмов, произведений русских и советских классиков и научно-технической литературы.

В начале весны 1939 г., в связи с захватом Германией Чехословакии, Клайпедской области, установлением германского экономического и политического господства в Румынии, опасность войны в Европе резко возросла. Правителям Англии и Франции к этому времени было уже известно, что очередным объектом агрессии Гитлер избрал Польшу, Румынию, после чего он намерен был обрушиться на Францию и Англию и, наконец, начать «победный» марш на СССР.

Предотвратить очередные агрессивные акции фашистской Германии можно было только общими усилиями СССР и ряда других государств Европы. Но реакционные правящие круги Англии и Франции не желали сотрудничать с Советским Союзом, поскольку все их помыслы, как и раньше, были направлены на то, чтобы силы фашистских агрессоров направить против СССР. Но политическая и дипломатическая «игра» правящих кругов Англии и Франции, равно как и Румынии и Польши, на международной арене поставила их самих в опасное положение. Правители Англии и Франции в какой-то степени начали отдавать себе отчет в том, что одними уступками и подачками добиться заключения с Германией «широкого соглашения» им не удастся. Полпред СССР в Париже Я. З. Суриц констатировал, что инициаторы мюнхенской политики вынуждены признать, что Англия и Франция в Мюнхене были «разыграны», что Германия вместо развязывания войны против СССР может повернуть свою армию на Запад⁶⁵.

Правительства Англии и Франции, не отказываясь от прежних целей своей политики, решили принять некоторые меры, чтобы укрепить свои международные позиции. Чтобы заставить Гитлера изменить свои планы и согласиться на империалистический сговор с Англией и Францией, Лондон и Париж решили припугнуть «фюрера» возможностью англо-франко-советского сближения (в действительности же, как мы увидим, ни Англия, ни Франция к такому сближению не стремились).

Под тяжестью неблагоприятно сложившихся для Англии и Франции международных обстоятельств родились первые политические контакты Англии с Советским Союзом, позднее переросшие в политические и военные переговоры между СССР и

⁶⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 189.

Англией с Францией, которые Лондоном и Парижем рассматривались, в первую очередь, в качестве средства давления на Германию, с тем чтобы побудить ее пойти на соглашение с ними.

Побуждением к установлению контактов явилась реально нависшая над Румынией германская агрессия. 18 марта 1939 г. министр иностранных дел Англии лорд Галифакс через своего посла в Москве У. Сидса обратился к Советскому правительству с запросом: какова будет позиция Советского правительства в случае германского нападения на Румынию?⁶⁶. При этом английское правительство не предлагало каких-либо мер по борьбе с агрессией и не уточняло своей собственной позиции. И к тому же, что весьма примечательно, английский министр в телеграфном поручении умолчал весьма важный вопрос, поднятый румынским дипломатом,— вопрос о возможности создания под руководством Англии и Франции фронта против германской экспансии в составе Польши и стран Балканской Антанты⁶⁷. И это было сделано неспроста. Во-первых, Лондон надеялся, что Советский Союз даже в одностороннем порядке заявит о готовности оказать помощь Румынии против германской агрессии (на это довольно прозрачно намекал Галифакс в беседе с И. М. Майским 18 марта)⁶⁸, что могло бы привести к вооруженному столкновению Германии с Советским Союзом, о чем давно пеклись английские и французские руководящие круги. Во-вторых,— что было тоже не менее важно — кабинет Чемберлена понимал, что Советское правительство может ухватиться за выдвинутую румынским посланником идею и превратить ее в центральную проблему международной политики по обузданию гитлеровской агрессии в Восточной и Юго-Восточной Европе (конечно, с включением в этот фронт и Советского Союза). Но такой курс политики не входил в расчет Лондона. Единственно, что он не хотел,— это грубой, военной формы германской агрессии, поскольку она, как понимали мюнхенцы с Даунинг стрит, может, независимо от желания английского правительства, втянуть в пожар войны и Англию. «Фюреру» из Лондона постоянно давали понять, что его экспансия до границ Советского Союза должна развиваться в «мирных» формах.

Запрос английского правительства Сидс передал наркому М. М. Литвинову 18 марта. Нарком выразил удивление, что советской помощью интересуется Англия, а не Румыния, которая к СССР не обращалась и, может быть, даже не желает ее, но обещал доложить правительству⁶⁹. Во время второй беседы, состоявшейся поздно вечером того же дня по инициативе нар-

⁶⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 161.

⁶⁷ DBFP, ser. III, vol. IV, doc. 389.

⁶⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 160.

⁶⁹ Там же, док. 161.

кома, Сидс заявил, что Тиля, по-видимому, что-то напутал, и дал понять, что на английский запрос можно и не отвечать⁷⁰. Но Советское правительство решило воспользоваться случаем, связанным с запросом Лондона, чтобы снова со всей серьезностью поставить вопрос о коллективных мерах борьбы против германской агрессии. М. М. Литвинов передал Сидсу предложение Советского правительства о немедленном созыве международного совещания с участием СССР, Англии, Франции, Польши, Румынии и Турции⁷¹. Это советское предложение имело большое международное значение. Созыв такого совещания и принятие на нем решения о коллективных мерах по защите мира и безопасности в Европе могло бы остановить фашистских агрессоров.

Чемберлен и Галифакс решили, однако, отклонить советское предложение как не соответствующее общему курсу их внешней политики и не сочли нужным поставить его на рассмотрение правительства. При встрече с советским полпредом 19 марта Галифакс заявил, что созыв предложенной Советским правительством конференции был бы преждевременным актом⁷².

Советское предложение было передано и французскому правительству. Но последнее не сочло нужным даже ответить. Идею о созыве конференции не поддержала и Румыния.

История с запросом английского правительства свидетельствовала только о том, что Лондон и Париж в политической «игре» с Германией хотели пользоваться советским козырем, но иметь Советский Союз своим действительным партнером они не желали. Советское правительство из этих политических контактов могло сделать лишь один вывод: Англия и Франция по существу продолжают прежнюю политику.

Если чехословацкие события и ультиматум Румынии несколько и обеспокоили Чемберлена и Даладье, писал Литвинов, то все же они полностью укладывались в рамки любезной им концепции движения Германии на восток. И в заключение нарком подчеркнул, что СССР в течение пяти лет делал Англии, Франции и странам Восточной Европы «предложения об организации мира и коллективной безопасности, но державы игнорировали их и поступали наперекор им»⁷³.

О нежелании правителей Англии (той же линии придержи-

⁷⁰ Там же, док. 162. В целях уточнения «недоразумений» с демаршами Тиля в Лондоне МИД Англии поручил своему посланнику в Бухаресте обратиться «лично к румынскому королю за разъяснениями». Последний не решился определить германский нажим как ультиматум, но подтвердил, что «Германия выдвинула совершенно недопустимые требования». Король далее заявил, что «Румыния оказывает сопротивление германскому нажиму, но она не будет в состоянии это делать бесконечно, если не получит обещания посторонней помощи» (СССР в борьбе за мир..., док. 176).

⁷¹ СССР в борьбе за мир..., док. 162, 163.

⁷² Там же, док. 164.

⁷³ Там же, док. 167.

валось и правительство Франции) становится на путь борьбы с германской агрессией свидетельствовал И. М. Майский. В неоднократных своих публичных выступлениях Чемберлен протестовал против действий Гитлера, но не заявлял об отказе от политики «умиротворения» и совершенно умалчивал о попытках консультации с нами⁷⁴, писал полпред И. М. Майский.

«Излишне, я полагаю, напоминать,— говорилось в письме полпреда в Париже Я. З. Сурица 26 марта,— что лучшим исходом для мюнхенцев было бы втравить нас в войну с Германией. Это единственная форма войны, которую они сейчас приветствовали бы... Но если вопреки всем стараниям война все же разгорится в другом месте и агрессор вместо намеченного для него мюнхенцами направления все же бросится против самих мюнхенцев, тогда, конечно, можно будет принять помощь и от СССР»⁷⁵. Именно на это была похожа очередная дипломатическая акция Лондона.

21 марта английское правительство выступило с предложением, чтобы СССР, Англия, Франция и Польша опубликовали декларацию о том, что они «обязуются немедленно совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» действиям, которые составляли бы угрозу политической независимости любого европейского государства⁷⁶.

Принимая от английского посла проект декларации, М. М. Литвинов заметил, что для опубликования декларации весьма желательны предварительные консультации, во время которых может быть установлен приемлемый для всех участников текст⁷⁷.

Советскому правительству было ясно, что опубликование такой декларации не могло явиться серьезным средством противодействия агрессии. Однако оно считало, что даже такая дипломатическая акция может стать некоторым шагом вперед в деле сохранения мира, а поэтому на следующий же день дало свое согласие на ее подписание и опубликование. В целях придания декларации большей обязательности для ее участников нарком выдвинул предложение, чтобы она была подписана главами правительств и министрами иностранных дел четырех государств. Чтобы сделать декларацию четырех держав более широкой, советская сторона внесла предложение пригласить присоединиться к ней как Балканские страны, о которых говорил Галифакс полпреду И. М. Майскому, так и Прибалтийские и Скандинавские страны⁷⁸.

Проект декларации и приглашение принять в ней участие английским правительством были переданы также Польше и

⁷⁴ СССР в борьбе за мир..., док. 171.

⁷⁵ Там же, док. 189.

⁷⁶ Там же, док. 177.

⁷⁷ Там же, док. 176.

⁷⁸ Там же, док. 178.

Румынии. Но при встрече советского полпреда с заместителем министра иностранных дел Англии А. Кадоганом, имевшей место 23 марта, выяснилось, что Париж согласен, а из Варшавы ответа еще нет, но в предварительных разговорах поляки указывали на моменты, «заставляющие их задуматься». При следующей беседе (29 марта) Кадоган сообщил, что «поляки совершенно категорически, румыны в менее решительной форме заявили, что они не примкнут ни к какой комбинации (в форме ли декларации или какой-либо иной), если участником ее будет также СССР»⁷⁹.

Отказ Румынии и Польши от участия в декларации в условиях, когда над ними нависла реальная опасность германской агрессии, вызывал у Советского правительства серьезные подозрения и озабоченность. Касаясь позиции польского и румынского правительств, американский посол в Лондоне Кеннеди (отец убитого президента Дж. Кеннеди) 24 марта отмечал, что «возникают серьезные сомнения относительно решимости Польши и Румынии защищаться против вторжения или нападения со стороны Германии»⁸⁰. Да и Чемберлен, доносил Майский в тот же день, «все еще не потерял надежды толкнуть Гитлера на восток, против СССР»⁸¹. В день заключения кабального для Румынии экономико-политического договора Чемберлен не постеснялся заявить, что у Англии «нет желания... противостоять понятным усилиям Германии расширить свою экспортную торговлю»⁸². В отношении канализации гитлеровской агрессии не изменились и планы французских мюнхенцев⁸³, писал Я. З. Суриц из Парижа.

В связи с переговорами об опубликовании декларации четырех держав особенно наглядно проявилась коварная политика польского правительства и его министра иностранных дел Ю. Бека. Польша не только не хотела защищать своего союзника Румынию от германской агрессии, но, наоборот, польское правительство вело дело к тому, чтобы направить германскую агрессию именно в сторону Румынии, которая стала бы плацдармом для нападения Германии на СССР. Руководствуясь этими намерениями, Бек предлагал английским дипломатам заключить только тройственный союз в составе Англии, Франции и Польши, исключив Румынию⁸⁴. Безразличное отношение варшавского правительства к судьбе Румынии перед лицом гитлеровской агрессии отмечал и американский посланник в Польше. В своем донесении в госдепартамент Блэддл 23 марта писал: «На вопрос британского, французского и румынского

⁷⁹ СССР в борьбе за мир..., док. 194; см. также док. 182.

⁸⁰ DBFP, Series III, vol. IV, p. 499.

⁸¹ СССР в борьбе за мир..., док. 187.

⁸² Lee D. E. Ten Years (1930—1940). Boston, 1942, p. 380.

⁸³ СССР в борьбе за мир..., док. 189.

⁸⁴ DBFP, Series III, vol. IV, p. 373.

послов, выступит ли Польша в помощь Румынии в случае, если Румыния подвергнется вторжению с запада», Бек ответил отрицательно⁸⁵. Надо отметить, что такого рода политику Бек вел и впоследствии, когда Лондоном и Парижем решался вопрос о предоставлении Румынии англо-французских гарантий. В беседе с советским полпредом Майским 11 апреля Галифакс сказал, что «он предлагал Беку дать Румынии совместную гарантию Англии, Франции, Польши». Однако ответа на предложение Галифакса Бек не дал. М. М. Литвинов 13 апреля 1939 г. в этой связи заметил: «Бек старается сознательно сорвать всякие гарантии Румынии, чтобы в эту сторону направить германскую агрессию. Бек еще в 1934 г. в Москве говорил мне, что Германия изберет Румынию плацдармом для наступления на Украину, причем Бек не выражал никакого беспокойства по этому поводу. Можно было даже понять, что на этот счет у него имеется соглашение с Гитлером»⁸⁶.

Приведенные факты бесспорно говорят о том, что польское правительство не только не мешало, но помогало Гитлеру прокладывать путь к границам СССР через Румынию. Оно считало, что поход Гитлера на восток через румынскую территорию не угрожает Польше. Руководящие круги Румынии же не предпринимали каких-либо мер, чтобы парализовать коварные планы бековской дипломатии. Они полагали, что акция Бека направлена только против СССР.

1 апреля английский посол Сидс сообщил наркому М. М. Литвинову, что следует считать английское предложение об опубликовании декларации четырех стран «окончательно отпавшим»⁸⁷. Английское правительство, следовательно, отреклось от собственного предложения.

Между тем германский агрессор продолжал действовать нагло и бесцеремонно. Берлин еще 21 марта параллельно с давлением на Румынию начал дипломатическую подготовку войны против Польши⁸⁸.

В то время, когда Англия, Франция и ряд других государств Европы ради спасения себя стремились повернуть германскую агрессию в сторону других, пусть даже союзных стран, Советский Союз продолжал активную борьбу за сохранение всеобщего мира. Исключительную значимость в этой связи имело заявление, сделанное 23 марта М. Литвиновым по поручению ЦК ВКП(б) и Советского правительства прибывшему в Москву министру внешней торговли Англии Р. Хадсону. «Мы еще пять лет тому назад, — сказал нарком, — осознали опасность для дела мира со стороны фашистской агрессии. Мы не имели никаких

⁸⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 185.

⁸⁶ Там же, с. 683, см. также док. 226.

⁸⁷ Там же, док. 203.

⁸⁸ Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась, с. 285—286.

оснований опасаться обращения этой агрессии в первую очередь против нас... Но считали фашистскую агрессию общей опасностью, для борьбы с которой необходимы общие усилия и сотрудничество всех неагрессивных стран». В течение пяти лет, подчеркивал Литвинов, Советский Союз предлагал систему региональных пактов, региональные совещания, применение к агрессорам предусмотренных уставом Лиги наций санкций и готов был участвовать и участвовал в таких санкциях независимо от того, задевались ли его интересы отдельными случаями агрессии. Однако все предложения Советского Союза игнорировались Англией и Францией. Несмотря на уже существующий блок Германии, Италии и Японии, правительства Англии и Франции отклоняли какие бы то ни было совещания неагрессивных стран. Такая политика Англии и Франции завершилась мюнхенской капитуляцией, которая создала нынешнее положение в Европе. «Советский Союз больше, чем какая-либо другая страна,— заключал нарком,— может сам позаботиться о защите своих границ, но он и теперь не отказывается от сотрудничества с другими странами... Базой такого сотрудничества должно быть признание агрессии в качестве единой проблемы, требующей общих действий независимо от того, задевает ли она в том или ином случае интересы того или иного из участников сотрудничества... Мы готовы рассмотреть и обсудить всякие конкретные предложения, базирующиеся на указанных выше принципах»⁸⁹. Это было важнейшее предложение Советского Союза о выработке фундаментальных мер борьбы с агрессией. Чтобы преградить путь германской экспансии в Европе и сохранить мир, Советское правительство наряду с обращением к Англии стремилось продолжить контакты также со своими западными соседями. Советское правительство, заявил Литвинов латвийскому и эстонскому посланникам 28 марта, не может оставаться безучастным зрителем установления господства Германии в Прибалтийских государствах и в случае необходимости готово доказать это на деле⁹⁰.

Советский Союз был глубоко заинтересован также в сохранении независимости Румынии и Польши. Эта заинтересованность вытекала из стремления к сохранению мира и из того, что захват их фашистской Германией дал бы германской армии возможность выйти к западным границам СССР, приблизиться к важнейшим военно-промышленным и политическим центрам Советского государства. В деле обеспечения безопасности Польши и Румынии, равно как и других стран, Советское правительство по-прежнему было готово к тесному сотрудничеству с Англией и Францией. Вместе с тем в борьбе против германских агрессоров СССР не прекращал попытки установить не-

⁸⁹ СССР в борьбе за мир..., док. 186.

⁹⁰ Там же, док. 192.

посредственные контакты и сотрудничество с самими этими странами. М. М. Литвинов и другие представители Советского Союза провели немало встреч с польскими ответственными представителями, во время которых обсуждались вопросы мира и безопасности в Восточной Европе⁹¹. На это же была нацелена, как было упомянуто выше, беседа Литвинова с румынским посланником в Москве Н. Диану, имевшая место 29 марта⁹².

Зная о нежелании Англии и Франции пойти на организацию коллективного фронта защиты от фашистской агрессии, в конце марта 1939 г. гитлеровцы усилили нажим на Польшу. В германской прессе была развернута резкая антипольская кампания по вопросу о положении немецкого меньшинства в Польше. К польской границе открыто подтягивались германские войска. В газетах замелькали сообщения о возможности захвата Германией Гданьска. Тревожное положение на польских границах вызвало серьезное беспокойство в Англии и Франции, которые понимали, что германская оккупация Польши приведет к дальнейшему резкому ухудшению их собственного положения, ослаблению их позиций перед германским империализмом.

30 марта 1939 г. правительство Англии приняло решение о предоставлении Польше английских гарантий. Но вопрос о сотрудничестве с СССР на заседании английского кабинета был обойден, хотя парламентская оппозиция требовала от правительства согласованных действий с Советским Союзом. На следующий день, 31 марта, английское правительство сделало заявление о своей готовности оказать Польше помощь.

В тот же день французское правительство обратилось к Советскому правительству с запросом, какова будет позиция СССР в случае нападения Германии на Польшу. При этом французское правительство, как в свое время и английское правительство по поводу германской угрозы Румынии, не считало нужным сказать, какую позицию займет само французское правительство. Трудно сказать, было ли это обращение французского правительства согласовано с Варшавой. Запрос, нет сомнения, носил формальный характер. Советское правительство и само неоднократно предлагало Польше сотрудничество по организации коллективной защиты от агрессии. Однако последняя выражала резко отрицательное отношение к советским предложениям⁹³, хотя 10 мая Бек в беседе с заместителем наркома иностранных дел В. П. Потемкиным должен был при-

⁹¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII. М., 1973, док. 22, 32, 37, 40, 42, 43, 46.

⁹² СССР в борьбе за мир..., док. 193.

⁹³ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII, док. 32, 37, 40, 42, 43, 46.

знать, что «без поддержки СССР полякам себя не отстоять» перед германским агрессором.

Реальная угроза германской агрессии не снималась и в отношении ряда других стран Восточной и Юго-Восточной Европы, где Англия и Франция продолжали пока что занимать сильные экономические и военно-стратегические позиции.

13 апреля Англия и Франция дали гарантии Румынии⁹⁴⁻⁹⁵ и Греции, а несколько позднее — Турции. Надо отметить, что гарантии были даны без указаний, против кого они направлены, без принятия со стороны гарантов военных обязательств. Жестом предоставления гарантий Румынии и Польше правительства Англии и Франции надеялись принудить Гитлера к новой более широкой сделке и указать ему путь на восток через негарантированную Прибалтику и Финляндию⁹⁶.

Предоставленные Румынии и Польше гарантии без участия в них СССР теряли свою реальную силу с точки зрения перспективы снабжения этих стран вооружением и военными материалами. Такого рода военная помощь могла быть оказана Англией и Францией только через территорию СССР, что признавалось в закрытом порядке даже английским правительством⁹⁷. Без поставок английских и французских военных материалов румынская и польская армии не были в состоянии оказывать длительное сопротивление гитлеровской армии. Это отлично понимали и агрессоры.

При решении вопроса о гарантиях Англия и Франция проводили свою чисто империалистическую политику — защиту, удержание своих позиций в Восточной и Юго-Восточной Европе до тех пор, пока не достигнут с Гитлером договоренности о направлении его агрессии против СССР. Правда, англо-французские гарантии Румынии, Польше, Греции и Турции носили и пропагандистский характер, так как были рассчитаны на успокоение народов Англии и Франции, требовавших от своих правительств принятия мер против гитлеровской агрессии.

Принятие англо-французских гарантий не мешало румынским и польским политикам продолжать налаживать дружественные отношения с фашистским рейхом. Румынский министр

⁹⁴⁻⁹⁵ Англия и Франция проявили большую «мудрость» в составлении формулировки о гарантиях. Так, они «гарантировали» независимость Польше и Румынии, но не их границы. Англия согласилась на гарантии Румынии лишь под давлением Парижа и при условии, что и Франция со своей стороны согласится присоединиться к английским гарантиям Греции и Турции.

⁹⁶ Существовала даже опасность того, что в случае нападения Германии и Японии на СССР к ним могли присоединиться также «гарантированные» Западом Польша и Румыния. При окончательном дележе Чехословакии 16 марта 1939 г. Бек не без влияния Берлина и Бухареста просил венгерское правительство уступить Румынии «восточные районы Закарпатской Украины, включая идущую из Польши в Румынию железную дорогу», которые должны связывать эти две страны в случае «польско-румынского выступления против Советского Союза» (DGFP, Series D, vol. VI, doc. 7).

⁹⁷ DBFP, Series. III, vol. V, doc. 589.

иностранных дел Гафенку, напросившись во второй половине апреля на визит в Берлин, при встрече с Гитлером и Риббентропом доказывал, что англо-французские гарантии не имеют реальной силы. Более того, румынский министр утверждал, что они имеют отношение не столько к Германии, сколько к Советской России⁹⁸. Когда «фюрер» задал вопрос, почему Румыния приняла английские гарантии, Гафенку заявил, что румынское правительство не видело каких-либо оснований отказываться от принятия ни к чему не обязывающих в отношении рейха гарантий и что, «кроме Германии, с которой у Румынии нет общей границы, имеются граничащие с ней государства, например Венгрия, Болгария и Россия»⁹⁹.

Значение, которое румынское правительство придавало англо-французским гарантиям, как нельзя лучше охарактеризовано Гафенку в беседе с Галифаксом 25 апреля 1939 г. «Румынская дружба с Францией и Великобританией,— подчеркивал румынский министр,— не беспокоит Германию, так как эта дружба предоставляет Румынии возможность занимать твердые антирусские позиции»¹⁰⁰. Здесь, как в фокусе, дана вся суть румынской восточной политики.

В чем же все же суть гарантий? Какие цели преследовали Англия и Франция, когда они давали гарантии Румынии, Польше и другим странам? На эти вопросы можно получить предельно ясные ответы только в том случае, если мы обратимся к недавно открытым для общего пользования документам английского правительства, которые полностью опровергают официальную пропаганду английской дипломатии о том, что гарантии представляли якобы бескорыстную заботу о судьбе Румынии, Польши и других стран. «Премьер-министр напомнил,— говорится в протоколе внешнеполитического комитета английского правительства,— что генеральная линия нашей политики в отношении Германии определяется *не защитой отдельных стран*, которые могли бы оказаться под германской угрозой, а стремлением предотвратить установление над континентом германского господства, в результате чего Германия стала бы настолько мощной, что *могла бы угрожать нашей безопасности*. Господство Германии над Польшей и Румынией усилило бы ее военную мощь, и именно поэтому мы предоставили гарантии этим странам. Господство Германии над Данией не увеличило бы военной мощи Германии, и поэтому в данном случае нам не следует брать обязательство о военном вмешательстве с целью восстановления статус-кво»¹⁰¹.

⁹⁸ На антисоветский характер англо-французских гарантий Польше и Румынии указывал также нарком иностранных дел М. Литвинов в своих письмах полпредам в Лондоне и Париже (СССР в борьбе за мир..., док. 223).

⁹⁹ Varga V. A. Op. cit.,— «Studii», 1960, N 4, p. 57.

¹⁰⁰ DBFP, Series III, vol. V, doc. 285.

¹⁰¹ Цит. по кн. Ситолс В. Я. Советский союз в борьбе за мир и безопасность М., 1974, с. 301.— Курсив наш.— А.Ш.

Следовательно, Англия (равно и Франция) при даче гарантий другим странам заботилась о своих, и только своих, империалистических интересах, а не о защите жертв германской агрессии. Чемберлену на относительное значение англо-французских гарантий для Польши и Румынии еще 30 марта указывал бывший премьер-министр Англии Д. Ллойд Джорж, заявивший, что действительный отпор Германии на востоке может быть организован только при твердом соглашении с СССР и что односторонние английские гарантии Польше являются «безответственной азартной игрой, которая может очень плохо кончиться»¹⁰².

На это указывало и советское полпредство в Англии: «Что реальное может сделать, на самом деле, Англия (или даже Англия и Франция, вместе взятые) для Польши и Румынии в случае нападения на них Германии? Очень мало. Пока британская блокада против Германии станет для последней серьезной угрозой, Польша и Румыния перестанут существовать»¹⁰³. А это означало, что гарантии не являлись сколько-нибудь существенным фактором укрепления позиций Англии и Франции, изменения соотношения сил в Европе в их пользу. 3 апреля Гитлером была подписана директива о подготовке германских войск к нападению на Польшу 1 сентября 1939 г., а 11 апреля он подписал план разгрома Польши («план Вайс»). Гитлер не сомневался, что войну «с Польшей можно локализовать», так как «Англия и Франция по-прежнему не готовы биться за Польшу». Он был уверен, что Англия ограничится военно-морской демонстрацией, Франция же «побряцает оружием за своей линией Мажино, на этом дело и кончится»¹⁰⁴. Вскоре нацистами было решено через венгерскую территорию выдвинуть войска к границам Румынии, добиться ее капитуляции.

Намерения англо-французских правителей использовать свои гарантии другим странам в целях оказания давления на Гитлера, чтобы принудить его пойти на «широкое соглашение» с Англией и Францией, тоже не дали эффекта.

В отношении Прибалтийских стран кликой Гитлера было намечено действовать более сложными и «мягкими» методами. Ставилась задача путем заключения с ними договоров о ненападении добиться их нейтралитета, что лишало бы их возможности получить помощь со стороны Советского Союза. А в нужный момент, когда это будет необходимо, Германия нарушит этот нейтралитет и установит в этом регионе свое господство¹⁰⁵.

Гитлеровцы считали, что, несмотря на англо-французскую политическую демонстрацию «сопротивления» фашистской экс-

¹⁰² СССР в борьбе за мир..., док. 202.

¹⁰³ «Международная жизнь», 1967, № 7, с. 92.

¹⁰⁴ СССР в борьбе за мир..., док. 266.

¹⁰⁵ Там же.

пансии, созрели все условия для германского движения на восток.

По словам Гитлера, сказанным Риббентропу во время разработки плана войны против Польши, «за беспощадным очищением востока последует «западный этап», который закончится поражением Франции и Англии, достигаемым политическим или военным путем. Лишь после этого станет возможным великое и решающее столкновение с Советским Союзом и будет осуществлен разгром Советов»¹⁰⁶.

Планы очередности акций германской агрессии через английских резидентов в Берлине стали известны правительствам Англии и Франции буквально через несколько дней. В какой-то степени они проникли и на страницы английской и французской прессы. Реально нависшая угроза войны резко усилила выступления прогрессивных сил против мюнхенцев и их политики, за коренное изменение внешнеполитического курса Англии и Франции. Опрос общественного мнения в Англии в апреле-мае показал, что 87% населения Англии выступало за заключение военно-политического союза между Англией, Францией и СССР. Во Франции процесс отрезвления шел еще быстрее, чем в Англии. Да это и понятно, поскольку Франция оказалась под более непосредственной угрозой¹⁰⁷.

Правительство Чемберлена, а за ним и французское правительство считали, однако, принятие каких-либо совместных с Советским Союзом обязательств нежелательным, все еще надеясь в случае возникновения германо-советского конфликта иметь полную свободу действий. Правители Англии надеялись, что нападение Германии на Польшу и Румынию может привести к германо-советской войне. Чтобы ускорить наступление такого события, английское правительство снова начало ставить вопрос о принятии Советским правительством односторонних обязательств об оказании помощи странам Восточной Европы в случае нападения Германии на них. Это отчетливо зафиксировано в беседах полпреда И. М. Майского с Галифаксом. 11 апреля английский министр при встрече с советским полпредом поставил вопрос о том, «в какой форме СССР мог бы оказать помощь Румынии в случае нападения на нее Германии?»¹⁰⁸ На этот вопрос 14 апреля Советское правительство через своего полпреда заявило, что СССР не относится безучастно к судьбе Румынии и *готов принять участие в оказании помощи Румынии*, но он хотел бы знать, как английское правительство мыслит себе формы помощи Румынии со стороны

¹⁰⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 266.

¹⁰⁷ Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1939 гг.), М., 1965, с. 411; Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964, с. 428—429.

¹⁰⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 226.

Англии и других заинтересованных держав¹⁰⁹. Галифакс горячо приветствовал советское заявление о готовности оказать помощь Румынии, но оставил без ответа контрвопрос. Более того, Галифакс в беседе с И. М. Майским (14 апреля), а Сидс при встрече с М. М. Литвиновым 15 апреля упорно добивались, чтобы СССР взял на себя чисто односторонние обязательства не только перед Румынией (как об этом ставился вопрос Галифаксом 11 апреля), но и перед Польшей и Прибалтийскими странами — Латвией, Эстонией и Финляндией. «Галифакс выразил надежду получить ответ из Москвы не позднее 17-го, так как момент очень опасный»¹¹⁰. По предложению англичан СССР должен был прийти на помощь своим западным соседям при условии, что она «окажется желательной»¹¹¹. Иначе говоря, Советский Союз в случае нападения германского рейха на его соседей был бы обязан оказывать им помощь. Но сами эти соседи сохраняли полную свободу действий: они могли не принимать помощи СССР, а, например, без сопротивления капитулировать перед Германией или стать ее союзниками, как несколько позже и поступили Румыния и Финляндия, допустив германские войска на свои территории для развертывания войны против Советского Союза¹¹². Предоставление Румынии, Польше и Прибалтийским странам односторонних гарантий со стороны Советского Союза укрепило бы их безопасность, но этот шаг Советского правительства таил бы в себе огромные опасности для Советской страны при отсутствии пакта о взаимопомощи с Англией и Францией.

Да и сами западные соседи СССР не проявляли никакого желания иметь советские гарантии. Румыния и Польша — конфиденциально в беседах с западными дипломатами — категорически заявляли, что они не хотят иметь с СССР никаких дел.

Английское предложение ставило Советский Союз явно в невыгодное положение. Если Румыния и Польша имели англо-французские гарантии (пусть даже формальные), то Прибалтийские страны не имели и таких гарантий со стороны «западных демократий». Поэтому принятие английского предложения могло бы поставить СССР в такое положение, что в случае гитлеровской агрессии против Прибалтийских стран он вынужден был бы воевать с Германией один на один.

Нельзя не упомянуть об оценках, которые давали английским предложениям в конфиденциальных беседах сами западные дипломаты. Американский посол в Париже У. Буллит, например, отмечал, что политика Чемберлена и Галифакса в отношении Москвы была «чуть ли не оскорбительной»¹¹³.

¹⁰⁹ Там же, док. 230. Курсив наш. — А. III.

¹¹⁰ Там же, док. 231; см. также док. 233.

¹¹¹ Там же.

¹¹² История внешней политики СССР, т. 1. 1917—1945 гг. М., 1976, с. 362.

¹¹³ FRUS, 1939, vol. 1, Washington, 1956, p. 248.

Установленные в марте-апреле 1939 г. политические контакты между СССР, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, практически явились лишь изложением позиций в кардинальном вопросе мировой политики — политики мира и безопасности в Европе. Советский Союз снова показал искреннее стремление к созданию фронта коллективной борьбы против фашистской агрессии. Правящие круги Англии и Франции, однако, продолжали свою мюнхенскую политику, проявляя нежелание к сотрудничеству с Советским Союзом.

2. ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ВОЕННЫЕ ПЕРЕГОВОРЫ СССР, АНГЛИИ И ФРАНЦИИ В 1939 г. И ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ

В условиях явного приближения второй мировой войны Советский Союз делал все необходимое, чтобы объединить усилия всех стран, которым угрожала агрессия. Фактически СССР стремился осуществить те идеи, которые он проводил в период переговоров об организации Восточного пакта и заключения пактов о взаимопомощи с Францией и Чехословакией, в период советско-румынских переговоров о договоре о взаимопомощи. Создание фронта коллективной борьбы с фашистской агрессией стало теперь срочной и неотложной задачей. Фронту агрессоров надо было противопоставить фронт коллективной защиты мира. Ядром этого фронта в Европе могли стать СССР, Англия и Франция. Предполагалось, само собой разумеется, к этому благородному делу привлечь и ряд других стран.

В ответ на французское предложение от 14 апреля и английский запрос от 15 апреля 1939 г. Советское правительство 17 апреля выдвинуло перед Англией и Францией конкретные далеко идущие предложения, в которых предусматривалось:

«1. Англия, Франция, СССР заключают между собою соглашение сроком на 5—10 лет о взаимном обязательстве оказывать друг другу немедленно всяческую помощь, включая военную, в случае агрессии в Европе против любого из договаривающихся государств.

2. Англия, Франция, СССР обязуются оказывать всяческую, в том числе и военную, помощь восточноевропейским государствам, расположенным между Балтийским и Черным морями и граничащим с СССР, в случае агрессии против этих государств.

3. Англия, Франция и СССР обязуются в кратчайший срок обсудить и установить размеры и формы военной помощи, оказываемой каждым из этих государств во исполнение § 1 и 2»¹¹⁴.

Своими предложениями Советский Союз положил начало советско-англо-французским политическим и военным переговорам, продолжавшимся до 21 августа 1939 г. Политический до-

¹¹⁴ СССР в борьбе за мир..., док. 239.

говор о взаимной помощи и военную конвенцию предусматривалось, согласно советским предложениям, подписать одновременно. Кроме того, в случае войны участникам договора запрещалось заключение с агрессором сепаратного мира. В предложениях указывалось также на необходимость упразднения румыно-польского договора 1921 г., направленного против СССР¹¹⁵.

При вручении предложений английскому послу Сидсу Литвинов особенно подчеркнул значение одновременного заключения и подписания обоих соглашений: политического и военного¹¹⁶ (эти же предложения 18 апреля советским полпредом в Париже были переданы министру иностранных дел Франции).

Советские предложения представляли собой четкую программу создания в Европе эффективной и надежной системы безопасности перед лицом нараставшей фашистской агрессии. Но предложения Советского Союза и на этот раз не встретили поддержки правительств Англии и Франции. Они сочли их неприемлемыми, особенно это проявилось со стороны Англии.

20 апреля советские предложения были поставлены на рассмотрение внешнеполитического комитета английского правительства. Вместо того чтобы данные предложения обсудить по существу, английские министры убеждали друг друга в том, что вряд ли Советский Союз может представить особую ценность как военная сила. СССР, по их мнению, должен быть использован лишь как поставщик военных материалов «доблестным» армиям Румынии и Польши, а для этого заключать англо-франко-советский военный союз нет необходимости. Формально не отклоняя советского предложения, Чемберлен заявил, что «следует попытаться создать впечатление, что еще не наступило время для военного союза». В протоколе заседания указывалось, что члены комитета «не расположены принимать советских предложений»¹¹⁷. На следующий день при встрече с польским послом Э. Рачинским Галифакс заявил, что «советское предложение, хотя оно и серьезно, идет далее того, на что готово пойти британское правительство»¹¹⁸.

Несколько дней спустя (24 апреля) на закрытом заседании того же внешнеполитического комитета кабинета был заслушан и обсужден доклад начальников штабов трех видов английских вооруженных сил о боеспособности СССР. И на этот раз было проявлено полное нежелание правителей Англии иметь военный союз с СССР. В целях выигрыша времени, заявил Галифакс, «мы должны затягивать дело»¹¹⁹. Советские предложения

¹¹⁵ Там же.

¹¹⁶ Там же.

¹¹⁷ Цит по кн.: Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, с. 307.

¹¹⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 245.

¹¹⁹ Colvin I. The Chamberlain Cabinet. London, 1971, p. 205.

были обстоятельно рассмотрены и обсуждены на заседании правительства 26 апреля. Галифакс, выступая с докладом по этому вопросу и повторяя мысли Чемберлена, заявил, что время для широкого соглашения с СССР не наступило. Он внес предложение настаивать на принятии Советским Союзом английских предложений от 15 апреля, которые сводились к тому, чтобы СССР взял односторонние обязательства об оказании помощи всем своим западным соседям. Министр иностранных дел акцентировал внимание на том, что соглашение Англии с СССР может иметь отрицательное влияние на англо-германские отношения. Это было явным намеком на то, что переориентация Лондона на сотрудничество с СССР закрыла бы путь к заключению «широкого англо-германского соглашения». И на этом заседании английского правительства советские предложения были признаны неприемлемыми¹²⁰. О такой позиции Англии было информировано и французское правительство.

Английские правящие круги, продолжая строить свою политику в расчете на советско-германскую войну, стремились поставить СССР в положение международной изоляции. Если бы Англия заключила соглашение с Советским Союзом, то это, наоборот, могло бы удержать Гитлера от нападения на него, что было в полном противоречии с генеральной линией английского империализма. Франция испытывала большее беспокойство относительно развития германской агрессии, но и она не проявляла искреннего стремления к сотрудничеству с Советским Союзом. В течение восьми дней Э. Даладье и Ж. Боннэ не считали нужным ознакомить членов правительства с советскими предложениями, несмотря на остроту сложившейся политической ситуации в Европе¹²¹. Французское правительство выступило со своими предложениями относительно англо-франко-советского сотрудничества только 25 апреля. В проекте тройственного соглашения, переданном Боннэ советскому полпреду, говорилось: в случае, если бы Франция и Англия оказались в состоянии войны с Германией вследствие выполнения обязательств, которые они приняли бы с целью предупредить всякие насильственные изменения положения в Центральной и Восточной Европе, СССР должен был оказать им немедленную помощь и поддержку¹²². Если же Советский Союз оказался бы в состоянии войны с Германией в результате принятых им таких же мер, то СССР помощи не предусматривалось. Поэтому 28 апреля нарком Литвинов писал полпреду в Париже, что предложение Боннэ звучит издевательски.

Учтя замечания советской стороны, сделанные на следующий день, Боннэ был вынужден признать свое предложение

¹²⁰ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, стр. 310.

¹²¹ СССР в борьбе за мир..., док. 251.

¹²² Там же, док. 253.

«неудачным», внося в него некоторые поправки¹²³. Однако и в новых предложениях Боннэ от 29 апреля были обойдены важнейшие предложения, внесенные СССР 17 апреля, как-то: о заключении между СССР, Англией и Францией пакта о взаимопомощи на случай непосредственного нападения на одну из трех держав; о предоставлении гарантии трех держав всем граничащим с СССР восточноевропейским странам; об отказе от заключения сепаратного мира.

Необходимо отметить, что французское правительство ставило военное сотрудничество с Советским Союзом полностью в зависимость от позиции Варшавы, хотя оно знало, что польские правители, как и румынские, были вообще против такого сотрудничества. «Вы сами,— подчеркивал французский посол в Варшаве Л. Ноэль в беседе с заместителем министра иностранных дел Польши Я. Шембеком,— определяли бы характер, степень, условия и формы советской помощи»¹²⁴.

Сейчас, сообщал Я. З. Суриц из Парижа 26 апреля, дело похоже на то, что «весь шум и вся канитель, поднятые вокруг «сотрудничества» с нами, кончатся обычным блефом», так как Боннэ никогда этого сотрудничества не желал¹²⁵. Что касается Лондона, то он не был согласен поддержать даже куцые французские предложения.

Американский посол в Париже У. Буллит сообщал в Вашингтон, что английское правительство продолжает добиваться предоставления Советским Союзом односторонних гарантий Румынии и Польше, но «не согласно предоставлять Советскому Союзу какую-либо гарантию со стороны Англии»¹²⁶.

Существенную роль в срыве советских усилий по организации коллективной защиты мира играли Румыния и Польша. Румынские и польские политики тогда вполне понимали весомость своих действий (зато после разгрома фашистской Германии и ее союзников, разбежавшись по западным странам, они стали искажать прошлое и выдавать себя за «пешек» англо-французской политики). Советник польского посольства в Лондоне А. Яжджевский, выражая общую польско-румынскую точку зрения, в разговоре с Т. Кордтом подчеркнул, что он «не в состоянии представить себе, как вообще могло бы осуществиться включение Советской России» в систему коллективной безопасности «без содействия Румынии и Польши»¹²⁷.

Румыния и Польша придавали большое значение также сохранению своего антисоветского союзного договора 1921 г. Когда в ходе переговоров о заключении англо-франко-советского до-

¹²³ DBFP, Series III, vol. V, p. 406.

¹²⁴ Документы и материалы по истории советско-польских отношений, т. VII, док. 31.

¹²⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 256.

¹²⁶ FRUS. 1939, vol. I, p. 244.

¹²⁷ СССР в борьбе за мир..., док. 241.

говора о взаимной помощи и гарантировании тремя державами стран Восточной Европы, в том числе Румынии и Польши, народный комиссар иностранных дел СССР В. М. Молотов предложил аннулировать румыно-польский союз или в крайнем случае распространить его действие и на Германию, польский посол в Москве ответил категорическим отказом¹²⁸. Против изменения существа или денонсации румыно-польского антисоветского военного союза выступил и Кароль II¹²⁹. Да это и понятно. Этот договор не только укреплял антисоветские позиции Польши и Румынии, но и служил целям, как заявил Гитлер Гафенку 19 апреля, фашистской Германии¹³⁰.

На фоне антисоветской политики Румынии и Польши, а также Прибалтийских стран, их нежелании (не без инспираций и со стороны Лондона и Парижа) принимать советскую помощь и иметь СССР своим союзником в борьбе с агрессором становилось все подозрительнее настояние английского правительства толкнуть Советское правительство на заявление об односторонних гарантиях странам Восточной Европы. Однако империалистическая сущность этих настояний Советскому правительству была ясна.

Следовательно, создания фронта коллективной защиты против германской агрессии не хотели ни Англия, ни Франция. Не хотели его также Румыния, Польша, Финляндия и Прибалтийские страны.

Неучастие в организации единого фронта борьбы с фашистской агрессией Польша объясняла нежеланием входить в какие-либо комбинации против Германии, «независимо от состава участников таких комбинаций»¹³¹. Об отказе бороться с гитлеровской агрессией еще яснее выражались румынские политики. «Король и правительство,— доносил Фабрициус в Берлин 14 апреля 1939 г.,— тверды в своем решении не вступать ни в какие соглашения, которые могут быть каким-либо образом направлены против Германии даже в малейшей степени... Премьер-министр Калинеску... в разговоре со мной энергично подтвердил это»¹³². О стремлении Румынии остаться вне фронта борьбы с фашистской агрессией было сообщено Тилем и Галифаксу¹³³.

Когда западные союзники пытались выяснить позицию румынских правителей относительно возможности международного соглашения с участием СССР, то Гафенку заявил, что Румыния выступит против любой коллективной безопасности¹³⁴.

«Во всех состоявшихся [в Лондоне] беседах,— сообщал польский посол в Англии,— министр Гафенку в отношении Со-

¹²⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 277.

¹²⁹ Varga A. Op. cit.— «Studii», 1960, N 4, p. 68.

¹³⁰ DBFP, Series III, vol. V, doc. 279.

¹³¹ СССР в борьбе за мир..., док. 205.

¹³² DGFP, Series D, vol. VI, doc. 195.

¹³³ СССР в борьбе за мир..., док. 226.

¹³⁴ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 92.

ветской России занимал позицию, идентичную позиции Польши»¹³⁵, т. е. «никаких дел с Советским Союзом». И действительно, румынский министр 19 апреля, перед появлением в Лондоне, заверил Гитлера в том, что Румыния будет твердо стоять на позициях неучастия в любой системе коллективной безопасности с участием Советской России¹³⁶.

Позиция Гафенку, занятая в беседах с Гитлером и другими главарями фашистской Германии, отражала истинное направление румынской внешней политики, которое объективно способствовало только развитию фашистской агрессии. В день приезда румынского министра в Берлин (18 апреля) МИД Германии разослал меморандум в канцелярию Гитлера, генштаб вермахта, в дипломатические представительства в Москве, Лондоне, Париже и странах Балканской Антанты, в котором с полным основанием указывалось, что Гафенку «рассматривает свой визит в Берлин как дальнейший шаг по направлению сближения между двумя странами, как курс, который он постоянно проводит с момента занятия поста министра иностранных дел. Одним из выражений этого курса было заключение германо-румынского экономического договора»¹³⁷.

Хотя в создавшихся условиях требовались объединенные усилия и действия всех, кому угрожала германская агрессия, румынские и польские деятели, равно как и лидеры Прибалтийских стран, продолжали проявлять нежелание идти на соглашение с СССР в борьбе с фашистскими агрессорами. Негативная позиция правящих кругов Румынии и Польши, открытый отказ Прибалтийских стран и Финляндии от советской помощи были использованы империалистическими кругами Англии и Франции в качестве козыря, чтобы парализовать акции Советского Союза, направленные на создание антиагрессивного фронта. Отклоняя советские предложения об укреплении мира, правительства Англии и Франции помимо собственных «аргументов» широко ссылались и на занятую Румынией и Польшей позицию, что четко зафиксировано в официальных английских и французских документах, а также в мемуарной литературе бывших политических буржуазных деятелей. Гафенку отмечал, что «правительство Великобритании было счастливо выдвинуть на первый план возражения Польши и Румынии для того, чтобы ограничить те обязательства, которые мог бы взять на себя Советский Союз»¹³⁸. Собственно говоря, соавтором этой идеи был и сам Гафенку, но он предпочел «забыть», что по приезде в Лондон прямо от «фюрера» он по поручению последнего 24 апреля передал Чемберлену заверения Гитлера, что Германия не

¹³⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 272.

¹³⁶ *Gafenco G. Preliminaires de la guerre à l'Est. Paris, 1944, p. 980.*

¹³⁷ *DGFP, Series D, vol. VI, doc. 227.*

¹³⁸ *Gafenco G. Derniers jours de l'Europe, en voyage diplomatique en 1939. Paris. 1946, p. 165—166.*

хочет войны, а желает жить в мире и дружбе с Англией. А дальше Гафенку привел премьеру «доводы» о нецелесообразности для Румынии и западных союзников связывать себя обязательствами перед Советским Союзом в случае германской агрессии на Востоке. Совпадавшие с замыслами Лондона идеи румынского министра на Чемберлена произвели впечатление, а поэтому последний рекомендовал собеседнику поговорить в этом плане с лейбористской оппозицией, критиковавшей восточноевропейскую политику своего правительства и осуждавшей поведение Румынии в ходе советско-англо-французских переговоров, а также при случае публично заявить о том, что Румыния не желает сотрудничать с СССР в организации мира ¹³⁹.

Следовательно, отработка румынской и польской негативной позиции шла не только в президентских и королевских дворцах Бухареста и Варшавы, но и в Лондоне и Париже во время официальных встреч на уровне ведущих государственных деятелей. Особенно четко это проявилось при переговорах румынского министра иностранных дел Гафенку с Чемберленом и Галифаксом 23—25 апреля. В этих беседах полномочный румынского короля в деталях обсудил перспективу взаимоотношений Румынии с великими державами Запада и изложил позицию, занятую Бухарестом в отношении СССР. Он не скрывал, что румынское правительство не желает устанавливать какое-либо сотрудничество с участием СССР, хотя тут же признавал, что Советский Союз был хорошим соседом и не причинял Румынии беспокойства ¹⁴⁰.

Тезис Гафенку — избегать сотрудничества с СССР и по возможности отстранить его от европейской политики, нашел полную поддержку у английского правительства ¹⁴¹.

Из Лондона румынский министр направился в Париж, где он встретился с Даладье и Боннэ. Выполняя наказ как Гитлера, так и английских руководителей, он убеждал своих французских собеседников в ненужности организации коллективной борьбы против фашистской агрессии. Румынский министр еще раз открыто высказал неодобрение по поводу переговоров Англии и Франции с Советским Союзом ¹⁴².

В период пребывания в Лондоне и Париже руководитель внешнеполитического ведомства Румынии усердно доказывал, что любые политические контакты и переговоры с СССР, которые касались бы Германии, принесут «европейской стабильности» только вред ¹⁴³. Высказывания Гафенку лили воду на мельницу английских и французских мюнхенцев. Чтобы еще раз подтвердить свое отрицательное отношение к проектам создания

¹³⁹ DBFP, Series III, vol. V, doc. 279.

¹⁴⁰ DBFP, Series III, vol. V, London, 1952, doc. 285.

¹⁴¹ DBFP, Series III, vol. V, doc. 279; DGFP, Series D, vol. VI, doc. 342.

¹⁴² DBFP, Series III, vol. V, doc. 285.

¹⁴³ Ibidem.

системы коллективной борьбы с германским агрессором, король и правительство ровно через месяц направили к Галифаксу, прибывшему в Женеву на сессию Совета Лиги наций, специального эмиссара — генерального секретаря МИД А. Крецяну. При встрече с английским министром 23 мая Крецяну от имени своего правительства заявил, что «Румыния не желает принимать участия в какой-либо системе, предусматривающей помощь со стороны Советского Союза» и что его страна «не хочет идти вместе с Англией и Францией в их переговорах с Советами»¹⁴⁴. При встрече с Галифаксом Крецяну практически изложил то, что говорил король в беседе с германским посланником в Бухаресте В. Фабрициусом 6 мая 1939 г. Румынский монарх заявил гитлеровскому дипломату, что с заместителем наркома иностранных дел СССР В. П. Потемкиным, который должен быть в Бухаресте проездом из Турции, «не будет заключено никакого соглашения»¹⁴⁵. Чтобы избежать встречи с советским дипломатом, король накануне преднамеренно уехал из Бухареста. 8 мая В. П. Потемкин имел встречу только с Гафенку, носившую протокольный характер¹⁴⁶. Правда, при этой встрече советский дипломат задал Гафенку вопрос далеко не протокольного характера. В. П. Потемкин спросил, как Румыния рассматривает румыно-польский союзный договор, учитывая создавшуюся в Восточной и Юго-Восточной Европе ситуацию. На это Гафенку совершенно откровенно заявил: только как фактор восточной политики и ни в коем случае «не как инструмент против Германии»¹⁴⁷.

Нежелание румынских правителей включить свою страну во фронт коллективной защиты мира весьма четко проявилось в беседе румынского посланника в Лондоне Тилиа с советским полпредом И. М. Майским, состоявшейся днем позже. На вопрос последнего, какова будет позиция Бухареста, если возникнет необходимость в установлении тесных отношений между Румынией и СССР, Тилиа в соответствии с установками руководителей своей страны ответил: «Румынское правительство не примет участия ни в союзе (имеется в виду соглашение по обеспечению мира в Восточной Европе. — А. Ш.), ни в переговорах о нем. Румыния не может связывать себя... с Россией»¹⁴⁸.

Хорошо улавливая общее направление англо-французской политики, румынские правители уже не считали нужным скрывать усилившиеся связи с фашистской Германией не только в экономической области, но и в военно-политической. Проявление

¹⁴⁴ DBFP, Series III, vol. V, doc. 601.

¹⁴⁵ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 337.

¹⁴⁶ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 342, 349.

¹⁴⁷ Ibidem, doc. 375. Предвидя такую неприятную для Бухареста беседу, Гафенку тоже, как и король, не хотел встречаться с Потемкиным, но не сумел этого избежать, сообщал Фабрициус в Берлин 8 мая 1939 г. — Ibidem.

¹⁴⁸ DBFP, Series III, vol. V, doc. 435.

нием такого внешнеполитического курса явились сделки Бухареста с Берлином в деле оснащения румынской армии германским оружием.

Гитлеровская Германия, обладавшая к тому времени наиболее развитой военной промышленностью в Западной Европе, как нельзя лучше, по расчетам Бухареста, подходила Румынии в качестве партнера в этом деле. «Король,— докладывал Берлину Фабрициус 17 мая 1939 г.,— намерен выполнить в содружестве с Германией большую программу вооружения... Помогая, поставки Германией вооружения для румынской армии будут иметь решающее значение в формировании румыно-германских отношений и в реализации договора Вольтата»¹⁴⁹. Конкретным выражением румыно-германского военного сотрудничества явились крупные контракты, заключенные в начале июля 1939 г.¹⁵⁰ В обмен на военные материалы Румыния обязалась поставить Германии большое количество бензина, смазочных масел и нефти¹⁵¹. Новое направление военной политики Бухареста было обращено в первую очередь против Советского Союза.

В проведении западными странами их коварной, опасной для дела мира политики большую помощь продолжали оказывать правящие круги стран Северо-Восточной Европы. Финляндия, например, в соответствии с восточной политикой нацистов и «западных демократий» развернула на советских границах интенсивную подготовку плацдарма для наступления на важнейшие военно-экономические центры СССР — Ленинград, Мурманск и Петрозаводск. Военное строительство велось на средства и под руководством крупных военных специалистов Германии, Англии, Франции, Швеции и США. С целью инспектирования финской армии и линии Маннергейма Финляндию в 1938—1939 гг. посещали военные министры и начальники генеральных штабов стран Запада¹⁵². Финляндия заботилась не об установлении добрососедских отношений с СССР, а вынашивала планы участия в антисоветской войне в составе любой военной коалиции.

Советское правительство, озабоченное военной активностью финских и западноевропейских империалистов на подступах к Ленинграду, предложило Финляндии начать переговоры о нормализации отношений и сотрудничестве в деле обеспечения мира на Северо-Востоке Европы. Но она их отвергла¹⁵³.

В период советско-англо-французских политических переговоров политику непротivления гитлеровской агрессии вели и

¹⁴⁹ DGFP, Series D, vol. VI, doc. 398.

¹⁵⁰ Ibidem, doc. 632.

¹⁵¹ Ibidem.

¹⁵² *Blücher W. Gesandter zwischen Diktatur und Demokratie. Weisbaden, 1951 s. 145; Pritt D. N. Must the War spread? London, 1940, p. 212.*

¹⁵³ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945, т. I М., 1960, с. 260.

фашистские правительства Латвии, Эстонии и Литвы¹⁵⁴. Начиная с марта 1939 г. они, как и Финляндия, стали предметом особого внимания со стороны гитлеровского генералитета¹⁵⁵. Нацисты ожидали лишь удобного момента для ввода своих войск в Прибалтику. Из опубликованных германских документов видно, что разрешение «прибалтийской проблемы» намечалось Гитлером одновременно с нападением на Польшу.

Учитывая сложившуюся обстановку на советских дальневосточных границах, Прибалтийские страны поддерживали контакты также с представителями японского генерального штаба¹⁵⁶. Параллельно с военными приготовлениями прибалтийские правители в своих странах значительно усилили антисоветскую пропаганду.

Планы латвийской, эстонской и литовской реакции сдаться на милость фашистской Германии не были все же реализованы. Германского вторжения Прибалтийские страны избежали главным образом благодаря усилиям Советского Союза, решительно заявившего на весь мир, как мы увидим ниже, о своей заинтересованности в их неприкосновенности. При заключении пакта о ненападении с СССР Германия была вынуждена учесть эту позицию Советского правительства. Определенную роль в срыве превращения Прибалтики в германский плацдарм сыграло антифашистское движение трудящихся. Советник германской миссии в Риге в беседе с американским посланником признавал, например, что 80% латышей симпатизирует СССР, а не Германии¹⁵⁷.

Чтобы призвать прибалтов к сопротивлению германской агрессии, М. М. Литвинов 28 марта в беседе с латвийским посланником в Москве Ф. Коциньшем заявил, что Советское правительство придает огромное значение сохранению независимости Латвии, как и других Прибалтийских республик, отвечающей «не только интересам народов этих республик, но и жизненным интересам Советского государства. Отсюда должно стать также ясно, что какие бы то ни было соглашения, добровольные или заключенные под внешним давлением, которые имели бы своим результатом хотя бы умаление или ограничение независимости и самостоятельности Латвийской республики, допущение в ней политического, экономического или иного господства третьего государства... признавались бы Советским правительством нетерпимыми и несовместимыми» с советско-латвийскими договорами и соглашениями, «и даже нарушением этих соглашений, со всеми вытекающими отсюда послед-

¹⁵⁴ Сиполс В. Тайная дипломатия, с. 288; «СССР в борьбе за мир...», док. 337, 369; «Latvijas kareivis», 4 IV 1939; «Polonia», 11.IV 1939.

¹⁵⁵ «Documenti Diplomatici Italiani» (далее — DDI), ser. VIII, vol. XII, Roma, 1952, p. 585—589.

¹⁵⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 175, 362.

¹⁵⁷ FRUS. The Soviet Union. 1933—1939, Wash. 1952, p. 939.

ствиями»¹⁵⁸. Однако предупреждения М. М. Литвинова и выражение желания Советского Союза видеть Прибалтийские страны свободными от влияния фашистских агрессоров не возымели своего действия на руководителей стран Прибалтики.

7 июня 1939 г. состоялось подписание латвийско-германского и эстонско-германского договоров о ненападении. Идентичные обязательства германского рейха о ненападении на Литву были зафиксированы и в германо-литовском договоре от 22 марта, заключенном в день аннексии Клайпедской области фашистской Германией¹⁵⁹.

Гитлер, как известно, в конце апреля предложил заключить пакт о ненападении также Финляндии, Швеции и Норвегии. Под воздействием своих скандинавских соседей Финляндия вместе с ними воздержалась от заключения таких договоров¹⁶⁰, но это отнюдь не мешало финским правящим кругам проводить тесное сотрудничество с фашистской Германией в течение всего периода подготовки нападения на СССР.

Договоры с Германией для Прибалтийских стран реальной силы не имели. Германские обязательства не нападать на эти государства были лишь политическим маневром со стороны Гитлера. Не могло быть никакого сомнения, что гитлеровцы могут в любой момент их нарушить. Данные соглашения были выгодны лишь Германии, поскольку Латвия и Эстония, заключая договоры, обязались не принимать советско-англо-французских гарантий, если они будут предложены. «Латвийское правительство и эстонское правительство,— говорилось в официальном коммюнике, опубликованном по случаю подписания договоров с гитлеровской Германией,— обязались самостоятельно заботиться о сохранении политической независимости своих государств и придерживаться строгой политики нейтралитета»¹⁶¹.

В соответствии с этим обязательством 12 июня латвийский посланник в Англии вручил Галифаксу заявление о том, что Латвия не находит возможным принимать гарантии, подобные гарантиям, данным Румынии и Польше. Такой же демарш в Лондоне предпринял и эстонский посланник. Английское правительство, ссылаясь на отрицательное отношение к гарантиям прибалтов, заявляло, что Англия не может согласиться с советскими требованиями о распространении гарантий на страны Прибалтики вопреки желаниям последних. Становилось абсолютно очевидным, что Лондон по вопросу распространения гарантий СССР, Англии и Франции на Прибалтийские страны, в том числе Финляндию, занял явно обструкционистскую позицию, резко затруднившую ход переговоров. Забегая несколь-

¹⁵⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 192.

¹⁵⁹ «Akten zur Deutschen auswärtigen Politik», ser. D, Bd. V, S. 440—441.

¹⁶⁰ Кан А. С. Внешняя политика скандинавских стран в годы второй мировой войны. М., 1967, с. 34.

¹⁶¹ «Rits» (Рига), 8.VI 1939.

ко вперед, надо сказать, что весь июнь 1939 г. в советско-англо-французских переговорах ушел на дискуссии прежде всего по этому вопросу. Коварной роли, сыгранной прибалтийскими правителями в период огромных усилий Советского Союза по созданию коллективного фронта борьбы с гитлеровской агрессией, не могла не заметить и мировая пресса. Давая оценку возможному влиянию берлинских пактов с Прибалтийскими странами на ход советско-англо-французских переговоров, одна из ведущих швейцарских газет писала: «Успех, которого добилась Германия заключением целого ряда пактов, неоспорим... Как раз в настоящий момент, когда гарантии для Прибалтийских государств являются подводным камнем в англо-русских переговорах, не должно быть недооценено психологическое влияние заключенных в Берлине пактов»¹⁶². За заслуги перед фашистской Германией министры иностранных дел Латвии и Эстонии были награждены высшими гитлеровскими орденами.

28 апреля Гитлер разорвал германо-польский договор о ненападении 1934 г. и заявил о недействительности англо-германского морского соглашения 1935 г. 7 мая Германия и Италия объявили о своем намерении заключить между собой военный союз, подписание которого состоялось 22 мая. Фашистская Германия готовилась к нападению на Польшу лихорадочными темпами. Все это вместе взятое не могло не поднимать тревогу и озабоченность среди трудящихся, здравомыслящих государственных и политических деятелей Англии, Франции и других стран.

Тем не менее Чемберлен, Галифакс, Даладье и Боннэ продолжали стоять в отношении советских предложений о сотрудничестве против германской агрессии на старых позициях. Для оказания давления на Гитлера, с тем чтобы он согласился на широкое англо-германское соглашение, они считали достаточным того факта, что ведутся советско-англо-французские переговоры. В первой декаде мая Лондон обратился к Советскому правительству с предложением взять на себя обязательства об оказании помощи Англии и Франции, если они при выполнении своих взятых обязательств перед Польшей и Румынией окажутся вовлеченными в войну¹⁶³. Это означало повторение английского предложения о том, чтобы СССР взял чисто односторонние обязательства об оказании помощи своим западным соседям в случае германской агрессии¹⁶⁴.

Правительство СССР, как и раньше, вынуждено было заявить о невозможности принятия английских предложений. Оценка этих предложений была дана в «Известиях» 11 мая 1939 г. (в передовой статье «К международному положению»). Газета

¹⁶² «Neue Züricher Zeitung», 8.VI 1939.

¹⁶³ СССР в борьбе за мир..., док. 282.

¹⁶⁴ Там же, док. 283.

подчеркивала, что Англия в своих предложениях обходит вопрос о пакте о взаимопомощи между Францией, Англией и СССР и считает, что Советское правительство должно оказать немедленную помощь Англии и Франции в случае вовлечения их в войну. При этом Англия умалчивает о помощи, которую, естественно, должен был бы получить СССР, исходя из принципа взаимности, от Англии и Франции, если бы он оказался вовлеченным в военные действия при исполнении взятых на себя обязательств по гарантированию тех или иных государств Восточной Европы. «Выходит, таким образом,— писала газета,— что при этой комбинации СССР должен попасть в неравное положение, хотя обязательства будут у него такие же, как у Франции и Англии. Мы уже не говорим о том, что интереснейший вопрос о фактическом отпоре агрессии и о сроке начала такого отпора при этой комбинации представляется на разрешение одной лишь Англии или Франции, хотя тяжесть отпора должна лечь главным образом на плечи СССР в силу его географического положения». В неравном положении СССР оказывался и в другом отношении. Не имея пакта о взаимопомощи ни с Англией и Францией, ни с Польшей, СССР английскими предложениями обязывался оказать помощь всем этим трем государствам, не получая от них никакой помощи. В случае агрессии, направленной против СССР, последнему предстояло обходиться только своими собственными силами. Газета заключала, что для обуздания агрессоров необходимо создать единый фронт СССР, Англии и Франции, связанных пактом о взаимопомощи.

Вопрос об отношениях с СССР 16 мая снова был поставлен на обсуждение внешнеполитического комитета английского правительства. На этот раз начальники штабов в своем меморандуме указывали, что пакт о взаимопомощи Англии и Франции с СССР будет иметь «определенное положительное значение». Наоборот, если такого пакта не будет заключено, то это станет «дипломатическим поражением, которое повлечет за собой серьезные военные последствия», а также будет толкать СССР к компромиссу с Германией. Следовательно, заключали военные спецы, соглашение с СССР имеет для Англии больше плюсов, чем минусов. Мнение начальников штабов поддерживали министр координации обороны лорд Четфильд и министр торговли О. Стэнли. В случае заключения договора о взаимопомощи, заявил последний, «Россия должна будет делать для нас гораздо больше, чем нам пришлось бы делать для России»¹⁶⁵.

Однако Чемберлен и Галифакс по-прежнему решительно выступали против принятия каких-либо обязательств перед Советским Союзом, заявив, что политические аргументы против пак-

¹⁶⁵ Цит. по кн.: *Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, с. 317.

та с СССР более существенны, чем военные соображения за пакт.

Чемберлен и Галифакс давали понять, что заключение соглашения с СССР делает невозможным для английских руководителей «продолжение политики умиротворения». «Премьер-министр заявил,— записал в своем дневнике А. Кадоган 20 мая,— что он скорее подаст в отставку, чем подпишет союз с Советами»¹⁶⁶.

Политика Чемберлена подверглась 19 мая резкой критике в английской палате общин. С осуждением ее выступили маститые английские политические деятели Д. Ллойд Джордж, У. Черчилль, К. Эттли и др. Высказываясь за скорейшее заключение англо-франко-советского соглашения, Черчилль особо подчеркнул, что без СССР не создать Восточного фронта, а без действенного Восточного фронта нельзя защищать интересы Англии на Западе. Если правительство, продолжал Черчилль, отклонит предлагаемое СССР сотрудничество, то оно вовлечет Англию «наихудшим путем в наихудшую из всех войн»¹⁶⁷.

Суждение Черчилля полностью подтвердилось последовавшими событиями. 23 мая Гитлер созвал совещание руководящих кругов вермахта и поставил перед ними задачу форсированной подготовки к большой войне. Из протокола совещания видно, что он готовил войну против Англии и Франции, но в целях обеспечения тыла было решено «при первой подходящей возможности напасть на Польшу»¹⁶⁸. Не дремал и союзник Гитлера — Муссолини. Он усилил подготовку захватнической войны в бассейне Средиземного моря.

Элемент беспокойства в среде правящих кругов Англии и Франции вносили неоднократные германские предложения Советскому Союзу начать переговоры о заключении торгового соглашения и предоставлении Советскому правительству крупных кредитов. Это говорило о том, что Германия, руководствуясь своими глобальными планами внешней политики, хотела временно нормализовать отношения с СССР и тем самым не допустить создания советско-англо-французского фронта борьбы с фашистской агрессией. «На сегодняшней стадии англо-советских переговоров,— констатировал директор экономического департамента МИД Германии Шнурре 7 июня 1939 г.,— мы особенно стремимся использовать такой шанс, как наше вмешательство в Москве. Сам факт прямых германо-советских переговоров будет способствовать дальнейшему вбиванию клина в англо-советские переговоры»¹⁶⁹. Этим же можно было объяснить и предпринятый Италией шаг по заключению итало-советского

¹⁶⁶ «The Diaries of sir A. Cadogan. 1938—1945». London, 1971, p. 182.

¹⁶⁷ Churchill W. S. The Second World War, vol. 1, Boston, 1949, p. 376.

¹⁶⁸ СССР в борьбе за мир..., док. 306.

¹⁶⁹ DGFP, ser. D, vol. VI, p. 662.

торгового договора¹⁷⁰. Советское правительство не приняло германских предложений. Это говорило о том, что оно серьезно относилось к переговорам с Англией и Францией. СССР стремился сохранить мир не только для себя, но и для всех народов Европы, находившихся под угрозой немецко-фашистского нашествия. Отрицательное отношение Советского Союза к предложениям Германии было связано с надеждой заключить тройственный договор о взаимной помощи против агрессии.

При многочисленных встречах с английскими и французскими дипломатами в Москве, Лондоне и Париже представители Советского Союза разъясняли им повелительную необходимость сотрудничества трех великих держав, без чего предотвращение войны невозможно. Советские дипломаты стремились развеять их иллюзии относительно того, что агрессия Германии будет обращена только на восток, а Англию и Францию опасность может миновать. Определенное значение в этом плане имела встреча полпреда Майского с Галифаксом в Женеве 21 мая в период работы сессии Совета Лиги наций. Целью СССР, разъяснял полпред, является предупреждение агрессии и войны и «это возможно лишь при концентрации на стороне мира столь могущественных сил, которые исключали бы всякую надежду для агрессора на возможность победы». Майский подробно разъяснил также причины неприемлемости для СССР английских предложений¹⁷¹. По записям Галифакса советский полпред в доказательство справедливости позиции СССР привел ряд других важных положений. Чтобы подчеркнуть важность трехстороннего пакта о взаимопомощи прежде всего для западных держав и их восточноевропейских союзников, И. М. Майский сказал Галифаксу, что стремление СССР к союзу с Англией и Францией объясняется не тем, что он боится войны или сомневается в своей способности разгромить агрессора один на один, а тем, что Советский Союз хочет преградить путь войне вообще. Гарантией предотвращения войны, продолжал советский полпред, может быть только пакт о взаимопомощи трех держав, хотя из-за своего географического положения СССР должен будет взять на себя основное бремя помощи державам, которые будут этим пактом гарантированы. И далее Майский дал понять английскому министру: пусть западные союзники не думают, что пактом о взаимопомощи они спасают Советский Союз; нет, пактом они могут спасти в первую очередь себя и своих союзников и друзей в Восточной Европе. «Советское правительство,— резюмировал Галифакс мысли полпреда,— трехсторонний пакт о взаимопомощи считает необходимым... потому, что если оно должно принять новые и тяжелые обяза-

¹⁷⁰ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, стр. 473.

¹⁷¹ СССР в борьбе за мир..., док. 303.

тельства, то оно это должно сделать только в качестве составной части системы, которая, по его мнению, дает больше всего надежд предотвратить войну»¹⁷².

22 мая Форин оффисом был составлен меморандум, в котором он был вынужден высказаться за договор с СССР. Правда, авторы не забыли отметить, что Германия может подумать, что Лондон «отказался от всякой надежды добиться договоренности с Германией». И все же Форин оффис счел желательным заключение «какого-то соглашения с СССР», по которому в случае войны на западе СССР должен был бы прийти Англии на помощь: а) чтобы создать для Германии ситуацию войны на два фронта и б) чтобы не оставить СССР не задетым войной, в то время как Англия и Германия будут превращены в руины¹⁷³.

Галифакс на заседании правительства 24 мая признал, что срыв переговоров Англии и Франции с СССР может побудить Германию начать войну, а поэтому он, наконец, высказался за принятие советского предложения о заключении англо-франко-советского договора. Но тут же было решено сделать ряд оговорок, фактически сводящих на нет значение соглашения. Чемберлен предложил этот договор связать со статьей 16 устава Лиги наций. Галифакс считал нужным внести условие о том, что, прежде чем будут приняты военные меры, должны быть проведены консультации участников договора¹⁷⁴. Такую оговорку Англия надеялась использовать под тем или иным «благовидным» предлогом для уклонения от выполнения обязательств по пакту.

Согласие своих правительств принять советские предложения о заключении англо-франко-советского договора о взаимопомощи посол У. Сидс и французский поверенный в делах Ж. Пайяр сообщили Советскому правительству лишь 27 мая. В их предложениях, как уже указывалось, имелись серьезные недостатки. Связывание англичанами и французами договора с Лигой наций (со статьей 16 ее устава), писал нарком Я. З. Сурицу, означает, что «в случае агрессии взаимная помощь будет оказана не немедленно, как мы это предлагаем, а лишь после обсуждения в Лиге наций, причем никому не будут известны результаты такого обсуждения»¹⁷⁵.

Было обойдено требование СССР о предоставлении гарантии Прибалтийским странам. В англо-французских предложениях не упоминалось и о заключении военной конвенции.

Ознакомившись с англо-французскими предложениями, председатель СНК СССР и нарком иностранных дел СССР

¹⁷² DBFP, Ser. III, vol. V, London, 1952, doc. 581.

¹⁷³ DBFP, Ser. III, vol. V, doc. 589.

¹⁷⁴ *Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939, стр. 323.

¹⁷⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 309.

В. М. Молотов заявил Сидсу и Пайяру, что Советское правительство заинтересовано в организации «действенной взаимопомощи СССР, Англии и Франции против агрессии в Европе», а англо-французское предложение «не свидетельствует о серьезной заинтересованности английского и французского правительств в заключении соответствующего пакта с СССР». Это предложение наводит на мысль, что правительства Англии и Франции «не столько интересуются самим пактом, сколько разговорами о нем», очевидно, преследуя какие-то неизвестные Советскому правительству цели ¹⁷⁶.

Двойственность политики Англии и Франции была отмечена В. М. Молотовым и в докладе «О международном положении и внешней политике СССР» на сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. Имея в виду поступившие 27 мая англо-французские предложения, он отметил, что в политике западных держав наметились некоторые изменения в сторону противодействия агрессии. Однако «насколько серьезны эти изменения, мы еще посмотрим. Пока нельзя даже сказать, имеется ли у этих стран серьезное желание отказаться от политики невмешательства, от политики непротivления дальнейшему развертыванию агрессии» ¹⁷⁷.

В докладе подчеркивалось, что в англо-французских предложениях принцип взаимности и равных обязанностей не нашел положительного к себе отношения. Гарантировав себя от прямого нападения агрессоров пактами о взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы ушли от решения вопроса, может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как не дали ответа на вопрос, готовы ли они принять участие в гарантировании граничащих с СССР Прибалтийских государств, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров ¹⁷⁸.

В Англии, так же как и во Франции, продолжалась борьба по вопросам внешней политики. Широкие круги общественности выступали за тесное сотрудничество с СССР, за принятие Англией советских предложений, включая предоставление гарантий Прибалтийским странам. «Должно быть одобрено не только полное сотрудничество с Россией,— писал У. Черчилль,— но к этому сотрудничеству должны быть привлечены также три Прибалтийских государства — Латвия, Эстония и Литва» ¹⁷⁹.

¹⁷⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 311.

¹⁷⁷ Третья сессия Верховного Совета СССР 25—31 мая 1939 г. М., 1939, ст. 468—469.

¹⁷⁸ Там же, с. 470—471.

¹⁷⁹ Churchill W. S. Step by Step. 1936—1939. New York, 1939, p. 318—319.

Под давлением широкой общественности правительство Чемберлена — Галифакса формально делало некоторые шаги вперед, а фактически продолжало оставаться на своих старых мюнхенских позициях. Французское же правительство после вручения в Москве 27 мая совместных англо-французских предложений по существу перестало играть в переговорах самостоятельную роль, ограничиваясь только поддержкой английских предложений или условий, хотя в двусторонних переговорах с Лондоном нередко признавало их неудовлетворительными.

В целях форсирования англо-франко-советских переговоров 2 июня 1939 г. Советское правительство представило правительствам Англии и Франции четко выработанный проект договора о взаимопомощи¹⁸⁰. В основу проекта были положены советские предложения от 17 апреля с некоторым расширением числа государств, которым предоставлялись гарантии. Проектом предусматривалась немедленная и всесторонняя взаимопомощь трех держав в случае прямого нападения на одну из них, а также оказание ими помощи Польше, Румынии, Прибалтийским странам, Бельгии, Греции и Турции (допускалась возможность оказания помощи от агрессии и другим нейтральным европейским государствам, если они ее попросят). Одновременно с договором должна была быть заключена военная конвенция. Советским правительством были созданы все предпосылки для быстрого завершения переговоров.

Французское правительство нашло советский проект весьма логичным, но отметило, что он слишком конкретный. А поэтому оно предприняло попытку сделать его формулировки более туманными и неопределенными. Советский проект договора наиболее острую дискуссию вызвал в правительственных кругах Англии. Он обсуждался 5 и 9 июня на заседании внешнеполитического комитета. Смысл дебатов сводился к тому, чтобы не брать конкретных обязательств, в том числе по оказанию помощи Прибалтийским странам. Выражалось также нежелание подписывать одновременно договор и военную конвенцию, включать в договор пункт о незаключении сепаратного мира или перемирия. Чемберлен предложил ограничиться коротким соглашением, без указаний конкретных мер борьбы с агрессией¹⁸¹. Все велось к тому, чтобы договору придать ограниченный характер.

Галифакс, сообщая И. М. Майскому об отношении английского правительства к советскому проекту договора, по существу перечислил все отрицательные соображения, выдвинутые на заседаниях внешнеполитического комитета. Правда, английский министр был вынужден признать требования СССР о гаранти-

¹⁸⁰ СССР в борьбе за мир..., док. 315.

¹⁸¹ Сиполс В. Я. Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939 г., с. 327.

ях Прибалтийских государств по существу справедливыми¹⁸². Но это не означало, что английское правительство было готово пойти по данному вопросу навстречу СССР. В этой же беседе, состоявшейся 8 июня, Галифакс, делая вид, что английское правительство спешит с завершением переговоров и хочет их положительного конца, внес предложение перейти к несколько иному методу переговоров: вместо обмена нотами начать разговор за «круглым столом» в Москве¹⁸³.

10 июня полпреду Майскому было дано указание заявить Галифаксу, что без удовлетворительного решения вопроса о гарантиях Прибалтийским государствам довести переговоры до конца невозможно¹⁸⁴.

Несколько позднее, 13 июня 1939 г., в передовой «Правды», озаглавленной «Вопрос о защите трех Балтийских стран от агрессии», были вскрыты пружины политики как правящих кругов Балтийских стран, так и фашистского рейха и «западных демократий». «Правда» писала, что некоторые органы англо-французской прессы пишут о том, что официальные представители трех Прибалтийских стран отказываются получить помощь со стороны Англии, Франции и СССР и что ввиду этого нельзя навязывать им такую помощь. К этому возражению прибегают, например, министр иностранных дел Эстонии Сельтер и министр иностранных дел Финляндии Эркко. Нам кажется, отмечалось в газете, что мы имеем здесь дело с плохо скрытым желанием некоторых политических деятелей сорвать дело образования оборонительного фронта против агрессии. В статье отмечалось, что вдохновителями отказа Прибалтийских государств от гарантий являются и агрессивные государства, заинтересованные в срыве антиагрессивного фронта, и некоторые реакционные круги западных держав, стремящихся ограничить агрессию в одних регионах, не препятствуя развязыванию ее в других.

Справедливость советской точки зрения без оговорок признавал даже такой правый французский буржуазный журналист, как Анри де Кериллис, который реалистически подходил к оценке международной обстановки. В газете «Эпок» он писал: «В отношении гарантии Балтийским странам требования Советского Союза абсолютно законны и вполне логичны... Хотим ли мы или не хотим заключить союз с СССР? Если мы хотим союза, мы должны сделать все, чтобы Германия не обосновалась в Риге, Таллине и Хельсинки, а также на Аландских островах. Указывают, что ни Финляндия, ни Эстония, ни Латвия не желают франко-англо-советских гарантий. Что за чертовщина? Если они не желают этих гарантий, то это значит, что

¹⁸² СССР в борьбе за мир..., док. 322; «Международная жизнь», 1969, № 8, стр. 98.

¹⁸³ СССР в борьбе за мир..., док. 322.

¹⁸⁴ Там же, док. 323.

имеются лишние основания для беспокойства... что они вступили в германскую орбиту. Советский Союз желает этому противостоять. Мы должны поступить точно так же»¹⁸⁵.

Позиция правящих кругов стран Восточной Европы таила в себе в условиях гитлеровской агрессии на восток прямую военную опасность для СССР, чего не мог не признать как говорилось выше, даже Галифакс в беседе с советским полпредом И. М. Майским 27 мая 1939 г. Под тяжестью убедительных аргументов советского собеседника английский министр был вынужден признать, что действительно румынское правительство при определенных обстоятельствах может пойти на сговор с Гитлером и пропустить через свою территорию германские войска для нападения на СССР, и тогда «Россия будет вынуждена воевать одна» с агрессором¹⁸⁶. Возможность непосредственной военной опасности для СССР, могущей исходить из района указанных стран, была также признана несколько позднее, 12 июня, в инструкциях английского правительства своему послу в Москве Сидсу. В них указывалось, что «правительство его величества *полностью понимает*, например, что военная оккупация одного из северо-западных соседей СССР, сопротивление которого было бы быстро преодолено или *который даже молча согласился бы на оккупацию* (именно так хотели поступить Прибалтийские страны, а Румыния и Финляндия такую военно-дипломатическую акцию осуществили в 1940 г.— А. Ш.), могла бы рассматриваться Советским Союзом как угроза его безопасности»¹⁸⁷. Более того, как констатировал в одном из своих документов английский посол Сидс, существовала гипотеза, близкая к реальности, что Латвия, Эстония, Финляндия, Румыния и Польша могут объединиться с фашистской Германией в войне против СССР¹⁸⁸. Тем не менее Лондон продолжал упорствовать в нежелании пойти навстречу справедливым требованиям Советского правительства о распространении гарантии трех держав на Прибалтийские страны.

В связи с английским предложением о ведении переговоров за «круглым столом» в Москве Советское правительство выразило надежду, что для участия в них в советскую столицу прибудет министр иностранных дел лорд Галифакс. Сославшись на сложность международной обстановки, последний ответил, что ему трудно отлучиться из Лондона¹⁸⁹. Дело кончилось тем, что для оказания Сидсу помощи в ведении переговоров в Москву был делегирован У. Стрэнг — заведующий центрально-европейским департаментом Форин оффиса. С советской стороны их вел председатель СНК СССР и народный комиссар

¹⁸⁵ Цит. по: «Правда», 13 июня 1939 г.

¹⁸⁶ DBFP. Series III, vol. V, doc. 581, 589.

¹⁸⁷ Ibidem, vol. VI, p. 36—37 (курсив автора).

¹⁸⁸ Ibidem, vol. VI, p. 493—494.

¹⁸⁹ «Международная жизнь», 1969, № 8, стр. 99.

иностранных дел СССР В. М. Молотов. Посылка в Москву «столь второстепенного лица,— отмечает Черчилль в своих воспоминаниях,— была фактически оскорбительной»¹⁹⁰ для Советского правительства. Д. Ллойд Джордж также заявил в одном из своих выступлений, что лорд Галифакс посетил Гитлера и Геринга, а Чемберлен отправлялся «в объятия фюрера» 3 раза подряд. «Почему,— спрашивал он,— послали лишь чиновника Форин оффиса представлять нас в гораздо более мощную страну, которая предлагает нам свою помощь? На это можно дать лишь один ответ: мистер Н. Чемберлен, лорд Галифакс и сэр Д. Саймон не желают союза с Россией»¹⁹¹.

Переговоры, начавшиеся в Москве 15 июня, проходили медленно. Правительство СССР делало все возможное, чтобы придать им деловой характер и успешно завершить их. Не жалея времени, В. М. Молотов просиживал многие часы с представителями Англии и Франции, что говорило о глубокой заинтересованности Советского правительства добиться эффективного соглашения против агрессоров. Однако английское и французское правительства продолжали саботировать переговоры.

Западные партнеры продолжали чинить препятствия в решении вопроса о предоставлении гарантий Прибалтийским странам. Даже Сидс в телеграмме в Лондон отмечал, что английские предложения не предусматривают безусловной гарантии Прибалтийским странам и в них имеется «лазейка, которая даст Великобритании и Франции возможность уклониться от выполнения обязательств по оказанию помощи Советскому Союзу»¹⁹². Неудовлетворительными оказались и английские контрпредложения по вопросу о заключении военной конвенции.

«Англо-франко-советские переговоры,— писал секретарь ЦК ВКП(б) А. А. Жданов в статье, опубликованной в «Правде» 29 июня,— ... зашли в тупик... Англичане и французы хотят не настоящего договора, приемлемого для СССР, а только лишь разговоров о договоре, для того, чтобы, спекулируя на мнимой неуступчивости СССР перед общественным мнением своих стран, облегчить себе путь к сделке с агрессорами».

1 июля Англия и Франция вынуждены были наконец дать согласие распространить гарантии трех держав и на Прибалтийские страны¹⁹³. Но Англия и Франция согласились на помощь Прибалтийским странам только в случае прямого нападения на них. В случае косвенной агрессии, которая для СССР могла иметь не менее опасные последствия, они были согласны только на консультации, т. е. оставляли за собой лазейку, которую они могли бы использовать для того, чтобы уклониться от оказания

¹⁹⁰ Churchill W. S. The Second World War, vol. 1, p. 389.

¹⁹¹ W. P. and Zelda K. Coates. A History of Anglo-Soviet Relations. London, 1945, p. 614.

¹⁹² DBFP, Series III, vol. VI, London, 1953, p. 162.

¹⁹³ СССР в борьбе за мир..., док. 357.

помощи. Такие половинчатые предложения Англии и Франции были неприемлемы для Советского правительства, тем более что Германия широко использовала в Прибалтике именно методы косвенной агрессии.

Учитывая складывавшиеся обстоятельства, Советский Союз был заинтересован в том, чтобы сделать невозможной не только прямую, но и косвенную агрессию фашистского рейха в Прибалтике.

В срыве усилий Советского Союза достигнуть позитивных результатов в переговорах с Англией и Францией немалую роль продолжали играть Румыния и Польша. Румынские и польские дипломаты в конфиденциальных беседах с представителями Англии, Франции, Германии и других государств подчеркивали, что они не желают советского участия в гарантиях безопасности стран Восточной Европы. В июле 1939 г. министерство иностранных дел королевской Румынии следующим образом определило свою позицию в инструкции румынской миссии в Анкаре: «В настоящее время мы не намерены вступать ни в прямые, ни в косвенные связи с русскими»¹⁹⁴. Эта позиция румынского правительства, равно как и польского, использовалась Чемберленом и Даладье, нагромождавшими трудности в переговорах о заключении пакта трех держав и предоставлении гарантий другим странам, которым угрожала гитлеровская агрессия в Европе.

В стремлении создать новые трудности в переговорах правящие круги Англии затеяли с Советским правительством бесконечную дискуссию вокруг определения косвенной агрессии, которое было внесено Советским правительством в проект статьи 1 договора, переданный английскому и французскому послам 3 июля¹⁹⁵.

Советскому правительству становилось все более ясно, что у Англии и Франции отсутствует стремление к успешному завершению переговоров. В. М. Молотов в телеграмме полпредам в Лондоне и Париже констатировал, что англо-французские участники переговоров «прибегают к всевозможным жульничествам и недостойным уверткам» по вопросу об определении косвенной агрессии. Советская сторона, продолжал Молотов, отклоняет англо-французское предложение о том, чтобы сначала договориться о «политической» части договора и только после этого перейти к военному соглашению. «Это мошенническое англо-французское предложение разрывает единый договор на два договора и противоречит нашему основному предложению об одновременности заключения всего договора, включая и его военную часть, которая является самой важной и самой полити-

¹⁹⁴ Varga V. A. Op. cit., p. 64.

¹⁹⁵ СССР в борьбе за мир..., док. 360.

ческой частью договора», в противном случае «договор превратился бы в пустую декларацию»¹⁹⁶.

Чтобы не ослаблять позиций в торге с Германией, правительство Чемберлена — Галифакса решило принять предложение Советского правительства об одновременном вступлении в силу политического и военного соглашений. 25 июля оно сообщило в Москву о своем согласии начать переговоры по выработке военного соглашения¹⁹⁷. Но вместе с тем оно дало 28 июля указание Сидсу занять более жесткую позицию в политических переговорах по вопросу об определении косвенной агрессии.

Одновременно с решением продолжить переговоры в Москве правящие круги Англии запрограммировали другую политическую акцию. Они усилили попытки прийти к соглашению с гитлеровцами, в частности за счет Польши и других стран Восточной Европы. 3 августа в секретном порядке состоялась встреча Г. Вильсона, доверенного лица Чемберлена, с германским послом в Лондоне Дирксеном. «Сокровенный план» английского правительства, говорил Вильсон своему собеседнику, заключается в том, чтобы достичь англо-германского соглашения, которое «начисто освободило бы британское правительство от принятых им на себя в настоящее время гарантийных обязательств в отношении Польши, Турции и т. д.»¹⁹⁸.

О сделке с Гитлером думали не только консерваторы, но и некоторые лейбористские деятели. Особую активность проявлял Ч. Р. Бакстон. 29 июля он имел конфиденциальную встречу с советником германского посольства в Лондоне Т. Кордтом и изложил ему план англо-германского сотрудничества, в основе которого лежало бы «соглашение о разграничении сфер интересов». За согласие Германии не вмешиваться в дела Британской империи английское правительство, согласно плану Бакстона, взяло бы следующие обязательства: «Великобритания обещает полностью уважать германские сферы интересов в Восточной Европе и Юго-Восточной Европе... Великобритания отказалась бы от гарантий, предоставленных ею некоторым государствам в германской сфере. Далее, Великобритания обещает действовать в том направлении, чтобы Франция расторгла союз с Советским Союзом и отказалась от всех своих связей в Юго-Восточной Европе... Великобритания обещает прекратить ведущиеся в настоящее время переговоры о заключении пакта с Советским Союзом». Из высказываний Бакстона вытекало, что «подобные мысли свойственны» Г. Вильсону, «а, следовательно, и премьер-министру Чемберлену»¹⁹⁹. Полмесяца спустя, посетив

¹⁹⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 376.

¹⁹⁷ Там же, док. 384.

¹⁹⁸ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, [М.], 1948, док. 24.

¹⁹⁹ Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. II, док. 22.

Берлин, Бакстон передал свои предложения в письменном виде сотруднику аппарата Риббентропа Хетцлеру.

Правительство фашистской Германии не реагировало на зондажи и предложения английских политиков. Гитлер, приняв еще в начале 1939 г. решение о разгроме Польши, а затем Франции и Англии, не собирался менять свои планы.

Чемберлен решил 23 августа обратиться к Гитлеру с личным письмом, носившим особо секретный характер. В своем послании премьер указывал, что английское правительство готово на переговоры с Германией, в которых были бы рассмотрены «проблемы, затрагивающие будущее международных отношений, включая вопросы, представляющие интерес для нас и для вас»²⁰⁰. Письмо было рассчитано на то, чтобы уговорить Гитлера пойти на «широкое соглашение» с Англией. Первой акцией его реализации был бы второй Мюнхен, объектом которого должна была стать Польша²⁰¹. В этом случае неизбежно встал бы вопрос и о Румынии.

Лондон был готов пойти на то, чтобы пожертвовать нацистам Польшу, Прибалтийские страны, Румынию и другие Балканские государства, лишь бы Гитлер оставил в покое западные державы и их колониальные империи, лишь бы Германия и ее союзники взяли на себя роль ударной силы для уничтожения новой общественной системы, рожденной Великим Октябрем.

Давая согласие (25 июля) начать с СССР военные переговоры, правительства Англии и Франции знали, что дело быстро идет к войне. Лондону и Парижу было известно, что в Германии проводится мобилизация, а Гитлер издал приказ развернуть против Польши военные действия в конце августа (О военных планах и приготовлениях гитлеровцев было в курсе и Советское правительство. Информацию оно получало из разных источников, в том числе от советского полпредства в Берлине²⁰²).

Тем не менее английская и французская военные делегации выехали в Москву только через 17 дней после достижения договоренности о начале военных переговоров. Принятие советского предложения начать переговоры военных представителей отнюдь не означало стремления Англии и Франции договориться о сотрудничестве с СССР. По-прежнему ими преследовалась лишь цель ввести в заблуждение и Советский Союз и англо-французское общественное мнение, а тем временем сделать новые попытки договориться с Германией.

Военные переговоры в Москве начались только 12 августа. Для ведения военных переговоров Советское правительство утвердило авторитетную делегацию во главе с наркомом обороны Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Совер-

²⁰⁰ DBFP, Series III, vol. VII, London, 1954, p. 127—128.

²⁰¹ *Овсяный И. Д.* Указ. соч., с. 353.

²⁰² СССР в борьбе за мир..., док. 428.

шенно по-иному к решению этого вопроса подошли Лондон и Париж. Английское и французское правительства составили свои делегации из второстепенных представителей. Английская военная делегация возглавлялась адмиралом П. Драксом — адъютантом короля по морским делам. Не была авторитетнее и французская военная миссия, возглавлявшаяся членом Верховного военного совета Франции генералом Ж. Думенком.

Одним из наиболее важных вопросов, вставших в Москве во время переговоров военных миссий СССР, Англии и Франции, был вопрос о советско-польском и советско-румынском сотрудничестве, т. е. о пропуске советских войск через территории Польши и Румынии в случае гитлеровской агрессии. Глава делегации СССР маршал К. Е. Ворошилов, излагая точку зрения Советского правительства на этот кардинальный вопрос, заявил: «Военная миссия Советского Союза настаивает на том, чтобы предварительно, т. е. еще до того, как мы договоримся окончательно о соответствующих документах, которые явятся результатом нашего совещания, был бы решен вопрос о пропуске советских войск на польскую территорию (на севере и юге) и на румынскую территорию»²⁰³.

Английская делегация во главе с адмиралом П. Драксом и французская — во главе с генералом Ж. Думенком, выполняя полученные ими инструкции, попытались избежать конкретного обсуждения этого вопроса и высказали мнение, что наиболее простым методом является обращение СССР к правительствам Польши и Румынии²⁰⁴. Советская миссия заявила в этой связи, что «поскольку СССР не имеет военных договоров с Польшей и Румынией, а также поскольку угрожаемыми со стороны агрессии в Европе являются прежде всего Польша, Румыния, Франция и Англия, постольку вопрос о пропуске советских вооруженных сил через территорию Польши и Румынии, а также о действиях советских войск на территории этих государств против агрессора должен быть разрешен английским и французским правительствами совместно с правительствами Польши и Румынии». В заявлении советской делегации подчеркивалось, что «без положительного разрешения этого вопроса все начатое предприятие... заранее обречено на неуспех»²⁰⁵.

Справедливость советской точки зрения не могли не признать представители английской и французской миссий. Они согласились, что необходимо обращение их правительств к Польше и Румынии о возможном пропуске советских войск. Франция и Англия располагали сильными средствами воздействия и на Польшу, и на Румынию. К этому времени еще не было заключено двустороннее англо-польское соглашение (подписание его состоялось только 25 августа). Не спешила с оформле-

²⁰³ «Международная жизнь», 1959, № 2, с. 157.

²⁰⁴ Там же, с. 157.

²⁰⁵ Там же, с. 158.

нием своих конкретных военных обязательств перед Варшавой и Францией. Но вместо того, чтобы убедить польских правителей в необходимости сотрудничества с СССР, французская дипломатия стала на скользкий путь. Вопреки истинному положению она считала возможным заявить советской делегации, что позиция Польши такова, что переговоры могут продолжаться. В действительности Польша отрицательно относилась к возможности пропуска советских войск. Излагая тогдашнюю позицию французского правительства, член французской делегации в Москве А. Бофр впоследствии писал: «Проблема заключалась не в том, чтобы добиться у поляков ответа, согласны они или нет на проход советских войск через их территорию, а в том, чтобы *найти уловку, которая позволила бы продолжать переговоры*»²⁰⁶. Нет необходимости разъяснять, сколь важное значение имеет это признание.

За ходом московских военных переговоров внимательно следили и румыны. Они отлично знали позицию Лондона и Парижа в отношении целей фашистской Германии на Востоке, и она полностью соответствовала их политике в «восточном вопросе». На позиции национального предательства, отмечал румынский историк В. Варга, правящие круги буржуазной Румынии упорно продолжали находиться до последних дней московских переговоров, когда ситуация в международном плане начала принимать драматические формы²⁰⁷.

Выяснив позицию Варшавы, правительства Англии и Франции сочли излишним официально запрашивать румынское правительство. Эти соображения вытекали, в частности, из того, что если Польша, над которой нависла непосредственная угроза германского нападения, отказалась от помощи Советского Союза, то ее союзница Румыния, экономические и военно-политические связи которой с рейхом все больше углублялись и развивались, тем более займет по вопросу о пропуске советских войск непримиримую позицию²⁰⁸. Правда, мнение румынской правящей верхушки было высказано в эти дни независимо от официального запроса с чьей-либо стороны. 21 августа 1939 г., в последний день переговоров, на основании бесед с Боннэ румынский посол во Франции Татареску телеграфно информировал своего министра иностранных дел о том, что «Советы потребовали признать за ними право прохода через территорию Польши и Румынии». Далее, что является наиболее примечательным, в телеграмме сообщалось: «Правительства Лондона и Парижа для очистки совести решили предпринять демарши перед нашим правительством и правительством Польши. Знаю,

²⁰⁶ См. Остоя-Овсяный И. Д. На пороге войны.— «Новая и новейшая история», 1971, № 2, с. 46—49; Général Beaufré. La Drame de 1940. Paris, 1968, p. 156.

²⁰⁷ Varga V. A. Op. cit., p. 69.

²⁰⁸ Ibidem.

что такой демарш был сделан в субботу (19 августа) в Варшаве и натолкнулся на категорический отказ Бека». В случае демарша перед Румынией, советовал Татареску, идентичным должен быть и ответ румынского правительства²⁰⁹. Несколько раньше еще более категоричным было заявление Кароля II. В беседе с президентом Турции Исметом Иненю 11 августа румынский монарх заявил, что он не допустит прохода русской армии через территорию Румынии даже и в том случае, если она придет «на помощь румынской армии»²¹⁰. Такая позиция вытекала из того, как подчеркивает румынский историк Варга, что «румынские правители накануне второй мировой войны приготовились — с военной точки зрения — полностью подчинить Румынию агрессивным целям гитлеровской Германии, направленным на развязывание войны против Советского Союза»²¹¹.

Советское правительство ставило в ходе военных переговоров перед англо-французской стороной и вопрос о совместном советско-англо-французском вооруженном выступлении против агрессора в зоне Прибалтики и в водах Балтийского моря. Советская делегация высказала мнение о том, что в случае развязывания нацистами войны мощные английские и французские эскадры должны прорваться в Балтийское море для операции против германского морского флота и военно-морских баз на балтийских берегах фашистской Германии. Вместе с тем правительствам Англии и Франции рекомендовалось еще до возникновения войны договориться с Прибалтийскими странами о временном размещении английского и французского флотов на Аландских островах, Моонзундском архипелаге и в ряде портов Прибалтийских государств «в целях охраны нейтралитета этих стран от нападения со стороны Германии». При благоприятном исходе переговоров Англии и Франции с Прибалтийскими государствами и Финляндией вместе с английским и французским флотами и в тех же целях там, в случае необходимости, должен был бы базироваться и Советский Балтийский флот²¹².

В связи с предложениями распространить гарантии от прямой и косвенной агрессии на Прибалтийские страны и Финляндию, выдвинутыми Советским правительством в ходе политических переговоров, английское правительство было вынуждено вернуться к вопросу об определении косвенной агрессии. Сидсу были высланы четыре варианта формулировки ее определения. Были сняты, наконец, оговорки о том, что помощь гарантируемым государствам будет оказываться только в тех случаях, когда эти государства будут оказывать сопротивление агрессорам.

²⁰⁹ Arhiva MAE, dosar URSS, 1939, Relații cu România, caz. 24, vol. XIV.,

²¹⁰ Varga V. A. Op. cit., p. 68.

²¹¹ Ibidem, p. 69.

²¹² «Международная жизнь», 1969, № 3, с. 140.

ру и попросят о помощи²¹³. Это означало, что Лондон фактически признавал обоснованность и конструктивность тех предложений, которые были ранее внесены Советским правительством, с которыми соглашались условно французы, но которые в течение длительного времени начисто отвергались правительством Чемберлена. Но эти новые предложения Англии Советскому правительству, однако, так и не были вручены.

Позиция Англии и Франции, а также Румынии, Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии свидетельствовала, что они не проявляют заинтересованности в успешном завершении московских переговоров. Но скрыв от военной миссии СССР отрицательный ответ Варшавы, Думенк и Дракс стремились продолжать «переговоры ради переговоров». Глава французской военной миссии Думенк предпринял даже попытку грубо обмануть советскую военную делегацию. 22 августа он направил маршалу Ворошилову письмо, в котором указывал, что от французского правительства получено «разрешение дать утвердительный ответ на вопрос, поставленный советской делегацией»²¹⁴.

В действительности никакого положительного ответа французского правительства, согласованного с Польшей и Румынией, у Думенка не было. Свою ложь генерал полагал при случае прикрыть телеграммой, полученной от Даладье поздно вечером 21 августа, которая гласила: «Вы уполномочены, по согласованию с послом, подписать, на возможно лучших условиях для общих интересов, военную конвенцию с оговоркой о последующем одобрении французским правительством»²¹⁵. Но в этой телеграмме совершенно не говорилось о том, что поставленный советской миссией вопрос решен положительно и согласован с польским и румынским правительствами.

Вечером 22 августа К. Е. Ворошилов, приняв Думенка, поинтересовался позицией английского правительства. Ответа не последовало. Маршал также спросил, «какую позицию во всем этом деле занимают польское и румынское правительства, в курсе ли они дел» или же ответ французского правительства дан «без ведома Польши и Румынии». Глава французской делегации вынужден был признать, что не знает. После этого руководитель советской военной делегации подчеркнул, что с начала переговоров прошло одиннадцать дней, и тем не менее переговоры не сдвинулись с места. «Поэтому я лишен возможности,— сказал К. Е. Ворошилов,— согласиться на участие в дальнейшей работе совещания до тех пор, пока не будут получены все официальные ответы... Позиция Польши, Румынии, Англии неизвестна. Поэтому наша дальнейшая работа может свестись к одним разговорам, которые в политике могут при-

²¹³ DBFP, Series III, vol. VI, p. 42.

²¹⁴ *Остоя-Овсяный Н. Д.* На пороге войны.—«Новая и новейшая история», 1971, № 2, с. 50.

²¹⁵ Général *Beaufre*. Op. cit., p. 164—165.

нести только вред». Ворошилов предложил подождать и обратиться, когда будет получен ответ от английского правительства и станет ясна позиция Польши и Румынии. «Нужно, чтобы эти ответы содержали точное указание о том, что Польша об этом знает, чтобы это был ответ английского и французского правительств, согласованный с польским и румынским правительствами»²¹⁶.

Поскольку военные делегации Англии и Франции не получили от своих правительств согласованного с Польшей и Румынией ответа на вопрос о возможности прохода советских войск через польскую и румынскую территорию, с тем чтобы Советский Союз мог в случае необходимости принять участие в военных действиях против Германии, переговоры военных миссий в Москве так и не возобновились.

Вся линия поведения английского и французского правительств свидетельствовала, что они не имели ничего против того, чтобы правящие круги Польши и Румынии дали согласие пропустить германские войска через территории своих стран, не оказывая им сопротивления, или чтобы они договорились с гитлеровцами о совместных действиях против СССР. В этом случае Советский Союз должен был бы воевать с агрессорами один на один²¹⁷. В своем секретном меморандуме о советско-англо-французских переговорах от 22 мая 1939 г. Форин оффис прямо указывал, что вступление в силу английских гарантий Румынии и Польше зависит от их решимости оказать сопротивление гитлеровской агрессии²¹⁸. В противном случае они не имели силы. И действительно, впоследствии оказалось, что одна из них — Румыния — сама пригласила германские войска, откуда они совершали разбойничьи походы в страны Балканского полуострова, а затем совместно с румынскими войсками напали на Советский Союз.

В своем прогнозировании относительно поведения Румынии и Польши Советское правительство исходило из возможности и такого развития событий. После Великой Октябрьской социалистической революции, как известно, в ходе интервенции против Советской России Румыния захватила Бессарабию, а Польша — Западную Украину и Западную Белоруссию. В целях удержания захваченных ими территорий, а также осуществления новых завоеваний советских земель Бухарестом и Варшавой соответственно строилась и политика в отношении Советского Союза.

Военные переговоры в Москве окончательно показали нежелание Англии и Франции заключить действенное и надежное соглашение о взаимопомощи, которое создало бы прочный

²¹⁶ СССР в борьбе за мир..., док. 440.

²¹⁷ СССР в борьбе за мир..., с. 687.

²¹⁸ DBFP, Series III, vol. V, p. 641.

барьер против агрессии, обеспечило бы мир в Европе и безопасность СССР, Польши, Румынии и других стран Восточной Европы. Английский дипломат У. Стрэнг — участник переговоров — констатировал, что, учитывая позицию Англии и Франции, недоверие и подозрительность Советского правительства к ним «не уменьшилось в ходе переговоров». «Тот факт, — признавал он, — что мы создаем одну трудность за другой... оставляет впечатление, что мы к соглашению... не стремимся» ²¹⁹.

Советский Союз оставался изолированным перед лицом гитлеровской агрессии, перед опасностью одновременной войны на Западе и Востоке. В это время шли крупнейшие военные сражения между советско-монгольскими и японскими войсками в районе Халхин-Гола. В этих условиях у Советского правительства не было иного выхода, как принять уже в течение нескольких месяцев выдвигавшееся Берлином предложение приступить к переговорам по нормализации советско-германских отношений. И после того, как окончательно стало ясно, что западные державы, их румынские и польские союзники не хотят соглашения с СССР, Советское правительство дало согласие на обсуждение предложения германского правительства. ЦК ВКП(б) и Советское правительство, глубоко проанализировав все аспекты международного положения, пришли к выводу, что в целях предотвращения создания общего империалистического антисоветского фронта и в интересах сохранения и упрочения первого в мире социалистического государства целесообразно пойти на заключение договора о ненападении с Германией ²²⁰.

Во время встречи Ворошилова с Думенком 22 августа западным державам была предоставлена еще возможность прекратить недостойную двойную игру и показать свою готовность пойти на честное сотрудничество, предлагавшееся Советским правительством. Этого решительного шага Лондоном и Парижем не было сделано.

23 августа в Москву прибыл Риббентроп. Результатом встреч германского министра с руководителями Советского правительства было заключение советско-германского договора о ненападении, что на некоторое время избавило СССР от угрозы войны без союзников сразу на два фронта в крайне невыгодных международных условиях и дало нашей стране выигрыш времени для лучшей подготовки к возможному нападению агрессора. Вот почему с полным основанием можно сказать, что подписание советско-германского договора о ненападении явилось «дальновидным и мудрым шагом Советской внешней политики при создавшейся тогда обстановке» ²²¹.

Глубокую заинтересованность Советского правительства в заключении соглашения трех держав не мог не признать даже

²¹⁹ DBFP, Series III, vol. VI, p. 423.

²²⁰ История второй мировой войны (1939—1945), т. 2. М., 1974, с. 282.

²²¹ Фальсификаторы истории. Историческая справка. М., 1948, с. 53.

французский военный атташе в Москве генерал Палас. «Я продолжаю считать,— писал он во французский генеральный штаб 23 августа,— что для СССР решение вопроса о смысле соглашения с Германией является лишь выходом на худой конец, а может быть, и средством нажима в целях более быстрого создания прочной, хорошо спаянной во всех своих частях коалиции, которая, как мне всегда казалось, является предметом желаний советских руководителей»²²².

Значительный интерес в этой же связи представляют мемуары генерала Бофра — участника переговоров. Он пишет: «Когда сегодня перечитываешь проект англо-франко-советского договора, задаешь себе вопрос, как могло случиться, что дипломатия [западных стран] была столь слепой и мелочной, что упустила возможность подписания такого важного соглашения из-за столь незначительных расхождений»²²³.

Впоследствии вина англо-французской стороны, сорвавшей заключение военно-политического соглашения с СССР, была косвенно признана и одним из ведущих политических деятелей Англии. В феврале 1945 г. тогдашний министр иностранных дел А. Иден, представляя парламенту Ялтинские решения, сказал: «Может ли кто-нибудь усомниться сейчас в том, что если бы единство между Россией, Британией и Соединенными Штатами, установленное в Ялте, имело место в 1939 г., то эта война никогда бы не разразилась?»²²⁴.

Советские руководители и после заключения советско-германского соглашения давали понять английскому и французскому правительствам, что еще не все потеряно, если они решат иметь искренние отношения с Советским Союзом. 25 августа главы английской и французской военных миссий адмирал Дракс и генерал Думенк нанесли маршалу Ворошилову прощальный визит. Во время этого свидания нарком сказал: «К сожалению, нам на этот раз не удалось договориться. Но будем надеяться, что в другое время наша работа будет носить более успешный характер»²²⁵. В этом плане исключительный интерес представляет беседа заместителя народного комиссара иностранных дел СССР С. А. Лозовского с китайским послом в Москве Ян Цзе 26 августа. Отвечая на вопрос посла, будут ли продолжаться англо-франко-советские переговоры, Лозовский заявил: «Переговоры с Англией и Францией велись в течение пяти месяцев, отъезд делегаций — это эпизод в этих перегово-

²²² Кобляков И. К. Борьба Советского Союза против фашистской агрессии, за коллективную безопасность накануне второй мировой войны.— «История СССР», 1962, № 3, с. 22—23.

²²³ Général Beaufre. Op. cit., p. 119.

²²⁴ Parliamentary Debates. House of Commons, vol. 408, col. 1516—1517 (28.11.1945).

²²⁵ Цит. по кн.: Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. Московские переговоры СССР, Англии и Франции 1939 года. М., 1970, с. 120.

рах. Делегации приезжают и уезжают, а вопрос о борьбе за мир остается. Отъезд не есть результат заключения договора о ненападении между СССР и Германией, а результат недоговоренности по ряду вопросов. Если Англия и Франция пойдут на предложения Советского правительства, не исключена возможность заключения договора с ними... В настоящее время переговоры прерваны, но их возобновление зависит от Англии и Франции»²²⁶. Несмотря на заключение советско-германского договора, советские руководители продолжали называть Германию агрессором. Об этом в открытую на весь мир было подчеркнуто 27 августа в интервью наркома обороны маршала К. Е. Ворошилова сотруднику газеты «Известия»²²⁷.

Советский Союз на всем протяжении англо-франко-советских переговоров 1939 г. искренне стремился заключить с западными союзниками эффективный договор о взаимной помощи против агрессивных сил, договор, который мог бы создать коллективный фронт защиты мира в Европе, а если бы все же возникла война — обеспечить победу над агрессорами. Однако английские и французские мюнхенцы, а также реакционные правящие круги Румынии и Польши, ослепленные классовой ненавистью к Советской стране, оказались не в состоянии трезво оценить развитие событий. Двойная игра реакционных сил Англии и Франции, Румынии и Польши завела англо-франко-советские переговоры в Москве в тупик, сорвав создание коллективного фронта защиты мира против фашистской агрессии в Европе.

Заключение советско-германского договора сорвало все планы правящих кругов западных держав разрешить за счет СССР внутренние противоречия империалистической системы. Оно задело за живое мюнхенцев, понявших крушение самых сокровенных надежд на взаимное ослабление опаснейшего для них империалистического конкурента — Германии и ненавистной им страны социализма. Один из руководителей английской компартии П. Датт писал, что советско-германский пакт о ненападении «взорвал мюнхенский фронт» и сторонники этого фронта пришли в ярость²²⁸. Американская «Балтимор сан» открыто сокрушалась по поводу того, что советско-германский договор расходится с целями «антикоминтерновского пакта» и ставит под угрозу фашистский «дранг нах Остен»²²⁹.

Заключение Германией договора с СССР вызвало сильное недовольство в Риме и Токио.

Итальянские правители обвинили Берлин в измене «общности судеб Германии и Италии»²³⁰. Муссолини полагал, что

²²⁶ Панкратова М., Сиполс В. Указ. соч., с. 121.

²²⁷ «Известия», 27 августа 1939 г.

²²⁸ История второй мировой войны. 1939—1945 гг., т. 2, с. 284.

²²⁹ Там же.

²³⁰ DGFP, Series D, vol. VIII, London, 1950, p. 23.

германская агрессия должна развиваться в восточном направлении, и ни в коем случае не в сторону Южных Балкан, которые «дуче» считал сферой интересов Италии²³¹.

Заключение германо-советского договора сильное замешательство вызвало в правящих кругах Японии. «Известие о заключении пакта о ненападении между СССР и Германией,— доносил советский поверенный в делах в Токио 24 августа,— произвело здесь ошеломляющее впечатление, приведя в явную растерянность особенно военщину и фашистский лагерь»²³². Японское правительство, взбешенное вероломством своего союзника, 25 августа приняло решение заявить Германии протест по поводу заключения договора с СССР, оценивая его как аннулирование переговоров о новом военном пакте трех держав. В протесте подчеркивалось, что правительство Японии «рассматривает недавно заключенный пакт о ненападении между германским правительством и правительством СССР как противоречащий секретному договору, приложенному к антикоминтерновскому пакту»²³³. Одновременно с протестом ушли в отставку ярые сторонники прогерманского курса Осима и Сиратори — японские послы в Германии и Италии.

Советско-германский договор о ненападении не только окончательно разрушил мюнхенский фронт в Европе, но в сочетании с поражением Японии на Халхин-Голе воспрепятствовал совместному японо-германскому нападению на СССР и серьезно повлиял на стратегические планы²³⁴ правительства Абэ, пришедшего на смену кабинету Хиранумы, которое пало вскоре после 23 августа.

О полном отрыве от реальной почвы свидетельствовали официальные комментарии польских газет и радио. Варшавское радио заявило: «Заключение договора не окажет никакого влияния на решение Польшей вопросов европейской политики. Польша никогда не имела желания к какому-либо сотрудничеству с Россией и повторяет свое неизменное «нет»! Она считает, что Советы не могут быть подходящим партнером в европейской политике».²³⁵

Ко всеобщему хору недовольства мировой реакции присоединились и правящие круги Румынии. Подписание Берлином советско-германского соглашения у них вызвало явное возмущение и растерянность. В эти дни премьер-министр А. Калинеску заметил, что создалось «весьма серьезное положение». Причиной такой озабоченности явилась оттяжка Гитлером войны против Советского Союза, от которой и румынские правители надеялись получить большие выгоды. Обеспокоенный заклю-

²³¹ DDI, serie VIII. 1935—1939, vol. XII, Roma, 1952, p. 51.

²³² СССР в борьбе за мир..., док. 442.

²³³ История второй мировой войны, т. 2, с. 288.

²³⁴ Там же.

²³⁵ Цит. по кн.: История второй мировой войны, т. 2, с. 284.

чением германо-советского договора и возможным отказом Гитлера от безоговорочной поддержки антисоветских позиций Бухареста, румынский министр Гафенку при встрече с германским посланником Фабрициусом 27 августа заклинал не прекращать борьбу против СССР. Подчеркивая идентичность румынской и германской позиций в отношении Страны Советов, Гафенку в беседе с гитлеровским дипломатом ставил в заслугу румынскому правительству то, что Румыния «ничего не делала, чтобы улучшить отношения с Советской Россией»²³⁶. И наоборот, как далее подчеркивал румынский министр, «укрепление связей с Германией» руководящие круги Румынии рассматривают в качестве «самого важного вопроса своей будущей политики»²³⁷. В своей негативной к СССР политике, продолжал убеждать Гафенку своего собеседника, румынское правительство «хочет идти рука об руку» с Германией и просит в этом деле конкретных советов со стороны германского правительства.

Германская дипломатия в свою очередь приветствовала желание Румынии идти вместе с Берлином в проведении «восточной политики»²³⁸.

Чтобы заручиться поддержкой со стороны третьего рейха и на дальнейшее, Гафенку не постеснялся сказать Фабрициусу, что Румыния будет «нейтральной в любом конфликте между Германией и Польшей, даже если Англия и Франция вмешаются в него»²³⁹, что его страна будет обеспечивать Германию нефтью, зерном и другим стратегическим сырьем даже во время войны, если она возникнет.

Для того чтобы поддержать антисоветский дух румынских правителей и дать Гафенку понять, что Румыния, несмотря на наличие советско-германского договора о ненападении, может вполне полагаться на поддержку Берлина румынской политики на востоке, Фабрициус напомнил румынскому министру о германских интересах в дельте Дуная, а также о том, что в Бессарабии проживает большое число немцев²⁴⁰. Относительно последних нацистский дипломат добавил, что Германия не хочет, чтобы они оказались «под большевистским режимом»²⁴¹.

Примечательной с точки зрения отношения к СССР была и беседа самого премьера А. Калинеску с гитлеровским посланником 31 августа, за несколько часов до начала второй мировой войны²⁴². А. Калинеску, так же как и его министр Гафен-

²³⁶ DGFP, Series D, vol. VII, doc. 361.

²³⁷ Ibidem.

²³⁸ Ibidem.

²³⁹ Ibidem.

²⁴⁰ DGFP, Series D, vol. VII, doc. 361. В рассматриваемый период по румынской переписи немецкое нацменьшинство в Бессарабии составляло 80 тыс. человек.

²⁴¹ DGFP, Series D, vol. VII, doc. 361.

²⁴² Arhiva centrală a CC al PCR, fond 3, docar 11—12, f. 22.

ку, стараясь подчеркнуть заслуги Румынии перед фашистской Германией и враждебное к Стране Советов отношение, счел необходимым напомнить Фабрициусу, что в свое время Румыния в угоду Германии отказалась от намерений пойти на сближение с Советским Союзом и заключить с ним договор о ненападении. В устах главы румынского правительства это звучало явным упреком в адрес германского правительства за его решение пойти на урегулирование отношений с СССР и заключение с ним пакта. Не менее важным для Германии, подчеркнул премьер, является и то, что румынское правительство пунктуально выполняет экономический договор от 23 марта 1939 г. и с большим превышением по сравнению с договорными обязательствами продолжает поставлять нефть германскому рейху. Румыния надеется, продолжал премьер, что германская сторона также постарается обеспечить поставки оружия и военного снаряжения для румынской армии в соответствии с соглашением²⁴³.

Премьер Румынии отметил также негативное отношение германского правительства к румынскому предложению Венгрии заключить договор о ненападении. Этим он хотел дать понять, что заключение румыно-венгерского пакта о ненападении, достижение нормализации положения на румынско-венгерской границе усилило бы позиции Румынии перед Советской Россией.

Но правительство третьего рейха само планировало, как и когда выгоднее использовать румынские антисоветские потенции. В рассматриваемый момент задачи гитлеровской дипломатии в Румынии определялись требованиями предстоящей военной кампании в Польше, целями обеспечить дипломатическую и военную изоляцию панской Польши от ее англо-французских и румынских союзников.

Несмотря на недовольство фактом заключения советско-германского договора, Румыния не уменьшила своих усилий снабжать третий рейх стратегическим сырьем, хотя знала, что Германия вот-вот должна начать войну против Польши. Кароль II, принимая в эти дни германского военного атташе Герстенберга, заявил, что он (король) отверг англо-французский план саботажа в нефтедобывающей промышленности. Король счел необходимым подчеркнуть, что будет лично следить за ходом нефтепоставок Германии и оказывать последней всяческое содействие в удовлетворении ее материальных потребностей²⁴⁴.

²⁴³ Archiva centrală a CCa al PCR, fond 3, dosar 11—12, f. 22.

²⁴⁴ Ibidem; DGFP, Series D, vol. VII, doc. 386.

Политические и военные переговоры трех великих держав — СССР, Англии и Франции — показали два резко противоположных подхода к делу мира и безопасности в Европе. Англия и Франция в течение всего периода переговоров вели чисто империалистическую политику, стремясь оградить себя от агрессии путем принесения в жертву других стран и народов Европы. Иной позиции придерживался Советский Союз. Он хотел мира: для себя и других народов, которым угрожала фашистская агрессия. Особую заботу, естественно, Советское правительство проявляло об укреплении мира и безопасности вблизи своих западных границ. Оно сделало все возможное для того, чтобы противопоставить блоку агрессоров единый фронт защиты мира в составе государств Европы, заинтересованных в предотвращении германской агрессии.

Однако усилия Советского правительства по организации борьбы с фашистской агрессией в Европе не получили поддержки в правящих кругах Англии и Франции. Правительства этих стран, идя на переговоры в Москве, не преследовали цели сближения с СССР и сотрудничества с ним в борьбе против агрессии. Переговоры с СССР, как и предоставление гарантий ряду стран, они рассматривали в качестве очередного дипломатического маневра, при помощи которого намеревались добиться соглашения с Германией, отвести опасность от себя и направить гитлеровскую агрессию на восток — против СССР.

Советским правительством были разоблачены и сорваны планы империалистических кругов Англии и Франции. Им не удалось толкнуть Советский Союз в военный конфликт с фашистской Германией в условиях международной изоляции, а самим остаться в стороне от войны.

За срыв переговоров о создании заслона на пути германской агрессии на восток значительная доля ответственности ложится и на реакционные правящие круги стран Восточной Европы, в том числе на правителей Румынии, которые стали на путь предательства национальных интересов своих государств.

В канун и в период советско-англо-французских переговоров 1939 г. отношение Румынии к СССР определялось тремя факторами: нежеланием участвовать в создании коллективного фронта защиты от германской агрессии в Восточной и Юго-Восточной Европе, наличием нерешенного бессарабского вопроса и острейшими противоречиями по территориальным проблемам между румынским королевством, с одной стороны, и Венгрией и Болгарией — с другой.

Румыния, постоянно находясь на позициях антисоветизма, активно служила империалистическим замыслам западных стран, направленным против СССР. В проведении этой политики румынские правящие круги преследовали и собственные

цели: спасти «великую Румынию» — детище Версальской системы и агрессии против молодой Советской России, а при благоприятном стечении международных обстоятельств и расширить ее пределы под флагом «объединения румынской нации». Объективно раскрывая истинные причины, приведшие Румынию в объятия гитлеровской Германии, и суть румынской антисоветской политики, французский исследователь Жан Блери в своем труде «Дунайские сумерки» пишет, что «для оправдания участия страны в нашествии на Украину» румынские экспансионистские круги непрерывно вели пропаганду о том, что восточнее Бессарабии, между Днестром и Бугом и даже дальше, имеется множество островков «румынского» населения. «Пресса утверждала,— подчеркивает Блери,— что такие города, как Балта, Ананьев и другие, по существу являются румынскими. В Румынии даже публиковались этнографические карты, где столь отдаленные районы, как, например, Екатеринослав на Днестре, выдавались за принадлежащие ей земли»²⁴⁵. Ради этого они были готовы идти на любые сделки с самыми реакционными кругами Западной Европы. Играя на антисоветизме правителей западных стран, руководители румынского королевства стремились усилить враждебные Советскому Союзу акции со стороны западноевропейской реакции. Они без устали твердили представителям Запада, а через прессу и своему народу, что Румыния является бастионом «европейской цивилизации» от большевистского «варварства», а политику пособничества империалистическим акциям фашистских государств и западных союзников, направленным против Советского Союза, выдавали за меры умиротворения якобы агрессивных намерений СССР в отношении Румынии и чуть ли не всех балканских стран²⁴⁶.

Но правящие круги Румынии просчитались. Их политика лавирования между двумя империалистическими блоками привела к крушению их планов, к потере значительной части территории, полученной по договорам Версальской системы, а именно: к передаче большей части Трансильвании Венгрии, к возвращению Южной Добруджи Болгарии. Авантюристическая политика правителей Румынии впоследствии сделала румынское королевство соучастником германских и итальянских захватчиков в организации и развязывании грабительской войны против Советского Союза. Участие Румынии в этой войне стоило румынскому народу, трудящимся больших лишений, национального унижения со стороны немецких «союзников», огромных людских и материальных жертв. Только разгром германского фашизма и решающая роль Советского Союза в этой великой победе помогли румынскому народу освободиться от фашистского ига и встать на путь социализма.

²⁴⁵ Цит. по кн. *Лазарев А. М.* Указ. соч., с. 420.

²⁴⁶ DDI, serie IX, vol. II. Roma, 1957, doc. 674.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В ходе мирового экономического кризиса 1929—1933 гг. произошло дальнейшее и резкое углубление противоречий между пролетариатом и буржуазией, между империалистическими державами и колониальными и зависимыми странами, между самими империалистическими государствами. Но главным фактором всей международной жизни было противоречие между капитализмом и социализмом, рожденным Великим Октябрем. В довоенные годы, свидетельствовал бывший заместитель государственного секретаря США С. Уэллес, западные демократические страны, включая и Соединенные Штаты, были твердо уверены, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией будет выгодна только Западу. Далее он утверждал, что «Россия непременно потерпит поражение, и тем самым будет ликвидирован коммунизм... Германия, ослабленная в результате этого конфликта на многие годы, не сможет быть реальной угрозой для остального мира»¹. Исходя из этих позиций «западные демократии», а также США делали все, чтобы толкнуть гитлеровскую Германию совместно с польскими, румынскими, финскими и иными реакционными силами против Советского Союза.

Чтобы расстроить антисоветские планы международного империализма, ЦК ВКП(б) и СНК СССР в начале 30-х годов провели ряд важных политических акций. По инициативе Советского правительства были подписаны пакты о ненападении с Францией и Италией, со всеми странами (кроме Румынии) Северной и Восточной Европы, заключена Лондонская конвенция об определении агрессора, установлены дипломатические отношения между СССР и США, а также достигнута нормализация отношений Советского Союза со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.

Успех ряда политических и дипломатических акций Страны Советов в 1932—1934 гг. явился яркой демонстрацией претворения в жизнь ленинского принципа мирного сосуществования государств с различной системой социально-политического строя, крупной победой миролюбивой политики Советского Союза и поражением международного империализма. Но эти

¹ Welles S. The Time for Decisions. N. Y., 1944, p. 321.

успехи внешней политики Советского Союза не могли все же гарантировать от возможности образования общего империалистического фронта против СССР.

Вскоре после образования двух очагов войны (на Дальнем Востоке и в центре Европы) ЦК ВКП(б) 12 декабря 1933 г. принял историческое решение о разворачивании борьбы за создание коллективной безопасности, т. е. за создание единого фронта миролюбивых сил, за организацию коллективных действий всех государств, которым угрожала фашистская агрессия.

Важнейшей объективной предпосылкой создания системы коллективной безопасности было совпадение коренных жизненных интересов народов разных стран, а также рост военно-экономического могущества и международного авторитета Советского государства.

Система пактов взаимопомощи должна была охватить целые регионы Европы и тем самым создать незыблемую основу коллективной защиты европейского континента от фашистской агрессии. В центре внимания советской дипломатии, нет сомнения, было заключение Восточного пакта. Но из-за подрывной деятельности правительства Англии, резкого и открытого сопротивления мерам коллективной безопасности со стороны гитлеровской Германии, Италии и профашистской Польши Советскому правительству намеченную решением Политбюро ВКП(б) от 19 декабря 1933 г. программу по организации коллективной безопасности удалось реализовать лишь частично. В мае 1935 г. Советским Союзом были заключены договоры о взаимопомощи только с Францией и Чехословакией.

Все, что было достигнуто в рассматриваемое время в сближении Советского Союза с Францией и Чехословакией, имело огромное политическое влияние на международную обстановку и означало внушительную победу мирной политики СССР.

Под влиянием заключенных Францией и Чехословакией соглашений с СССР, возросшей роли Советского государства в мировой политике в 1935 г. и первой половине 1936 г. заметно улучшились отношения между Румынией и СССР. Это проявилось не только в присоединении королевской Румынии к Лондонской конвенции об определении агрессора, в установлении с СССР дипломатических отношений, но и в решении румынского правительства в июне 1935 г. начать переговоры о заключении советско-румынского пакта взаимопомощи, аналогичного советско-французскому и советско-чехословацкому договорам. Переговоры о пакте взаимопомощи продолжались более года — до августа 1936 г. Но уже с самого начала переговоров Советскому правительству стало ясно, что румынские правящие круги думают не столько об организации коллективной безопасности перед лицом неудержимо нараставшей фашистской агрессии, сколько о том, чтобы в ходе переговоров добиться от СССР отказа от Бессарабии в пользу королевской Румынии.

Когда же правители Румынии еще раз убедились в том, что Советский Союз не намерен платить Румынии своей территорией за то, что она будет готова числиться в рядах сторонников коллективной защиты мира, они потеряли всякий интерес к этому вопросу и вернулись на прежний открыто враждебный в отношении СССР курс, стали на путь укрепления отношений с Польшей, Германией и Италией.

Последовательную борьбу против фашизма и войны вел только Советский Союз.

Огромную роль в мобилизации всех антифашистских и антивоенных сил сыграли решения VII конгресса Коминтерна (1935 г.). Но антивоенные силы все же оказались недостаточно мощными, едиными и организованными, чтобы преградить путь фашистской агрессии.

Отказ Англии, Франции, Польши и Румынии от создания в Восточной Европе региональной системы коллективной безопасности с участием СССР создал агрессивным силам фашизма возможности резко активизировать свою деятельность, направленную против миролюбивых народов Европы. Весьма опасными для дела мира военными акциями явились ремилизация Германией Рейнской зоны, нападение фашистской Италии на Эфиопию, германо-итальянская интервенция в Испании.

Убедившись в безнаказанности и даже поддержке фашистской агрессии со стороны Англии, Франции и США, гитлеровская Германия в начале 1938 г. приступила к подготовке и осуществлению захвата Австрии и Чехословакии. Оккупация этих двух стран резко укрепила военно-политические, стратегические и экономические позиции фашистской Германии. Пособниками этой германской экспансии были Польша и королевская Румыния. Поведение последней в это время не оставляло никакого сомнения в том, что она взяла твердый курс на сближение с фашистской Германией, не порывая связей с Англией и Францией.

Правящая верхушка Румынии не хотела понять, что сближение с фашистской Германией на антисоветской основе представляет смертельную опасность для самой Румынии. Но классовая ненависть к Стране Советов исключала трезвую оценку создавшейся международной обстановки. Только этим можно объяснить то, что в рассматриваемое время вся политическая и дипломатическая деятельность правителей Румынии была направлена на укрепление старых и на создание новых военно-политических союзов с самыми реакционными силами Восточной и Западной Европы.

Бухарест не только не отказывался от участия в создании перспективы войны против Советского государства, но и активно вел политику по созданию такой перспективы. Это полностью отвечало классовой природе полуфашистского, а затем фа-

шистского режима королевской Румынии, внешнеполитический курс которой поддерживался практически всеми буржуазными партиями страны. Противопоставление румынскими правителями своего антисоветского внешнеполитического курса мирной политике могучего соседа — Советского Союза нанесло огромный вред и общему делу мира в Европе, что поставило под вопрос национальный суверенитет Румынии.

Решающим моментом в деле сохранения мира и предотвращения второй мировой войны явились советско-англо-французские переговоры 1939 г. Быть или не быть войне — прямо зависело от результатов этих переговоров, от политических позиций Англии, Франции, Польши и Румынии, от того, готовы ли они сотрудничать с Советским Союзом в борьбе за мир и безопасность в Европе. Но и на этот раз английские, французские, а за ними польские и румынские правители торпедировали усилия СССР по организации единого антигитлеровского фронта.

Лидеры стран Запада, беря за основу своей внешней политики антисоветизм, полагали, что Германия, Италия и Япония будут вести только антисоветскую войну и не решатся выступить против Англии, Франции и США, несмотря на всю остроту империалистических противоречий. Но реальный ход международной жизни показал, что подобная политика была глубоко порочной и губительной для самих же стран Запада. СССР расстроил планы империалистов и не дал им возможности создать общий фронт против Советского государства. Империалисты были вынуждены разрешать свои противоречия в междоусобной вооруженной борьбе, начавшейся с нападения 1 сентября 1939 г. гитлеровцев на Польшу и объявления 3 сентября Англией и Францией войны фашистской Германии.

Под тяжестью наступивших мировых событий развалилась буржуазно-помещичья Польша, были вырваны навсегда из империалистического фронта Латвия, Литва и Эстония, освобождены из-под фашистского ига и воссоединены с Советской матерью-родиной Западная Украина и Западная Белоруссия, Бессарабия и Северная Буковина. Все это вместе создало Советскому государству более благоприятные условия для подготовки отпора агрессии со стороны гитлеровской Германии, королевской Румынии, хортистской Венгрии, маннергеймовской Финляндии и фашистской Италии.

Вторая мировая война началась как империалистическая с обеих сторон — и со стороны Германии и Японии, и со стороны Англии и Франции. Со стороны фашистского блока, всех входивших в него государств — Германии, Японии, Италии, Румынии, Финляндии, Венгрии вторая мировая война на всем протяжении по политическим целям и характеру была захватнической, реакционной, направленной на завоевание мирового господства, на порабощение других народов и установление фашистского

«нового порядка». Вероломное нападение Германии и ее союзников — Италии, Румынии, Финляндии, Венгрии на СССР еще более усилило реакционный характер войны фашистского блока, поставившего своей целью уничтожение социалистического государства, физическое истребление десятков миллионов советских людей.

Объявление Англией и Францией войны Германии было вынужденным актом, признанием полного банкротства их предвоенной политики, провалом политики «невмешательства» и «умиротворения» агрессоров. Объявление войны отвечало требованиям французского и английского народов и создавало реальную возможность перехода к новой политике — политике вооруженного отпора фашистскому агрессору. Правда, война до середины мая 1940 г. носила «странный» характер — отсутствовали военные действия. Но в этом не было ничего «странного». Это было продолжение мюнхенской политики в изменившихся условиях, определенным политическим курсом, направленным своим острием против СССР. Лондон и Париж рассчитывали не только направить германских агрессоров дальше на Восток, но и принять прямое участие своими вооруженными силами в нападении на СССР. «Надо сказать,— пишет де Голль,— что некоторые круги усматривали врага скорее в Сталине, чем в Гитлере. Они были больше озабочены тем, как нанести удар России — оказанием ли помощи Финляндии, бомбардировкой ли Баку или высадкой в Стамбуле, чем вопросом о том, каким образом справиться с Германией»².

Правители Англии и Франции продолжали свою реакционную, опасную мюнхенскую политику, только несколько трансформированную. Они стремились побудить Германию повернуть оружие против СССР с тем, чтобы добиться их взаимного ослабления в ходе ожесточенной борьбы, чтобы с одной стороны, руками гитлеровцев и их союзников разделаться с Советским государством, а с другой — не допустить передела мира в пользу германского империализма, сохранить и приумножить свои колониальные владения, укрепить свои позиции во всем мире. Поэтому война до весны 1940 г. носила несправедливый характер и со стороны Англии и Франции.

Когда германская армия вторглась во Францию, продолжение прежней политики стало невозможным. Под влиянием круто изменившейся ситуации в политике Англии и Франции наряду с сохранением империалистических целей появляются и новые задачи — спасение национальной независимости, предотвращение угрозы германского порабощения.

С нападением Германии и ее союзников — Румынии, Италии, Венгрии и Финляндии на СССР советский народ под руко-

² Де Голль Ш. Военные мемуары. Призыв. 1940—1942 годы. Перевод с французского. М., 1960, с. 61.

водством Коммунистической партии поднялся на Великую Отечественную войну, которая стала важнейшей составной частью второй мировой войны, высшей ступенью справедливой войны — священной войны в защиту социалистического Отечества — надежды и опоры всего мирового пролетариата. Противоборство Советского Союза с блоком фашистских государств носило ярко выраженный классовый характер и было предельно острым проявлением борьбы двух противоположных социально-экономических систем — социализма и капитализма — во всех сферах: военной, политической, экономической, дипломатической и идеологической. Это противоборство означало коренное качественное изменение в характере, масштабе и перспективах второй мировой войны.

В гигантском военном столкновении с империализмом и его наиболее чудовищным порождением — фашизмом победил социалистический общественный и государственный строй. Источником силы Советского государства явились социалистическая экономика, социально-политическое и идейное единство общества, советский патриотизм и дружба народов СССР, сплоченность народа вокруг партии коммунистов, беспримерный героизм и мужество советских воинов. Это была победа социалистической идеологии над человеконенавистнической идеологией империализма и фашизма. «Казалось бы, каждому немцу, бывшему в здравом уме, — писал западногерманский публицист С. Харнер, — должно было быть ясно: вызвать на борьбу не на жизнь, а на смерть такую великую державу, как Советский Союз, значило играть своей собственной жизнью... Это был приступ бешенства не только Гитлера. Это был приступ бешенства всей элиты германской буржуазии»³. Как бы подводя итоги таким суждениям и признаниям, бывший офицер разгромленной под Сталинградом 6-й немецкой армии И. Видер заключает: «Мы обязаны осознать свою ответственность перед историей и стремиться к тому, чтобы грядущие поколения извлекли из нашего опыта урок»⁴.

Если в предвоенный период Советский Союз шел в авангарде борьбы народов за мир против агрессии, то в годы войны, начиная с июня 1941 г., он возглавил борьбу свободолюбивых народов против держав — агрессоров и внес решающий вклад в тотальный разгром фашистской Германии и ее союзников в Европе и на Дальнем Востоке, окончательно похоронил их планы установления мирового господства. Победа СССР над ударными силами мировой реакции нанесла невосполнимый урон всей системе империализма. Она убедительно показала, что именно социализм становится ведущей силой мирового

³ Цит. по: «Правда», 1966, 19 июля.

⁴ Видер И. Катастрофа на Волге. Воспоминания офицера-разведчика 6-й армии Паулюса. М., 1965, с. 206.

развития. «Советский народ и его овеянные славой Вооруженные Силы под руководством Коммунистической партии Советского Союза,— подчеркивается в приветствии польских руководителей ЦК КПСС и Советскому правительству по случаю 30-летия Победы над фашизмом,— были главной силой, преградившей путь фашизму к мировому господству. Советский Союз внес решающий вклад в победу над фашистской Германией, в освобождение народов Европы из-под ига гитлеровской оккупации. Это эпохальная заслуга первого в мире социалистического государства перед человечеством»⁵.

В ходе этих всемирно-исторических событий из-под ига германо-румынских фашистов был освобожден и румынский народ. Это явилось поворотным моментом в истории Румынии и началом нового этапа в советско-румынских отношениях. Решающая роль Советского Союза в разгроме фашистского рейха и освобождении Румынии и его огромная экономическая, политическая, дипломатическая помощь румынскому народу глубоко и ярко показаны в многократных выступлениях и заявлениях Г. Георгиу-Дежа, Петру Гроза и других государственных деятелей Румынии. Об этом же говорил Генеральный секретарь Румынской Коммунистической партии и президент СРР Н. Чаушеску, выступая по случаю 25-летия освобождения страны от фашистского ига: «С высокой трибуны Великого национального собрания мы выражаем чувства глубокой благодарности и признательности румынского народа Советскому Союзу, его славной армии, которые внесли решающий вклад в освобождение Румынии от гитлеровского господства»⁶.

С разгромом германских и румынских фашистских сил на фронтах второй мировой войны Советский Союз свою освободительную миссию не считал полностью законченной. В последующий период, продолжая выполнять свой интернациональный долг, он вложил немало усилий, чтобы оградить Румынию от империалистических поползновений со стороны западных держав. Вскоре после установления в Румынии режима народной демократии и прихода к власти правительства Петру Гроза СССР вопреки сопротивлению Лондона и Вашингтона восстановил (6 августа 1945 г.) с Румынией дипломатические отношения, усилил ей всестороннюю политическую, дипломатическую и материальную помощь. Большую поддержку и помощь Советский Союз оказал Румынии и на Парижской мирной конференции. Благодаря его решительной и последовательной позиции условия мирного договора с Румынией были составлены таким образом, что обеспечивали ее независимость, суверенитет и территориальную целостность, исключали вмешательство англо-американских империалистов в ее внутренние дела.

⁵ «Правда», 1975, 11 мая.

⁶ «Scinteia», 23.VIII 1969.

Советское правительство добилось включения в договор пункта о праве Румынии вступить в ООН, что давало ей возможность, подчеркивал центральный орган румынских коммунистов «Скынтея», «вносить свой вклад в организацию мира и международного сотрудничества»⁷.

В развитии межгосударственных отношений, в деле борьбы СССР и Социалистической Республики Румыния за мир и дружбу между народами, в построении социализма на румынской земле исключительно большое значение представлял советско-румынский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, заключенный в Москве 4 февраля 1948 г. «Подписание договора,— говорил Георгиу-Деж по возвращении из СССР,— укрепляет в нашем народе чувство политической устойчивости нашего народно-демократического строя... Договор является щитом национальной независимости и суверенитета румынского государства»⁸. Договор о дружбе и взаимопомощи составил новую в качественном отношении эпоху в советско-румынских отношениях. Он заложил основы политических, дипломатических и экономических взаимоотношений на длительный период.

Румынские руководители неоднократно подчеркивали особо важное значение для Румынии экономических связей с СССР, которые играли и играют важнейшую роль в развитии ее народного хозяйства. Советский Союз помог Румынии в переоснащении новейшим оборудованием ряда предприятий, поставил комплектное оборудование для крупных строек тяжелой индустрии, оказал большое содействие в создании новых отраслей промышленности, безвозмездно передал многочисленную техническую документацию, предоставил патенты на производство ряда уникальных машин.

С помощью СССР полностью реконструирован, например, тракторный завод в Брашове, построены заводы шарикоподшипников и синтетического каучука, предприятия нефтеперерабатывающей, нефтехимической, химической промышленности, транспорта и связи. «Предприятия, построенные при содействии Советского Союза или оснащенные советским оборудованием,— подчеркнул глава Советского правительства А. Н. Косыгин на открытии румынской промышленной выставки в Москве,— производят более половины всей вырабатываемой в Румынии электроэнергии, кокса, значительную часть проката черных металлов, более 70 процентов синтетического каучука, почти половину минеральных удобрений»⁹. Важное значение для развития румынской экономики имеют поставки из СССР таких важнейших видов сырья, как железная руда, кокс, хлопок.

Румыния, в свою очередь, поставляет Советскому Союзу речные суда, нефтяное оборудование, товарные вагоны, неко-

⁷ «Scinteia», 14.II 1947.

⁸ Георгиу-Деж. Статьи и речи, т. I. М., 1956, с. 109—111.

⁹ «Правда», 1975, 23 августа.

торые виды станков, а также мебель, текстиль и некоторые продовольственные товары. В 1973 г. СССР занимал первое место в румынской внешней торговле. На его долю приходилось около 21% товарооборота СРР¹⁰.

Знаменательным событием в советско-румынских отношениях явилось подписание в июле 1970 г. нового Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи (взамен Договора 1948 г.), открывшего новые широкие возможности для развития многосторонних связей, укрепления сотрудничества двух стран при решении задач, связанных с поступательным движением всех стран социалистического содружества, главным центром координации внешнеполитической деятельности которого стал Политический консультативный комитет Варшавского Договора.

Объединенная мощь участников Договора является надежным щитом, гарантирующим им успешное строительство социализма и коммунизма.

Положение в мире после второй мировой войны, как известно, коренным образом изменилось. Мировая система социализма стала определяющим фактором в мировой политике. Однако задача сохранения и упрочения мира стоит сейчас не менее остро, чем в предвоенные годы.

Важным конкретным результатом борьбы Советского Союза, всех стран социалистического содружества за упрочение мира и разрядку международной напряженности явилось совещание руководящих деятелей 33 европейских стран, США и Канады по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшееся 30 июля — 1 августа 1975 г. в Хельсинки. «Общеввропейское совещание — это итог всего позитивного, что до сих пор было сделано на нашем континенте в деле перехода от «холодной войны» к разрядке, к осуществлению принципов мирного сосуществования на деле, — говорится в постановлении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета министров СССР «Об итогах Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе». — Вместе с тем это отправной пункт для последующего всестороннего продвижения Европы по пути мира и исключения войны из жизни народов»¹¹.

Чтобы сохранить и упрочить мир, Советскому Союзу, всем странам социалистического содружества приходится прилагать огромные усилия на международной арене. «Наша партия, — заявил Л. И. Брежнев в Отчетном докладе XXV съезду КПСС, — следуя заветам Ленина и исходя из полувекового опыта своей миролюбивой внешней политики, выступила на XXIV съезде с Программой мира. Эта Программа указала реальный путь

¹⁰ Владимиров П. Знаменательный юбилей (30-летие со дня освобождения Румынии от фашистского ига). — «Коммунист», 1974, № 12, с. 70.

¹¹ «Правда», 1975, 7 августа.

к ликвидации «холодной войны», поставила четкие задачи в борьбе за переход от опасности войн к мирному сотрудничеству.

Актуальность и реалистичность этой Программы подтвердила жизнь. И хотя всеобщий мир еще отнюдь не гарантирован, у нас есть все основания с уверенностью сказать: оздоровление международного климата убедительно свидетельствует, что достижение прочного мира — не благое пожелание, а вполне реальная задача. Во имя ее решения можно и нужно продолжать работать, не жалея сил!»¹²

Позиция Советского Союза и братских социалистических стран по вопросам борьбы за мир и безопасность четко определена в решениях совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора, состоявшегося в Бухаресте 25—26 ноября 1976 г.¹³ В итоговом документе «За новые рубежи в международной разрядке, за укрепление безопасности и развитие сотрудничества в Европе» государства Варшавского Договора отметили, что принятые в Хельсинки принципы и договоренности представляют собой широкую платформу дальнейшего укрепления мира. В них заложен мощный потенциал долговременного позитивного воздействия на международные отношения на континенте. Последовательное проведение в жизнь этих принципов и договоренностей формирует новый облик Европы — Европы безопасности и сотрудничества. В наше время, указывается в декларации, мир и безопасность в Европе неотделимы, они не могут быть вопросом выбора. Политика разрядки не имеет разумной альтернативы, она необходима в равной мере всем государствам, независимо от их общественных систем. Из этого твердо и неизменно исходят государства — участники Варшавского Договора во всех своих внешнеполитических действиях. Государства социалистического содружества подчеркнуто декларировали, что они неизменно будут выступать в поддержку шагов, направленных на установление во всей Европе и в отдельных ее частях межгосударственных отношений добрососедства, дружбы и сотрудничества, являющихся вкладом в общее дело безопасности на континенте. Несмотря на противодействие сил милитаризма и реакции, совместные усилия государств в строительстве мирной и миролюбивой Европы могут и должны быть продолжены в интересах всех европейских народов, в интересах создания условий, при которых они будут ограждены от любой угрозы или покушения на их безопасность.

В деле обеспечения мира и безопасности в Европе и во всем мире самой острой и неотложной задачей было и остается пре-

¹² Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, с. 19—20.

¹³ «Правда», 1976, 27 ноября.

крашение гонки вооружений и осуществление разоружения, устранение опасностей, могущих привести к мировой войне. В этом плане участники совещания Политического консультативного комитета особое значение придают необходимости достижения международного соглашения о прекращении гонки ядерных вооружений, а затем и о ликвидации ядерного оружия, о полном и всеобщем запрещении его испытаний. Без позитивного решения этих вопросов невозможно сделать действительно необратимыми положительные тенденции в развитии международных отношений, нельзя обеспечить подлинную безопасность в мире. Широкий круг вопросов борьбы за разоружение и упрочение безопасности уже определен, как известно, в документах XXV съезда КПСС и съездов братских партий других стран социалистического содружества, в итоговом документе Конференции коммунистических и рабочих партий Европы. С конструктивными идеями в этой области выступили и другие государства, представители различных общественных кругов. Кардинальный вопрос сейчас в том, чтобы перевести в практическую плоскость имеющиеся инициативы, продвигаться по пути достижения обязывающих, эффективных международных договоренностей в области разоружения.

Страны социалистического содружества выразили уверенность, что расширение разностороннего сотрудничества всех стран и народов Европы — верный путь к упрочению фундамента мира на континенте. В заключительной части декларации Политического консультативного комитета подчеркивается: «Государства — участники совещания ПКК полны решимости... продолжать и расширять эффективное взаимодействие в вопросах укрепления мира в Европе и всеобщего мира»¹⁴.

Выражая удовлетворение итогами совещания Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора и полностью одобряя деятельность советской делегации, ЦК КПСС, Президиум Верховного Совета СССР, Совет Министров СССР в своем постановлении констатируют, что принятые ПКК «решения, безусловно, окажут благоприятное воздействие на все развитие обстановки в Европе и мире в целом, станут новым стимулом в борьбе за углубление разрядки международной напряженности, окончательную ликвидацию остатков «холодной войны», за упрочение мира и развитие международного сотрудничества»¹⁵.

Важное значение для укрепления мира и безопасности в Европе, для дальнейшего развития советско-румынских политических и экономических отношений имеет официальный визит Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в Румынию в ноябре 1976 г. и состоявшиеся во время него переговоры. В од-

¹⁴ «Правда», 1976, 27 ноября.

¹⁵ «Правда», 1976, 5 декабря.

пом из своих выступлений Генеральный секретарь Румынской коммунистической партии Н. Чаушеску подчеркнул, что переговоры с руководителем Коммунистической партии Советского Союза «ознаменуют новый момент в укреплении румыно-советской дружбы, дадут большой импульс нашему всестороннему сотрудничеству как в интересах партий и народов обеих стран, так и общего дела социализма»¹⁶. Разделяя это мнение, Л. И. Брежнев в своем ответном выступлении заявил: «Наши партии призваны быть главными архитекторами и строителями советско-румынской дружбы... Общность идеологий и целей, марксистско-ленинские идеалы, опыт равноправного сотрудничества, накопленный за десятилетия,— таковы объективные основы объединения наших усилий в решении многих стоящих перед нами задач... мы в Советском Союзе высоко ценим сотрудничество с Социалистической Республикой Румынией в вопросах международной политики, когда оно имеет место, и думаем, что чем больше будет такого сотрудничества, тем лучше для дела мира и социализма, для наших с вами общих целей и идеалов»¹⁷.

Советско-румынские договоренности по основным проблемам двусторонних отношений и международным проблемам были изложены в «Заявлении о дальнейшем развитии сотрудничества и братской дружбы между КПСС и РКП, Советским Союзом и Румынией», подписанном в результате визита руководителями двух братских партий¹⁸.

В документе подчеркивается, что «КПСС и РКП исполнены решимости и дальше всемерно развивать свое товарищеское сотрудничество на основе принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, равноправия, в духе взаимного доверия и уважения, крепить братскую дружбу советского и румынского народов, отвечающую коренным национальным интересам СССР и СРР, интересам дела мира, демократии, национальной независимости и социализма»¹⁹. Придавая большое значение подъему на все более высокие ступени традиционных дружественных связей между странами, стороны сочли необходимым расширять практику обмена информацией и проведения консультаций по важнейшим вопросам развития советско-румынских отношений и международным проблемам, представляющим общий интерес, в целях согласования позиций.

При рассмотрении вопросов экономического сотрудничества руководители двух братских партий отметили, что объем советско-румынского товарооборота из года в год возрастает. Развивается также производственная кооперация, сотрудничество в осуществлении экономических проектов и использовании природных ресурсов — как на двухсторонней, так и многосторонней

¹⁶ «Правда», 1976, 23 ноября.

¹⁷ «Правда», 1976, 23 ноября.

¹⁸ «Правда», 1976, 25 ноября.

¹⁹ «Правда», 1976, 25 ноября.

основе, в рамках Совета Экономической Взаимопомощи. Обе стороны выразили решимость и дальше содействовать, вместе с другими странами — членами СЭВ, выполнению Комплексной программы, а также разрабатываемых долгосрочных целевых программ по ряду ключевых направлений развития материального производства.

Участники переговоров, подчеркнув важность углубления сотрудничества в области просвещения, культуры и искусства, высказались за расширение сотрудничества и контактов между культурными учреждениями, творческими союзами, издательствами, между деятелями науки, культуры и искусства, художественными коллективами, журналистами, а также в области туризма и спорта.

В ходе переговоров было условлено, чтобы средства массовой информации расширили всестороннее взаимное освещение достижений советского и румынского народов в коммунистическом и социалистическом строительстве, что будет способствовать дальнейшему углублению советско-румынской дружбы, росту ее роли и значимости в европейской политике.

Политбюро КПСС дало высокую оценку итогам дружественного визита Л. И. Брежнева в Социалистическую Республику Румынию. В принятом им по этому вопросу решении говорится, что «последовательное претворение в жизнь договоренностей, достигнутых во время визита тов. Л. И. Брежнева в Румынию... будет отвечать как интересам советского и румынского народов, так и интересам дальнейшего укрепления сплоченности и единства стран социализма, роста влияния их согласованной политики на ход международных дел»²⁰.

²⁰ «Правда», 1976, 3 декабря.

1. СОЧИНЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

- В Народный Комиссариат по военным делам.— Полное собрание сочинений (далее — Полн. собр. соч.), т. 50.
- VIII Всероссийский съезд Советов. Доклад Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров о внешней и внутренней политике.— Полн. собр. соч., т. 42.
- VIII съезд РКП(б). Отчет Центрального Комитета.— Полн. собр. соч., т. 38.
- Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов. Доклад о мире.— Полн. собр. соч., т. 35.
- Выступление на заседании Совнаркома 4 марта 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 35.
- Главнокомандующему М. А. Муравьеву, Румынской Верховной Коллегии, Народному Секретариату Украинской Республики, В. А. Антонову-Овсеенко 17 февраля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- Заседание ВЦИК 29 апреля 1918 г. Доклад об очередных задачах Советской власти.— Полн. собр. соч., т. 36.
- Доклад о внешней политике на объединенном заседании ВЦИК и Московского Совета 14 мая 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 36.
- IX съезд РКП(б). Доклад Центрального Комитета 29 марта 1920 г.— Полн. собр. соч., т. 40.
- IX Всероссийский съезд Советов. О внутренней и внешней политике Республики. Отчет ВЦИК и СНК 23 декабря 1921 г.— Полн. собр. соч., т. 44.
- О праве наций на самоопределение.— Полн. собр. соч., т. 25.
- Речь о годовщине революции 6 ноября 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 37.
- Телеграмма М. А. Муравьеву, 14 февраля 1918 г.— Полн. собр. соч., т. 50.
- Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на Московской конференции РКП(б) 12 июля 1919 г.— Полн. собр. соч., т. 39.

2. ДОКУМЕНТЫ КПСС И МЕЖДУНАРОДНОГО КОММУНИСТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- XVI съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 июня — 13 июля 1930 г. Стенографический отчет, ч. I. ч. II. М., 1930.
- XVII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934.
- XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (б). 10—21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.
- XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза. 30 марта — 9 апреля 1971 г. Стенографический отчет, т. 1—2. М., 1971.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, части I—II. Издание седьмое. М., 1953.
- История Коммунистической партии Советского Союза, т. 4, книга вторая (1929—1937 гг.). М., 1971; т. 5, книга первая (1938—1945 гг.). М., 1970.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941—1945. В шести томах, т. I. Подготовка и развязывание войны империалистическими державами. М., 1960; т. 2 (июнь 1941 г.— ноябрь 1942 г.). М., 1961.
- Коммунистический Интернационал в документах. 1919—1932 гг. М., 1933.
- Резолюции VII Всемирного Конгресса Коминтерна. М., 1935.
- XII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического интернационала. Стенографический отчет, т. 1—3. М., 1933.

- XIII пленум Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. Стенографический отчет. М., 1934.
- VII конгресс Коммунистического Интернационала и борьба против фашизма и войны. Сборник документов. М., 1975.
- 30 de ani de lupta a Partidului pentru socialism, pentru pace, pentru fericirea Patriei. 1921—1951. București, 1951.
- Congresul al II-lea al P.M.R. București, 1956.
- Congresul al III-lea al P.M.R. București, 1961.
- Documente din istoria Partidului Comunist din România. 1917—1944. București, 1953.
- Documente din istoria Partidului Comunist din România. 1917—1937, vol. I—IV. București, 1953—1957.
- Documente din istoria mișcării muncitorești din România (1916—1921). București, 1966.
- Documente din istoria Uniunii Tineretului Comunist din România (1917—1944). București, 1958.
- Lecții în ajutorul celor care studiază istoria P.M.R. București, 1960.
- Rezoluții și hotărâri ale Comitetului Central al Partidului Muncitoresc Român. 1948—1950. București, 1952.
- Rezoluții și hotărâri ale Comitetului Central al P.M.R., vol. I—II. [București], 1952—1954.
- El balance de Veinte anos de dictadura fascista. Documento del Comité Central del Partido Comunista de Espana. Praha, 1959.
- Брежнев Л. И. О внешней политике КПСС и Советского государства. Речи и статьи. М., 1975.
- Брежнев Л. И. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976. М., 1976.
- Калинин М. И. Международное положение СССР. М., 1936.
- Калинин М. И. О международном положении. М., 1938.
- Калинин М. И. Двадцать три года Советской власти.— «Правда», 7 ноября 1940.
- Сталин И. В. Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП(б).— Сочинения, т. 12, М., 1949.
- Сталин И. В. Итоги первой пятилетки. Доклад 7 января 1933 г. на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б).— Сочинения, т. 13, М., 1951.
- Сталин И. В. Беседа с корреспондентом газеты «Нью-Йорк Таймс» г. Дюранти 25 декабря 1933 г.— Сочинения, т. 13, М., 1951.
- Сталин И. В. Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г.— Сочинения, т. 13, М., 1951.
- Сталин И. В. Отчетный доклад XVIII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. М., 1939.
- Литвинов М. М. Внешняя политика СССР, 2-е издание. М., 1937.
- Литвинов М. М. В борьбе за мир. М., 1938.
- Потемкин В. П. Политика «умиротворения» агрессора и борьба Советского Союза за мир. М., 1946.
- Чичерин Г. В. Статьи и речи. М., 1966.
- Георгиу-Деж Г. Статьи и речи, т. I. (октябрь 1945 — сентябрь 1952 года). М., 1956; т. II (январь 1953 — май 1956 года). М., 1956.
- Gheorghiu-Dej Gh. Articole și cuvântări. București, 1959.
- Георгиу-Деж Г. XV годовщина Румынской Народной Республики. Бухарест, 1962.
- Готвальд К. Избранные произведения, т. I (1925—1938 гг.), М., 1957.
- Cottwald K. Spicy, Sv. V. Praha, 1953.
- Димитров Г. В борьбе за единый фронт против фашизма и войны. Статьи и речи. 1935—1939. М., 1939.
- Пик В. Избранные произведения. М., 1956.
- Тольятти П. Избранные статьи и речи, т. I (1923 год — октябрь 1956 года). М., 1965.

Ульбрихт В. Избранные статьи и речи. М., 1961.

Чаушеску Николае. Речь на торжественном собрании, посвященном 100-летию со дня рождения В. И. Ленина. 17 апреля 1970 г. Бухарест. 1970.

3. ПУБЛИКАЦИИ ДОКУМЕНТОВ

а) ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР:

Внешняя политика СССР. Сборник документов в шести томах. М., 1944—1947. Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы (в трех томах). М., 1946—1947.

Десять лет советской дипломатии. Акты и документы. М., 1927.

Документы внешней политики СССР, тт. I—V, VII, XII, XIV—XX. М., 1957—1976.

Документы и материалы по истории советско-польских отношений. тт. V—VII. М., 1967—1973.

Материалы Генуэзской конференции. Полный стенографический отчет. М., 1922.

Международное положение и внешняя политика СССР. Сборник документов и материалов. М., 1939.

Международные отношения и внешняя политика СССР. 1939—1941 гг. Документы и материалы. М., 1948.

Международная поддержка борьбы трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Сборник документов и материалов. Кишинев, 1970.

Мирный договор с Болгарией. М., 1947.

Мирный договор с Венгрией. М., 1947.

Мирный договор с Италией. М., 1947.

Мирный договор с Румынией. М., 1947.

Мирный договор с Финляндией. М., 1947.

Новые документы из истории Мюнхена. М., 1958.

Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Издание второе, исправленное и дополненное. т. I—II. М., 1954.

Образование Союза Советских Социалистических Республик. Сборник документов. М., 1972.

Отчет о деятельности НКВД к VI съезду Советов.— «Известия», 31 октября 1918 г.

Годовой отчет НКВД за 1924 год к III съезду Советов. М., 1925.

Поражение германского империализма во второй мировой войне. Статьи и документы. М., 1960.

Сборник документов по международной политике и международному праву. Вып. I—XI. М., 1932—1937.

Советский Союз в борьбе за мир. 1917—1929 гг. Сборник документов. М.—Л., 1929.

Советское государство и страны Прибалтики (Историческая справка Совинформбюро). М., 1941.

СССР. Верховный Совет. Третья сессия Верховного Совета СССР. 25—31 мая 1939. Стенографический отчет. М., 1939.

СССР. Верховный Совет. Шестая сессия Верховного Совета СССР. 29 марта — 4 апреля 1940. Стенографический отчет. М., 1940.

СССР в борьбе за мир. Речи и документы (1930—1934 гг.). М., 1935.

СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны (сентябрь 1938 г.— август 1939 г.). Документы и материалы. М., 1971.

СССР и фашистская агрессия в Испании. Сборник документов. М., 1937.

Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. Сборник документов (1922—1936 гг.). М., 1939.

Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М., 1938.

Фальсификаторы истории (историческая справка). М., 1948.

Экономические отношения СССР с зарубежными странами. 1917—1967 гг. Справочник. М., 1967.

б) ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ ЗАРУБЕЖНЫХ ГОСУДАРСТВ;

- Дашичев В. И. Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки. Документы и материалы. В двух томах, т. I. Подготовка и развязывание нацистской агрессии в Европе (1933—1941). М. 1973.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны, т. I. Документы МИД Германии (ноябрь 1937—1938 гг.). М., 1948; т. II. Архив Дирксена (1938—1939 гг.). М., 1948.
- Документы Министерства иностранных дел Германии: вып. I. Германская политика в Венгрии (1937—1942 гг.); вып. II. Германская политика в Турции (1941—1943 гг.); вып. III. Германская политика и Испания (1936—1943 гг.). М., 1946.
- Венгрия и вторая мировая война. Секретные дипломатические документы из истории кануна и периода войны. Перевод с венгерского. М., 1962.
- Локарнская конференция. 1925 год. Документы. М., 1959.
- Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.
- Судебный процесс по делу верховного главнокомандования гитлеровского вермахта. М., 1964.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918—1945. Ser. D, Bd. V. Baden-Baden, 1953.
- Anuarul Statistic al României pe anii 1936 și 1937. București, 1938.
- Anuarul Statistic al României pe anii 1937 și 1938. București, 1939.
- Documents on British Foreign Policy. 1919—1939. Second series, vol. V—VII. London, 1956—1958. Third series, vol. I—VII. London, 1949—1954.
- Foreign Relations of the United States. Diplomatic Papers. 1936, vol. I. Washington, 1953; 1937, vol. I. Washington, 1955; 1939, vol. I. Washington, 1956; Soviet Union. 1933—1939. Washington, 1952.
- Documents Diplomatiques français. 1932—1939. 1-e série, tome I. Paris. 1964. 2-e série, tome I—III. Paris, 1963—1966.
- Documents on German Foreign Policy. 1918—1945. Series C (1933—1936): vol. I. Washington, 1957; vol. II. Washington, 1959; vol. III. London, 1959; vol. IV. Washington, 1962; vol. V. London, 1966. Series D (1937—1945): vol. II. London, 1950; vol. III. London, 1950; vol. IV. Washington, 1951; vol. V. Washington, 1953; vol. VI. London, 1956; vol. VII. London, 1956.
- Documenti Diplomatici italiani. Ottava serie (1935—1939); vol. XII—XIII. Roma, 1952—1953.
- Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjetunion 1940/41. Bonn, 1970.
- Monitorul oficial, partea III. Dezbateri parlamentare, 1932—1936.
- Procesul marii trădări naționale. București, 1946.
- Recensământul general al populației României. Din 29 Decembrie 1930, vol. II—III. București, 1938; vol. X. Întreprinderi industriale și comerciale. București, 1938.
- Statistica societăților anonime din România. 1939. vol. XIX. București, 1940.
- Statistica societăților anonime din România. 1940. vol. XXII. București, 1942.
- Titulescu N. Documente diplomatice. București, 1967.
- Titulescu N. Discursuri. București, 1967.

4. АРХИВЫ

а) СОВЕТСКИЙ СОЮЗ

- Центральный архив Министерства внешней торговли СССР, фонд I.
- Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), фонд 4459.
- Архив Академии наук СССР (Архив АН СССР), фонд Р — У.
- Историко-дипломатический архив (ИДА), фонды: 300 (МИД Румынии), 304 (Военный кабинет И. Антонеску), 336 (Совет Министров Румынии), фонд микрофильмов.

Arhiva centrală a CC al PCR. fondul 3. Aminitiri lui A. Calinescu; fondul 104. Insemnări zilnice lui C. Argetoianu; Cota AXXII—I. Cota Ab XXI—3. Cota Ab XXII—14.
 Arhiva Statului, fonduri: Presedinția Consiliului de miniștri; Ministerul propagandei naționale; Casa regală; Frontul Renașterii Naționale.
 Biblioteca Academiei, Secția manuscrise. Fondul: Arhiva palatului regal.

5. ЛИТЕРАТУРА

а) СОВЕТСКАЯ

Коллективные научные исследования

СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976.
 Борьба трудящихся Бессарабии за свое освобождение и воссоединение с Советской Родиной (1918—1940 гг.). Кишинев, 1970.
 Внешнеэкономические связи СССР за 50 лет. М., 1967.
 История внешней политики СССР. 1917—1975. В двух томах под редакцией А. А. Громыко, Б. Н. Пономарева. Издание второе, переработанное и дополненное, т. I. (1917—1945 гг.). М., 1976.
 История дипломатии. В пяти томах под редакцией А. А. Громыко и др. Издание второе, переработанное и дополненное, т. III (1914—1939 гг.). М., 1965.
 История второй мировой войны. 1939—1945. В двенадцати томах, т. I. Зарождение войны. Борьба прогрессивных сил за сохранение мира. М., 1973; т. 2. Накануне войны. М., 1974; т. 3. Начало войны. Подготовка агрессии против СССР. М., 1974.
 История международных отношений и внешней политики СССР, т. I. М., 1961.
 История СССР (с древнейших времен до наших дней). В двух сериях, в двенадцати томах, т. IX. М., 1971.
 История Молдавской ССР, в двух томах, изд. 2-е, переработанное и дополненное, т. II (1917—1968 гг.), Кишинев, 1968.
 История Болгарии. В двух томах, т. II (1917—1954 гг.). М., 1955.
 История Венгрии. В трех томах, т. III (1917—1970 гг.). М., 1972.
 История Польши. В трех томах, т. III (1917—1957 гг.). М., 1958.
 История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
 История Чехословакии. В трех томах, т. III (1918—1959). М., 1960.
 История Югославии. В двух томах, т. II (1917—1962). М., 1963.

Индивидуальные монографические исследования:

Александри Л. И. Бессарабия и бессарабский вопрос. М., 1925.
 Александри Л. И. 5 ань де ла Конференца дин Виена. Балта, 1929.
 Антюхина-Московченко В. И. СССР и Франция. Советско-французские отношения в 1917—1967 гг. М., 1967.
 Афтенюк С. Я. Победа Советской власти в Молдавии и ее защита от интервентов в январе — феврале 1918 г. — «Коммунист Молдавии», 1968, № 11.
 Бережков В. М. С дипломатической миссией в Берлин. 1940—1941. М., 1967.
 Белоусова З. С. Французская дипломатия накануне Мюнхена. М., 1964.
 Березняков Н. В. Из истории борьбы советской дипломатии за освобождение Бессарабии в 1918—1924 гг. — «Ученые записки Молдавского филиала АН СССР», т. VI (серия историческая). Кишинев, 1957.
 Бодюл И. И. Присоединение Бессарабии к России и исторические судьбы молдавского народа. — «Вопросы истории», 1972, № 8.
 Болтин Е. Внешняя политика СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны. — «Коммунист», 1970, № 7.
 Борисов Ю. В. Советско-французские отношения (1924—1945 гг.). М., 1964.
 Брысякин С., Сытник М. Торжество исторической справедливости (1918 и 1940 годы в судьбах молдавского народа). Кишинев, 1969.
 Виноградов В. Н. Румыния в годы первой мировой войны. М., 1969.
 Виноградов В. Н. Интервенция в Бессарабии в 1918 г. — звено в заговоре меж-

- дународного империализма против Советской России.— «Вопросы истории», 1975, № 3.
- Волков Ф. Д. СССР — Англия. 1929—1945 гг. Англо-советские отношения накануне и в период второй мировой войны. М., 1964.
- Волков В. К. Германо-югославские отношения и развал Малой Антанты. 1933—1938. М., 1966.
- Галайда К. Украденная страна (10 лет оккупации Бессарабии). М., 1928.
- Глуговский А., Компаниец И. Против буржуазной фальсификации истории Буковины.— «Коммунист Украины», 1968, № 1.
- Гроссман А. С. Вступление фашистской Италии во вторую мировую войну. — «Вопросы истории», 1970, № 2.
- Гросул Я. С., Мохов Н. А. Историческая наука в Молдавской ССР. М., 1970.
- Деборин Г. А. Международные отношения и внешняя политика СССР. 1917—1945. Выпуск 2 (1923—1937). М., 1946; выпуск 3 (1936—1941). М., 1947.
- Дембо В. Бессарабский вопрос. М., 1924.
- Десять лет кровавой оккупации. Харьков, 1928.
- Дольник А. Бессарабия под властью румынских бояр (1918—1940). М., 1945.
- Жилин П. А. Как фашистская Германия готовила нападение на Советский Союз (расчеты и просчеты). М., 1966.
- Итиски М. Б. Предательская роль «Сфатул церий». Кишинев, 1969.
- Исразян В. Л., Кутаков Л. Н. Дипломатия агрессоров. М., 1967.
- Кобляков И. К. Борьба СССР за мир и коллективную безопасность (1938—1941). М., 1975.
- Кобляков И. К. Борьба Советского Союза против фашистской агрессии, за коллективную безопасность накануне второй мировой войны.— «История СССР», 1962, № 3.
- Копанский Я. М., Левит И. Э. Советско-румынские отношения. 1929—1934. М., 1971.
- Копанский Я. М. Интернациональная солидарность с борьбой трудящихся Бессарабии за воссоединение с Советской Родиной (1918—1940). Кишинев, 1975.
- Красильников А. Н. СССР и Англия. Советско-английские отношения в 1917—1967 гг. М., 1967.
- Кудрявцев Д. И. Борьба СССР за разоружение. 1922—1953 гг. М., 1954.
- Лазарев А. М. Молдавская Советская государственность и бессарабский вопрос. Кишинев, 1974.
- Лебедев Н. И. «Железная гвардия», Кароль II и Гитлер. М., 1968.
- Летопись Советской внешней политики. 1917—1967. Даты и факты. М., 1968.
- Майский И. М. Кто помогал Гитлеру? М., 1962.
- Майский И. М. Воспоминания советского посла. В двух книгах. Книга вторая. М., 1964.
- Майский И. М. Воспоминания советского дипломата. 1925—1945 гг. М., 1971.
- Манусевич А. Я. Великий октябрь и образование в 1917—1918 гг. новых государств в Европе.— «Вопросы истории», 1968, № 11.
- Овсяный И. Д. Тайна, в которой война рождалась (как империалисты подготовили и развязали вторую мировую войну). Издание второе, дополненное. М., 1975.
- Остоя-Овсяный И. Д. Новое о Мюнхене (по материалам английских архивов) — «Новая и новейшая история», 1969, № 4, 5; 1970, № 1.
- Остоя-Овсяный И. Д. На пороге войны (Новое об англо-франко-советских военных переговорах в Москве в 1939 г.).— «Новая и новейшая история», 1971, № 1, 2.
- Пивович Мих. Бессарабский вопрос в международной политике. Вступительная статья в книге: А. А. Иорданский. Румыния. М.— Л., 1926.
- Панкрашова М., Сиполс В. Почему не удалось предотвратить войну. М., 1970.
- Петерс И. А. Чехословацко-советские отношения (1918—1934). Киев, 1965.
- Поляков В. Г. Англия и мюнхенский сговор. М., 1960.
- Попов В. И. Дипломатические отношения между СССР и Англией (1929—1938 гг.). М., 1965.

- Прозектор Д. М.* Агрессия и катастрофа. 1939—1945. М., 1972.
- Сазина М. Г.* Борьба румынского народа за установление и укрепление народно-демократического строя (1944—1947). М., 1963.
- Севостьянов Г. Н.* Активная роль США в образовании очага войны на Дальнем Востоке (1931—1933). М., 1953.
- Севостьянов Г. Н.* Политика великих держав на Дальнем Востоке накануне второй мировой войны. М., 1961.
- Сиполс В. Я.* Тайная дипломатия. Буржуазная Латвия в антисоветских планах империалистических держав. 1919—1940. Рига, 1968.
- Сиполс В. Я.* Советский Союз в борьбе за мир и безопасность. 1933—1939. М., 1974.
- Смішко П. Г.* Борьба трудящихся украинских Придунайских земель за воззеднания з УРСР (1917—1940 рр.). Львів, 1969.
- Татару А.* Бессарабия под пятой румынских оккупантов, М., 1932.
- Трухановский В. Г.* Внешняя политика Англии в период второй мировой войны (1939—1945). М., 1965.
- Трухановский В. Г.* Антони Иден. Страницы английской дипломатии, 30—50-е годы. М., 1974.
- Фомин В. Т.* Агрессия фашистской Германии в Европе. 1933—1939 гг. М., 1963.
- Фураев В. К.* Советско-американские отношения. 1917—1939 гг. М., 1964.
- Хайцман В. М.* СССР и проблема разоружения (между первой и второй мировыми войнами). М., 1959.
- Хвостов В. М.* Проблемы истории внешней политики СССР и международных отношений (Избранные труды). М., 1976.
- Чубарьян А. О. В. И.* Ленин и формирование советской внешней политики. М., 1972.
- Шевяков А. А.* Экономическая и военно-политическая агрессия германского империализма в Румынии. Кишинев, 1963.
- Шевяков А. А.* Советско-англо-французские переговоры 1939 года и страны Восточной Европы.— В кн.: СССР в борьбе против фашистской агрессии. 1933—1945. М., 1976.
- Шевяков А. А.* и др. От королевской диктатуры к военно-фашистскому режиму (февраль 1938 — июнь 1941).— В кн.: История Румынии. 1918—1970. М., 1971.
- Шевяков А. А.* Борьба компартии Румынии против политики фашизации страны.— «Вопросы истории», 1959, № 8.
- Шевяков А. А.* Из истории экономической экспансии германского империализма в Румынии в 1936—1941 гг.— «Вопросы истории», 1961, № 12.
- Шевяков А. А.* Превращение гитлеровцами Румынии в плацдарм для нападения на СССР.— «Новая и новейшая история», 1962, № 4.
- Шевяков А. А.* Внешняя политика Румынии после Мюнхена (октябрь 1938—апрель 1939).— «Новая и новейшая история», 1968, № 5.
- Шевяков А. А.* Внешняя политика Румынии в период Мюнхена.— «Вопросы истории», 1970, № 12.
- Шевяков А. А.* Внешняя политика СССР и советско-румынские отношения (январь — август 1939 г.).— «История СССР», 1974, № 1.
- Шевяков А. А.* Установление дипломатических отношений СССР со странами Центральной и Юго-Восточной Европы.— «Вопросы истории», 1975, № 1.
- Штейн Б. Е.* Буржуазные фальсификаторы истории (1919—1939 гг.) М., 1951.
- Язькова А. А.* Румыния накануне второй мировой войны. 1934—1939 гг. М., 1963.

Б) ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕРЕВОДНАЯ

- Болдур А.* Бессарабский вопрос. Кишинев, 1930.
- Внешняя политика Чехословакии. 1918—1939.* Сборник статей. Перевод с чешского. М., 1959.
- Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генштаба сухопутных войск. 1939—1942 гг., т. 1 (14.8. 1939 г.—30.6. 1940 г.). М., 1968.
- Деак А., Илинчю И.* Ленин и Румыния. Бухарест, 1971.
- КонстантINESКУ Н. Н.* Эксплуатация и ограбление румынской экономики гит-

- леровской Германней в период 1939—1944 гг. В сб.: Румыния во второй мировой войне, т. 2. Бухарест, 1964.
- Копою Н. О проникновении нацистской идеологии в Румынию. В сб.: Румыния во второй мировой войне, т. 2. Бухарест, 1964.
- Опря И. М. Дипломатическая деятельность Николае Титулеску. Бухарест, 1970.
- Ротштейн Э. Мюнхенский сговор. М., 1959.
- Табуи Ж. Двадцать лет дипломатической борьбы. Перевод с французского. М., 1960.
- Тинпельскирх К. История второй мировой войны. Перевод с немецкого. М., 1956.
- Эррио Э. Из прошлого. Перевод с французского. М., 1958.

В) ЗАРУБЕЖНАЯ:

- Amort C. Na pomoc československému lidu. 1938—1945. Praha, 1960.
- Antonescu M. Politica externă a României. București, 1937.
- Aspecte de dezvoltării capitalismului monopolist în România. București, 1957.
- Aspects des relations russo — roumaines. Retrospectives et orientations. Paris, 1967.
- Avramovski Z. Pitanje sovjetsko — rumunskog pakta, pad Tituleskua i posledice za Romansku spoljnopoličku orientaciju.— Istorija XX veka. Zbornik radova VII. Beograd, 1965.
- Babici I. Solidaritate militantă antifascistă. București, 1972.
- Basarabia și relațiunile româno — ruse. București, 1927.
- Basarabia și Bucovina. București, 1941.
- Baicoianu I. C. Acordul româno — german. București, 1939.
- Batowski H. Kryzys dyplomatyczny w Europie. Jesień 1938 — wiosna 1939. Warszawa, 1962.
- Beaucourt Ch. L'Union Sovietique et la Roumanie. In Les Frontières europeenes de l'URSS. 1917—1941. Paris, 1957.
- Beaufre General. Le drame de 1940. Paris, 1965.
- Becker Jakob. Bessarabien und sein Deutschtum. Württemberg, 1966.
- Beck J. Dernier rapport. Politique polonoise 1926—1939. Geneve, 1951.
- Beloff Max. The Foreign Policy of Soviet Russia, vol. 1. 1929—1939. London — New York, 1947.
- Beneš E. Pameti. Praha, 1948.
- Benditer J. Din politica antipopulară și antinațională a burgheziei și moșierimii române între anii 1937—1939.— «Studii», 1954, N 2.
- Benditer J. Atitudinea guvernului român față de Cehoslovacia în lunile premărgătoare Münchenului.— «Studii», 1956, N 5.
- Bonnet G. Défense de la paix. Fin d'une Europe. Paris, 1948.
- Budurowicz B. Polish — Soviet Relations. 1932—1939. New York — London, 1963.
- Bogos D. Basarabia de la 1812 până la 1938. Chișinău, 1938.
- Boldur A. Basarabia și relațiile româno — ruse. București, 1927.
- Boldur A. Problema pactului de neagresiune sovietico — român.— In «Viața Basarabiei», 1933, N 1—2.
- Brătianu Gh. La politique extérieure de la Roumanie. Bucarest, 1937.
- Brătianu Gh. La Roumanie et L'URSS. Bucarest, 1936.
- Bugnariu T. și Baniai L. Trădarea Transilvaniei de către Carol I și Carol al II-lea — lea de Hohenzollern în ajunul Primului și celui de al doilea război mondial.— Studii și referate privind istoria României. Partea a II-a. București, 1954.
- Buell R. L. The Foreign Policy of Poland. New York, 1938.
- Calinescu A. Noul regim. București, 1939.
- Calinescu A. România renașterii. București, 1939.
- Campus E. Mica Inteligere. București, 1968.
- Campus E. Despre politica externă antinațională a guvernelor burghezo — moșierești din România în timpul politicii imperialiste de așa zisa «neintervenție» (1936).— «Studii», 1952, N 3.
- Campus E. Despre politica externă a guvernului reacționar român în etapă trădării de la München (1937—1938).— «Studii», 1953, N 3.

- Campus E.* Tratatul diplomatic în preajma dictatului de la Viena (aprilie—august 1940).— «Studii», 1957, N 3.
- Campus E.* Le rôle de la Roumanie dans la désagrégation de la Petite Antante.— «Nouvelles études d'histoire». Bucarest, 1955.
- Campus E.* Acapărarea economică-politică a României de către Germania hitleristă în anii 1937—1938.— Studii și referate privind istoria României. Partea a II— a. București, 1954.
- Campus E.* Aspecte ale politicii externe a României în etapă postmuncheneză (octombrie 1938— aprilie 1939).— Studii și materiale de istorie contemporană, vol. I. București, 1956.
- Carr E. D.* The Foreign Policy of Britain from 1918 to September 1939. London, 1939.
- Cattel D. T.* Soviet Diplomacy and the Spanish Civil war. California, 1957.
- Cartea neagră (Fapte și documente), vol. I. București, 1946.
- Cazacu P.* Moldova dintre Prut și Nistru. Iași, 1929.
- Casian N.* Alianța militară romano-polono-sovietică? Este oare posibil? /București/, 1933.
- Chirițescu C.* Preludiile diplomatice ale războiului de întregire. București. 1940.
- Chabeanu G.* Drumul politicii. Cluj, 1938.
- Chiper I.* Relațiile româno — germane în 1933 — «Studii», 1968, N 4
- Churchill W. S.* Step by Step. 1936—1939. New York, 1939.
- Ciano's Diary.* London, 1948.
- Ciano G.* Diorio, vol. I. 1939—1940. Milano, 1950.
- Ciobanu Șt.* Basarabia. Chișinău, 1926.
- Comnene N. P.* Preludi del grande dramma. Roma, [1947].
- Comnene N. P.* Anarhie, dictature ou organisation internationale? Genève, 1946.
- Contribuții la studiul influenței Marii Revoluții socialiste din octombrie în România. București. 1957.
- Constantinescu M., Daicoviciu C., Pascu Șt.* и другие. Istoria României. Compendiu. București, 1969.
- Coates W. S. and Z. K.* A History of anglo-soviet Relations. London, 1945.
- Colimas A. H.* Tratatul dela Atena. Iași, 1934.
- Creutzianu A.* The lost opportunity. London, 1957.
- Cristureanu T.* Hotarele statice și dinamice ale României. București, 1935.
- Cuza A.* Indrumări de politica externă (1920—1936). [București, 1936].
- Cuza A.* Indrumări de politica externă. București, Dare de seama. București, 1937.
- Dascoșici N.* Politica externă a României. Iași, 1936.
- Dezvoltarea constituțională a statului român. București, 1957.
- The Diaries of sir A. Cadogan. 1938—1945. London, 1971.
- Eastman A.* King Carol, Hitler and Lupescu. London, 1942.
- Eden A.* Memories. London, 1961.
- Filipescu Gr. N.* Politica noastră externă. București, 1936.
- Filipescu Gr. N.* Legende și realități. București, 1936.
- Fierlinger Z.* Ve službach CSR, vol. I—II. Praha, 1949—1951.
- Florescu M.* Politica provocatoare de război a partidelor «istorice». [București]. 1946.
- Fisher L.* Russian Road from Peace to war. Soviet Foreign Relations. 1917—1941. New York, 1969.
- Fisher L.* The Soviet in World Affairs, vol. I. London, 1930.
- Fisher L.* Men and Politics. Europe between the world wars. New York, 1966.
- Gafencu G.* Politica externă a României. [București], 1939.
- Gafenco Gr.* La Roumanie et la crise de l'Europe centrale. Bucarest, [1939].
- Gafenco G.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1945.
- Gafenco G.* Derniers jours de l'Europe. Paris, 1946.
- Gafenco G.* Last Days Europe. London, 1946.
- Ghibu O.* De la Basarabia rusească la Basarabia românească. Cluj, 1926.
- Chibu O.* Cums'a facut unirea Basarabiei. Sibiu, 1925.
- Ghibu O.* Revizionismul românesc. București, 1931.
- Haneș V.* Basarabia noastră. București, 1940.

- Hillgruber A.* Hitler, King Karol und Marschall Antonescu. Wiesbaden, 1954.
- Hillgruber A.* Südost-Europa im Zweiten Weltkrieg. Frankfurt an Main, 1962.
- Istoria Romaniei.* Redactor responsabil M. Roller. București, 1948.
- Istoria Romaniei.* Manual pentru clasa a XI-a. București, 1960.
- Istoria poporului român.* Sub redacția acad. A. Oțetea. București, 1970.
- Iorga N.* Călăuza în România veche pentru frații basarabeni. București, 1919.
- Iorga N.* Memorii, vol. VI. București, 1939.
- Impotriva fascismului.* Sesiunea științifică privind analiza critică și demascarea fascismului în România. 4—5 martie 1971. București, 1971.
- Kamenetsky I.* Secret nazi plans for Eastern Europa. New York, 1961.
- Kennan G.* Soviet Foreign Policy. 1917—1941. T., N. Y., L. 1960.
- Klees A.* Rûmânisch und moldavisch.—«Osteuropa», 1955, N 4.
- Kral V.* Spojenectvi Československo-sovetske v evropske politice. 1935—1939. Praha, 1970.
- Kral V.* Rumunsko a průhod Rude Armady na pomoc Československy v roce 1938—«Slovensky prehled», 1966, N 6.
- Krugmann R.* Südosteuropa und Großdeutschland. Breslau, 1939.
- Kuzminski T.* Polska. Francia, Niemcy. 1933—1935. Warszawa, 1963.
- Lapter Karol.* Pakt Pilsudski — Hitler. Warszawa, 1962.
- Lee E. D.* Ten Years. The World on the Way to war. 1930—1940. Boston, 1942.
- Lipson E.* Europe 1914—1939. London, 1945.
- Liveanu V.* Caracterul anitsovietic și antipopular al tratatului de la Buftea (5 martie 1918).—Studii și materiale de istorie contemporană, vol. I. București, 1956.
- Lupșescu-Grănicerul V.* România în Europa de miine. Timișoara, 1937.
- Maniu și Brătianu* — dusmanii păcii, dusmanii prieteniei dintre popoare. București, 1946.
- Macshery G.* Stalin, Hitler and Europe, vol. I (1933—1939). Cleveland, 1968.
- Marea Revoluție socialistă din Octombrie și România.* București, 1967.
- Marghiloman A.* Note politice, vol. IV (1918—1919). București, 1927.
- Maxwell W.* Bessarabia.—Soviet Russia to-day, vol. 9, N 4, august 1940.
- Monarhia de Hohenzollern văzută de contemporani.* București, 1968.
- Melega V.* Rusia sovietică economică. Perspectivele schimburilor între România și URSS. București, 1936.
- Militarismul german și România.* București, 1963.
- Mosley Philip.* Is Bessarabia Next?—Foreign Affairs, vol. 18, N 3, april 1940.
- Namier L.* Diplomatic Prelude. 1938—1939. London, 1948.
- Netea V.* Transnistria. București, 1941.
- Neubacher H.* Sonderauftrag Südost. Göttingen, 1956.
- Nistor Ion.* Basarabia sub dominațiunea românească. Cernăuți, 1938.
- Niri A.* Istoritul unui tatat înrobitor. București, 1965.
- Onsiul Aurel.* Organizația României-Mari. Cernăuți, 1920.
- Ohăbeanu G.* Drumul politice externe. Cluj, 1938.
- Oprea I. M.* Nicolae Titulescu. București, 1966.
- Oprea I. M.* O etapă rodnică. Din istoria relațiilor diplomatice româno-sovietice 1928—1936. București, 1967.
- Patrașcanu L.* Sub trei dictaturi. București, 1946.
- Pentru apărarea graniței de apus.* [București], 1938.
- La Petite Entente.* 1920—1937. [Bucurest, 1938].
- Popișteanu C.* România și Antanta balcanică. București, 1968.
- Pop-Muresan P.* Adevărul despre J. Maiu. București, 1946.
- Politics and political parties in Romania.* London, 1936.
- Polihroniade M.* Tineretul și politica externă. București, 1937.
- Popovici Jean.* Probleme actuale de drept internațional public. Politica externă a României. Iași, 1932.
- Pritt D. N.* Must the War spread? London, 1940.
- Prost H.* Destin de la Roumaine (1918—1934). Paris, 1954.
- Reynaud Paul.* La France a sauvé l'Europe, vol. I. Paris, 1947.

- Rezultatele «colaborării» economice cu Germania și ale participării noastre la
razboiul hitlerist. București, 1945.
- Radulescu I.* Pentru un imperialism românesc. București, 1942.
- Ravas Gh.* Din istoria petrolului românesc. București, 1957.
- Roller M.* Scrieri istorice și social-politice. București, 1957.
- Roller M.* Istoria României. București, 1951.
- România și revizuirea tratatelor (Discursurile d-lor C. Bratianu și Iuliu Ma-
niu. Răspunsul lui N. Titulescu). București, 1934.
- Roucek I. S.* The politics of the Balkans. L., N. Y., 1939.
- Roucek I. S.* Contemporary Romania and her Problems. London, 1932.
- Rusenescu M.* Stabilirea relațiilor diplomatice între România și URSS în anul
1934— În Studii și materiale de istorie contemporană, vol. I. București. 1956.
- Sahia A.* URSS azi. București, 1935.
- Safta S.* Aspecte din înarmarea României... importativa URSS.— «Studii», 1955,
N 4.
- Sauth-Eastern Europe.* A political and economic survey. London. [1939].
- Savin T.* Economia românească sub jugul imperialismului german. București,
1946.
- Savu G.* Dictatura regală (1938—1940). București, 1970.
- Schina M.* Pe marginea unirii Basarabiei. București, 1938.
- Scott William E.* Alliance against Hitler. The origins of the Franco-Soviet Pact
Durham, 1939.
- Seton-Watson H.* Eastern Europe between the wars. 1918—1945. London, 1946.
- Ștefanovici O.* Pactul balcanic și interesele României. [București], 1936.
- Studii privind politica externă a României. 1919—1939. București, 1969.
- Survey of international Affairs. 1936. L., 1937.
- Survey of international Affairs. 1938, vol. II. L., 1951; vol. III. L., 1953.
- Survey of international Affairs. 1939—1946. The world in March 1939. L., N. Y.,
T. 1962.
- Swanwick H. M.* Collective insecurity. London. 1937.
- Tașcă G.* Directivele politice externe a României: axele Paris — Londra și
Roma — Berlin. București, 1938.
- Tătarescu Gh.* Interanționala a III-a și Basarabia. București, 1925.
- Tătarescu Gh.* Evacuarea Basarabiei și Bucovinei de Nord. Craiova, 1940.
- Taylor A. I. P.* The origins of the Second world war. London, 1961.
- Toynbee A.* Survey of international Affairs. 1935, vol. I. London, 1936.
- Titulescu N.* Rumania and Bassarabia.— The Nineteenth Century and After
[London] N DLXVIII iunie 1924.
- Tușui G., Popa M.* Hohentollernii în România. București, 1962.
- Tradiții de solidaritate internaționalistă româno-sovietice. București. 1972.
- Varga V. A.* Atitudinea guvernului român burghezo-moșieresc față de tratative-
le anglo-franco-sovietice din anul 1939.— «Studii». 1960, N 4.
- Vlasov Milan.* The Balkans and the URSS.— Soviet Russia to day, vol. 9, N 3,
Iuli 1940.
- White Lei.* The long Balcan Night. New York, 1947.
- Welles S.* The Time for Decisions. New York, 1944.
- Wheeler-Bennett.* Munich. Prologue to Tragedy. London, 1963.
- Wojciechowski M.* Stosunki polsko-niemieckie. 1933—1938. Warszawa, 1965.
- Хаджиниколов В.* Отношения между България и Съветские Съюз след Ок-
томврийската революция до нормализирането им през 1934.— «Историче-
ски преглед», 1954, кн. 4.
- Zaharia Gh., Tușu D.* Aspecte ale politicii externe a României în anii 1933—
1936.— «Analele», 1965, N 5.

6. ПРЕССА

А) СОВЕТСКАЯ:

- «Большевик», 1932—1939.
- «Вопросы истории», 1956—1976.
- «Военно-исторический журнал», 1960—1970.
- «Известия», 1932—1940.
- «История СССР», 1962—1976, отдельные номера.
- «Коммунистический Интернационал», 1931—1940.
- «Коммунист», 1969—1976.
- «Красная Бессарабия», 1932—1938.
- «Международная жизнь», 1959—1976.
- «Новая и новейшая история», 1959—1976.
- «Правда», 1932—1939, 1969—1976.
- «Le Journal de Moscou», 1934—1937.

б) зарубежная:

- «Adevărul» (Румыния), 1932—1939.
- «Analele Institutului de istorie a partidului de pe lângă CC al PMR», 1960—1968.
- «Anale de istorie». Institutul de studii istorice și socialpolitice de pe lângă CC al PCR. 1969—1976.
- «Argus» (Румыния), 1932—1939.
- «Аха» (Румыния), 1933.
- «Bulletinul Comitetului de acțiune împotriva războiului» (Румыния), 1932—1935.
- «Chemarea Românilor» (Румыния), 1933.
- «Chwila» (Польша), 1936.
- «Ceské slovo» (Чехословакия), 1933.
- «Curentul» (Румыния), 1932—1939.
- «Cuvântul liber» (Румыния), 1935.
- «Dimineața» (Румыния), 1932—1939.
- «Daily Worker» (Англия), 1933—1935, отдельные номера.
- «Ecou!» (Румыния), 1934.
- «L'Époque» (Франция), 1939.
- «Facla» (Румыния), 1932—1933, 1939.
- «Gazeta Polska» (Польша), 1932.

- «L'Humanité» (Франция), 1933.
- «L'indépendance Roumaine» (Румыния), 1932—1939.
- «Jugoslovenski Lloyd» (Югославия), 1936.
- «Kurjer warsawski» (Польша), 1936.
- «Lidove noviny» (Чехословакия), 1934.
- «Lupta de clasă» (Румыния), 1932—1939, 1945—1965.
- «Mișcarea» (Румыния), 1936.
- «Magazin istoric» (Румыния), 1967—1976.
- «Narodni osvobození» (Чехословакия), 1933.
- «Neamul Românesc» (Румыния), 1932—1936.
- «Neue Züricher Zeitung» (Швейцария), 1939.
- «The New York Post», 1936.
- «The New York Sun», 1936.
- «New Republic» (Франция), 1933.
- «Patria» (Румыния), 1936.
- «Polo di Roma», (Италия), 1938.
- «Porunca vremii» (Румыния), 1935.
- «Pravo lidu» (Чехословакия), 1934.
- «Probleme economice» (Румыния), 1950—1965.
- «Proletarul» (Румыния), 1934.
- «Raza» (Румыния), 1934.
- «Robotnik» (Польша), 1935.
- «Rude Pravo» (Чехословакия), 1933—1936.
- «Scînteia» (Румыния), 1932—1939.
- «Slovensky prehled» (Чехословакия), 1964, N 3.
- «Steagul Roșu» (Румыния), 1935—1936.
- «Studii. Revistă de istorie» (Румыния), 1952—1976.
- «Tempo» (Румыния), 1935.
- «Le Temps» (Франция), 1934.
- «Timpul» (Румыния), 1935, 1938.
- «Universul» (Румыния), 1932—1939.
- «Viața Basarabiei» (Кишинев), 1933—1934.
- «Viitorul» (Румыния), 1933—1937.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абэ 346
 Авереску А. 5
 Аврамовский Ж. 191
 Александр I, король 110
 Александреску В. 45
 Александровский С. С. 89, 106, 264, 270, 273
 Альфан Ш. 58, 71, 88, 97
 Аморт 274
 Анджелеску 244
 Андреев С. 260
 Антонеску В. 195, 198, 199, 203, 204, 206, 212, 222, 231—233, 235—237, 239, 240, 243, 245
 Антонов-Овсенко В. А. 31, 33, 69, 96
 Антосьяк А. В. 12
 Антюхина-Московченко В. И. 9
 Арас 222
 Арджетоану К. 117, 168, 268
 Аросев А. Я. 81
 Арцишевский 28, 102, 127, 179, 180, 182, 196, 200
 Лушнит 251
 Бакстон Ч. Ф. 336
 Барбюс А. 74
 Барту Лун 93, 108, 109, 140, 141, 143—145, 147, 155
 Батолов 121
 Бауэрс 218
 Бек Ю. 33, 42, 50, 51, 60, 72, 98, 145, 146, 197, 221, 231—233, 236, 237, 239, 255, 256, 280, 288, 294, 296, 305, 306, 308, 309, 340
 Беккер Я. 10
 Белов М. 10
 Белоусова З. С. 9
 Бендитер Ж. 12, 271
 Бенеш Э. 74, 75, 81—83, 85, 87, 91, 92, 96, 97, 106—112, 117, 173, 190, 263, 268, 270, 273
 Бенеш Й. 107
 Беркович 251
 Бертелло Ф. 20, 30, 31, 42, 43
 Бибеску 168, 169
 Биддл А. 255, 305
 Бланк 251
 Блери Жан 349, 350
 Блюм Л. 85, 218, 226, 235
 Блюхер В. 322
 Боннэ Ж. 266, 268—270, 272, 274, 275, 277, 285, 286, 316, 317, 320, 325, 339
 Борисов Ю. В. 9, 312
 Бофр А. 339, 341, 344
 Брандш 57, 58
 Братиану Г. 101, 117, 126, 176, 177, 181, 182, 186, 206, 234, 277, 280, 289
 Братиану Дину 104, 105, 114, 185, 281
 Братиану И. 5
 Брежнев Л. И. 359—363
 Бриан 13, 18, 63, 80
 Бужой 298
 Бужор М. 124
 Буллит У. 62, 216, 272, 313, 317
 Бюлов Б. 36, 46, 47, 54, 55
 Вавречек 279
 Вайда-Воевод А. 35, 43, 57, 73, 103, 117, 156, 176, 213, 251
 Ванситтарт Р. 142
 Варга В. 12, 290, 310, 318, 335, 339, 340
 Васильев С. 16
 Вебер Фридрих 55, 56
 Виану А. 12
 Видер И. 356
 Вильсон Г. 336
 Владимирив П. 359
 Волков В. К. 270
 Волков Ф. Д. 9
 Вольтат Г. 177, 244—246, 292, 297—299, 322
 Ворошилов К. Е. 337, 338, 341—345
 Галифакс Э. 261, 268, 272, 277, 286, 297, 298, 302—304, 306, 310, 312, 313, 315, 316, 318, 320, 321, 324—329, 331—334, 336
 Гамелен 232
 Гафенку Г. 9, 230, 268, 291, 298, 299, 310, 318—321, 347, 348
 Геббельс 211
 Гелмеджану М. 192
 Гембеш Д. 95
 Георгиу-Деж Г. 357, 358

Геринг 155, 211, 221, 231, 244—246,
 289, 290, 299, 334
 Германи Д. 10
 Герстенберг 348
 Гжибовский В. 287
 Гибу О. 22
 Гиджи 291
 Гика Д. 22, 25, 26, 30
 Гитлер А. 17, 47, 48, 53, 56, 58, 102,
 146, 149, 151, 202, 206, 211, 213—218,
 221, 235, 250, 255, 261, 284, 290, 295,
 296, 304—306, 309—312, 316,
 318—320, 333, 337, 346, 355, 356
 Глац 240
 Гога О. 115, 176, 201, 202, 234, 235,
 250, 251, 253, 254, 263, 282
 Гожда 238
 Горджиу А. 10
 Голимас А. 73
 Голль Ш., де 355
 Горшенин 168
 Готвальд К. 84, 85, 122
 Гроза Петру 357
 Гувер 36
 Гугунберг А. 46, 48
 Гурвич Е. 250, 258, 259, 265
 Давид Г. 131
 Давтян Я. Х. 98, 99, 100, 108, 143,
 236,
 Даладье Э. 71, 84—86, 227, 228, 268,
 276, 279, 284, 285, 289, 303, 316, 320,
 325, 335, 341
 Даллес Ф. 143
 Даллин Д. 10
 Датт П. 345
 Дашичев В. И. 227
 Дежан М. 60, 66, 84
 Дельбос 194
 Ден-Шмидт, фон 172
 Дерер 279
 Джуvara М. 203
 Джуvara Р. 265, 291
 Диану Н. 299, 300, 306
 Диас Хосе 225
 Диминческу 299
 Дирксен Г., фон 16, 48, 336
 Добреску Д. 193
 Довгалевский В. С. 19, 30, 39, 41, 43,
 45, 64, 65, 82, 83, 85, 97, 139
 Додд У. 211
 Дракс П. 338, 341, 344
 Дука И. Г. 100—103, 155, 156, 196
 Думенк Ж. 338, 341, 343, 344
 Думерг Г. 108
 Думитреску П. 155
 Ефтич К. 85, 110
 Жданов А. А. 334
 Жигурту И. 251

Жилин П. А. 9
 Залесский А. 20, 27, 31, 34, —36
 Захария Г. 12, 195, 197, 198
 Зиллиакус К. 274
 Иден А. 65, 149, 150, 215, 344
 Ильин Н. 161, 162, 256—258
 Ильясевич 248
 Иненю Исмет 340
 Инкулец И. К. 130, 156, 160, 179, 191,
 192, 195, 199, 201, 234, 236, 237, 240,
 245, 247
 Ионеску 268
 Ионицеску Д. 251
 Иордан 260
 Истерман А. 155, 290, 292
 Йорга Н. 22, 26, 27, 30, 33, 115, 126,
 160, 186, 212,
 Кадере В. 41, 83, 100, 182
 Кадоган А. 305, 327
 Калимаки С. 131
 Калинеску А. 192, 198, 222, 230, 232,
 250, 253, 254, 267, 268, 318, 346, 347
 Калинин М. И. 61, 123, 273
 Кан А. С. 324
 Кантакузино-Граничару И. 155, 220
 Канья К. 95
 Кар Е. 10
 Карахан Л. М. 23, 62
 Кардые Раймон 55, 88
 Кароль II 56, 58, 102, 124, 128—156,
 168, 172, 173, 178, 182, 184, 185, 190,
 194, 199, 200, 202, 206, 212, 221,
 230, 237—241, 243, 249, 251, 262,
 263, 277, 278, 280, 289, 290, 318, 340,
 348
 Касиан Н. 44, 74
 Кауфман 251
 Кейтель 276
 Келлог 13, 18, 45, 63, 80
 Кеннеди Джозеф Патрик 305
 Кеннеди Джон Фицджеральд 305
 Кериллис Анри, де 332
 Кипер И. 102
 Кирилл, бывш. вел. кн. Российской
 империи 244
 Кирххольтес 56
 Клеес А. 10
 Клодиус К. 280
 Клушинская Д. 50
 Кобляков И. К. 344
 Кобылянский Т. 127, 256
 Кодряну К. 155, 220
 Козел-Поклевский 129, 244
 Козницкий С. 50
 Колвин И. 315
 Колкер Б. М. 269

- Комнен Н. см. Петреску-Комнен
 Константинеску А. 289
 Константинеску И. 165
 Константинеску-Яшь П. 131
 Копанский Я. М. 10, 21, 33, 73, 118, 132
 Кордт Т. 317, 336
 Корне Н. 10
 Косыгин А. Н. 358
 Кот Пьер 86
 Коутс В. П. 334
 Коутс З. К. 334
 Коциньш Ф. 323
 Коч Н. Д. 22
 Краль В. 12, 89, 96, 121, 232, 237, 239, 240, 263
 Крамон Хельмут, фон 184
 Крестинский Н. Н. 47, 70, 163, 164, 207, 257, 258
 Крецяну Ал. 10, 268, 300, 321
 Кристеску Е. 155
 Кристи Мирон 254, 263, 267, 268
 Криту 163, 203
 Крофта 233, 265, 269, 270
 Кругман Р. 262
 Круцеску 269, 270, 291
 Куза А. 55, 72, 101, 116, 117, 176, 234, 235, 263, 282
 Куколев П. 259
 Купер 36
 Купша И. 10
 Курциус 20
 Кутаков Л. Н. 12
 Кутюрье Вайян 16

 Лаваль П. 27, 31, 108, 147, 148, 151, 178, 187, 211
 Лазарев А. М. 5, 10, 12, 23, 75, 156, 191, 252, 276, 291, 350
 Лапедату А. 160
 Лебедев Н. И. 10, 160
 Лебрен А. 106, 108
 Левит И. Э. 11, 21, 29, 33, 73, 132, 279
 Леже А. 40, 41, 109, 215
 Ленин В. И. 3, 4, 133, 136, 359
 Ли В. Р. 10
 Ли Д. 305
 Липский Ю. 146, 231, 256,
 Литвинов М. М. 16, 20, 21, 24, 27, 29, 31, 34—36, 39, 41—45, 47, 49, 59—63, 66—68, 70, 72, 74, 75, 78, 81, 83, 84, 87, 88, 90, 92, 93, 95, 97—100, 102, 104, 109—113, 117, 118, 121, 127, 129, 135, 139, 141, 142, 144, 145, 148, 149, 154, 158, 159, 166, 168, 173, 174, 178, 183, 188, 189, 194, 197, 198, 199, 204, 206, 211, 215, 218, 230, 233, 236, 237, 240, 248, 253—255, 263, 266, 268, 272, 274—276, 284, 285, 295, 299, 300, 302—304, 306—308, 310, 313, 315, 316, 323, 324
 Ллойд Джордж Д. 311, 327, 334
 Лозовский С. А. 344
 Лукасевич 59, 67, 83, 102

 Маджеару В. 192, 232
 Мазаур Х. 10
 Майский И. М. 9, 68, 106, 117, 123, 206, 227, 272, 285, 286, 299, 302, 304—306, 312, 313, 321, 328, 331—333
 Макдональд Р. 50, 85
 Макелви У. 228
 Максимос 108
 Макшери Д. 10
 Малиновский 241
 Манну Ю. 43, 104, 105, 117, 156, 185, 276, 281
 Манойлеску М. 251
 Манолеску-Струнга 177, 179
 Марин 220, 221
 Маринеску 248
 Мария, королева Румынии 182, 244
 Марто 16
 Масарик Я. 106
 Матей Г. 12
 Мелега В. 165
 Метакс 222
 Микоян А. И. 260
 Михалаке И. 126, 156
 Мойсук В. 12
 Молотов В. М. 58, 62, 216, 318, 329, 330, 334, 335
 Мольтке Г. 139
 Монзи, де 86, 184
 Мосцицкий И. 237, 239, 240
 Моц И. 220, 221
 Мунтерс 294
 Муссолини Бенито 100, 103, 156, 200, 212, 213, 217, 218, 221, 227, 284, 327, 345

 Наджияр П. 293
 Надольный Р. 64, 139
 Негрин Х. 225
 Нейрат К. 16, 46, 47, 48, 49, 53, 54, 56, 57, 141, 145, 146, 177, 190, 191
 Некульче Н. 10
 Немир Л. 10
 Нири А. 12, 297, 299
 Ноэль Л. 317

 Овсяный И. Д. см. Остоя-Овсяный И. Д.
 Опря И. М. 12, 69, 86, 131, 190, 192, 194, 195, 200, 203
 Орляну М. 75
 д'Ормессон 181, 197
 Осима 346

Остоя-Овсяный И. Д. 9, 12, 17, 142
144, 218, 306, 337, 339, 341
Островский М. С. 35, 73, 122, 123—128,
157, 160, 163, 161, 168, 171, 173, 178,
179, 183, 189, 199, 203, 204, 230,
232—234, 237, 238, 240, 242, 243,
247, 248, 252, 258
От 62
Охэбяну Г. 276

Павел, принц-регент Югославии 173, 179
Палас 344
Папен Ф., фон 15, 16, 139
Пархон К. 132
Пайяр Ж. 42, 229, 274, 329, 330
Панкратова М. 344, 345
Патек С. 20, 27, 28
Паундс Н. И. Л. 10
Пейо Р. 10
Петерс И. А. 88, 121
Петреску-Комнен Н. 9, 53—55, 102,
190, 191, 234, 264, 266, 268, 269, 270,
274, 275, 277, 279, 291
Петровский А. М. 94
Петэн Ф. 108
Пилсудский Ю. 33, 36, 50, 140, 146
Покровский С. В. 12
Политис 66, 68
Поль-Бонкур Ж. 71, 86, 97, 137, 138,
139, 140
Поляков В. Г. 9
Попеску С. 192
Попиштяну К. 12
Попов В. И. 9, 312
Потемкин В. П. 94, 151, 153, 215, 242,
293, 308, 321
Почхаммер 158, 171, 172, 177
Презан 5, 180
Прицкер Д. 225
Прост Г. 118
Пушкин А. С. 243, 301
Пюо 155

Радулеску С. 123, 128, 130, 160, 178,
200
Рачинский 68, 286, 315
Рейно П. 285
Ренсимен 272
Риббентроп 201, 255, 256, 265, 266,
285, 286, 288, 310, 312, 336, 343
Риттер 57, 58
Розенберг А. 53
Розенберг М. И. 42, 43, 93, 100, 102,
108, 109, 140, 153
Роллер М. 12
Ролэн 228
Рузвельт Ф. Д. 49, 61, 62, 90
Русенеску Е. 12, 23, 117, 159, 160, 161,
165

Рыдз-Смиглы 239
Рюштю-бей 68, 69

Савулеску Т. 132
Саймон Дж. 50, 85, 142—144, 148, 211,
334
Самсанович 156, 244
Санхурхо 219
Сарджент О. 297
Сафта С. 12
Сахия А. 131, 132
Свидерский А. И. 32
Сельтер 332
Сетон-Уотсон Х. 10
Сидс У. 286, 302, 303, 306, 313, 315,
329, 330, 333, 334, 340
Сикитиу 248
Сиполс В. Я. 9, 26, 27, 28, 52, 60, 143,
180, 200, 272, 294, 310, 315, 316, 323,
326, 329, 331, 344, 345
Сиратори 346
Скина И. 5
Скуениек 28
Славеску 298
Соло Уго 200, 221
Сталин И. В. 90, 150, 225, 273, 355
Станку З. 131
Стахович 241
Стелеску 196
Стефанов Борис 249
Стимсон Г. 62
Стомоняков Б. С. 23, 24, 25, 28, 31,
33, 59, 69, 143
Стоядинович М. 222, 265
Стрэнг У. 333, 343
Стурдза М. 10, 23—26, 28, 29, 182
Стэнли О. 326
Суриц Я. З. 301, 304, 305, 317, 329

Табун Ж. 85
Тардые А. 30 31 85, 108
Татареску Г. 73, 101, 113, 114, 115,
118, 125, 126, 156, 157, 160, 171, 177,
179, 181, 182, 185, 186, 191, 192, 194—
197, 199, 200—202, 204—206, 221—
223, 230, 231, 233—237, 241—245, 248,
254, 257, 263, 264, 291, 339, 340
Татареску Ш. 55, 56
Ташка Г. 73
Твардовский, фон 16, 47
Тейман М. 194
Тиля В. 291, 297—299, 303, 318, 321
Тирич 233
Титулеску Н. 8, 35, 39, 41—44, 53—57,
64, 65, 68—70, 72—75, 78, 83, 85—
89, 92, 96, 98—100, 102, 104, 105,
108—114, 117, 118, 122, 123, 124, 126,
128, 130, 131, 153—155, 157—159, 166,
168, 170—192, 194—206, 238, 246, 248

Титяну Е. 130, 167
Тольятти П. 137, 208
Трухановский В. Г. 9
Туцу Д. 45, 195, 197, 198,
Тьерри А. 243, 263, 269

Уайли 294

Уиллер-Беннет Дж. 214, 284
Урдаряну 254, 263
Уэллес С. 351

Фабри Ф. 10

Фабрициус В. 200, 221, 245, 246, 262,
268, 277, 278, 292, 318, 321, 322, 347,
348

Фашиотти 4

Филити Г. 10
Фланден П. 147, 194, 216
Флондор 278
Флореску Р. 10
Фомин В. Т. 9
Фотино 230

Франасович Р. 195, 203

Франко 218, 219, 220—223, 228
Франсуа-Понсэ А. 235, 266
Фридрих Виктор фон Гогенцоллерн-
Сигмаринген, принц 184
Фураев В. К. 9

Хаджиниколов В. 120

Хадсон Р. 286, 306
Хаксель 70
Харнер С. 356
Хетцлер 336
Хеш Л. 142, 144
Хилльгрубер А. 10, 155, 200, 201, 264,
265, 275, 289, 290
Хинчук Л. М. 16, 36, 46, 47
Хиранума 346
Хлаповский А. 37, 38
Хорти 279

Чаки 295

Чапинский К. 146

Чаушеску Н. 357, 362

Чемберлен Н. 85, 227, 228, 268, 276,
277, 279, 284, 285, 286, 296, 302—305,
312, 313, 315, 316, 319, 320, 325—327,
329, 331, 334—337, 341
Чернэтеску Раду 131
Черчилль У. 327, 330, 334
Чесяну К. 21
Четфильд 326
Чиано 271
Чиунту 123, 236, 248
Чиоранеску Г. 10
Чунке 190

Шастенэ 216

Шахт Я. 179
Швендеман 218
Шверник Н. М. 16
Шеба Ян 126, 171, 183
Шейкару П. 200
Шембек Я. 231, 287, 317
Шетцель 42
Шикеданц 202
Шлейхер 15, 16
Шмитке 279
Шнурре 327
Шпеер 275
Штейн Б. Е. 60, 69, 99
Штерн И. 16
Шуленбург, фон 157, 200, 272

Энеску Д. 132

Эррио Э. 37—40, 42, 43, 45, 85, 108, 140
Эррко 332
Эттли К. 327

Юнгерт-Арноти М. 94, 95

Юниан Г. 75
Юренев К. К. 242

Яжджевский А. 317

Язькова А. А. 10
Ян Цзе 344

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА I	
СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В СВЯЗИ С ЗАКЛЮЧЕНИЕМ ПАКТОВ О НЕНАПАДЕНИИ И ЛОНДОНСКИХ КОНВЕНЦИЙ ОБ ОПРЕДЕЛЕНИИ АГРЕССОРА (1932—1933 гг.)	13
1. Пакты о ненападении и их значение для безопасности в Восточной Европе. Советско-румынские переговоры о заключении договора о ненападении	18
2. Лондонские конвенции об определении агрессора и советско-румын- ские отношения	46
ГЛАВА II	
НОРМАЛИЗАЦИЯ ОТНОШЕНИЙ СССР С РУМЫНИЕЙ И ДРУГИМИ СТРАНАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (1934 г.)	79
1. СССР на страже мира и европейской безопасности. Рост междуна- родного авторитета Страны Советов	79
2. Установление дипломатических отношений СССР с Румынией и дру- гими странами Центральной и Юго-Восточной Европы	94
ГЛАВА III	
БОРЬБА СССР ЗА КОЛЛЕКТИВНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ И СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ О ПАКТЕ ВЗАИМОПОМОЩИ (1934—1936 гг.)	135
1. Переговоры о Восточном пакте и позиция румынских правящих кругов	135
2. Советско-румынские деловые и культурные связи — важная предпо- сылка укрепления политических взаимоотношений двух стран в борь- бе за мир и безопасность	159
3. Переговоры между СССР и Румынией о заключении пакта взаимо- помощи	170
4. Срыв советско-румынских переговоров о пакте	183

ГЛАВА IV

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРИОД АНШЛЮСА АВСТРИИ, ЧЕХОСЛОВАЦКОГО КРИЗИСА И МЮНХЕНСКОГО СГОВОРА	209

1. Переход фашистских государств к открытой экспансии. СССР в аван- гарде политической и дипломатической борьбы против германской и итальянской агрессии	209
2. Позиция Румынии и других стран Центральной и Юго-Восточной Европы в период испанских событий	216
3. Укрепление Румынией политических связей с буржуазной Польшей и гитлеровской Германией и советско-румынские отношения	229
4. Советско-румынские торговые и экономические отношения	256
5. Чехословацкий кризис, мюнхенский сговор и советско-румынские от- ношения	261

ГЛАВА V

ПОЗИЦИЯ РУМЫНИИ В СВЯЗИ С СОВЕТСКО- АНГЛО-ФРАНЦУЗСКИМИ ПЕРЕГОВОРАМИ 1939 г.	284

1. Советские предложения о коллективных мерах борьбы с фашист- ской агрессией	284
2. Политические и военные переговоры СССР, Англии и Франции в 1939 году и позиция Румынии	314

ЗАКЛЮЧЕНИЕ	351

БИБЛИОГРАФИЯ	364

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ	376

Алексей Алексеевич Шевяков

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ
И ПРОБЛЕМА ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
1932—1939 гг.

Утверждено к печати

Институтом истории СССР АН СССР

Редактор издательства *Г. И. Рыкова*

Художник *Ю. В. Самсонов*

Художественный редактор *Ю. П. Трапакос*

Технический редактор *Е. Н. Евтянова*

Корректоры *Ф. А. Дебабов, Б. И. Рывин*

Сдано в набор 11/X-1976 г.

Подписано к печати 30/III-1977 г.

Формат 60×90^{1/16} Бумага типографская № 1

Усл. печ. л. 24 Уч.-изд. л. 26,6

Тираж 2400 Т-02694 Тип. зак. 1269

Цена 2 р. 82 к.

Издательство «Наука»

103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., д. 21

2-я типография Издательства «Наука»,

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

СОВЕТСКО-РУМЫНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ПРОБЛЕМА
ЕВРОПЕЙСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ 1932-1939

А.А.ШЕВЯКОВ